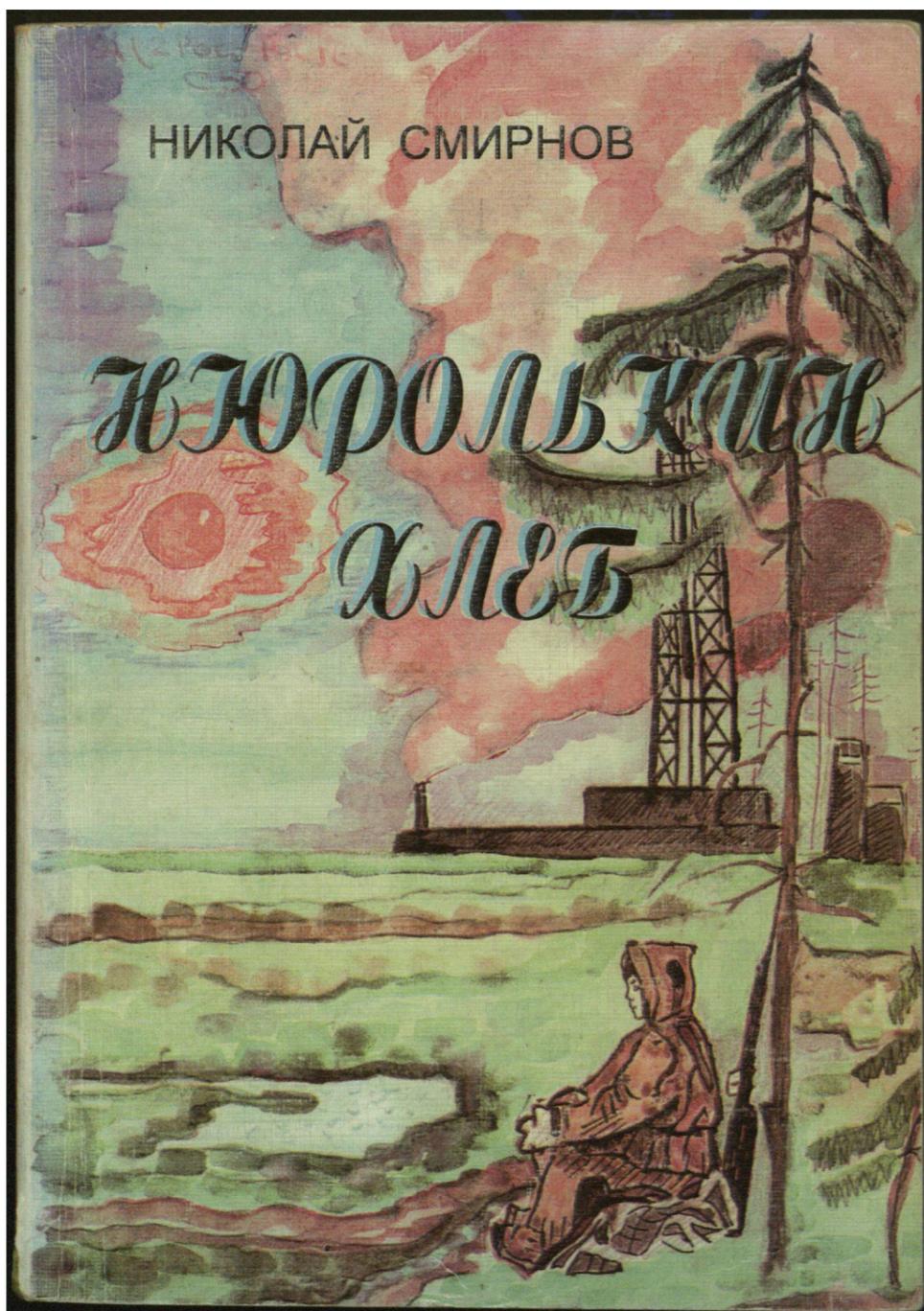

НИКОЛАЙ СМИРНОВ

ЖУРОЛЬКИ
ХЛЕБ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

13152	3005	2016
5.01-1764		18.11-68718
28/10-084		
21/11-34686		
2004		
7/01-11680		
20052		
6/01-4672		
2011		
30.08-50000		

84(2 Рос-Рзс)6
с50

Николай Смирнов

Смирнов Н.Н. Нюролькин хлеб. Сказы, легенды, повести. - М.: Приобье, 1996. - 128 с. - (Библиотека "Приобье").

НЮРОЛЬКИН ХЛЕБ

Сказы, легенды, повести

Дорогие читатели! Перед вами оригинальная и интересная книга Николая Смирнова. По личному знакомству при Союзе писателей России Виктор Просвира, член Союза писателей России, г. Москва.

Нижневартовское
МУ "БМС"
инв. № 71609/30-5-КО

1996 год
Издательство "Приобье"
Нижневартовского района

029

Ш/К 31125

Смирнов Н.П. Нюролькин хлеб. Сказы, легенды, повести
Николай Смирнов; рисунок на обложке Е. Смирновой
Нижевартоск, Издательство "Приобье"
Под редакцией автора

Впервые в художественной литературе отражена многовековая история малой северной народности - ваховских ханты. Автор собрал и представил в различных жанрах уникальный этнографический и фактический материал по территории Нижневартосского района, представляющий интерес для широкого читателя, имеющий всероссийское значение.

02-3-08/0017

Нижевартоск

ПОЛУЧИЛАСЬ ИНТЕРЕСНАЯ КНИГА

Николай Смирнов. "Нюролькин хлеб".

В этой книге автор предстает перед нами отличным знатоком духовной и мирской жизни народностей Севера, и не только Севера, славя в сравнительно коротких произведениях миф и реальность, мечту и подчас грубую действительность. Нравственные выводы его произведений внешне просты, даже несколько назидательны, но очень органичны для избранных автором жанров: истинное счастье - в бескорыстной любви, способности к самопожертвованию ("Ценой жизни"), для доброго человека и потеря оборачивается приобретением ("Искал Альвали пырики"); подвиг хлебопашца выше богатырских подвигов ("Нюролькин хлеб"); истинный герой тот, кто служит людям, пренебрегая личными благами ("Звезда Анныга").

В остальных произведениях в той или иной форме варьируется главная проблема коренных жителей Севера: появление в тайге "чужих" (добытчиков нефти), которые наносят невосполнимый вред всему, что здесь до сих пор было. Самому обитанию Человека, его духовности.

"А составы к нефтяному Самотлору спешат, спешат, и невдомек им, что рассекли чью-то жизнь напополам, и, не срашив, отбросили прочь" ("Хозяйка понизовья").

Думаю, что получилась оригинальная и интересная книга.

Искренне желаю Николаю Смирнову успеха.

По поручению литконсультации при Союзе писателей

России **Эдуард Просецкий, член Союза писателей
России, г. Москва**

Ханты не вымрут!

Отзыв на рукопись Н.Смирнова, члена Союза писателей России, "Нюролькин хлеб". Сказы, легенды, повести.

Главная ценность рукописи состоит в том, что впервые в нашей литературе о северных аборигенах рассказывается про ваховских хантов - о прошлом этого лесного народа мы еще знаем самую малость, судьба их трудна. Из всех северных народностей Ханты-Мансийского округа они были наиболее отсталыми, по своему географическому расположению, месту проживания ваховские ханты оказались вдали от более цивилизованных районов округа. Сюда позже пришли русская культура, письменность и литература. Отдаленность от магистральных путей и другие причины сказались...

А затем на них свалилась другая беда - они оказались в центре нефтяных кладовых, богатства которых принесли им больше горя, чем добра. Автор на примере своих героев показывает, что этот народ, тем не менее, достоин жить на этой земле. Он умен, трудолюбив.

Никита из рассказа "Два Никиты" любознателен, честен; Матрена из "Хозяйки понизовья" предана своей земле; плоть от плоти ее Демьян из сказа "Узнать про Голландию". Ханты - дети природы. Она - их мать, кормилица, счастье. А наступающая цивилизация вероломно рушит судьбы этих людей. Она подрубила их под корень, сселила племена с обетованных мест, забрала детей в интернаты.

Красной нитью через все повествование проходит мысль: кто хочет обойти стороной законы бытия, миновать нормальный процесс развития жизни на Земле - тот будет сокрушен сам. По декрету, по дурному закону рыбака не превратить в нефтяника, охотника в монтера и слесаря.

Автор говорит: "Тайга, юрта, нарты, олень, ружье - это их цивилизация, это их жизнь".

Доходчиво, ярко Н.Смирнов показывает, как лишают аборигенов среды их обитания, что недра не бездонны, тайга не бесконечна. Прочтешь строки повествований и крепко задумаешься: зачем мы это зло сотворили, зачем покусались на жизнь этого самобытного народа с высокой культурой и уникальной приспособленностью к нелегким северным условиям.

Но проникаешься верой и надеждой в будущее этого народа, когда познакомишься с героем Теклей. Это новый человек аборигенов: умный, образованный, храбрый новый Вавля. Значит, будут у хантов и олени, и ружья, и обласы. Прочтав последние строки, веришь - жизнь не остановить, ханты не вымрут.

*Президент Нижневартовской
районной ассоциации
"Спасение Югры"
А.П.Кауртаев*

Начиналось это в Ларьяке

Лет десять-двенадцать назад поехал я в бывший райцентр Ларьяк, что на северо-востоке от Нижневартовска, в верховьях притока Оби Ваха. Намеревался собрать там в глубинке материал о ликвидаторе неграмотности Марии Петухиной, погибшей в тридцатые годы от рук шаманов Праспных.

Встречался со старожилками, лично знавшими "Машу-учительницу", побывал в хантыйских становьях, редких заимках, одиночных чумах. Материала собрал более, чем достаточно. Повесть написал, но остались истории и отдельные эпизоды, не вошедшие в "Уроки ликбеза", но представляющие интерес для широкого читателя. - о быте, нравах той поры и давней давности. Кое-что почерпнул из научных трудов, газетных публикаций.

Сперва по горячим следам составил небольшую книжку "Звезда Анныга", с интересом встреченную земляками. И это побудило работу продолжить. Снова побывал в Ларьяке и селении лесных ненцев на Агане, порасспросил знакомых ханты и манси в городе, кое-что домыслил, сопрягая старину с современностью, соотнес выводы с нынешней реальностью, объединил темой единства людей, их духовной связки-сцепки.

Не миновал русских первопоселенцев, тундровых ненцев, сплел воедино фольклор, природу, боли и радости, и самое величие жизни.

При этом не воображал себя вещателем-аборигеном, оставался сугубо русским человеком, которому дорога и чужая культура. Малые народности Севера служили скорее побудителем для выражения собственных ассоциаций и преломлений. Отталкиваясь от них, создавал свое, только основанное на северном. Даже имена давал необычные, каких, быть может, на самом деле не знали. Додумывал ситуации, сочетал быль со сказкой или наоборот. Не полная точность, а трансформация самобытных ситуаций из жизни лесных жителей.

По прочтении рукописи местный этнограф, выпускник историко-архивного института Отиха, эрудит - именно это и заметил, даже наименовал такой подход мудреным словом - то ли сюрреализмом, то ли постмодернизмом. Или еще каким. Я о таком даже не слышал. Старался донести дыхание иных миров и времен, иной бытности, какие были и еще есть. В сути своей это уже история. Ее надо успеть спасти, запечатлеть.

Ханты и манси, ненцы и селькупы - редкость, украшение лица Земли. Цивилизация их ассимилирует. О них еще очень мало

знаем, непочатый кладезь мудрости, близких к природе откровений. Узнавши, поспешил восполнить пробел, помня наставления ныне покойного писателя Геннадия Созонова и здравствующей сказительницы Анны Коньковой. Твердили о том же самом: успеть! Запечатленное в слове - уже документ. По-своему, вечность.

Предки всех народов это тоже понимали, отображали как могли происходящее.

Буду рад, если "Нюролькин хлеб" донесет то, что горячило, волновало, просилось на бумагу неканонизированно, горячо, трепетно. С желанием донести величие малых народностей и больших народов, отдельных представителей их, возвысить высокое, обогатить богатое, простить ошибки и заблуждения.

Воздать всем по заслугам, никого и ничего не замалчивая. Спеть в конечном счете свою, быть может, самую обязательную песню.

Справился ли с задачей, судить Вам и времени.

Вам и оставляю литературное подаренье - во славу всех добрых людских деяний, предков и современников, мудрости их и корневой незаемности, во славу матушки России, в которой Сибири еще предстоит сказать особое веское Слово.

Лукъи. Онъ больше
всего на свете
любилъ и въ
дѣлѣ своемъ
быть правымъ
и въ словѣ
своемъ
честнымъ.
Онъ не любилъ
лгать и не любилъ
обманывать.
Онъ не любилъ
лести и не любилъ
похвалы.
Онъ не любилъ
сплетенъ и не любилъ
ссоръ.
Онъ не любилъ
злобы и не любилъ
ненависти.
Онъ не любилъ
жестокости и не любилъ
жестокости.
Онъ не любилъ
жестокости и не любилъ
жестокости.

ПОД СЕВЕРНЫМ НЕБОМ

Лукъи. Онъ больше
всего на свете
любилъ и въ
дѣлѣ своемъ
быть правымъ
и въ словѣ
своемъ
честнымъ.
Онъ не любилъ
лгать и не любилъ
обманывать.
Онъ не любилъ
лести и не любилъ
похвалы.
Онъ не любилъ
сплетенъ и не любилъ
ссоръ.
Онъ не любилъ
злобы и не любилъ
ненависти.
Онъ не любилъ
жестокости и не любилъ
жестокости.
Онъ не любилъ
жестокости и не любилъ
жестокости.

✓ Звезда Анныга.

Народное поверье гласит, что у верховного бога Торума был не в меру строптивый сын по имени Анныг. Все, что советовал отец, он делал наоборот. Отец скажет "сядь", он встанет, Торум повелит "спи", он неугомонный бодрствует. Трудно было старику управиться с непослушным отроком, и в конце концов он махнул рукой: пусть живет как хочет. Облаков вокруг достаточно, скачи по ним, укрепляй ноги, укрепляй руки стрельбой из лука да считай звезды - все равно не пересчитаешь. Звезды покорные, как оленухи-важенки. Следуют своим чередом скромно опуская глаза при виде резвого статного юноши, подрагивают жиденькими ресницами, и тогда людям на земле кажется, что они мерцают.

В небе жила еще красавица Сунк, женщина-солнце с длинными волосами. Когда Сунк расчесывала их, волосы-лучи сияли, на земле разгорался день. Повзрослевший Анныг не отводил от Сунк пламенного взора, всячески старался привлечь ее внимание. Только напрасно. У небесной женщины иные заботы: согреть и облакать Старуху-Землю, чтоб всем обитающим на ней было хорошо. Спешила она заглянуть во все укромные, пробежаться по озерам и притокам-пасолам. Занятость избавляла красавицу от скуки в межзвездном одиночестве. Анныг сердился, кричал, что красота ее пропадает зря, рано-поздно Сунк одряхлеет, угаснет, не родив потомства.

Смеялась на это женщина-солнце, весело махала золоченым гребнем:

- Милый юноша, моя красота вечна, на миллионы лет, а вы с родителем Торумом избудетесь вместе с памятью землян, ибо вы - их выдумка, всего лишь выдумка, плод фантазии.

Страшно огорчился Анныг, ударил лыжным посохом по облаку, сломал его, кинул прочь другой посох и с неопишуемой быстротой помчался вниз. Сдержанное скольжение было нечем и он, миновав запретную черту, быстро приближался к царству мертвых, откуда не возвращаются.

Увидел отец неминуемую беду, пустился вслед за строптивцем. Ворота в подземелье широкие, но лишь впорхнет усталая душа, тотчас захлопываются. Сомкнулись и на этот раз. Не могло божественное происхождение Анныга.

В подземелье царя Кынь-Лунгу все время пасмурно, тускло. Солнцем служит там мужчина, переодетый женщиной. У него короткие редкие волосы, проку от которых мало. Зовут мужчину

Луной. Он больше спит, чем работает. Из рыб в царстве Кыня водится лишь карась. Мало там оленей и почти не бывает снега. Леса хилые, от сырости быстро гнивают, распространяя зловоние. Люди бесплотны, как тени. Все они - слуги царя Кынь-Лунгу, рогатого и злого. Он дает покойным немного пищи, за провинности сильно кусается и тычет рогами.

У ворот подземелья возникли дремучие дебри, расплеснулись реки. Ничто не напоминало о потустороннем мире. Канул Анныг как в бездну.

- О горе! Горе мне! - воскликнул старик, в отчаянии обронил неизменную трубку, она, кувыряясь, рассыпая пепел и искры-молнии, упала на землю. Упав, стала черным камнем метеоритом. - Бедный мальчик, единственное мое утешение! Зачем я без тебя, кому нужен? Заносчивая Сунк обманула тебя, назвавшись женщиной. Она горячка, всего лишь огонь! Сгубила юношу. - Рыдал старик, и слезы градом катились из глаз, становясь бесчисленными крупинками, образовавшими Млечный Путь - тропу к черте, за которой владения ненасытного Кыня. Торум с надеждой ждал, что развернется пренеподня и появится сын, молодой и ладный.

Напрасно ждал, Анныг не появился. Все так же пошумливал лес-хвойник, струились воды. Невозмутимые, с ружьями и неводами пробирались ханты, дымили их чумы, возле чумов носились раскосые ребятишки в малицах. Жизнь живых! Ничто в ней не напоминало о сыне.

Долго скорбел старик, так долго, что перестал заниматься делами людей. Этим воспользовались шаманы, стали выдавать себя за его посредников на земле, обрекая народ на нищету и бесправие.

Торум равнодушно взирал на это с небес, подслеповато щурил глаза в белесых ресничках и журил Сунк за то, что лишила наследника, навсегда осиротила. Сунк смеялась беззаботно, расчесывала длинные волосы золоченым гребнем с узорной насечкой и посылала свет на землю. Сунк говорила:

- Я женщина-Звезда. Я даю тепло и жизнь Старухе-Земле и ее обитателям. Сунк не может принадлежать одному божьему отроку. Пойми это, старик, и смирись. В мире еще много такого, что неподвластно твоему разумению.

Старик пристально смотрел на созданную им когда-то Землю, на людей, животных, их хлопоты и думал о том, что звезда Солнце, пожалуй, права. Главное то, что есть согретое ею движение - жизнь в среднем мире. Если Сунк займется любовью с

Анныгом, погибнет Земля со всеми обитателями, навсегда погрузится во мрак, ведь другие звезды освещаются ею же. И замены ей нет. Это важнее потери сына.

Сам Торум начнет зябнуть, окончательно ослепнет во мраке. Будет искать тропу к сыну - Млечный Путь и не найдет никогда ее, потеряет, как трубку, ставшую камнем-метеоритом.

Он начал переговоры с рогатым Кынем, посылал берестяные грамоты, обещая стада оленей, других людей взамен. Но царь мертвых отнекивался. Зачем ему много всего, если оно само, без усилий рано-поздно попадает под землю. В достатке у него людей и животных, всяческих насекомых. Не меньше, чем на Старухе-Земле, в которой он угнездился под глухими толщами. Жертвы его погибают от дряхлости, голода и болезней, а сын верховного правителя, его давнего противника - редкая добыча. Не упустит ее.

Между тем Анныг, бросив ненужные теперь лыжи, где шел, где плыл в обласке постоянно встречая тени покойных. Не подверженный тлению, он оставался тем же бравым, свежим, как в небе, ибо с ним была его плоть, а души умерших бродили сами по себе, отделившись от тела.

Анныг тотчас возненавидел клыкастого Кыня, решив раз и навсегда расправиться с ним. Но к царю его не пустили. Перед ним на острове посреди озера взметнулись крепкие бревенчатые стены с острыми зубцами, сторожевые псы ощерили пасти с выступающими клыками, стражники с копытами вместо ступней нацелили пальмы-древки с широкими пластинчатыми ножами на концах. С такими ханты в старину отправлялись на медведя.

Сын бога, все еще любивший Сунк, скорбевший о людях-тенях, что без плоти и крови маются в сырости, ящерицей проскользнул в щель ограды. За ней возвышался терем из кедровых кругляков, откуда доносились странные тягучие звуки "у-ува-а-а... у-ва-а-а-а...", словно стоголосый хор тянул одну и ту же мелодию без слов. Анныг припик к окну и увидел посреди избы возвышение - трон из толстых тесаных плах. На троне восседал сам Кынь в человеческом облици, крупный, заволосатевший, с рогами во лбу. У ног властелина растянулись серые волки-охранники. Кынь обедал, отправляя в рот куски вареной сохатины, обжаренные в кедровом масле, карасей, проглатывал пучки душистых лесных трав, одним духом опорожнял туеса воды. Так был увлечен пиршеством, что не заметил в окне Анныга.

Вокруг Кыня теснились слуги - тени умерших, они подавали яства, утирали лицо и руки потеющего властелина. Хор за спиной

улаждал его слух монотонной тягучей полупесней "у-у-ва-а-а... у-у-ва-а-а...". Слов мертвые не помнили и друг с другом объяснялись жестами, мимикой.

Не дожидаясь конца, трапезы Анныг резко распахнул дверь, метнулся к трону повелителя:

- Трепещи, ненасытный. Я, посланец неба, пришел известить тебя и твои порядки. Пусть всегда будут жизнь на земле и красавица Сунк в небе, которую люблю больше всего.

Сумрачно и снисходительно посмотрел на юношу Кынь. Он знал то, чего по молодости еще не знал Анныг: он бессмертен, вечен. Смерть остановить нельзя. Веками приращивает свои богатства Кынь и нет конца дани. В свою очередь царь теней не ведал того, что и жизнь бессмертна, и Анныг олицетворял именно ее - Жизнь. Он начал биться с Кынем. Долго бились они, зиму и лето, и еще зиму, пуская в ход пожи и кулаки, боролись на поясах. Чья возьмет? Затаилось, притихло подземелье. Но ничья не взяла. Только устали оба, устали и разошлись в разные стороны. Анныг выстроил себе дом на другой стороне острова, стал рыбачить, мастерить парты, обласки, надеясь со временем найти лазейку в верхний мир. Запоры у Кыня надежные, потолок высокий, не дотянешься. А Анныгу очень хотелось увидеть свою правную Сунк, добиться ее любви.

Сильно тосковал он по ней, даже больше, чем по отцу. И еще поэтому хотел перехитрить злодея, выбраться из подземелья, но дорога туда односторонняя. Половодьем, обгоняя друг друга, низвергались тени шаманов, царских слуг, рыбаков и охотников, тени хантов и русских, селькупов и ненцев, татар. Никто не миновал тайных ворот наверху. А на земле шла большая война за справедливость. От крови покраснели воды подземного царства, и хлопки выстрелов доносились сюда, на остров, где соседствовали Кынь и Анныг, Смерть и Жизнь.

"Смертей может быть меньше, - упорствовал Анныг. - Без войны и междоусобиц, в теплых просторных чумах, при сытой вкусной пище, чистом родниковом питье и любви к ближним, ко всем живым, какне есть и еще будут, продлятся многие жизни".

"Божий отрок, - усмехнулся надменный Кынь, - люди убивают друг друга не по моему хотению, я беру готовое. Дряхлеют не по моей воле, я беру готовое. Без смертей не будет Жизни, живое должно пародиться и умирать. Это неизбежно".

Было в словах царя такое, что заставило Анныга задуматься. В самом деле из-за беспорядков наверху теряется много жизней. Кынь лишь добросовестный собиратель паствы, принимает

осиротевшие души и обязывает служить себе. "Как продлить жизнь людей?" - вот над чем ломал голову божий сын на острове посреди озера.

А Кынь тем временем занимался привычным ему делом. Расселял тени умерших там, где ему угодно, объезжал владения и следил строго за порядком, иногда сам становился тенью, и его невозможно было отличить от прочих призраков.

Своим ремеслом Кынь владел безупречно.

Зная, что Анныг неподвластен ему, подбросил безобидную на вид колдовскую травку. Понюхал ее юноша и вмг растекся черной горючей жидкостью. Кынь только этого и ждал, он упрягал Анныга в земную твердь, как полагал, навсегда.

Между тем горючую жидкость уже искали люди. Коварный многосведущий Кынь нагромоздил вокруг божьего отрока завалы. Надежно охраняли подступы к ним все те же злые серые волки и личные слуги царя из числа умерших. Но тщетно: люди построили высоченную вышку над тем местом, где томился пленный Кынем юноша и пробурили доселе недоступные толщи.

Анныг вдруг ощутил сильный толчок, столь неожиданный и резкий, что вначале не ощутил боли. Лишь толчок. Тут же рванулся вверх и увидел красавицу Сунк, отца на облаке, радостно машущих руками, приплясывающих людей возле скважины.

Поддаваясь общему ликованию Анныг что есть силы возгласил:

- Су-унк! Я тоже теперь буду согревать многих на Земле. Я достоин твоей любви.

Кынь в припадке бешенства сломал свой терем, отладил заново и опять разрушил. Колотил палками безропотных слуг, травил их бессловесных волками за упущенного божьего отрока. От бессилия перед Жизнью сатанел царь мертвых.

Воспрянувший отец крикнул Анныгу:

- Я возьму тебя обратно на небеса, мальчик, резвиться среди подружек звезд, миловаться с Сунк, развлекать меня игрой на берестяном рожке.

- Нет, - возразил юноша, - не хочу на небеса, останусь здесь Огнем и Движением. Так повелела любовь к Жизни, к людям.

И с этим Торум согласился. Он лишь сморгнул непрошенную слезу, пощипал озадаченно редкую седенькую бородку и не то в осуждение, не то в похвалу отчего-то погрозив красавице Сунк, положил под щеку сухую блеклую ладошку и погрузился в сон. Он был спокоен: сын заменит его в мирских делах.

Не вина Анныга, что впоследствии извратят его добрые

намерения, нанесут вред Земле-Старухе, всему ее богоносному лику. Но об этом еще напомним.

Посох-символ

В далекую бытность поссорились в племени ваховских ханты старейшина Катангли и молодой строптивый охотник Рендо. Охотник храбрый и бесхитростный был, но для малого племени его безоглядность часто оборачивалась не на пользу. Более сильные соседи отнимали оленей, умыкали красивых женщин, предательски убивали мужчин. Досаждали холода, неурожай грибов и шишек, ягод, неподвластные богам и шаманам болезни.

Племя хирело.

По совету старейшины решили эти ханты откочевать с Ваха в сосняки и кедровники, где, по слухам, вдоволь ягеля оленям, пушного зверя, рыбы. Круглый год на всех хватит щедрот тайги. Но путь в верховья реки Ягун - через Дом создателя вселенной Нуми-Торума. После большой созидательной работы он облюбовал территорию болот, сырых дремучих лесов, постоянно в уединении коротает там время, строго наказывая переступивших границы его пристанища. Таких уводит в сторону от цели, кружит в урмане до полного изнеможения.

Знавший об этом мудрый Катангли предложил кружной путь. Отвернуть к Угрюмой протоке-пасолу, от нее сдать в сторону Океана, чтоб солнце светило на востоке в щеку. От места гнездовий лебедей рукой подать до реки Ягун. Дальше - зато верней. Но Рендо заартачился, закричал, что старейшина слаб умом и немошен телом, боится за себя, вот и придумывает страхи, которых в действительности нет. Пойдут смело, без отворотов, иначе детям, калекам, старикам не снести тягот. Не для них долгая кочевка.

Племя вняло именно Рендо, понадеялось на авось. Авось мишует их божий гнев, слишком велик был соблазн попасть скорее в край всеобщего довольства, сытости, мира. Презрительно отпихнув старейшину, нетерпеливый горячий Рендо повел племя напрямком в запретное царство Нуми. Создатель вселенной слышал насмешки Рендо над Катангли, все видел и сильно рассердился. Очень он не любил самоуверенных людей.

Как паутиной, обволок ваховцев туманом, застил им зрение, опечатав слух. Мало того, в сырости лишил их обоняния и осязания, убавил чувств. Белыми птицами туман взмывал вверх, с высоты падал вниз, метелил возле, подобно снегу.

Обессиленные ваховцы валились кто куда и кто где, поднимались, снова пытались выбраться из болота. Но Дом не отпус-

кал, не отпускал Нуми.

И смирилось племя, решило навсегда остаться в урмане. Знать, такова божья воля, бесполезно перечить. Долго совещалось, какое наказание вынести Рендо, но так и не договорилось: кто-то жалел строптивца, кто-то порицал. Разделились мнения. Тогда спросили самого мудрого Катагли, на что тот молча погладил свой старейшинский посох, поразмышлял, понурившись, словно прощаясь с ним и всем белым светом.

Посох у хантов символ рода, семьи или даже отдельного человека. На нем отмечают зарубками памятные события: свадьбы, рождения, смерти, удачные охоты, победы над врагами. При случае посох служит хореем каюру, одинокому страннику в тайге служит защитой от зверя либо злодея, просто поводырем в ночи. Дается такой посох-символ не всякому, его надо заслужить.

И вот Катагли к неожиданности большинства протянул жезл этого малого племени Рендо.

- Много, очень много лун и солнц, зим и весен сохранял я вас, люди с Ваха. Больше, однако, не могу сохранять, не могу быть вожаком, раз не уберег от худого. Передаю знак старшинства молодому. Завел в урман, пусть он и выведет обратно, сохраняет лучше, чем сохранял я. Очень скоро поймешь, горделивец: говорить легко - правильно делать трудно. Прими бремя ответственности.

Рендо тесно обступили люди племени, готовые поразить копьями за содеянное, бросить живым в костер, если откажется принять повеление старейшины. Ярость проснулась в отчаявшихся несчастливцах. Рендо понял это, взял посох из рук Катагли, стал с этого момента вожаком. Его слово теперь закон для остальных.

А старейшина продолжал:

- Для меня посох всегда был Верой в лучшее, разумное, исправно служил людям. Упреждал от поспешных решений. Он обкатан ладонями многих поколений ваховцев, как камень-голыш, на нем почти нет зарубок, стерлись, но всякое событие остается Памятью. Посох этот - не простой. Способен даже вывести за порог Дома создателя, на реку Ягун, одного человека, а вернуть в Дом несколько ягунцев. Воспользуйтесь! Для продолжения здорового потомства вводите из стойбища за рекой женихов и невест. Без них, свежей крови, захиреет племя, как река без притоков, дерево без корней. Прощайте!

С этими словами усилием воли остановил сердце, покачнулось и рухнул наземь бездыханным. Не стало старейшины.

Его погребли под лиственницей-памятником вечности, где суше. Лиственница и в сырости не гниет, с нею не избудется имя мудрого Катагли.

Погребли его соплеменники и начали жить, как завещал, постоянно обновляли потомство - вводили благодаря волшебству посоха из стойбища за рекой парней и девушек. От них рождались здоровые крепкие дети. Иного способа выжить просто не было.

Об этом знали в округе, жалели страдальцев болота и прощали им такие поступки. На лицах у ваховцев вместо улыбок всегда печаль, от постоянной сырости желтые зубы. Болотные люди настолько легкие, что по воде ходят, как посуху, не оставляют следов на снегу.

Несладко им в царстве Нуми, но они терпеливо сносят божью кару.

Встреч с обитателями Дома создателя вселенной ягуницы избегали, не ступали за реку. Рискованно. Тотчас воспользуются переселенцы с Ваха, увлекут в чащу.

Запрет нарушили малолетки Айни и брат ее Кекиль Молдановы, на обласке переплыли Ягун и углубились в бор по ягоды. Их удаляющихся со взгорка в низину, где моховины, усыпанные клюквой, заметила бабушка Торнэ, пустилась следом через реку, часто гребя веслом. Как ни торопилась, опоздала. Дети на ягодниках услышали вдруг повелительно-строгое: "Идите за мной, повируйтесь во всем!"

Подняв головы от моховин, Айни с Кекилем увидели мужчину средних лет, бледного, бесстрастно-сумрачного, с желтыми зубами, в обычной хантыйской одежде и обуви, с гладким посохом в руке. Смекнули, кто это: из тех, что воруют людей для урмана. От неожиданности уронили туеса для ягод. Хотели позвать на помощь, но кто услышит их, покорно они последовали за чужаком с посохом.

Бабушка Торнэ по обропленным туесам, по вмятинам на мешаге догадалась обо всем, произнесла три обращения: к Нуми, который все видит и понимает, ни за что не обидит старую; к людям болота, что тоже большую доброту имеют и отдадут обратно детей; к реке, чтоб отлученных их переправила на обласах в стойбище.

После ее обращения разлился вокруг теплый свет. И пронесся протяжный звон. Белые птицы прошумели мимо, указав путь в урман. Не помнит Торнэ, долго ли, коротко ли рвала платье и чирки на ногах о коряги и сучья, сколько спотыкалась, царапала

кожу.

Постепенно свет исчез, звон в ушах рассеялся, а птицы, будто хлопья тумана, растаяли в лазури. Торнэ очутилась на поляне, где под открытым небом ломались от всяческой снеди столы. За столами - ханты, все одинаково с желтыми зубами, участливо-задумчивыми лицами. Хантами верховодила женщина в собольей островерхой шапке с перьями орла. Возле предводительницы робко жались Айна с Кекилем.

Торнэ низко поклонилась хозяйке племени.

- Зачем увела малых? Вам не надо таких, вам надо старше. Лучше возьмите меня, я многое умею.

- Ты слишком стара, Торнэ, чтобы освежать племя, - грустновато усмехнулась предводительница. - Отпустим ребятишек без выкупа. Это все потомок легкомысленного Рендо напутал, поленился сходить за реку с посохом, взял первых попавшихся. Как сам предок Рендо, скор на действия, короток на мысли. О, глупость, глупость! А брать детей Нуми не велит. Взрослых надо брать, молодых. Отведайте нашей еды и отправляйтесь восвояси. Он проводит, - указала перстом на незадачливого потомка Рендо.

Бабушка послушно отведала предложенных им кушаний, отпила сладковатой мутной жидкости, прощаясь, поблагодарила за угощение. Мужчина с посохом уже ждал. Все такой же бесстрастный, сосредоточенный, не оглядываясь, шел, как скользил. Едва поспевали за ним. Опять Торнэ не помнила, сколько цеплялась за коряги и сучья, в кровь сбивала ноги, пока не открылся простор реки. Обласков у берега не оказалось, то ли плохо закрепили и их унесло течением, то ли Нуми так распорядился, не внял просьбе бабушки.

- Как попадем в стойбище? - спросила Торнэ провожатого. - Без обласов не попадем.

- Возьмите посох и отправляйтесь, - протянув гладкую, как нарочно отполированную, палку, бесстрастный проводник исчез, словно не было его. Торнэ и дети с посохом отправились по воде, будто по доскам, будто посуху, - таково было волшебство старейшинского подаренья. На другой стороне реки бабушка прислонила посох к засохшей иве, произнесла несколько благодарений и вдруг ива затрепетала, вздрогнула, оделась зелеными листьями. Над нею разлилась голубизна с искринками, пронесся звон, как на моховинах, белые стремительные птицы замаячили в вышине. Посох же, подобно проводнику, исчез. Они остались одни у воспрянувшей ивы.

В стойбище их, считавшихся сгинувшими, встретили с поче-

том, как именинников. Ни о чем не спрашивая, уложили в постель: после гостеваний у божьих людей требовалось "поболеть" - очиститься. Три дня и три ночи полагалось молчать. И вообще полагалось молчать о случившемся.

Правда, дети проговорились невзначай, что бабушка, рискуя навсегда остаться с ваховцами, проникла в урман и упросила повелительницу в собольей шапке отпустить их. Повелительница и отпустила.

Торнэ обрела еще большее уважение в стойбище. Выздоровев, несколько раз приносила дары к воспрянувшей иве, просила Создателя простить малое племя Ваха, сполна искупившее вину строптивого Рендо. Дары возле ивы исчезли, значит, Нуми услышал и, может, сменит гнев на милость.

- Шибко долго сердится. Нельзя так, - рассуждала Торнэ. Смягчиться надо Создателю.

Жизнь в стойбище текла мирно, размеренно-привычно. О случае за рекой стали забывать. Внимание привлекли новые северяне с невиданным доселе каркасно-трубчатым сооружением. Его переправили на моховины, откуда Рендо увел малолеток и откуда Торнэ пустилась в погоню. Расчистив плешь в лесу, пришельцы собрали буровую вышку, настроили и круглые сутки сверлили Землю-Старуху, помогаясь горючей жидкости-нефти.

Подобного святотатства не могли представить себе ягунцы. Как это так, тревожить Нуми в его Доме? Хозяинничать? Озадачились беспределом. Вышки разбрелись по всей Югории, оставляя за собой глубокие рваные и копаные раны в Земле-Старухе, пепелища, вырубки, железо, передвигались с места на место.

Уму непостижимо такое.

В действиях пришельцев холодная неумолимость, напор. Даже песни у них особые, наступательные, как военные кличи. Тревогой и болью сжались сердца ягунцев. Воззвали они к депутатам, но их опередил железный начальник - юромка по-хантыйски - из города на очень широкой главной реке севера Ась-Ях, все существо которого заключалось из понятий: "Добыть больше! Нефть любой ценой!". И обязывал он так действовать подчиненных. На самом деле железный юромка был роботом, ловко сконструированным под человека в кресле. О подделке знали лишь те, кому это было выгодно, кто и посадил бездушного юромку в начальственное кресло.

Не имеющий души и ума робот-начальник потребовал от депутатов подписать разрешающую бумагу. Упавал на то, что нефть за границей меняют на обувь, тряпки, колбасу, шоколад

"Сниккере" и кой-какие лекарства. Накормят и оденут народ.

Поддались уговорам депутаты. Уж было узаконили святотатство в Доме Создателя, но, оправившийся от растерянности, Нуми-Торум наслал большую воду. Она потеснила из убежищ мышей и крыс. Те устремились к городу на главной реке, в каменной многооконной юрте железного юромки изгрызли разрешающую депутатскую бумагу.

Упрямый железный робот однако загодя наштамповал множество копий, пока четвероногие грызли одни листы, носил на подпись депутатам другие. Так развернулся неубывающий поединок Бога с бездушным роботом.

Ягунцы в свою очередь послали депутатам свои челобитные с требованием оставить в неприкосновенности святую территорию. Зачем самовластье? Что, не обойтись без болота? В болоте тоже люди.

Среди депутатов нашлись выдвиженцы из числа югорцев. Они приняли Закрепление, ставшее законом, не только в пользу ягунцев и болотных обитателей, для многих родов и семей. Без согласия аборигенов не могли "покорители края" вторгнуться в их пределы. Только с доброго слова и за денежный выкуп.

Трудней юромке победить встречную бумагу, чем крыс и мышей. Он так и сяк, чувств и мыслей не имея, двинул в урман за реку на свой собственный риск новые буровые. Но они утонули в трясины. Это Нуми наказал пришельцев с железом.

Ваховцам-пленникам он дал полную свободу. С посохом-символом они-таки достигли желанной страны Сосняков и Кедрачей, но там тоже высились буровые, ревели машины, пахло мазутом и гарью. Леса искорежены, вырублены, сожжены.

- О, горе! Горе! - схватились за головы страдальцы. - До чего дожили! Под видом горельника увозят ядреные деревья. Меняют, продают. А кедр взрослеет триста лет, ему цены вообще нет. Сосне нет. Ягельникам нет.

Погубители леса сами постепенно превратились в тех же бездушных роботов, с одной мыслью в одномерных головах: взять! Больше! Больше! Для себя!

И везде так.

Вернуться в Дом Создателя? Но там обидчики Нуми поставили все же буровые, новые полчища их готовят, сам Создатель вознесся на небеса, на самую дальнюю планету. В скорби великой взирал на поруганные пределы, всю Югорию, Старуху-Землю. Как быть? Куда спешать?

Посох-символ крутнулся в руке предводительницы, указал

путь в город на реке Ась-Ях. Явились болотные люди в тамошнюю думу, просят разобраться. А депутаты сами с собой не могут разобраться, все спорят, переругиваются. Наружу это "покорителям края": железным юромкам и подлинным человекам. Направо и налево, то и се разбазаривают: нефть и газ, лес и пушнину. Нет нигде заповедных уголков, негде укрыться от вторжения железных юромок.

Не шибко помогают и Закрепления, нашествуют "покорители" на фамильные родовые уголья.

Грустно-тягостно. Неравны силы.

Посох стучит, взывает к возмездно, требует истины, зовет в путь-дорогу. Послушались ваховцы, послушались ягунцы, жители иных пределов. В странствиях по Югории, в поисках обетованных мест поседали, занемогли от печали великой, от плохой еды и отравленной воды. Воду пьешь - она с мазутом, рыбу ешь - воняет керосином. Воздух сожгли газовые факелы, почву исковыряли бульдозеры. Рыбы песчаные перестилища высосали земснаряды для всяких хозяйственных насыпей. Язвы в реках и озерах, язвы в Земле и Душах людских. Разрушения, разрушения...

Чем больше разбазаривают богатства, тем хуже коренным жителям, всей стране. Не является желанное благоденствие.

У ягунцев на берегу сохранилось несколько избышек и чумов, потеснились они, стали жить сообща с болотными людьми. В надежде на лучшее - жить.

В городе на реке Ась-Ях робот, злясь на то, что мешают ему извести под корень Дом Создателя, не привыкший к бумажным препонам, замыслил выкрасть и уничтожить посох справедливости, взывающий к действию.

Но как можно уничтожить коллективную память! Живучесть древних! Сколь не пытались прежде держать под замком, она вырвалась и гуляет по белу свету. Бездушный юромка все же похитил посох, изломал, искрошил и выкинул останки, рассеял по ветру. Символ справедливости обратился родником. Люди пью чистую свежую воду, вспоминают былое, единятся - на Оби и Агаце, Меге и Вахе, пасолах и озерах-эторах. Беда сблизила и подружила многих, обязала вернуть утраченное.

Будем же прислушны им, малым-великим в Югре, Земле-Старухе, лесам и водам, вере в Нуми-Торума и других богов, повенчаемся и во братстве подружмся.

Не врагами станем Югре - верными данниками и хранителями. Отныне и вовеки.

Наказ Торума

Брань на ворота не виснет, но и пользы не приносит. У ней, как у лжи, разрушительные свойства.

Случилась беда непоправимая в почтенном шаманском роду Ламбовых, издавна знатных в культовом ремесле: угадывали судьбы людские, мастерски лечили занедуживших народными средствами, мастерски камлали, оберегали места культовых поклонений, внушали уважение к предкам, ко всем живым и мертвым, охотились и рыбачили.

Один из рода Ламбовых - Очип на несчастье женился на бранчливой соплеменнице Танае, такой вздорно-болтливой, что рот у нее не закрывался, слова вылетали пулями, нехорошие, грубые. Бестолковые.

Очип пробовал учить Тану кулаками, но только больше разозлил этим. Она сама бросалась в драку, сожгла в костре деревянных фамильных идолов. Подобного святотатства не знали еще на Вахе, Пиме и Агане; не ведали на Оби и возле Березово, чтоб сжигали охранителей от тьмы и холода, зверья, худородья, трудных кочевий в тайге, пустых неводоов и атарм; не ведали того, чтоб жены напропалую бранили своих мужей-добытчиков. Во всей Югории жены всегда почитали мужей, мужем и детьми только и жили.

Тана наособицу, поступала как ей заблагорассудится.

Пустословила с вдовой нелюдимою Субхой в щелеватом ее жилище, прежде служившем помещением для оленей - коралем; не хотела миловаться с Очипом, норовила миловаться с чужими, весьма охотно спала с ними, тем более, что по лесному обычаю такое в давности для освежения потомства даже поощрялось. В свою очередь "дававший жену на ночь гостю" сам при случае спал с женой гостя.

Очип в отличие от соплеменников не спал с другими женщинами, не пользовался и расположением Таны. Ей все быстро надоедало. Она ругала родственников, людей соседнего и дальнего племени, начальников юромов и простых таежников. Одиночно ругала и в голос с Субхой. Субха вскоре умерла, непрожеванным куском вареной сохатины с косточкой подавилась, а иные утверждали, что пьяная захлебнулась в собственной блевотине. Плохо кончила нелюдимая. С Таной после нее больше никто не водился.

Так минул год, второй, третий... Нет счастья Очипу, все ему в черном свете оборачивается. Тана по-прежнему костерит,

ничего не признает и никого. Даже когда родился у нее мальчик, девала малыша неизвестно куда. И вот однажды накануне посвящения Очипа в шаманы, на закате солнца явилась ему лесная Женщина, вся в красном, как в пламени, и говорит:

- Скоро станешь посредником между богами и людьми, средним и верхним миром. Но боги очень недовольны тобой из-за Таны. У шамана должна быть беспорочная жена, всем в пример. Обрати Тану в ящерицу, пусть поедает комаров и мошек, безмолствует злоязыкая. Так повелел Торум.

Ослушаться главного бога нельзя, его наказ - закон для всех, тем более для служителей культа. Обязан Очип превратить жену в ящерицу, когда станет шаманом. Время пришло. Отец состарился, плохо видит и слышит; ему виденье было, что скоро умрет, тайный голос сказал: "Надо посвятить сына".

Сели рано утром в обласок и пасолом - в озеро, из озера - дальше проточной извилистой речкой в нешироких топких берегах. В обласке у них жертвенная овечка, вино, цветные ткани, нарезанные полосками. Так это полагалось исстари, таков обычай. Его полагалось блюсти.

Очип, не знавший всех подробностей обряда, робел от мысли, что будет главным лицом действия, от тишины и безлюдья вокруг робел. С сего дня принимает культовое старшинство в роду, обретает право сообщаться с богами, иметь большую власть над соплеменниками.

Пристали они к мыску, где смешанный лес - всякий: не частый, но и не редкий. Лес как лес, ничем не особенный. С воды и суши закрывает. Принялись двое вязать полоски ткани на ветки. Отец, воздевая руки к небу, изредка ударяя в бубен колотушкой, сообщил Торуму, что ему пора на покой к Кынь-Лунгу в подземное царство, что сын будет достойным преемником, справится не хуже его.

Пел он песни, произносил заклинания. Очип вторил ему. Молился. Впервые все время вслед за отцом переступил порог моленной избушки. Увидел там казаны с монетами и пустые, увидел на полках родных хантыйских идолов, на стенах по соседству - русские от времени потемневшие иконы. Стол увидел, скамейки.

Отец опять произнес обращение к Торуму, а Очип ответно молился, пока отец не подал знак: "Старик принял мою отставку, ты - шаман! Это полагается отметить!". Зарезали овцу, освежевали, сварили в казане мясо. Одновременно с этим жгли в священном сосуде пихтовые ветки и можжевелника, и, когда дым их

смешался с паром от мяса, принялись есть, пить вино. Просветленно-торжественные, степенные, в расшитых бисером рубахах, с обнаженными головами. В перерывах камлали, воздавая хвалу небесам и своему роду, всей жизни на Земле-Старухе. Отец, устав, сморился и уснул возле костра или сделал вид, что уснул, зная о наказе "самого" через ту же лесную Женщину в красном. Очип тем временем, одевшись в шаманский наряд, натянув рога-тую маску, в стенах молельной избушки, наедине, произнес заклинание, чтоб его Тана навсегда сделалась безмолвной. Ящерицей.

Вернувшись с отцом домой, действительно нашел в чуме вместо бранливой Таны зеленую ящерицу. Зловеще зыркнула она круглыми пуговичными глазками на Очипа-шамана, словно бы усмехнулась многозначительно недобро: мол, аукнется тебе, бедолага, подсеку ловко беспромашно, как подсекают в прыжке мух и комаров липким раздвоенным на конце, как у змеи, язычком.

Прочитал во взгляде ее Очип нешуточное, леденящее кровь, и хотел изловить, растереть в слизь и пустить растертое по ветру, но тут как раз шаман с Агана Табык появился водой. Ящерица нахально скользнула к нему в облас - узкую долбленную лодку из цельного ствола, - укусила за палец. От неожиданности и боли Табык дернулся неловко, перевернул облас и по горло очутился в воде. Решил, что это молодой шаман подстроил умышленно, и сильно обиделся.

- С гостями так не поступают, - крикнул пророчески-мстительно. - За такое исчезнете все Ламбовы, иссохните, исчервиете. Сама стоянка - место рода - задурнеет крапивой и багульником.

Погрозил кривым волосатым пальцем с длинным острым ногтем и, не слушая сбивчивых объяснений, уплыл вниз по Ваху к себе на Аган-реку. Табык много опытней и ближе к богам, сильнее его заклинания. Жди беды. Вдвойне осердятся боги на Очипа. Неужели выведется весь род? Род-то при чем, если он, Очип, совершил ошибку? Ошибся в Тане, ее показной привлекательности, обманной оказалась ее красота.

В Тану, должно быть, вселился лешак Пырнэ, колобродит в ней и уводит от вразумлений за содеянное. С лешаком спорить трудно, лицедей из лицедеев, Торум и тот отступился от него, махнул рукой на проделки.

Приуныл Очип: зло не ведает отдыха, постоянно охватывает щупальцами, сосет здоровые соки жизни, чтобы переварить их

в трупный яд. Чует недоброе молодой шаман. И впрямь: сорвался с обрыва и утонул в Вахе подслеповатый отец, не сыскали его, остался непогребенным. Душа лил навечно останется неприкаянной, бесприютной. Не отнесешь отцу на могилу поминальные дары, не будет в могиле души, не будет в рубленом надмогильном домике с оконцами для помещения даров.

Потом медведь-шатуи заломал племянника. Похоронил Очип его и еще многих с годами родственников. Чтоб не потерять еще самых близких: детей - не женился вторично, холостяковал. Тана-ящерица все время сопутствовала, как заклятие, куда он, туда и заколдованная им ругательница. Даже во сне являлась дерзкая.

- Сгинь! - вскидывается он, прося защиты у богов, и слышит в ответ неумолимое: "Рано-поздно Зло победит Добро, ослепит разум и в неуголимой ярости и безрассудстве заставит на смерть биться друг с другом народы. Я - Зло. Бойся меня, Очип, страшитесь все ваховцы! Грядут жертвы, много жертв. Война черного и красного коней начинается, победит вначале красный, но охромеет враз на все четыре ноги от ран и изурительной скачки, истечет кровью, издохнет от гонки вшикуда".

У Очипа сразу мысль о единственном брате:

- Бегн, - велит, - в тайгу. Спасайся там от мобилизации.

Брат так и сделал, чтоб не попасть на фронт с немцем, спрятался в охотничьем зимовье, но его по следу сыскали с собаками милиционеры и отправили все же в пламень и свист. По дороге воинский эшелон разбомбили, погиб младший брат Очипа от прямого попадания фугаски, посеял в душе шамана очередную неизбывную седину. Остался Очип один на всем белом свете, как перст, худой, сердитый, подозрительный. Все поровил поймать и умертвить ящерицу, она ему по-прежнему не дается, как вообще не дается Зло Добру. Добро лишь расположится благолепно, открыто да самоцветно, Зло тут как тут в тенечке или на солнечном припеке, и подожжет, и затонит, замутит, опустошит. Очип этот - Странствие, его Тана - Зло, навечно спаяны, в чем-то дополняя друг друга, олицетворяют в общем-то полноту брениной Жизни, в коей как известно плюсы и минусы, жар и холод, свет и тьма, огню вода - антагонист, воде - засуха.

Все сплетено, слито, соседствует неразъято. В чем-то и где-то обязательно смыкается.

Историю про Тана-ящерицу и несчастного Очипа слышал многократно в разных повторениях. Почти быль, в которую вплел элементы сказки. Каков финал? По народной молве, взяло все же верх Зло. Когда шаман спал в чуме, ящерица юркнула ему в

рот, свернувшись клубочком, перекрыла дыхание и он, последний из рода Ламбовых, преставился. Надолго задурнело бурьяном место стоянки, покосились, обветшали, пришли в полную негодность чумы, лабазы, хозяйственные и жилые избышки. Среди этого запустения нахалисто шныряла Тана-ящерица, грелась на припеке солнца, кормилась гнусом, резвилась довольная содеянным. Дремала, сколько ей хочется.

Однажды лесная Женщина взглядом приковала ящерицу к горелому пню. Не шелохнется та, от обуявшего страха исходит трепетом и нутряной дрожью. Зеленая будто жаром занялась. Присела Женщина на обомшелую валежину, вытянув ноги в цветастых прочных чулках и кисах с узорной оторочкой, с подшитыми для носкости войлоком подошвами, - совсем по-мирски одета, обута, - тяжелым пристальным взором проткнула насквозь, сожгла ящерицу. Опала та, свернулась чешуйчатой шкуркой-шелухой. Лишь горящие ненавистью глаза остались живые.

- Я твой заповеданный на роду суд, Тана, - изрекает Женщина в красном, плотнее запахиваясь в одежды, будто зябнет, стягивает ту же на голове алый же платок. - Оставлю тебе лишь глаза, чтобы видели неблагополучие мира, в который вносишь разлад, сеешь смуту. Мир никогда не будет благополучным, навсегда останутся в нем беды, останутся Добро и Зло. Добро - велико, Зло - ничемно. Мучайся долго, Тана, своей обязанностью, более болью за содеянное тобою и прочими носителями Зла, неси в себе бремя своих и чужих грехов. Вмещаю боль в глаза-чувствилца, в каждую жилку, нерв, в кровинку, слезу. И Зло плачет. Зло негодует. Зло наказуемо, уязвимо, как и Добро. Добра больше, чем Зла. Помни это, все помните злые! Ни памяти о тебе светлой, ни уважения, ни расположительного слова. Знала, на что решалась. Мучайся дурномыслием, рассыпайся в прах иссохшей шкуркой-чешуей, никто не пожалеет, не восплачет. Сама никого не жалела, не спасала потому что. Только вредила.

Исчезла Женщина внезапно, как появилась, а в тайге с тех пор блуждают глаза зеленой ящерицы, страдают за все плохое в Югории и вне ее. Что бы ни случилось, по привычке все валят на Тану, и сами день ото дня становятся злей, не в силах устроить разумный порядок жизни. К добру надо готовиться заранее, зло приходит само, является незванно. Давно это известно. И является, пускает стрелы в Добро. Извечное у них борение.

Кто в конце концов одолеет, покажет время, решит Жизнь. Ей-то и доверимся.

Последняя радуга

"Жизнь лучше смерти, даже очень плохая жизнь лучше хорошей смерти, - издревле гласит таежная мудрость. - Жизнь бывает всякая, а смерть всегда с одним лицом - холодным и пустым". Наверное, так думал и Итылька, в далекие ермаковы времена промышлявший на Бодливой протоке. Почему Бодливой? Там лоси-сохатые любили сшибаться в брачных поединках, грозно-предупредительно рыть копытами землю и реветь трубно, вызывая на бой противника или оповещая о своем мужском желании самку.

Род Лянговых издавна обитал в сосняках, издавна соображал себе на жизнь в лесах у Бодливой протоки, и промышлял в давние ермаковы времена Итылька-охотник из рода Лянговых. Любил он песни и сказки, землю и небо, травы, их запахи. Особенно любил обвальные летние грозы, когда бьют, колотят, щекочут дожди. Дразнят, одним словом, буйствуют. А, может, и не буйствуют вовсе, просто резвятся на просторе.

Вместе с грозами любил Итылька-охотник радуги, с рождения наделенный художническим даром, пытался переложить их в цвете на одежду и обувь, воплотить в картины. Краски Итылька-охотник делал сам из коры молодой ивы, береговой просушенной и размельченной глины, осенних ягод вереска. Мягкие теплые получались краски.

Картины из них на бересте, как живые получались, выразительные. И солнце как настоящее, и звезды, лес, все, все... Но выразительнее всего радуги... Соплеменники, глядя на них, даже пугались, и называли Итылька сыном бога, овладевшим магией линий и узоров, - почти что шаман теперь. Знает и может больше других лянговцев, достоин однако почитания.

Со временем Итылька вовсе оставил промысел рыбы и зверя, полностью отдался художеству, рисовал и рисовал. Захотел он в конце концов написать радугу ярче подлинной, небесной, прекрасней и объемней. Все совершенствовал умение, добавлял новые тона, но всякий раз оставался недоволен сотворением.

К нему приходили учиться люди из других стойбищ, вместе готовили краски и сообща с мастером живописали на бересте.

Они же принесли однажды тревожное известие о пришельцах с палками, изрыгающими огонь и металл-смерть на расстоянии, с железными топорами секирами на длинных ручках и с тяжелыми колотушками в щипах. Споровисто пришельцы плавают в лодках, быстро передвигаются по земле, убивают всех под-

ряд. Спасенья от них нет. Неминуема погибель.

Люди эти - казаки сокрушили всепильных татар в Искере и движутся сюда в досчатых челнах под парусами. Атаман Богдан Брязга, подобно Ермаку Тимофеевичу, в железной шапке с шишаком на макушке, в непробиваемой кольчуге, латах, в железных-де рукавицах. Нет против него встречной силы, всех сокрушает.

И тогда собрал старейшина рода совет. Соседнее племя Молдановых, чтоб не жить под пришельцами с полуденной стороны, в железах, добровольно похоронило себя, предпочло на этот раз смерть неволе.

И решили похоронить себя тоже люди с Бодливой протоки.

Вырыли между двух лесных гряд обширную нишу, закрыли сверху плотно стволами деревьев, навалили сверху земли и всем составом в одночасье избылись под своды с имуществом и оленями, собаками, чтоб не осталось никаких трофеев врагу.

Итылька в это время трудился в лесном укреме над картиной, его свои не нашли, не упредили вовремя. Покинули обетованный мир без мастера. Скоро в тесноте подземелья начали задыхаться. Заплакали дети. Закашляли надрывно старики. Захоркали олени. Чуя погибель, завывали проголодно собаки. Запричитали женщины. Медлить далее невозможно, по команде старейшины мужчины рода подрубили опоры. Земляной навес толщей придавил всех, похоронил заживо.

Увлечшийся Итылька не видел и не слышал происходящего, оторвался от картины лишь когда на берег протоки высадились дружинники в боевой справе, иные без защит, просто в домотканых рубахах, полотняных портах, шлепанцах на босу ногу. С простыми работными лицами. Такие уже являлись из-за каменной гряды, с полуденной стороны, и звались русами, не хуже остяков и вогулов скрадывали зверя, приемисто ловили рыбу, благо рыбы в здешних водах неисчислимо. Отличались русы с полуденной стороны добрым нравом и глубиной, мудростью ума. Не оружием, иными средствами добывали уважение остяков, как в старину именовали хантов.

Эти иные. Воители.

Но все же подарил им свою последнюю картину с последней в его жизни радугой последний из рода Лянговых. Радуга на бересте такой красоты, что загляделись на нее казаки. Нежнейшие переливы сиренево-розоватого и голубого вторгались в суровое сталистое, белесое, палевое, аквамаринно-лазурное. Налагались тончайшими мазками, взбегали облагороженные множест-

венной гаммой по своду от протоки до самого зенита. Опоясывали окресты. Звенька к звеньке, тон к тону, будто расплескивали по линии избега дуговины, будто диковинные райские птицы прогуливались возле кусточков, парили невысоко и вольно на размеженных крыльях. Цветы разжимали бутоны, расправляли лепестки, приглашая пчел отведать сладчайшего нектара. Травы матерели в зное.

А от всей радуги сияние исходило тончайшее. Самому Богдану Брызге, правой руке Ермака, напомнила радуга его детство, земельный починок родителя, блестящий лемех плуга, карюю упористую лошадку. Не прижился на десятинке отрок, убрел в ночь с молодцами ушкуйниками и сгинул навсегда. Выбросило его сперва на Волгу, к разбойникам - потрошителям купеческих караванов, - любили купцы добираться водою по Волге; оттуда подался Богдан с ватажкой на Урал-камень к богачам Строгановым; а уж с Урала вместе с Ермаком Тимофеевичем снарядился в сибирскую Кучумию.

Не боялся умереть, хотел даже умереть, но смерть не брала Богдана, битвы ожесточили душу и сердце. Суровый замкнутый Брызга больше орудовал мечом и булавою, чем словами. А тут при виде незатейливой на первый взгляд картинки на бересте отеплил, расчувствовался.

Хотел наградить художника горстью серебра или именным огнестрельным оружием, но художник, тем временем поняв, что нет больше его рода Лянговых - один он в живых и не для кого рисовать картины, ударил себя из солидарности ножом в сердце и тонкая чувствительная душа его отлетела на небеса к верховному богу Торуму в услужение. С тех пор реет над землею маятная. Видно, нет истинному творцу покоя и в смерти. И в смерти мастер домогается совершенства.

Картину с радугой Богдан взял с собой, и, говорят, так сильно затосковал по отринутой отчине, что в конце концов отправился на Родину в дальний путь. Да не добрел, занемог в дороге и преставился от нутряного простудного жара. Картину ту сырый какой-то странник, похоронив Богдана, передал в скит послушникам. Она долгое время хранилась у старца Мефодия, почиталась святой иконой, знаменем чудотворным.

Однажды солнце просветом через бугорчатое оконное стекло сфокусировалось на бересте и подожгло ее, вместе с берестой сгорел ведь деревянный скит - до бревнышка. Уцелевшие в огне послушники рассеялись кто куда, разнесли молву о последней в жизни Итыльки работе, о самоубийстве целого рода по разным

краям. До самой стольнокаменной Москвы, града Киева и Новгорода. С моралью, что война это всегда плохо, всегда смерть и тлен, всегда утраты. Хороших войн не бывает. Мир всегда лучше войны.

Так оно и есть. Лучше скрадывать зверя и ловить рыбу, чем стрелять в людей. Лучше рисовать картины, чем грабить купеческие караваны, подобно Богдану Брязге и его сподвижникам, присваивать чужое, а умирать без покаяния на чужбине.

Лучше, лучше... Много говорено об этом, о преимуществе мира, а кровь льется и нет меры свисту пуль, нет междоусобицам и с ними людским страданиям.

Трубка мира

Давно это было. Так давно, что самые древние старики не помнят. А только слышали от дедов и прадедов, будто в давние времена в стольно-каменном Новгороде жил некогда юный гуслиар Синекрылко. Парнишка, можно сказать, невзрачный, а такой славный музыкант, диву дашься. Коснется перстами гуслей и гусли сами вызывают мелодию. Боготворившие Синекрылка горожане срубили ему миром терем, хотели женить на воеводской отроковице Олене, а он нет - не надо терема в Новгороде, за Камень-Пояс пойдет-де, в край дупельных людей хантов. Мало ему одного новгородского умения, хочет познать тамошнее лесное ремесло.

В ту пору гусли были первыми из первых инструментом на Руси. Дудочки и рожечники - хорошо, но гусли все же лучше. Ни с кем несравнимы. В них боль и страдания тоньше, радость и грусть отчетливее, восторг и удаль, смятение, широта - все налицо. Синекрылке сам Христос вложил в персты магическое чудо. И только ли в персты? При его игре маковки церковей сверкали ярче, сами собою распахивались окошки и двери теремов и людинство вываливало на улицы и площади. Лучники позабывали о луках и стрелах, стрельцы о пищалях, а конейщики о копьях, конники бросали наземь мечи и щиты оборонные, братались. Думные дьяки переставали думу думать, внимали музыке.

Наступало всеобщее заморенье.

Хлебосольно принимали заморских гостей и сами справляли торговые караваны за мехами и красной рыбой, за сказками.

Неизвестность манит больше, чем богатства. Сбежал Синекрылко из-под стражи, какой его оградили, ушел навсегда с отроковицей Оленой в момент, когда занялись стоном-плачем его гус-

ли и охрана забыла про узника. Был он таков с подругою. Дорожная пыль замела следы, ковыли укрыли их зелеными волнами. День идут беглецы, другой. Передохнут, освежатся росой и снова в путь. Солнце им светит, дубравы шумят, охлаждаются, как опахалом, денно-нощно щебечут-бодрят птахи. Подталкивает-погоняет в спины ветер, баюкает на привалах их сон. Лютей зверь и лих встречный мнут стороной.

Каменну гряду в три луны и три солнца, в три круга звезд одолели. На седьмом круге распахнулась впереди лесная равнина. По равнине к студеному морю утягивается величавая река, кое-где в урманах-болотинах, кое-где в звонносмолевых борах. Сели двое в сощепанную из досок чалдонку и понесло их течение. Синекрылко весело играет на гусях, воеводская дочь Олена ручкой милого-любого ласкает, приговаривает: Нету слаще поцелуя, нету горше измены. Катись волна, цвети весна. С лепестками и бутонами, с ароматами-запахами. Кому радость, кому тоска крученая.

Сплетае рукодельно слова. Река-плавина вбирала новые приростки, мужала, ширилась, казалось, на всю равнину. Леса стали гуще, насупливей. В них выступили холмы с боевыми засеками. Люди должны быть, а пусто у городков-крепостей. Притертую к отлогу чалдонку никто не встретил, не окликнул из-за оград. Словно вымерли холмы и распадки с засеками. Куда попали? К чему стремились? Неужто к пустоте? У Олены-красы навернулись на глаза слезы, сделав воеводскую дочь еще краше. В груди у нее перехватило дыхание от горести. Опустилась мила на валежину, прислонилась к сердечному другу и скатывает растерянно концы пояска. Поясок цветастый и сарафан с алыми разводьями на сине-атласном кричмя кричат, деля пополам хозяйкину печаль: убавляют ее.

Синекрылко вспомнил про гусли... От яровчатых струн стало ему жарко и ознобно. Желной восплакали самогуды, рассыпались соловьиным новгородским щелком... И колокола стольные потекли медвяно... Все вместе музыка-бывальщина. О чем она? Синекрылко весь отдался игре, не видит и не слышит ничего, по сторонам не оглядывается... А по сторонам люди, как из-под земли, из укромов возникают. В шкурах, с оружием в руках и за поясами. Безбородые и с длинной сединой, молодые и старики, женщины и малые дети.

В том лесу шла большая затяжная война. С юга хантов теснили татары, в свою очередь под их нажимом дупельные люди теснили на открытые моховины ненцев. Смятение в округе, страх

и подозрительность. И нет конца распре.

И тут Сinekрылко заиграл-стегнул легонько по душам рябиновой веткой - пролил смягчающий бальзам. Вмиг оттепдили восприимчивые, ожесточенные усобицами противники, захотели дружеского союза.

В ответ синекрылковым гусям рассветной зарей занялся хантыйский лебедь. Струны лебеда - олени жилы. Сплелись голоса инструментов победно, едино. Примешался в них сосняковый гул, плеск реки и раскаты грозы над засеками, где обагрятся кровью, со стонами проклятия увечья, не однажды бились защитники становий. Расчувствовавшись, выбрались из засад татары и пенцы, именуемые здесь лесными, протянули руки для пожатий.

Костры развели. У костров справили пир и пустили по кругу трубку мира, миновавшую лишь музыкантов. Музыканты они, как боги, - особенные. Все знают, понимают, все могут. И жены их богоданные. Кланялись слушателям и жены.

Олена на радостях пела:

Славны горы на земле,

Славы лес и океан...

Трубку мира трижды раскурили. Закончив пиршество, разминулись по своим отчим территориям. Пришельцев из Новгорода хозяева холмов с оборонными засеками поселили в лучшем чуме, своими назвали в роду Белого Оленя.

- Оставайтесь с нами навсегда. Без русских гуслей снова начнется война. Одной дупельной музыки для мира народов мало.

Остались Сinekрылко с Оленой учиться дупельной музыке и учить хантов своей.

В память о них новгородцы возвели церковь с маковками из сусального золота, на маковках архангел Михаил и девица Эсфирь крылопарящие, осененные благим крестом. Навстречу простирают длани дупельные люди с лицами, полными надежд и простодушия. Высверкивают рукотворные лучи солнца.

Упокоившихся Сinekрылко с Оленой ханты погребли рядом с воинами, старейшинами и другими знатными людьми рода. Поньше раскуривают на том холме символическую трубку мира, играют музыку, воздавая хвалу Новгороду и всей древней Югории, всему доброму людинству земли.

Во веки веков ему благословение, во веки веков упокоившимся в древней Югории русичам слава!

Учился Урусел доброте

Остались у Сinekрылка и Олены дочь Инфанта и сын Уру-

сел. Оба статные, лицами пригожие. Инфанта в одночасье занемогла и скоро преставилась, отлетела ее душа к звездам и там в небесах затерялась навсегда, а Урусел возмужал в молодца-матура. Всех побеждал он, хоть в гонках на оленях, хоть в метании тынзына или стрельбе из лука, в борьбе на поясах - все первый.

Его невзлюбил Таирка Самар. Он самый храбрый и сильный, любил Инфанту, заведомо проча себе в жены, но Инфанта внезапно умерла и князь обвинил в ее кончине брата. Такого не могло быть: Урусел не меньше Таирки боготворил сестру и сильно закручинился после поминок.

С князем спорить не схотел - зачем? - ушел в сторону града Искера, где, по слухам, отважные русичи одержали верх над татарами.

В лодке-долбленке плыл день, плыл другой, сильно работал веслами и, наконец, приплыл к граду Искеру с земляным валом-стенной. Приветливо встретили его ермаковы ребята, приняли без колебаний в свой круг, зауважали за силу и прямоту права. Урусел далеко метал копьё, легко "играл" булавою, уверенно бросал через себя соперников и отменно владел мечом, а стрелять не умел, не приходилось ему стрелять. Научили. Даже из пушки научили. Грамоте немного приспособили, чуть писарем и казначеем не сделали, видя его большое усердие и сообразительность. Урусел предпочел остаться воином.

В ту пору подручный Ермака атаман Брызга отправлялся вверх по Иртышу полонить местные народы, обложить их данью и стоворил с собою Урусела. Помощником своим сделал. Синекрылко покорил хантов музыкой, сын пожелал покорять оружием. Много он побил в пути лесного люда, и от этого еще больше ожесточился. Казалось ему, что мстит за Инфанту и мстью подогревает свою необузданную ярость, от которой даже выдавший виды Брызга отговаривал.

На рассвете подплыли они к городку в слиянии двух больших рек, на высоких живописных холмах, что с перерывами тянулись аж до самого Искера, то пропадая, то возникая вновь. Что-то вроде пунктирной гряды. Прибачили ратники струги к берегу и тихо начали выпрастываться. Самая сладкая россонь на рассвете. Стража не вмешает, у деревянных засек десятые сны досматривает. Но тивкнула собака, ей ответила другая. Воспрянула, насторожилась охрана. Видит: русы поднимаются по взгорью. Стража пустила им навстречу стрелы, горящую смолу.

Из дворца выскочил полуодетый князь Таирка, оторвавшийся от юной жены Хинты, скомандовал гортанно, призывно: к

бою! Повскакивали и воины, схватились за оружие, но куда им против пуль и мечей. Недолго бились. Немногие успели убежать или сдаться на милость победителей, полегли на родных холмах. Полег и Таирка в поединке с Уруселом, принял сокрушительный удар булавой и померк свет в очах князя.

В азарте боя хотел Урусел порешить всех его сподвижников, но в ноги ему пала тихая вдовица Хинта, обняла ноги богатыря-матура, и не поднялась булава на женскую покорность и смирение. Отмяк русич.

В это время пролетавшая мимо кедровка крикнула: "Бери свое счастье, Урусел. Упустишь - не вернешь". "О чем она? О каком счастье? - озадачился Урусел. - Не о Хинте ли? В самом деле хороша. А мне пора заводить семью, зачем коростеть одному, крушить и разрушать? Буду жить с нею".

Сел он правителем в городке вместо Таирки, но не было теперь уважения к нему народа. Плевались ханты вслед новому юромке-начальнику и его сподвижнику, кодскому князю Алачеву, который добровольно вызвался брать с них дань для московского царя.

Сильно огорчился Урусел. Отец не владел мечом, не владел пищалью, а одно его слово, один звук гуслей поднимали и собирали на мирхат - общий сход лесных людей. "Что же такое сделать, чтобы задобрить хантов?" - задумался Урусел. Построил православную церковь и окрестил в ней остяков. Но церковь ханты тоже не уважали, предпочитали поклоняться своим языческим богам тормам. Вырезали образы воображаемых духов из дерева, уносили в тайгу и там справляли поклонения, оставляя тормам богатые дары.

Заводилами у них были свои шаманы-прорицатели.

Пуще прежнего закручинился Урусел, решил посоветоваться с Хинтой-женой. Она ему молвит: "Ты хороший человек, но ты ожесточил ум и сердце, пролил много невинной крови. До тех пор не простят тебя, пока не отдашь самое дорогое - жену на сожжение или совсем не покинешь здешние места". "Жену не отдам и сам не покину здешних мест, - возразил упрямый Урусел, проявил характер. - Уйду - сочтут трусом. Отдам на сожжение тебя - истаю тоской. Сделаю другое - научу хантов ездить на лошадях, отвлекутся от мрачных мыслей и перестанут сердиться".

Попросил казаков доставить на плоту жеребца и кобылу. Их и привезли по большой воде. Урусел проехался, прогарцевал верхом на жеребце, кобылу запряг в телегу и привез дрова из

леса, бревна для постройки. Увидели ханты, другим рассказали про это:

- Ездит юромка Урусел на диковинных животных, быстро скачет, много возит деревьев. Животные с большими копытами, широкой пастью. Кричат сильно, как лоси во время гона. Но смиренные, не бодаются, не кусают. Руку не хуже оленя слушают. Лошадьми называет их юромка Урусел. У животных родился маленький дитенок, этого зовет жеребенком. Видно особый это человек Урусел, шаман. Надо его простить.

И простили отходчивые лесные люди русича. Решили купить тех коней Урусела. А он платы не взял, отдал даром. Пользуйтесь! Стали ханты возить на них всякую поклажу: чумы, обласки, домашнюю утварь, и стариков с малыми детьми в пору кочевий, там, где местность позволяла.

Урусел привез из Искера еще коров, научил хантов доить их и пить белую воду - молоко. Тоже понравилось хантам. Охотно приняли в подарок и коров, Урусела назвали своим вожаком.

Так он снова завоевал расположение кантага-ях. Учил хантов грамоте, учил писать про свои дела и думы московскому царю, которому исправно платили дань. И дань немалую.

Челобитные в столицу не помогали: дань продолжали брать. Мехаами, рыбой, оленьиной, сохатиной вяленой, кожами. Тогда Урусел предложил откочевать в самую глухую и недоступную тайгу. Кто хочет жить без ясака - свободным охотиться и рыбачить для себя, тот отправится с ним. Он знает такое укромное место, всезнающая кедровка сообщила. Птице можно верить.

Уйти ним вызвались многие.

С лошадьми и коровами, с оленями, всем наличным скарбом откочевали с холмов в вершину Ваха, притока нынешней Оби. Там и обосновались, дав начало целой народности - ваховским хантам. Зажили самостоятельно и до поры счастливо.

Чаша для наставницы

Анганки - такое почетное имя - бабушка - дается у хантов не только имеющим внуков, дается такое почетное звание просто уважаемым мастерицам. Дали его и Хинте.

Долгой и трудной была кочевка на Вах, пожилые анганки-бабушки заболели в пути и умерли, те, что моложе, не научились по-настоящему владеть иглой и ножом, костяным скребком для выделки шкур, крючком для плетения циновок из камыша. Хинта показала, как пользоваться ими. Первое задание: сшить

длинные непромокаемые сапоги табоки - раскроить шкуру на части и оленьей жилкой искусно соединить заготовку. Такие непромокаемые табоки незаменимы весной, в снеготалицу, пастухам и рыбакам, и охотникам в самую пору. Большая нужда в них.

Сшила Хинта пару и выразительно посмотрела на учениц.

- Поняли?

Они кивнули и повторили урок ангканки Хинты. Получилось.

Второй урок - малица. Третий - кисы.

- Без нас мужикам не обойтись, - наставляет жена Уруселавожака. - И то, и это надо успеть. Пищу приготовить, одежду и обувь сшить, согреть любовью в постели. Утешить душу - все умение надо. Женщина сильна добротой. Доброта и умение самое главное наше средство. Рядом идут. Урусел у меня вон какой был, людей убивал, а теперь и мушки-жуженицы не обидит. От чего думаете? Я ему это добротой внушила, услужливостью.

Ученицы справились и со вторым, и с третьим заданием, и со всеми остальными в последующие дни. Подкрепляют усердие умением. Не только в кройке и шитье, в выделке камуса, приготовлении пищи, уходе за детьми отличаются.

Стали они после всех уроков совещаться, что бы такое особенное сотворить в подарок ангканке-мастерице, чтобы удивить ваховских хантов, всю Югорию и ее запредельность. Помог случай. Урусел в то время с кодским князем Алачевым из городка покойного Таирки Самара ходил на озеро, в котором водилась целебная рыбица антуг. Хинта его одобрительно напутствовала:

- Не все время находиться в стойбище, без употребления соленый груздь и тот закисает.

Долго шли они в сторону заката солнца, его крутого поворота к срезу земли, где светило с небесного крутогорья скатывается уставшее за день и тонет в лесу, и пришли с соплеменниками к светлому-пресветлому озеру в каменной нише у подножия гор. Отколешь немного камня, посмотришь - он играет переливами радугами. В озеро вбегает бурливая, шумная речка, приносит с верховий верткую упругистую рыбицу антуг. Не видели прежде подобной блестящей в темных югорских водах. И столь густо рыбицы, что хоть шапкой черпай. Алачев обрадовался такому богатству, тотчас застолбил место - вытесал на деревьях родовой знак - тамгу: быстроногого оленя, сделал озеро вместе с рыбицей и речкой своей собственностью.

Такое тогда допускалось: кто первый успел - тот и владеет.

А Урусел тот пленился камнем. Отбил увесистую глыбу,

завалил на плечо и понес на Вах. Алачев же остался со спутникам у озера промышлять чудесную блестящую рыбицу. Он только посмеялся вслед Уруселу.

- Тащи камень-мертвяк, весь не перетаскаешь. Зачем таскаешь гору? Землю и горы сподручно таскать лишь богам. Людям рыбу надо таскать из воды, зверя ловить и стрелять в лесу и тундре, любить женщин в чуме, поднимать детей. Зачем тебе камень, вожак?

Урусел и сам не знает, зачем? Только чувствует необъяснимый интерес к камню. Умылся не однажды потом, не однажды проклял тяжесть на спине, но все же принес откол в стойбище. На него подивились ваховцы, как когда-то дивились лошадям и коровам, подобно Алачеву развели руками: зачем камень?

Ученицы Хинты отнеслись иначе, сообразили свое: сделают они из камня чашу для наставницы - в подарок ей, на удивление потомкам. Принялись точить чашу. Да не простую, с изображениями птиц и зверей, охотничьими и рыбацкими сценками. Всю жизнь стойбища воспроизвели - от рождения человека до его упокоя. С одной стороны тайга и в ней по талице-снеговице мелким утяжеленным скоком поспешает беременная полинявшая горностаиха, рядом река в половодье. По ней спускаются в облаке на понизовье Урусел с Хинтой... Еще праздник Медвежьей Головы... Лошади и коровы... Есть сохатый... Есть боги и шаманы, молнии в хмурых тучах, семья в чуме, ездочная упряжка оленья, лук со стрелами. Скрупулезно, ювелирно выведены даже крупички снега, вылетающие из-под копыт и полозьев.

Ничего подобного не встречали ханты, красоту такую, по их мнению, могли сотворить лишь горные люди, постоянно обитающие среди камней, поклоняющиеся тамошним духам. Руки у них способные к твердому.

Шаман племени Нойот объявил чашу священной и хотел снести на заповедное капище, но чумработницы подарили чашу Хинте в признательность за добрую науку, от которой счастливее стали многие. Приняла дар ангкангки и часто с благодарностью любовалась росписью на камне, а когда умерла, чашу поместили вместе с нею в могилу, и там она не гнила, не тлела, а сияла-теплелась возле останков хозяйки.

Много минуло времени, может целое столетие или больше. Другая жизнь утвердилась на земле и другие народились люди, совсем другие. Однажды ученые археологи раскопали могилу и нашли диковинную чашу. Как новая, только что изваянная. Ее снова назвали священной - чашей Юной Женщины. Почему-то

решили, что принадлежала она жене князя или шамана. И только далекий потомок Урусела и Хинты Кнот рассудил иначе:

- Мой народ, - авторитетно заявил он, больше всего ценил мастерство и такие дары в знак особого уважения вручал мастерам и мастерицам. Шаманам и князьям клали в усыпальницу золото и украшения, богатые одежды, воинам - оружие, а мастерам искусные изделия. Мастерство для лесных жителей превыше всего. Вот и этой анганки положили в гроб неповторимое рукотворенье.

- Такая чаша достойна всеобщего созерцания, - разумно решили ученые археологи. - Не уступит уральским малахитовым, - и поместили чашу в музей, чтобы все ведали о талантливости народа кантага-ях.

Кнот было воспротивился: не положено брать из могилы, грех, потому что вместе с чашей присутствует душа покойной, а душу тревожить нельзя. Его переубедили ученые: душе вольней наверху, под солнцем и звездами, с земной живностью, чем у подземного царя Кынь-Лунгу. И еще упрекнули в том, что сам он ничего не может, не умеет. Рассердился Кнот и за несколько дней сладил из мореной каменно-прочной стволыны обласок. Изящный, легкий, уемистый. На плаву ходкий. Как та рыбица из светлого горного озера.

Обласок тоже поместили в музей. Глядя на диковины, восторгаются посетители:

- Не иссякает первородное искусство хантов, передается в поколениях, как передаются земные соки от весны к лету. Ни в мир, ни в лихую годину, ни в довольстве, ни в море и гладе не переводится, живет вместе с народом и славит его. Настоящее умельчество вечное.

Искал Альвали нырики

Известно, что матур Альвали храбро сражался на Черном мысу у старой дуплистой осины с врагами. Многих побил в схватке, порушил на закате солнца, а которых и с миром отпустил. Обратившись к отцу с матерью отправился, очаг им разжечь, свежей рыбы в пасоле наловить.

Встречается ему на пути лешак Пырнэ, известный своими проделками-каверзами всему Ваху. Хитровато щурится лешак и говорит матуру:

- Ты, Альвали, сильнее сильного, мог бы небо спустить на землю?

- Зачем? - удивился Альвали.
- Чтоб доказать свою непобедимость.
- Я ее доказал. На Черном мысу лежат побитые враги.
- Не совсем доказал, если небо не можешь спустить на землю.

Ясное дело, поддразнивает. Альвали нервничать начал. А лешак не унимается:

- А мог бы все деревья в тайге пересчитать?
- Зачем? - опять удивился Альвали.
- Чтобы блеснуть памятью чисел.

Еще больше занервничал матур: не сможет пересчитать, не блеснет памятью.

А лешак опять хитровато подначивает:
- Это еще что. Сможешь ли нырики, которые потеряешь, найти?

- Почему это потеряю? - вышел из себя Альвали, вскипел и бросился вслед за лицедеем, камешком-голышом заскользившим по воде, никак его не ухватит матур. Заторопился он и действительно обронил с ног нырики - легкую летнюю обувь нир. Они у него без подвязок и голенищ были - одни головки из оленьей замши. Снялись и уплыли по течению. Остался Альвали босиком на пустынной реке - ни обувки, ни лешака. Канул Пырнэ в глубину, затерялся среди схожих камешков-голышей.

Попробуй угадай, который из них лешак, а который нет.
Понурый, опозоренный побрел Альвали куда глаза глядят, прочь от родного стойбища. Его с проплывающего в синеве облака окликнул дедка Торум:

- Всю свою жизнь я гоняюсь за Пырнэ и не могу догнать, всю жизнь стараюсь наказать и не могу. Всю жизнь стараюсь перехитрить и не могу, потому что Пырнэ это худшее, что есть в нас самих - богах и людях. А оно неистребимо, потому что рождается вместе с нами же, в нас существует и множится. Самих себя как настигнешь?

Выходит, и в нем, Альвали, есть плохое, а он-то думал, что безупречный. Еще больше понурился матур, приник к замшелому корневищу-выворотню. Качнул плечом раз-другой. Из-под корневища, как по сигналу, появился старичок величиной с наперсток. Крохотный, а голосище трубный.

- Растерялся, - усмехнулся старичок с бородкой в три волоса. - Не теряйся - найдешься...

Сказал так многозначительно и исчез внезапно, как появился. Или померещилось? К чему бы это? Вспомнил Альвали, что

он защитник рода Белого Оленя, воин, и не дело ему пугаться всяких наветов. Оружие при нем, руки-ноги целы. Готов постоять за себя и Югорию. Но что за матур без обуви?

Снова возник из-под корневища старичок с наперсток величиной.

- Твои нырики, Альвали, взяла девушка из рода Звонких Бекасов. Она дочь старейшины Хакасэ, и очень красива. Так красива, что Пырнэ, ревнуя, нарочно уводит в сторону от стойбища. Спешу к ней, матур, за третью излучину пасола за третий бор, третий ручей.

Послушался его Альвали, босиком легко преодолел расстояние. На зеленом лугу среди цветов белопенников и широколистной анютки дочь Хакасэ старательно украшала его нырики золотом и серебром, с глазами, полными ожидания, с душевными признаниями на губах. Мастерски плела тонкие узоры на обуви в знак любви. В зеркально сияющих ныриках отражались взволнованное лицо эви и небо вместе с облаками.

- Это ответ на первый вопрос, - при виде матура смиренно произнесла девушка. - Небо можно перенести на землю в красках - нарисовать. Можно просто отразить в зеркале. Или даже вот так золотом и серебром на обуви. Ради мил-друга не то что злата-серебра с отраженным в них небом, самой себя не пожалеешь со всей вселенной впридачу.

Подивился Альвали мудрости эви. А дочь Хакасэ продолжала:

- Деревьев в тайге столько, сколько травинок в лугах Югории. Пусть это проверит Пырнэ, пересчитает и сравнит. Не сможет пересчитать, пусть поверит на слово. А он не сможет, значит проиграет.

Снова подивился ее мудрости Альвали.

- Нырики ты нашел без затруднений оттого, что не возгордился, а поклонился подкорневому дедушке Напертку. Нашел нырики вместе с самой рукодельницей. Значит, победил и на этот раз. Потеряв малое - обрел много больше. Не оброни его. В пути всякой случается.

- Не оброну. Будь моей женой, дочь Хакасэ. У тебя - ум, у меня - сила и честность. Осчастливим хантейский народ.

- Пожалуй, - согласилась эви. - Осчастливим! Ум без силы лишь пол-ума, сила без ума и того меньше. А вот соединенные они то, что надо. На мудрости да силе зиждется жизнь.

Рассудили так и отправились сперва в стойбище Белого Оленя, затем Звонких Бекасов - показаться родственникам. За

ними понуро брел лешак Пырнэ, ругавший себя распоследними совами за то, что вместо зла сделал Альвали добро, себя же наказал.

Зло в добрых руках в добро же обращается. Не зря же говорят: "Нет худа без добра".

Легенда Светлого озера

Святым озеро еще князь Алачев с единомышленниками назвал, чтоб отпугнуть доверчивых хантов и манси и самому расположиться хозяином здесь. Но, правду сказать, он действительно верил в необычность эмтора у подножия гор и считал, что именно в здешнем озере обитает главный дух Югории. На озере был остров, посреди его еще одно бездонное, вроде оконца в преисподнюю, озерцо. Хоть какую опускай веревку, не достанешь дна. Вода в этом озерце темная, ледяная. Почти что угольно-черная, как зев мертвеца. По ночам из глубины исторгались прерывистые всхлипы, словно надрывно-безутешно рыдал кто-то. Боялись бывать там.

Однажды Алачев на спор решил ступить на остров после захода солнца, думал: "Если увижу главного духа, всем расскажу, какой он, еще большую власть займею над хантами. Прикажу достать богатства из колодца. Может, разведая отдушину к самому подземному царю, доберусь и верну души умерших родичей. Зачем столько их там зря пропадает? Мне работники нужны наверху". Известно, жадность не знает пределов.

Солнце закатилось, смерклоь вокруг, но далеко было видно. Высадившийся на островок князь видит: у озерца-отдушины белый благообразный старик тербит свою бороду, выдернет волос, расчленит на короткие частички и бросит в воду, частички делаются рыбами. Рыбы все упитанные, жирные, их все больше и больше, а бороды у старика не убывает.

Чудно. Удивился самаровский правитель:

- Так это ты даешь мне рыбу? - спросил бесцеремонно. - А я думал, вода делает, боги. Делай больше, мне много больше, чем есть, надо. Своих людей снабжать надо, торговать надо.

Исподлобья посмотрел на него старик, грозно насупил брови, сверкнул очами и вмиг сделался страшилищем, похожим на вывернутую с корнями ель. В центре корневища-утолщения два огненных ока, щупальцы тянутся к Алачеву-князю, из разверстой пасти исторгаются всхлипы-клекоты, какие слышал на берегу.

- Не тебе делаю, но ты берешь и берешь. Делаю многим

людям, и, если ты хочешь себе одному для обогащения, не получишь ничего и себя истребишь.

Обхватило страшилище Алачева щупальцами и увлекло в глубину водяного колодца, что вел прямехенько в царство Кыне-Лунгу. Там посреди болот томился божий сын Анныг. Его посланец Хой тайком от царя делал из волос бороды рыб и очень не любил жадных живых, считая их виновниками всех несчастий. "Именно скупцы, - считал Хой, - загоняют души людей до срока в подземелье, чтобы самим было просторней наверху". Хой и увлек Алачева, но Анныг, сам пленник подземелья, поспешил отпустить восвояси князя, рискнувшего проведать тайну островка, известного лишь ему с Хоем. Пока не проведал Кынь и не отнял душу у князя, повелел счастливцу:

- Скажешь наверху, что Озеро это особенное, чистое. Рыба в нем действительно редкая, целебная. Прибавляет здоровья. Есть ее надо в меру, чтоб хватило всем, а будут злоупотреблять мерой, постигнет страшная кара. Высохнет Озеро, не останется в нем целебной рыбицы и все югорцы без нее зачахнут. Перестанут уважать друг друга, примутся враждовать. Брат пойдет на брата, сын на отца, забудутся традиции и обычаи предков. Погребалища их зарастут бурьяном. Опустеют места святых поклонений.

Попросил приставить к Озеру лучшего шамана, чтобы песнями денно-нощно славил его и тем оберегал от святотатства. Воду можно замутить, берега с травой затоптать, лес вокруг вырубить. Пропадет естество - сгинет озеро.

Больше всего велел бояться чужаков-инородцев, равнодушных к Югории.

Внял наказу Алачев. Сам он с озера ушел совсем, а ханты, здесь обосновавшиеся, внимали песням назначенного князем шамана и берегли озеро от посторонних вторжений. Не показывали никому из пришельцев.

После царства мертвых князь откочевал на реку Казым, завел там новое поселение и мирно правил в нем остаток жизни. Так ли, не так ли было на самом деле, народная молва гласит, что сильно изменился Алачев, не собирал уже дань с соплеменников, наоборот учил утаивать ее от царевых посланцев. И будто сильно зауважал свой народ кантага-ях, отдал хантам все олени стада, стал рядовым пастухом при них, подобно Анныгу, божьему отроку, призывал кантага-ях объединиться и не враждовать, потому что врагов много вокруг и каждый старается обидеть лесных доверчивых людей.

Умершего князя погребли на холме под кедрами с почестя-

ми и возвели по обычаю надмогильный домик, где бы могла отдыхать утомленная душа покойного, в домик поместили дары. Славил князя за то, что сумел преодолеть свою жадность и стал праведным. Славил шамана за песни у Озера, названного святым.

Когда установилась новая власть, революционная, не все юромки-начальники поняли значение воды и леса для жизни людей и самой земли, не поняли религии народа кантага-ях. Его духовности. Принялись разорять культовые капища, преследовали, даже умерщвляли шаманов, безоглядно уничтожали природу.

Детей зачастую без согласия родителей увозили в школы-интернаты. Некоторые центры назвали культбазами, а "куль" в переводе с хантыйского есть черт, значит, назвали черт-базами и этим вовсе отпугнули лесных людей. Обряд Медвежьей Головы вовсе запретили, мол, не положено. На светлое святое Озеро послали бригаду рыбаков из райцентра Березово. Тамшние аборигены не подпустили их, детей с культбаз в знак протеста развезли по стойбищам.

До предела обозленные бесцеремонным вторжением советских юромок, схватили комиссию из Березово, разговаривавшую надменно с хозяевами Озера, порицавшую потомков князя Алачева за дерзкие поступки их. Схватили ханты инспекторов и убили всех, мертвых привязали к нартам, ускакали далеко в тундру.

За взбунтовавшимися послали милицию и даже маленький самолетик. Пролетая низко над стойбищами, самолетик рокотом мотора сильно пугал суевверных югорцев, они разбежались кто куда, попрятались. Зачинщиков мятежа сыскала все же в тундре милиция и перестреляла без суда и следствия как врагов Советской власти. Не выяснила даже причин волнений. Святое Озеро бесцеремонно ограбили, вычерпали целебную рыбицу, замутили воды, вырубали леса, запретили песни шаманов, сделав хантов чужаками на родной земле. Роды их рассыпались, захирели, забылись ремесла, обычаи предков. Могилы поросли бурьяном. Стала владычицей в Югории МАШИНА, распространяет вонь и грохот на все бескрайние просторы.

С тех пор живет в сердцах хантов обида на "покорителей края". Кто избудет ее, кто многомудрый и сострадательный положит конец "покорительству"? Очистит реки, восстановит леса, вернет хантам их исконные уголья. Кто? Когда? Время уплаты долгов настало.

Подарок Бату-хана

Мечами и саблями ханты не пользовались. Железо в болотах не добывают. Пользовались они копьями и стрелами, позже пользовались покупными самопалами, гораздо позже того времени, о котором идет речь. А идет речь в сказе про времена Золотой Орды, когда хан Батый основал свое ханство на реке Итиль, нынешней Волге.

У ваховцев в ту пору прославилась внучка Урусела и Хинты Какзауза. В мать споровистая, в отца сильная и бесстрашная, в сражениях наравне с мужчинами плечом к плечу сражалась, предводительствовала даже. Всех побеждала в поединках. Ее опасались и не решались идти войной ни на соседние племена, ни на дальние-запредельные. Ограничивались местечковыми стычками.

Скучно стало Какзаузе от такой однообразной жизни, не зная куда девать силы, отправилась она куда глаза глядят. Переделалась юношей, постриглась накоротко. Долго шла, не одну обувь сносила, увидела разные селенья, в селеньях наблюдала тревогу людей при словах "татарин", "монгол", "багатур", узнала, что где-то на реке Итиль столица самого главного хана земли Бату, который убивает всех непокорных и сжигает их жилища, много невинной крови пролил и большие несчастья принес.

У Какзаузы был талисман - кедровый корень, заговоренный шаманом их рода. Талисман возвращал утраченную силу, быстро заживлял раны и возвращал душевную крепость.

В Золотой Орде не было равных Какзаузе. Бросаясь татары на нее в одежде юноши, стриженной накоротко, она их побьет копьем или суковатой палкой тамганом, к своим ранам приложит талисман и дальше шагает бодрая. И пока шла к столице Бату Сараю, такого нагнала страха на завоевателей, что перестали трогать Какзаузу. Расступились перед ней и ханские стражники, и внучка Урусела и Хинты беспрепятственно вошла в шатер владыки. Великий воин и полководец в полуденную жару тянул из сулеи прохладный кумыс и с любопытством поглядел на незванного гостя, приняв Какзаузу, как и многие, за юношу.

- Так это ты и есть неустрашимый человек? - спросил странницу из Югории. Почто пугаешь моих славных багатуров? Их тьмы и тьмы, а ты один, что можешь против тьмы? Убьем тебя и бросим на съедение псам. Строптивым ломаем хребет.

- А ты попробуй сперва одолей меня, потом уж ломай, - спокойно ответила Какзауза.

Батый хлопнул в ладони, появилась стража.

- Взять! - коротко приказал хан. - Сломать хребет. Узыр нахалу.

Какзауза разбросала стражу по сторонам и опять говорит хану:

- Ты полонил русов, жестокий. Я из этого народа по корню отца и деда, по корню бабушки. Сулю тебе скорую погибель, хан, если в три дня и три ночи не покинешь Итиль.

- Хо-хо, рассмеялся Бату-хан. - В три дня и три ночи! Хо-хо! Занятно! Здесь не мне повелевают, повелеваю я единственный. Мой предок железный коварный Чингиз-хан, а я хан Бату, я уже вечность, история, одно мое имя отзывается страхом и почтением в душах и умах твоих досточтимых русов. Самый отважный из них князь Александр по прозванию Невский являлся на поклон в Орду. Схочу казнь, схочу помилю.

- И все-таки ты исчезнешь, хан. Давай биться на спор, что будет так.

- Так не будет.

Стали биться возле шатра на лужайке. Сходились и расходились, кружили друг возле друга. Сильно изранил Бату-хан Какзаузу и сам утомился, но Какзауза приложила к язвам талисман шамана и язвы вмиг затянулись, ни следа от них, вернулась прежняя сила. Подняла Какзауза обеими руками Бату-хана и швырнула наземь, наступила ему ногой на грудь навиду оторопелой стражи, замахнулась тамганом - суковатой палкой, готовясь поразить насмерть всесильного владыку, но увертливый евнух гарема Кинлык пустил ей в спину стрелу; не достать талисманом до раны, не вернуть богатство. Навалились, повязали, поставили перед грозным ханом в его шатре.

- Кто ты? - снова спрашивает повелитель. - Я видел много багатуров, но ни один не повергал меня наземь. Быть повергнутым, значит быть опозоренным.

- Еще больше удивишься, хан, - гордо заявляет Какзауза, - когда узнаешь, что перед тобой девушка. Да, я девушка, дочь руса и хантейки. Наш лесной народ не признает коварства и жестокости, он доверчив и добр, справедлив. Славит правое дело и проклинает неправое. Твое дело неправое, ты скоро умрешь.

Снова спрашивает Бату:

- Чем сращивала раны?

- Корнем кедра с земли, ставшей мне родной. У тебя здесь нет родины, хан, твоя родина на берегах Онона и Керулена в Монголии и умрешь ты с тоской по степи в то время, как в третий раз протрубит лось в урмане. Нет у тебя защитного сред-

ства. Потерял его и не вернешь. Родину потерял.

Сильно нахмурился Бату-хан, вернул он Какзаузе отнятый стражей волшебный корень, вручил в подарок свой золотой меч с драгоценными камнями по рукояти и еще вручил охранную пластинку-пайзцу, с которой никто не посмеет тронуть в Золотой Орде. На прощанье сказал:

- Хотел сделать тебя своей женой, но не будешь ты женой. Слишком гордая. Убьешь не меня, так себя. Хотел воином сделать, дать в подчинение тумен "бешеных" багатуров, но не будешь воевать за меня. Хотел просто убить, но не много проку от одного убитого, если убиты и убиваемы тьмы и тьмы здесь и во всяческих запредельных странах, вплоть до последнего моря, куда ступали копыта моих коней, куда в погоне за венгерским королем прискакал на взмыленном иноходце и увидел голубоватую сомкнутую даль воды и неба, и корабль, уплывающего на нем короля. Живи, дерзкая! Ноними с меня заклятие. В твоих словах вещей знак.

- Не сниму, хан. Уходи в Монголию, там сорви пучок травы иноверца и нюхай его часто и постоянно держи при себе. Даже во сне. Он успокоит душу и облагородит ожесточившееся сердце, продлит жизнь.

Не смог уехать Бату-хан в родной улус, русы часто восставали и случалось крепко били его тумены, восстанут вновь. О двуконь и три-конь послал он лучших выносливых всадников за иноверцем. Сильно спешили наездники из сотни "бешеных", в пути загоняли одних лошадей, пересаживались на свежих и снова загоняли до изнеможения. Но смерть опередила. Как только протрубил в третий раз в урмане лось, скончался от тоски по родине Бату.

Какзауза благополучно вернулась к себе на Вах с ханским мечом, рассказала, как добыла такую необычную вещь и ее единодушно избрали старейшиной рода Белого Оленя. Назвали мудрой Матерью. Она судила, советовала, наказывала.

Золотой меч после ее смерти долго хранил у себя шаман рода, а как начали притеснять его царицы юромки-начальники, начали искать, дознаваться ханского подаренья, - где меч? - бросил его на закате жизни в святое Озеро. Бросив, сам последовал на дно, его чистая душа вознеслась на небеса к Торуму, избежав прибежища подземного царя.

Меч в воде незаметный, недоступный желателям. Один шаман в небесах ведает тайное место, иногда его образ появляется над озером, белым причудливым туманом сползает с гор, снова

поднимается, словно ищет чего-то, к чему-то в растерянности приглядывается, размышляет. Иногда замечают в сгустках тумана блестящую яркую палицу и догадываются, что это меч Какзаузы.

Шаман бережет его от плохих людей и грозит кому-то. Берег ханское подаренье - не уберет святое Озеро и целебную в нем рыбицу. Обмелело, замутилось озеро. Заплесневела в нем вода, тумана над водой стало меньше, много меньше. Откуда ж взяться ему, если вода теряется из-за вырубленных вокруг лесов и вытоптанных трав. Не спасли Озеро ни коренные жители ханты, ни шаман, бессильны оказались против "покорителей края".

Шаман шибко нервничает, сердится на себя за оплошность и оттого редко появляется возле гор, предпочитая оставаться в небесах, среди богов и звезд. Окончательно разочаровался в людях новой Югории, не верит в их близкое прозренье.

Нюролькин хлеб

В давние времена, когда ханты еще жили племенами и делали наконечники стрел из рыбьих костей, был у них обычай по весне, когда распускается несмело лист на деревьях, где-нибудь на светлом березовом мысу устраивать смотрины женихов. Юноши и мужчины в возрасте, не успевшие обзавестись семьей, показывали свои способности в борьбе на поясах, стрельбе из лука, метании тынзяна, изготовлении обласков. Эви называли себе суженного. Который больше по душе, приглядистей. По праву свободного выбора.

Давно это было, но донесла молва историю про Нюрольку с Ваха, будто бы сама вместо выбора женихов состязалась эви в силе и ловкости и всех до единого побеждала. Возгордилась, понятно: нет ей равных! Не находится больше храбрецов померяться с ней! Принялась Нюролька крушить деревья, полтайги изломала, повалила, словно дьявольским наваждением прошла. Никак не уймется. И чего ей не хватает, жила бы примерно, как ее подруги. Те уже очаг растапливают, детей тетешкают в люльках, одна Нюролька не знает, куда себя девать, к чему приложить руки.

Уговаривали мать с отцом - напрасно. Усовещал старейшина племени - впустую.

Однажды появился в их стойбище чужестранец, достал из холщовой сумки кусок ржанины, смешал с водой и съел. Достал луковицу с вареной картофелиной - съел. Отер ладонью рот, перекрестился, прочитал молитву и принялся ворошить землю

плугом. К вечеру выпряг лошадей, задал корму и, поужинав из холщовой сумы, до вечера почивал на охапке душистой травы. Крепко спал, долго, храп доносился до подземного царства, нарушал царя мертвых Кыня, переполошил небесного старика Торума. Всмотрелся тот с облака врищур: мужик на охапке свежескошенной медведки-широколистки раскинулся, для новой лемешной работы копит силы.

Мужику что еще кроме работы надо, издревле замешан на ней, днюет и ночует в просоленной потом рубахе.

Полуночью снова запряг конягу чужестранец, склонился вооберучь над сохой, взрыхлил намеченную полосу, бросил в пахоту семена. Растите. Колоситесь. С любопытством наблюдавшая за ним Нюролька, заявляет:

- Не хочешь померяться силой, мил человек? Я всех тутешних матуров побила, ни один не сгодился в женихи. Зачем мне слабый жених, а истинного богатыря нет, вывелись. Был, говорят, на Чижапке Васюганской Андрон-Лось и тот окривел от комариного укуса. Может, ты, чужестранец, сладишь со мной, покоришь натуру?

- Сперва сошку пошевели, борозду проложи в дерновине, а уж потом тягайся, деваха. Пахарь не шутит. В одночасье закинет на облако к Торуму или отправит невзначай на тот свет к преподобному Кыню. Особая крепость у пахаря-оратая, от самой Земли-Старухи. Я еще что, вот Микула Селянинович тот действительно силен, мне, его отпрыску, далеко тягаться до предка, который мог всеобщее движение повернуть вспять, дай лишь точку опоры. Упрется он ступней и заставляет наоборот крутиться Старуху-Землю.

Попробовала Нюролька настроить плуг, пропахать в дерновине борозду - не получилось у нее. Так и этак старалась - все одно. Выкрест - не ремесло.

Возмутилась Нюролька:

- Как это так - не могу? Если вон что смогла, полтайги порушила.

- Дурное дело - не хитрое. Ты взрасти хлебушко, накорми народ, тогда и хвались.

Плуг мизинцем настроил, ухватил воберучь чапиги-рога и борозда словно сама собой заструилась.

Просияла обрадованная Нюролька:

- А ведь ты и есть мой жених, мой единственный и любезный богатырь Иван. Полюблю тебя, стану называться Иванкой. Сильно буду ласкать. Иванят нарожаю тебе. Только ты силу

свою не теряй, потеряешь - разлюблю. Во мне играет женская ярь, мне много надо от односпальника живицы детородной. Больше чем другим чумработницам.

- Силы на тебя, Нюролька, хватит, если хватает ее на пашню, - не отрывая ладоней от чапиг-рогов, отвечает мужик. - Чтоб поубавилась твоя телесная ярь давай вместе растить хлеб, детей делать. Растить хлеб однако не легче, чем детей годовать.

- Давай! - коротко согласилась Нюролька. - Хлеб так хлеб, дети так дети. С тобой согласная день и ночь стараться. Надоело просто так без смысла растрчивать ярь.

Поженились они.

Осенью обмолотили хлеб, размолотли меж камней - плит и часть муки раздали хантам. Ваховцы из нее испытанным способом в золе костра испекли лепешки. Шибко вкусные получились. Сухтум по-ихнему. Хвалят лепешки, заодно поминают добрым словом Нюрольку, что за ум взялась, смущать перестала парней. А то совсем приуныли женихи, попрятались от Нюрольки в чумы. Вдруг явится на светлый березовый мыс, опозорит навиду у невест.

Так с тех пор и пошло хлебопашество на Вахе. Только недолго оно длилось. Наслал Тоглон-дух с севера великие холода и умертвил посевы, и вторично наслал с Океана, где льды, - на ржища. Дохнули губельные ветры под ясень-сентябрь с дождем и градом на посевы, не только что колосья, побили стебли. Осенью выморозили озимую пшеницу. Что делать? Попросили Нюролька с мужем Иваном тепла у солнца, но женщина Звезда не смогла дать больше того, сколько давала. Ее тепла на всю вселенную едва хватало, уставала она чесать золотым гребнем свои сияющие волосы. Все чаще просила покоя.

На лице от возраста темные родинки появились-пятнышки.

- Такой нужен хлеб, - поразмыслил тогда Иван, - который не боится холодов. Морозоустойчивый. Не бояться же сиверов из Заполярья травы, не бояться деревья, какие посеяла богиня Добра. Человек сильнее богов и богинь, сможет создать новые сорта хлеба.

Долго старались они с Нюролькой, может дольше, чем божья дочь сеяла тайгу, пестовали на делянке злаки. Пшеница на Вахе нет, ни в какую не пошла, а рожь, да еще овес, те за милую душу удались. Неподвластны оказались ледящему дыханию Тоглон-ветра и его подручных сиверов. С каждым годом независимей становились. Даже въедливый промозглый туман Зым, насылаемый лешаком Пырнэ, отступился и сник, запросил у хлеборо-

бов мира и соседства. Выстилался он над полями мирной голубоватой дымкой или раскидистой пеленой-холстиной. Без туманов что за поле, без тумана да перепелов, все равно, что без пахаря.

Привыкли к хлебам в Югории и боги.

Еще быстрее привыкли люди, в знак уважения называли лепешки из ржанины и овса Нюролькиным хлебом. Его пока еще мало, совсем мало на Вахе. "Покорители края" обещают много больше, но пока только обещают, увлеченные добычей черной горючей жидкости из Земли-Старухи. Нефть у них на первом месте, они даже убавили хлебные десятины, свели почти на нет, предпочитая завозить муку из дальних далей. Откуда только не завозят. С Кубани и Дона, с Урала-батюшки. Из-за кордона. На валюту и в обмен на сырье.

Не надо бы так. За морем телушка полушка, да перевоз дорогой.

Историю с Нюролкой, что хлебопашеством усмирила свою бесполезную ярь и добавила себе ума-разума, довольства семье и всему роду, поучительна. Ее, эту историю, многие помнят на Вахе, так что примите и вы в назидание, - как жить дальше и править умело дела, не оставаясь созерцателем в стороне. Для поверий и легенд, слышанных от кантага-ях и русских поселенцев, не держу, раздариваю другим. Поверья и легенды они для народа, словно библия для христиан, коран мусульманину. В них вековая мудрость и тоска по лучшей жизни, какой еще нет в действительности.

Потому и раздариваю.

Прислушайтесь да на ус намотайте. Помогите себе стародавним опытом, всей нашей державе. В ней народов всяких и опытов не перечить. Бери любой, хоть дедовской сохой, хоть плугом или лопатой взрыхли земельку тебе доступную. Уважь - и воздаст она вперед на сто лет и зим.

Рассказал бывальщину сию дедка Максим. Сидел на печи, пролеживал кирпичи, а как стал умирать, назвал последнее желание:

- Накормите овсяной кашей, нет ее вкусней и слаще. Каша да сдобистая вдовица Маша, вот и вся жизнь наша мужицкая. А чем плоха? Без курицы нет желания у петуха. У мужика не в речах - на столе толк.

Как богиня Добра сеяла тайгу

В давности образ дочери Торума из золотых и серебряных пластинок во многих хантыйских зимовьях был. Его шибко бе-

регли от посторонних лесные люди. Одни шаманы касались статуэтки из драгоценного металла, передавая наказы светлой эви простым смертным. Это присказка. Сказка же в том, как Богиня Добра сеяла тайгу.

Родитель ее в одночасье одел Землю в зеленое убранство и утомленный заснул на облаке. Тем временем коварный лешак Пырнэ сильно напроказил. Нагнал холода и умертвил Старуху, лес вместе со зверьем, как в хрусталь впаял в голубоватые льды-торосы.

Без леса какая жизнь, никуда без тайги хантам.

А разоспавшийся Торум никак голову от облака не оторвет. И так его будили и этак Ветры-Ветровичи, Звезды-молодухи и Месяц, не добудились. И сын Торума Анныг далеко, в царстве Кыня. Тогда с поклоном обратились к резвившейся на просторе вселенной его очереди.

- Растопи льды, восстанови порядок на Земле. В тебе волшебство и могущество отца, дерзость брата, каких нет у других богов. Помогни людям, избавь от холодов и неминуемой гибели!

Божья дочь, негодуя на Пырнэ, изошлась сталистым звоном, от которого надломились, струнулись с места голубоватые прозрачные глыбы. Снова оформились в Торумово подаренье реки и озера, пасолы и ручьи, но без лесов. Напрочь съели льды тайгу. Беда без тайги. Ищут ее ханты и не находят, плачут, снова жалются богине Добра:

- Посей нам, - просят, - деревья, кусты роди и травы.

- Не осталось семян, - разводит руками божья дочь.

- Найди, светлоокая. На тебя лишь надежда.

Полетела богиня Добра лебедицей, поплыла ныркой птицей гагарой, построчила юрким горностайкой - думу думает про себя: как это ей сделать лес с травами и кустами? Где сыскать начало?

Неожиданно встретился жук-рогач, меж усов чудом сохранились семена березы и осины, корневинки кедра толщиной с волос подарила воронья стая - обронила случайно. Их тоже посадила богиня Добра, согревала побеги собственным дыханием, заслоняла от ветров, питала ключевой влагой. Долго так поднимала лес. Состарилась уже, не остается уже сил, а еще много голых равнин и болотин. Хантам и такой хватило бы тайги, но явились "покорители" природы святой, двинулись на посадки-взрослы всем грохочущим бесчувственным железом. Что в сравнении с ним лешак Пырнэ или семиголовый огнедышащий дракон? Жалкие недотепы.

Сотворенное дыханием богини зеленое убранство Югории

"покорители" истребили в десятилетия, продолжают истреблять. Недоистребленное стараются наперегонки спилить и вывезти за кордон, компании совместные по истреблению создают. Губят лес пожарами и техникой. Вовсе обездолили хантов, лишили привычных условий обитания.

Напрасно взывает с высоты божья дочь:

- Берегите зеленые шатры! Без них погибнете сами и погубите Старуху-Землю. Потрескается, обесплодеет она, потеряет влагу и дар цветения. Мор и голод учинятся великие, беспощадные. Вот что ждет без тайги.

Не внимают покорители Югории, покоренные нефтью. Ради нее пренебрегают здравым смыслом, усердствуют впопыхах - после них хоть потоп.

Уже не в народном предании, в жизни молит Югория о защите и помощи: возродите, сберегите леса! Уже не к богам взывает, ко всем живущим в Среднем Приобье землянам. Услышат ли?

Ценой жизни

Семерка у хантов самая распространенная. Семь раз звезды перед новолунием по своду обращаются, семь раз оленихи пытались разбудить заколдованного лешаком Торума и столько же медных котлов ставили лесные люди для приношений в святых местах.

Семь раз Пырнэ наперегонки со скороходом Тагыгом обегал землю и семь раз красавица Алыгуль отказывала в замужестве скороходу Тагыгу. Тагыг много старше, но в старину такое не возбранялось. Бывалый человек опытней, сноровистее. Разница в возрасте позволялась до сорока лет.

Тагыг отдал за помолвку сто пятьдесят оленей - большой выкуп, но отец Алыгуль, злой и жадный, жалел, что не запросил все двести, и неохотно принимал будущего зятя у себя в чуме. Маленькая Алыгуль, беря с него пример, дергала жениха за волосы, тыкала игральными палочками, царапала.

Тагыг сносил и это.

Родственник Свет-Ветра в человеческом образе и подобии, он усвоил быстроту и стремительность стихий, страсть к новизне. Повидал горы и моря, океаны и острова в тумане, висячие мосты над реками, корабли под парусами и без них. Столько видел всякого, сколько не видел весь род Белого Оленя. От этого стал Тагыг мудрей самого Свет-Ветра, а мудрость передавал соплеменникам.

На досуге он соревновался в беге с лешаком Пырнэ, оборотистым лицедем, который, преобразившись в птицу, летал быстрее быстрого, но все-таки уступал Тагыгу. Это как ни странно сблизило их. Сам никого не любя, лешак ценил Тагыга и за преданность Алыгуль. У нее по семь косичек у правого и левого уха, семь на затылке, столько же смехов на дню, вздохов, семь капризов, семь игральных палочек.

За Тагыга без калыма пойдет любая эви, а он желал лишь ее - Алыгуль, сверх меры требовательную и своенравную.

Взрослея, не прониклась симпатией к суженному Алыгуль, все хотела чего-то особенного. Не найдя такового у себя в стойбище, отправилась в одночасье куда глаза глядят по белу свету. Долго шла. Устала и присела у старой замшелой ели. Ель как ель, ничего в ней примечательного.

- Вернись к тому, кто добрый сердцем, смелый и бескорыстный, решительный, кто ждет тебя. Вернись к благородному мудрому Тагыгу, твое счастье с ним, - услышала вдруг. - Нельзя пренебрегать любовью даже нелюбимого, иначе окажешься семибабой-вдовицей.

Оглянулась вокруг Алыгуль - никого. А елина скрип да скрип, снова внушает:

- Презрешь Тагыга - стубишь его. Не простят тебе боги этого, не простит жизнь. Подобно мне, горячке, станешь деревянной-сухостонной. У меня нет даже слез, чтобы выплакаться. Ветки нездоровые, стволына изъедена червем.

- Не вернусь! - заупрямилась Алыгуль. - Лучше стану природой, чем покорюсь старцу Тагыгу.

- И станешь, - почти простонала огорченная ель. - Волос долог, да ум короток. У глупости нет предела. Сколько косичек, столько мыслишек, и каждая вразброд.

В пути Алыгуль охромела, скособочилась, на лицо легли морщины. За безмужество ее в самом деле нарекли Семибабой. Отстранились от нее. Оскорбилась Алыгуль из рода Белого Оленя, принялась ругаться со встречными-поперечными. Ругалась-ругалась и стала замшелой сухостонной - в самом деле сбылось предсказание старой ели. Вот так! Досвоенравничалась! Догордилась!

Ничего не подозревающий Тагыг в это время на берегу студеного моря говорил собрату по бегу Пырнэ, что истинное счастье в любви и продолжении рода. Без этого зачахнет народ ханты, а он должен жить и крепнуть в веках, в этом смысл жизни на Земле. Если люди станут лишь рабами личных страстей-прихо-

тей, народ зачахнет. Даже такой сильный род, как род Белого Оленя, оскудеет, не сможет противостоять врагам и силам природы.

Лешак чесал себе живот мохнатой лапой, мурлыкал блаженно-истомно и щурил сальные хитроватые глазки: ему было хорошо, когда другим плохо, но на этот раз Пырнэ не радовался. Благоволивший Тагыгу, он заключил так:

- Не стоит убиваться из-за Семибабы-отщепенки, забывшей дорогу из-за Камня-пояса. Нет уже прежней цветущей Альгуль, боги сделали ее деревом, жизнь наказала за безрассудство. У нее нет даже слез, чтоб оплакать свою долю. Но я созову тебе других эви - красивых и, не в пример Семибабе, нежных, уступчивых.

- Не надо других - пылко воскликнул скороход. - Без Альгуль я ничто. Где она?

- В стране мордвы, посреди дремучих лесов, у темного скрыть-озера. Ловит ветры с родной стороны, шепчется с ними кто знает о чем. Может, о непредсказуемости судьбы. Часто люди забывают о последствиях своих поступков, и этим вредят себе. Непоправимо навредила и Альгуль. Если даже оживишь ее, не обрадуешься - будет она убогой на оба уха.

- Отдам ей слух.

- Будет тогда с кривым глазом.

- Отдам зрение.

- С больным сердцем и разумом.

- Отдам свои.

- Тогда умрешь сам.

- Что ж, умру... за Альгуль неповторимую, единственную.

Подхватился круто и исчез вдалеке, словно не было его у студеного моря. Семь рек перемахнул Тагыг, семь гор-великанов, у темного скрыть-озера в стране мордвы узрел замшелую сухостоину. Ветры раскачивали ее, срывали хвою, ломали ветки. Обращались как хотели. Очищение не бывает без жертв и страданий.

В немом поклоне Тагыг пал на колени, прослезившись, поцеловал сухостоину в единственное еще не высохшее пятнышко на стволе. От горячих губ вздрогнула, затрепетала убогая, превратилась тотчас в старуху с клюкой. Тагыг отдал воскресшей вечную молодость, дарованную ему однажды Свет-Ветром, без колебаний отдал слух и зрение, отдал разум и не ведавшее устали сердце скорохода и умер возле скрыть-озера, став камнем валуном, над которым по сию пору скорбит прекрасная, отныне не

стареющая эви из рода Белого Оленя.

Мордва чтит ее богиней Севера, поклоняется, как святой. Из своих югорских воскресшую навещают лишь Ветры, не знающие расстояний, и лешак Пырнэ, породненные с Тагыгом, до предела дней не изменившие своей любви, породненные с Алыгуль, о какой всегда мечтал покойный жертвенный скороход и осуществил мечту ценой собственной жизни.

Одна любовь вернула другую. Нет предела любви, нет и роду людскому. На всякое благо есть страдание. А что в конце концов побеждает, ведают новые были и небылицы.

Добрый бубен

Шаманы тоже разные были. Жадные и бескорыстные, злые и добрые, работающие были. В верховьях Ваха почти все елтаку наравне с соплеменниками рыбачили и охотились, камлали по необходимости и личному хотению, когда накатывало вдохновение. Гудели в зимовьях бубны, звучали диковинные напевы-восклики. Внимая им, люди уносились мыслями в мир сказок и преданий, проникались их таинственностью, отчетливо представляли себе важных и вовсе незначительных духов, их повадки, капризы, места обитания и способы проявления на миру. В знак почитания богов вешали на кусты и деревья лоскутки материи, оставляли на священных капищах возле деревянных идолов монеты и бумажные деньги.

Одаривали и шаманов, которым искренне верили, считая их посредниками богов на земле. Сила внушения велика. И если шаман приказывал: "Выздоровей!", больной нередко выздоравливал - самоисцелялся. Не только гипнозом владели шаманы, лечили медвежьей желчью, травами, нагаром из трубки. Не такие уж они были темные, как потом стали о них говорить и писать. Обладали хорошим артистизмом, даром пронзительности, ораторским искусством, певческими данными, хотя, конечно, в семье не без уroda. Но не будем всех мерить одной меркой, как в одночасье мерили и наших священнослужителей.

У ваховцев для камланий имелся специальный "золотой" остров Йирык-Сыта-Пай, где справляли ритуалы поклонений богам. Точнее, не остров это, а выступ берега - мыс, поросший кустарником, с полянкой посередине. Мыс как мыс, ничего в нем особенного. Некогда здесь распоряжался шаман Онор. Первый силач в округе, первый следопыт. Везде успевал. Как примется скрадывать соболя или лисицу, обязательно распутает звериные иероглифы на снегу, настигнет зверя. А настигнет, бывало, что и

пожалует.

Он многих жалел, Онор. И о многом сожалел. Что светлый день быстро угасает, промелькивает, люди его племени простывают в шалашах-чумах, их жизнь укорачивается из-за болезней, которые он не может одолеть.

Хотел облегчить жизнь народа, но не знал, как это сделать. И никто не знал. Хорошо народ жил только в сказках, которые он сочинял. Любил Онор камлать-ведать обо всем, что думал и о чем мечтал, как счастья хотел для кантага-ях. Бубен его звончее звонкого, музыкальней музыкального. Далеко слышен. По серой гладкой коже намалеваны диковинные знаки, к боковинам каркаса прицеплены хвосты белок и горностаев, медные колокольчики.

Хвосты усиливали общее впечатление, смягчали перезвоны, делая их мелодичней. Удары бубна казались продолжением голоса Онора, люди, поддаваясь магии, сами становились соучастниками действия. Такова была сила внушения.

Онор объяснял соплеменникам, что у каждого народа свои боги, потому что человек не может жить без веры, придет время и у людей будет другая вера. Преведная вера останется полезной добавкой новой вере, не иссякнет совсем, подобно ручью. Открещивание от старой веры губительно. В отрицании старины таится будущее духовное обнищание.

Вера укрепляет человека в самом себе, заставляет уважать мир, верно понимать свое назначение на земле. Земля обойдется без человека, человек без нее нет. Красота, как и вера, преображает мир. Вера преображает, как и красота, делает невозможное посильным.

Так внушал мудрый Онор.

Приветствовал Онор солнце и луну, звезды, зеленую траву, текучие воды, красивых женщин, белые снега, скачки оленей, скрадывание зверя в тайге, дуновение ветра, схватки достославных матуров, после которых курили трубку мира у жарких костров и пили хмельную березовую настойку выр, приветствовал брачные единоборства сохатых по осени, когда далеко слышны их трубные ревы, песни пел.

Кто еще мог камлать лучше Онора, славить жизнь? Никто!

Бил колотушкой в туго натянутую кожу, ударял, раскатывал гулы и звоны, пел и плясал до изнеможения, ожидая от зрителей одобрения, улыбок на лицах, одинакового с ним экстаза.

Умершего Онора похоронили с почестями на "золотом" ост-

рове Йирык-Сыта-Пай, в знак уважения к его таланту и доброте, на ветку возле могилы повесили бубен с хвостами белок и горностаев, на боковинах каркаса с медными бубенчиками. Все помнили Онора великим миролюбом и бесребренником, ничего не требовавшим в награду и не нажившим за жизнь никаких богатств.

Хорошего человека и в тайге знают. Много воды утекло с тех пор, отметелило метелей. Геологи открыли в этом крае нефть и газ, появились в Югории разноразличные, равнодушные к народу кантага-ях люди. Стреляли они зверя и птицу в заповедных борах, сами боры сносили с лица земли, пачкали нефтью воды, лишая хантов, которых так любил Омор, привычных занятий. Вытесняли с обжитых территорий. Рассеялся лесной люд кто куда, позабыл заповеди шаманов, их сеансы-действия. Новая власть помогла забыть.

Однако худо.

Духовно обеднели ханты, прежде именуемые остяками. Пренебрегшие своими божествами, "покорители края" пренебрегли и чужими. Забирали себе на потеху идолов с культовых ристалищ, атрибуты камланий, дары-приношения, оскверняли целый великий народ, плохо делали хантам. Даже обворовывали их охотничьи избушки и зимовья. На местах промыслов грохотали воюющие машины.

Однажды такие люди нашли "золотой" остров и поляну в кустарнике, сняли с ветки бубен Омора, увезли в городскую квартиру, вообразив себя много умнее и выше, раз живут в каменных домах с электричеством и газом, щеголяют в модных одеждах с импортными наклейками и нашьлепками, замками-"молниями", слушают музыку из железных ящиков, толпятся возле магазинов за дефицитом.

Омор в нижнем мире у Кынь-Лунгу возмущался, пылал жаждой мести к пренебрегшим своей и чужой памятью, передал бубну на расстоянии свой гнев, передал из нижнего мира магическую силу внушения. Загудел, зарокотал украденный бубен. День гудит, другой, мешает жить хозяевам. Кажется им, что ропщет над головами лес, гычут совы, верещат потревоженные песцы и хрипло надывается воронье.

Издаലെка доносится чужая гортанная речь. Кто-то недовольный корит их в содеянном: зачем взяли бубен? Надругались над ристалищем? Костер жгли, медные котлы с монетами и украшениями присвоили?

Тут посыпались несчастья одно за другим, как из рога изобилия. Хозяин сломал ногу. У жены родился мертвый ребенок,

мать хозяина подавилась рыбьей костью.

Бубен гудел и гудел, словно зывая к справедливости, и не было сил остановить его.

"Вспомните! Вспомните! - угадывалось в стенаниях. - Какая жизнь была в "вершине" Ваха? Всякая была, однако не вся плохая. Были и радости, и веселья были. Не все рыбаки и охотники мерли с голода, не все пугались чумов и с охотой приняли деревянные избы с электричеством, не все были угнетаемы. Нашли в Югории горючее топливо и не стало у нас оленей, уничтожили ягель, изжевали железом, задымили сгорающим на факелах газом тайгу и болота, распугали зверя и птицу, понастроили-нагромоздили городов с каменными коробками. Где, в каком уцелевшем зимовье найдешь теперь коренников-хоров и важенок впристяжку, разве что на картинках и фотографиях?! Где колхозы и промартелы для хантов? Где их вековые занятия? О мой народ, кантага-ях! Мой добрый выносливый род Белого Оленя! Кто может варить бересту для чумов, выделывать замшу и ровдугу из оленьих и сохачьих шкур? Почему разорили Йирик-Сюта-Пай? Ответьте..."

Наконец хозяева догадались о причине своих бед и отдали бубен приятелю, несчастья тотчас посыпались на нового владельца. Этот быстро смекнул, в чем дело, отправился на остров, в протоках-пасолах неприметный, вернул бубен на ветку возле могилы.

Плешь от костра запорошил хвоей, листьями, очистил поляну от консервных банок, обрывков бумаги, ружейных пыжей: кто-то, забавляясь, палил здесь в белый свет, изощрялся как мог в укромном святом месте. "Покорители края", конечно.

Бубен отдавал гулко-протяжно, настойчиво. Чего-то он требовал. Чего?

Поплыл человек дальше по Ваху - пустыют селения, полуистлела в них домашняя утварь. Возле жердяных навесов не встретил оленей, зато обнаружил изорванные гусеницами ягельники. Не стало кормов - не стало и оленей. Извели. Отвыкшая от трудов молодежь жила бесцельно, одним днем. Запивала, озоровала, избывалась на чужбину.

Принялся человек хлопотать о возрождении древней малой по численности, но великой по значимости народности, всюду извещал про Онора и бедственном положении хантов, оказавшихся на грани вымирания. Уже перешагнувших эту роковую черту.

Сам Онор в подземном царстве действовал.

- Оставь у себя ленивых и бесталанных, - твердил царю

мертвых, - верни к жизни Мастеров. Людей под солнцем много. Мастеров все меньше остается. Кто из хантов способен нынче давить кедровое масло, плести циновки из тростника, шить кисы? Кто помнит обряд Медвежьей Головы? Совсем немногие. Кто играет нынче на панане? Единицы! Обласки, нарты разучились делать. Худо, худо.

Послушался Кынь, отпустил несколько умельцев обратно в верхний мир. Отправились они в Югорию заново творить красоту. Но не было прежнего восхищения ею. Везде на первом месте количество, выгода. Больше! Больше! Дороже! Того больше, этого больше. Да скорей, скорей, как на оленьих скачках. Штучное не в чести. Личная выгода довлеет. С нею теряется искусство одиночек, стирается индивидуальность, как погулявшая по рукам монета.

Удрученные вернулись Мастера к Кыню, не захотели делать очень много красоты, не привыкли к этому. Красота - товар редкий, не для количества. Торжествует царь мертвых:

- Что, съел, правдолюбец. Не нужен со своей болью и тревогой, напрочь забыта у всех народов гордость своим делом и домашним очагом. Бродят по Югории туристами, сегодня здесь, а завтра еще где-нибудь возводят стройки. Все равно где, лишь бы шумливей, пограндиозней. Пропало очарование Землей-Старухой. Все умертвили "покорители края", постарались мне на пользу - сократился заметно срок жизни хантов. Был нижний мир мертвым, стал мертвым средний мир. Где много самопохвалы и заносчивости, погони за деньгами, там всегда мало проку.

- Сыщутся новые Мастера, когда-нибудь сыщутся, - упрямо твердит свое, не сдается шаман. - Красота вернется вместе с ними, воспитает настоящих умельцев и настоящих ценителей умелчества. Слышишь, меняется власть... Все к лучшему. Возмутился народ, потребовал перемен. Потребовал спасти коренных югорцев. Слышны речи хантов на съездах в Москве...

На острове между тем побывали ученые, описали капище, сфотографировали. Ничего не потревожили на Йирык-Сыта-Пай, оставили как есть.

С тех пор полощут бубен дожди, секут метели, раскачивают на ветке возле могилы с домиком-срубом, ударяя в туго натянутую кожу с иероглифами-знаками. Хвосты белок и горностаев шевелятся, как живые, монеты в мешочках позванивают. Гудит бубен, и с ним живет молва об Оноре.

Внимают бубну ханты и при этом рассуждают так:

- Онор знак подает. Из нижнего мира камлает для нас, пос-

ледные советы дает кантага-ях. Всегда был толковым елтаку Оноп. Вредные шаманы Кривой Медведь-Пуппи и Плешивый Колонок забыты даже родственниками, им самое место у Кыня, а Онора жаль.

Расчувствовали Кыня.

- Что же делать, правдолюбец? - озадачился подземный царь.

- И отпустить тебя не могу, срок жизни вышел и оставлять людей без правды и песен нельзя. Спрошу у верхнего бога Торума, с облака дальше видит, больше знает.

- Есть уже юные Оноры, - успокоил Торум. - У них зоркие глаза и сноровистые руки. Не уступают старым Мастерам. Многие умеют. Камлать по-ученому, заносить устные знаки на бумагу. Их потом печатают и раздают всем желающим. Речи песенных Оноров узнали даже за кордоном, другие народы переводят их мудрости на свои языки. Интересней стало жить оттого, что больше нынче правдивых слов, хотя и лжи предостаточно. Новые Оноры славят перемены в стране, заводят дружбу с закордонными умельцами, создают совместные предприятия и компании, машины делают не хуже заграничных, лучше пахнут землю, ткнут полотна, учатся торговать с иноземцами. Рисуют лучше, правдивей. Так и должно быть. Красота она живая, растет и усложняется, взрослеет, как трава и деревья, весь зеленый мир.

Торуму вторил бубен на ветке у могилы с домиком-срубом, подтверждая достоверность сказанного. И с ним вместе звучала неугомонная и бессмертная в народе кантага-ях душа Онора.

Поэты и ветер

Поэт любил Ветер. Выбрав укромное место, подолгу слушал гуденья и перешепоты деревьев. Ветер заинтересовался и спросил:

- Тебе это зачем?

- Хочу понять, зачем и как живешь? - охотно пояснил поэт.

- Стихотворец, я живу для снега, града, дождей. Конечно, для людей. Я - движение, многое могу, например, вращать крылья мельниц, но не могу сделать тебя вольным от твоих обязанностей.

- Все несвободны, - усмешливо помахал веточкой багульника собеседник. - Я повязан законами общества, ты - распорядком стихий, работой в природе, - и он произнес монолог о всеобщей закрепощенности, над которой бессильно даже время. - Самый богатый богач несвободен от людей и денег, от жизни и смерти. Не свободны властелины мира, в первую очередь от истории.

Она судит правых и виноватых, без скидок на звания и должности, состояния, известность и умолчания.

Ветер, казалось, дремал, но лишь только Поэт умолк, он встрепенулся, исторгнул мягкие, как лопушинки, звуки. Ласково пожурил:

- Не то, Поэт из рода Белого Оленя. Ты постиг форму, но не постиг суть. Какая она, в чем, не ведаю точно, но догадываюсь, что в вечности. Люди живут мало. Ветры живут всегда, они бесконечны в пространстве и времени, как породившая их материя. Я самый юный из Ветров-Сивера, но мне столетия. Я свободен, хочу - сплю, хочу - разгоняю и вновь собираю в пасмурь тучи.

- Лучше быть мудрым, чем вечным, - усмехнулся Поэт. - Все хотят счастья, но полного счастья нет. Не бывает. И не надо его полного. Стоит достичь и утратится смысл бытия. Истинное счастье то, которое еще впереди. Мое счастье в художественном совершенстве, я никогда не достигну его, потому что нет предела совершенству вообще, и это тоже счастье - беспредельность совершенства. Так или нет?

Может быть, счастье в свободе духа? Подчиненность богам и начальникам-юромкам делает людей рабами. Стремление к свободе и длительности жизни - вот цель! Человек должен жить долго, чтобы сделать много.

- Общю, - поморщился Поэт. - Счастье у каждого особенное. Есть счастье целого народа, государства, есть отдельного человека. А людей всех не перечтешь.

Ветер расправил крылья, легко взмыл над деревьями и кустарниками. С высоты крикнул Поэту:

« Стихотворец! Веришь, значит, надеешься. Вера - тоже счастье. Один рад хвосту нельмы, другому вороха рыбы мало. Ты довольствуешься одеждой из шкур и сухой пресной лепешкой сухтум, испеченной в золе костра. У тебя нет даже чернил, чтобы записать стихи, ты не знаешь грамоты. Поэт, где твоя письменность? »

- Ее нет. Я отливаю устные самородки и раздариваю по всему свету. Настоящие стихи дороже золота. Вот так!

Сивера не все понял и улетел на совет к авторитетному Свет-Ветру. Свет-Ветер уважал Поэта и велел Сивере следовать его наставлениям, предупредив, что шаманы Кривой Медведь-Пуппи и Плешивый Колонок ненавидят Поэта, хотят отравить ядовитым борщевником.

Сивера поспешил сообщить об этом.

- Знаю, - подсадовал Поэт. - Они хотят оборвать мои песни, но жизнь остановить нельзя, как нельзя остановить звезды в небе. Неприкаянными медведями-шатунами будут бродить шаманы в нижнем мире у Кынь-Лунгу. Царь мертвых устал от собственного зла и благоволил честным и благородным. Мне в нижнем мире будет хорошо, шаманам худо. Очень худо. Отведают палок и зубов страшилища.

Когда Поэта действительно отравили, Сивера обратился к кедровке Орнэ, и проворная птица тотчас вспрыснула в нос и уши погубленному целительное молочко из шишек, окропленное утренней росой. Поэт очнулся, как после тяжелого обморока, расправил затекшие от неподвижности члены и обратился к собравшимся на его похороны соплеменникам:

- Прав Сивера, люди ничтожны перед вечностью. В верхнем мире лучше, чем под землей. У Кыня живут только прошлым. Люди из рода Белого Оленя! Умершие были когда-то сильными и ловкими - народом низовых ваховских мест, но души расстались с телом и ненасытный Кынь согнал их в царство сумерек. Помните и спешите жить, линия верхнего мира очень короткая. Наполняйте ее добрыми поступками. У Кынь-Лунгу почти не бывает снега, негде ходить на лыжах, скакать на нартах. Люди из рода Белого Оленя! Братья и сестры! Спешите рожать детей, строить жилища, учить грамоте детей. Став умнее, бросьте дров в чувалы, зажгите огонь. На огне в медном котле сварите свежую сохатину, помяните добрым словом предков, о вас вспомнят дети и внуки. Сила живых в преемственности обычаев.

Поэт не испытал еще любви к девушке и ждал эви, предвидя чудо откровения. И эви, очарованная его стихами, явилась к нему. Сверкнув озорными раскосыми глазами, рассыпав по лицу косички с медными бляшками, поклонилась хозяину чума.

- Питявола!

- Питявола! - усадил ее в передней половине на циновке из камыша, выставил на трехногий столик угощения. Друзья: Сивера и Орнэ - с любопытством наблюдали за происходящим. Затем Поэт взял нарыс-юх и запел про девушку Изин, которая подарит ему сына-наследника и новые стихи. Сделает по-настоящему счастливым. Любовь - единственное, что не требует совершенства. Любовь благородна и незаменима в любом качестве. Без любви и поэзия ничто, пустой набор слов.

Так случилось. Они поженились, родился у них мальчик. Ветер качал его люльку, баюкал малыша. Орнэ приносила в клюве целительное кедровое молочко, окропленное утренней росой,

однажды воскресившее Поэта-отца.

Иногда навевался Свет-Ветер и они коротали время у затопленного чувала, рассказывали всевозможные истории из жизни людей и богов, из жизни зверей и птиц, рыб, растений. Поэт декламировал стихи. В них угрюмилась тайга, ханты выкрикивали приветствия, мчались сломя голову олени в упряжках, вились дымки над чумами, - в стихах была жизнь...

Однажды Поэт исчез. Друзья посчитали, что его забрал к себе спохватившийся оборотистый Кынь, но неожиданно он вернулся с великой вестью живой и невредимый.

Ходил к соседу - русскому народу. У него другой язык, другая вера. Свои шаманы-попы, исправники-юромки, верховный московский государь. С ними насмерть бьется их главный матур Ленин. Он помнит и о хантах, обо всех больших и малых народах. Шибко малых для него якобы нет, есть просто народы и народности, которые надо одинаково уважать и понимать. Ленин якобы против любых угнетателей-юромок. Так утверждают русские-большевики.

Поэт настроил нарсыюх, которым владел отменно.

"Ханты! Вы явились из тьмы,
А избудетесь к свету вечности, -
Возвестил стихами. -
Под защиту новой власти.
Русские оградят вас от бед,
Правильно будет в Югории.
На реках и пасолах,
На лугах и поймах,
В сосняках привольно.
Гомонят чайки-рохли:
Хой! Хой!
Звенят кулики:
Пось! Пось!
Сурам-смерть крадется опушкой,
Когтит без разбору
Богатых и бедных,
Взрослых и детей.
Пока что когтит,
Съедает дыхание лил,
Слепит глаза трахомой.
Но народ вечен,
Даже ей не под силу кантага-ях.
Крепитесь, люди из рода Белого Оленя!

Мужайтесь, рожденцы низовых мест!
Большевики грядут..."

Ханты качали головами, пересуживались о возможных переменах. Чему-то верили, в чем-то сомневались.

А Поэт пел до тех пор, пока окончательно не одряхлел - старости никто не минует. Смерти не минует. Однажды его подстерегла сурам, серой тундровой совой унесла душу лил к Кыню. Теперь уже навсегда. Старого не воскресить, старый обязан занять свое место в нижнем мире. Нарыс-юх по наследству принял сын Поэта.

Он запел про всеобщее счастье, про большую войну большевиков, называемую революцией. Пел о новой стране Республике, что поднималась из разрухи и голода, порожденных этой же революцией, большевиками, о школах-интернатах на полном государственном обеспечении.

С годами в его песнях все чаще проскальзывала тревога. Не возвращаются ученые дети обратно в стойбища, хиреют древние рода хантов. Стойбище Белого Оленя сильно потеснила труба. Невдалеке от чума Поэта-сына на железные лапы угнездили будку, в которой ворчало, потрескивало, как в грозу электричество.

Сивере вторжение не понравилось, и он улетел на облако к Свет-Ветру; издохла кедровка Орнэ. Местной ульты-нэ, жене Поэта-сына, некого стало учить в опустевшем стойбище, волея-неволей пришлось перебраться в поселок, где школа, работа для ульты-нэ, печатные знаки для стихов ее мужа. Распрощались с прахом родителей Поэта-сына и кедровки, почившей на берегу озера в сосняке.

А вскоре вернулся затосковавший в небесах по земному Сивера, поведал друзьям о дивных временах, когда соболя шапкой били, так его много было! Нельму и осетра черпали пологом.

По настоянию Поэтов Югры деревянные избушки и опустевшие чумы вместе с уцелевшей утварью переместили с берега озера в поселок на холм Таирки Самара, сделали музей под открытым небом, чтоб знали и помнили, дивились искусству лесных людей новые поколения, заново открывали хантов и манси. Создали в Югории заповедник природы, национальные мастерские, кооперативы, где коренные жители могли бы проявить свои способности. Скажем, речка Сабуи закрепляется за родом Каткалевых, а протока Кривая Ромбандеевых, и не может "покоритель края" без их согласия поставить здесь буровую, как ставил в царстве создателя вселенной Нуми-Торума. Автором такого начала явился хант Василий Семенович Сондыков - ныне руководи-

тель крупного территориального фонда обновления.

Слушая Северу, задумываются люди, меньше совершают ошибок, пытаются залечить раны Старухи-Земли. Ветер знает про это и радуется: вспомнили-таки стозвонные смолевые бора, чистую воду и нетоптанный хрупкий ягель. Среди неотложных дел вспомнили, наконец, про великие малые народности, стараются улучшить их жизнь. Мечта Поэтов Югории, похоже, сбывается. Мечта - всегда стремление к совершенству, полет, всегда движение вперед, в этом она сродни Ветрам и Поэзии.

И во мраке видеть вечное

В детстве Пима ударила по голове копытом взбрыкнувшая от укусов овода оленуха и он ослеп. С мальчиком из хантыйского становья навсегда подружилась ночь. Вначале Пим испугался черного покрывала, горько плакал, страхась того, как будет жить на свете. Страшились родители, все становье вздыхало и печалилось. Но постепенно Пим и все остальные свыклись с несчастьем и перестали обращать на это внимание. И даже лучше, что перестали, Пим мало-помалу освоился с темнотой, острее стал различать звуки и запахи, наощупь угадывал предметы. Научился он плести из ивняка рыбацкие ловушки-вентера и мордушки, выделывать замшу из оленьих шкур, приспособился шить обувь, украшать коробки-корневатики узорной вязью из коры молодой ивы, заготавливать дрова на зиму. Ориентировался в лесу, как зрячий.

Остро чувствуя запахи, миновал бурелом, заросли вереска, пихты, иные деревья и просто преграды. Миновал луговины в покровах трав. Миновал воду. Воду он тоже угадывал нюхом. Огибал ямы, отдающие тленом, гнилью. Запах хвои позволял угадывать хвойники на пути, отличать, скажем, ельники и кедровники от осинников. Березняк тот вовсе наособицу. Его аромат сладковатый, но с кислинкой.

Осиновый горчит, вызывая щекотку в носу, выбивая слезы.

В известной мере обоняние, а еще слух, заменили Пиму зрение. Об этом даже писали в газетах, есть-де человек такой: чувствует все живое и недвижимое уловистее любой собаки.

Невест повзрослевшему Пиму находилось немало. Он же выбрал в жены соседку Вэр-Анг, которая правилась сызмальства, еще зрячему. Соединил с ней судьбу, а соединив, перебрался на заимку Тур-Ват. В девственном бору у него была рубленая, с нарами внутри, оконцем на восход солнца, избушка. Верст за девять от становья. Не близко. А Пим ходил туда и обратно в

одиночку. По болотам у него протянута проволока, а в иных местах бечевка, держался их и не забредал в топи, не сбивался в сторону - без вех и зрячему сбиться легко. По-хантыйскому издавнему обычаю пользовался и посохом.

Так привык к одиночеству, что начало претить суетное многолюдье. Даже становье слишком гомонливо. Олени всхрапывают, собаки брещут без повода, ребяшня шумит наперебой, стучат топоры, где-то подпившие соплеменники горланят песни, мешают сосредоточиться. А думать сосредоточенно Пим любил, подолгу внимал шепоту леса, дуновению ветерка, щебету птиц, бульканью родников и ручья в хвойном распадке - всему естеству, что постоянно сопутствовало, сочинял об этом всякие занимательности. Их безропотная слушательница Вэр-Анг: жена. За восприимчивость и полюбил ее крепче прежнего. За терпеливость.

Вместе отправлялись на глухаринные и тетеревиные тока, вместе рыбачили, промышляли ловушками зверя, собирали бруснику и клюкву, готовили пищу и плели из бересты сумки-пестеря. Мастерили на продажу чумашки-набирки. Пенсия невелика, а жить как-то надо. Еще родственникам помогали, половину пенсии отдавали состарившимся родителям.

Постепенно ночь перестала быть для Пима темной. Он воспринимал ее разноцветной, со множеством ароматов и благоуханий, оттенков и полных запахов. Из них составлял картины-мозаики, целые их букеты. Каждый запах ассоциировался с определенным цветом или оттенком, переливом. По желанию Пим менял их, превращал в виртуозные сочетания. Чувствовал движение вод, одинаково чувствовал рост трав, созревание семян и плодов, дыхание Земли, хлопоты птиц и насекомых, животных и зверей.

Все чудотворное мироздание тонко осязал.

Жители становья судачили:

- Пим - он святой. Замечен верхним богом, дедка Торум ему благоволит. Иначе как ходит по лесу слепой. Зрячие не всегда доберутся на займку, блуждают в чащах. Все-таки расстояние - три трубки искурить, три чая выпить. Утонуть можно в болоте, а Пиму ничто не мешает. Точно угадывает займку. И ничто не мешает быть счастливым.

Однажды в становье наведались молодые люди из Санкт-Петербурга - снять кино про югорцев. А, точнее, про казымское восстание. С ними была проводница из местных - Логана, она училась в институте народов Севера, но родных мест не забывала. Взялась проводить.

Приезжим гостям понравилось, как по улицам разгуливают олени и собаки и даже без привязи свободно бродит ручной медведь Сах. Аборигены в своей национальной одежде, не тянутся к вину, сохраняют прежние дедовские обычаи.

Некоторые помнили казымское восстание тридцатых годов, когда возмущенные самоуправством юромов начальников, казымчане отказались повиноваться районным и окружным властям. Перебили инспекционную комиссию.

Помнил ту драму и Пим. О ней пел и рассказывал близким. Про это вскользь обмолвилась Логана-проводница и гости тотчас захотели увидеть отшельника из Тур-Вата. Проводница попробовала отговорить, зная, что слепой не любит чужих, сердится, но Санкт-петербуржцы настояли.

Повела их Логана. Благо по проволокам и бечевкам несложно. Добрались без особых происшествий.

Услыша издали русскую речь, Пим, как и следовало ожидать, посуровел:

- Зачем явились? - спрашивает. - Мне не хочется беседовать с вами. Вы все являетесь только затем, чтобы взять, ничего не дав взамен. Разоряете Югорию. Мало того, что вламываетесь в склады-хранилища, уносите припасы, стреляете оленей, так еще губите Землю, портите людей. Запиваются ханты, особенно запивается молодежь. О ней больше всего говорить. А про казымскую пору смолчу. Вы все сводите только к шутке: "Наивные остяки и вогулы заявили тогда ультимативно: "Не дадим Москве сосвинской селедки, она без такой вкусной рыбы сама руки поднимет, на мировую пойдет". Не все так просто. Мы хотим правды и справедливости на своей Земле, хотим быть хозяевами эмторов и пасолов, всех родовых угодий.

Не смягчился даже, когда пообещали показать его профессору-окулисту: может вернет зрение. Наотрез отказался:

- Ни к чему. День покажет мне раны жизни, ее язвы. В среднем мире их множество. Горе сдавит душу, укоротит судьбу. Нет, не надо.

Его сняли на кинолентку, записали голос - когда рассуждал. Очень им было важно мнение такого таежника. А расстались все же дружески. Пим не умел и не хотел долго сердиться. Со всеми попрощался, каждому из гостей пожал руку, извинился за резкости. На прощанье, после застольного угощения, с Вэр-Анг дуэтом исполнили песню Удачи. Про то, что грядет долгая стужная зима, с метелями-снеговьями, заморами рыб, но все равно жизнь пойдет своим заведенным чередом. Нет ничего сильнее жизни.

Пусть люди больше думают о ней, - зачем живут и как. Что берут у Зеленого Дома - Природы и что возвращают ему.

С тем киногруппа избылась, одарив супругов с заимки какими-то безделушками. На заимке задержался лишь парнишка-ассистент, выполнявший роль то ли подносчика аппаратуры, то ли распорядителя по хозяйству, за все это время не проронивший почти ни слова. Его близость постоянно чувствовал Пим, не удивился желанию паренька остаться.

- Знаю, ты ищешь себя в мире испорченных нравов, - произнес тихо, - где царят суета и нажива. Истиной пренебрегают, довольствуются сиюминутным, легко дающимся. Слепой, я лишен многих соблазнов, постоянно общаюсь с вечностью. Мрак для меня - свет большого далека, что одевает Землю. Я постигаю разности Смерти и Жизни, Любви и Ненависти, Добра и Зла, Бескорыстия и Жадности, постигаю жизнь в том виде, в каком не способны постигнуть зрячие. Постигаю мыслью и интуицией. И во мраке вижу отчетливо - в нижнем мире души мертвых, в среднем - живых. В верхнем, на небесах, души полностью отъединенные от плоти, маятные и безгрешные в большинстве своем. Этим нет суда. У них безымянность, сиротами витают в космосе. Бесхозным, им неуютно, зябко, они просят о праве на них. Но имея свою, не могу взять чужие, иначе обижу свою единственную. Однако согреваю безымянные в вечности мироздания мыслью и беспорочным служением естеству Природы, людям. Торум тоже благоволит вечности, заодно с русским Богом многое прощает мертвым за живых, постоянно взыскующим о прощении тех зрячих, что еще во мраке греховности.

Так непохоже на себя, при чужих сдержанного, говорил старый Пим. Будто вещал ученику-преемнику.

- Воспринимаю Землю и Космос как бы наклоненными, - продолжал дальше, - как бы через призму. Они есть и нет ничего. Мираж. Величие. Беспредельность. Это работает душа. К ней богами приставлены ангелы-сообщники с творцом ВСЕмира. Зигдитель больше всего недоволен разложением нравов землян, отвергает напрочь революции-разрушительницы. Души революционеров попадают в ад. Висят над зловонными нишами, где хрюкают безобразно-шерстистые осклизлые существа, щиплют и насмеются. Есть за что. Под видом братства и равенства политики зачастую умышленно разъединяют людей, насыщают ядом двуличия и ненависти, как когда-то насыщали "пророки" большевики.

Старайся видеть душой, постигай Космос. Не ошибешься. Знаю, тебе противен средний мир. Ты близок к самоубийству. Но самоубийцы не в чести у Богов, не их это паства. Боги презирают

самоубийц.

Твое назначение в службе вечности, в думках о великом. Передаю тебе своих ангелов-охранителей, сообщников с творцом ВСЕмира. Мне и Вэр-Анг пора на небеса. Когда умрем, поставь над могилой бревенчатый домик с оконцами для приношений. В нем будем общаться с земным.

А сейчас отправляйся домой в Санкт-Петербург. ВСЕтворец посылает за тобой гуманоидов. Они часто бывают здесь, но избегают греховных людей. Сами во всем правильные, рассудочно-точные.

Доверяй им и жди сигнала о кончине.

В самом деле возникло голубоватое свечение, укрупнилось, и на поляну возле избушки опустилась серебристая "тарелка" небольших размеров. Открылся люк. Чья-то рука в эластичной перчатке властно поманила гостя. Он последовал вовнутрь. Люк зашторился. Космолет столь же плавно взмыл над лесом, какое-то время прощально повисел над заимкой и удалился на Запад, в сторону подлунной звезды над горизонтом.

Постепенно сократился до величины малого светильника, истаял в дальности.

Минуло где-то года полтора. Юноша, благополучно доставленный в город на Неве, уже стал забывать о событии, как вдруг однажды он проснулся, словно от электрического толчка. Вскочил с постели и увидел в глубине комнаты знакомого гуманоида в эластичном скафандре, голубоватом светящемся шлеме. Увидел бегущую по стене надпись: "Пимы скончались. Вылетай на погребение. Корабль готов". В окне рядом с балконом зависла гладкая металлическая "тарелка", идентичная той, в какой прилетел однажды.

Люк разверстый. Его ждали.

Юноша подчинился незримой повелительности. Тарелка ментально набрал скорость, и он ощутил движение по горизонтали. Не прошло и часа, как начали снижаться. На заимке санкт-петербуржец увидел тела супругов в похоронных обрядовых одеждах, в гробах, увидел поминальные дары. Видать, постарались соплеменники. Но людей никого.

Ему осталось закрыть тела усопших и срубить тот наказной домик. Он справил это без промедлений. Тем временем гуманоиды улетели, избылись в просторе.

Огньне он один служитель вечности на заимке.

Как-то поживется? Долго ли? С пользой ли? Что узрит из земной обители, какие познает откровения? Изрядно еще загадок во вселенной, многое, что кажется сегодня вымыслом, со временем станет фактом.

Говорят, юноша научился в одиночестве волхвовать. Видит

события, которые еще предстоят. Без ошибок может определять срок жизни любого землянина, предсказывает судьбу целого народа и даже государства, войну и мир, голод и благоденствие, урожай или недород. Вракует духовным воздействием недуги.

Дух Пимов время от времени является ему, они подолгу сообщаются. О нем? Кто знает. Пока существует божий мир, будут непознанности, тайны, ведомые лишь ВСЕтворцу, им же определенные. Нам остается по ступенькам и крутосклонам двигаться к Высшему, постигать и постигать, и в постижении этом обретать счастье и смысл нашего бытия.

Два Никиты

Русские издавна селились на Вахе, еще во глубине истории стремились сюда. Известно, тяга к неведомому издревле присуща русичам. Учились хожалые многому у остяков. В свою очередь остяки заимствовали у пришельцев со стороны верха солнца-полуденной, - когда венец его особенно лучист, пронзительно-яркий на своде. Думали, он такой потому, что Свет-Женщина Сунк в это время расчесывает золотым гребнем длинные роскошные волосы. Они и сияют.

А сказ о том, как русский Никита поспорил с Никитой-остяком из стойбища Ингун-Яун - кто из них сноровистей в деле. Соседей тихо да мирно, но вдруг загордились в одночасье.

- Меня тайга оденет и обует! - заявил Никита-остяк.

- А меня земля, - живо отозвался русский Никита. - И много лучше.

- Однако, однако, - язвительно хмыкнул Никита-остяк.

- Одного корня Тайга и Земля-Старуха, - с ударением мудро рассудил старик Лозямов. - Обе торумовы, божьи. Зачем делить, как хлебную пресную лепешку сутум, если совместные. Никакая без другой.

Все же учинился спор нешуточный.

Русский посеял лен; дав поспеть долгунцу, вырвал его, растелил на ветерке и пригреве солнца для просушки.

В свою очередь остяк снял с оленей шкуры, выделал из них камусы-шкуры с ног, выделал ровдугу - замшу; мех с размягченных в воде шкур снял подчистую костяным скребком. Сплел циновки из камыша, натесал тончайшей черемуховой стружки - сарги, для утирки рук и лица. Вместо полотенца.

Верно, одела и обула тайга, дала остяку всякие принадлежности, вроде черемуховой стружки сарги, сшитых из камусов ныриков и непромокаемых сапогов табаков из ровдуги, кисы.

Русский с женой не остались в долгу - вылежалый лен рас-трепали в мялке, шелковистую кудель вычесали из половы-оболочки железной щеткой, соткали на кроснах прочную снежно-белую ткань, накроили и нашили рубах, портов, кафтанов, женских исподниц становин, сарафанов, полотенец, кофт. Из шкур нашили шуб, тулупов, душегреек, трехухов, рукавиц. Скатали валенки, на всяк размер - взрослым и ребятам.

Сапоги русский Никита тачал не плоше кого, мужские и женские. Женские на весь мир прославились, теплые зимние и легкие для осени и весны-прохлады. Восприняли их французы и англичане, испанцы и шведы, прежде именуемые свеями: на все времена года обувка, в будни и праздники пригодна, на любую поступь. И не только себе, на продажу сподобна. Принялись тачать и заморцы. Это к слову. К тому, что ныне утратили русичи обувной и иной приоритет перед заграницей, забыли стародавнее, мастеровитое. Как, скажем, ханты утрачивают во времени свое.

Жена русского Агафья холстинковое белочистое, как рождественская купель, шитье уснастила позолотой, женское по подолу и обшлагам уснастила кружевами. Куда заморскому тряпью до русской сводедельщины.

Остяк не смутился. Из выделанных искусно шкур нашол кумышей - глухих же мужских одежд мехом внутрь, малиц - глухих мужских одежд мехом наружу, распашных колеков, шуб. Шубы и малицы украсил полосками тканей, бисером, мелкими пуговицами, прочей узорчатостью, колека украсил еще финифтью. Засмотришься.

Старик Лозямов доволен: знай наших стойбищных, хожальый, справедливо заключил:

- Однако шибко оба... Вэээл!... Хореи оба... Мы-моо-лотцы!.. Хорошо, значит молотками бьете. Попробуйте исделать ловушки, посудку... без чего нельзя в среднем и нижнем мире. Вэээл!..

Остяк Никита, будто на варгане - губной музыкальной пластинке из кости, - сыграл; нащепал тонких деревянных планок, перегородил реку - запер. Вместил в запер мордушку пон, наловил рыбы, сварил уху, ею угостил русских супругов. Хороша уха! Изготовил уемистую атарму - тоже для речной работы, показал, как в пору подледного кислородного голодания-загара ставить котец возле ключей живунов.

Русский все это сам справлял неоднократно, кроме лемешной пахарской тяготы промышлял рыбу и зверя, не чурался даров природы. Ягоды собирал, кедровые орехи заготовлял.

- Однако, - вздыхает удрученно Лозямов. - А лес, ходя, знаешь? Оо, лес всякий бывает, зверь в тайге всякий, троп много.

Никита-русский брал зверя черканом, кляпцом, кулемой, за-секой с самострелом, ударной плашкой (скажем, белку), капканами. Всякой снастью владел.

Никоторый не перевесит в этом. Равные.

Остяк смастерил из бересты чумашки, набирки, туеса, кузова, пестери, из корней кедра сплел коробки вечной прочности-корневатики. Русский добавил к ним свои берестяные и деревянные изготовления, лепную гончарную посуду. Набрал возле курьи-глухого отростка Ваха глины, уселся за круг. Ногами вращает этот круг, а ладонями формит корчажки, кринки, кувшины, которые талией вовнутрь, которые наоборот с расширением посредине. Наделал чашек, плошек, тарелок, кружек. Просушив, отшлифовал, прокалил на жару, снаружи специальным лаковым раствором покрыл. Обливными посудины назвал. Некоторые расписал узорами.

Любо поглядеть, сами в употребление просятся.

- Дальше! - раззадорился Лозямов, тоже из стойбища Ингун-Яун, что возле озера Магн-Лор. - Народ кантага-ях шибко большой и знаткий про все. Вэээл!.. Транспорт...

Русский имел в хозяйстве сани-розвальни, имел кошеву-санки укороченные легкие, с зашитыми боковинами, под пару лошадей и даже тройку. Имел Никита телегу, дроги и опять же легкие беговые дрожки. У остяка ездовые грузовые и ручные, просто ездовые, - без груза, - мужские и женские нарты. Разные. В упряжке и без - картинка, лебедь сван.

Упряжь - от потяга пояса через туловище коренника и недоуздка пристяжного до тяжа под животом коренника - вся к месту, ладная да справная. Недоуздки почончо из роговых пластинок, с бляшками, насечками; вожжечка с левой стороны недоуздка, у рога. Вшитый в пояс крючок удерживает ее на весу. Олени малейшее желание каюра понимают через подергиванье вожжечки, движение хорья.

В лошадиной упряжи, вестимо, хомут да дуга, иногда с колокольцами, чересседельник и подпруга, супонь, вожжи, шлея, кнут. С лошастью меньше церемонятся, хлещут, рвут губы удилами. На крик берут. Никита собственную животину берег.

Ему стамеску, ножик, сверло в руки - чудо совершит, диво дивное.

Остяк тот почти без ничего, за пару дней обласок сподабли-

вадет из колодины. Дело мастера боится.

Оба семейственность и благочестие блюдут, достоинство души, народными средствами болезни врачуют, отечество обороняют... Без мужика никуда держава. А она общая у хантов и русских, на большой и малый народы. Каждый по своему хорош, по своему талантлив.

Русский привез из леса бревен, на козлах распорочил, исколол чурки в поленья и сложил аккуратно, заботливо. Это в дополнение к тому, что весной сложил в лесу. Те дрова звались веснодельными.

Ингуи-яунцы из-за частых кочевок ни пищи, ни топлива, ни имущества какого впрок не запасали. Лишь самое необходимое необременительное имели. Все остальное по первому востребованию давала тайга. Могли показаться ингуи-яунцы беспечными лентяями, но только не русскому Никите, знавшему их не понаслышке. Хватало семье несколько сушин для обогрева, в живых деревьях духи обитают, прогневаются, нашьют беды. Вообще несообразно губить спелые, если сушин достаточно.

Спелыми деревьями тайга сильна.

Русский прокатил остяка вместе с дедкой Лозьямовым в кошеве с ветерком, долго запрягал да скоро ехал. Взблескивали подковы меринка, взблескивала кухта-иней на ветках, кованые полозья взвизгивали на поворотах, где дорога круто брала в сторону.

Спорщик в долгу не остался, по торной тропе - на беговых нартах прокатил. Олени бойко строчили по накатанному снегу, выбивали мелкую секучую крошку. Брос-брос, - наклонивши отягощенные рогами головы, ритмично, как заведенные работали олени. "Поть! Поть!" - весело-озорливо играл хореем каюр. "Вись! Вись!" - вдохновлялся дедка Лозьямов, вспоминал былую молодость... Струится под нартами дорога, струится в беспрестанном скольжении нарты. Казалось, небо замерло, восхищенное слаженностью коренника хора с пристяжной.

Прокатившись, отправились на медвежью охоту. Русский с рогатиной и топором, остяк вооруженный пальмой: острым длинным ножом односторонней заточки, вправленным в древко. Первый без особых измышлений посадил на рогатину блудного шатуна, что возле Магн-Лора, на виду у стойбища, промышлял в заводи плотву.

Остяк прежде умилостивил божка Астый-Ики, намазал губы жиром, обернул деревяшку цветными тряпками. Задобрив таким образом, попросил у Астый-Ики удачи и чтоб "пуппи не оцара-

пал". С собой в лес взял ручную нарту с постеленной на нее шкурой-нырвой. У берлоги срезал молодую сосенку, вправил вершиной в чело-отдушину, словно ввинтил в залегшего бурого. Колет, щекочет сонного "хозяина". Терпел, терпел тот, да как вымахнет на свет. Вздрыбился во весь рост.

Остяк беспромашно воткнул в горло пальму и бурый пал на снег, захрипел. Остяк его освеживал. Мясо отделил от шкуры, а голову оставил как есть - для праздника. На все стойбище был праздник. Жданный. Голова величественно покоилась в переднем углу жилища на трехногом столике. Перед ней угощения всякие, перед ней же справляли театральные игровые действия с песнями и плясками. В них участвовали все желающие.

Голова на столике воспринималась умершим родственником, который навещил живых.

Время от времени голову поднимали, при этом выкликая имена усопших. Если при упоминании кого-либо голова покажется тяжелой, значит, навещил именно этот родственник, его душа затосковала, запросила общения. В чем-то обижается покойный на живых. Может, забыли совсем. Надо его задобрить.

Отпраздновали, как водится в таких случаях, попиروвали с песнями и плясками, послушали сказки-мант дедушки Лозямова, - большой он мастер по этой части, уважаемый в округе мантеку, - и пока сумерничали, о том, о сем рядили, судачили, надумали обручить сына и дочь двух Никит.

По издавнему обычаю русский срубил молодоженам в бору на взгорье добротный пятистенник - окнами на озеро. Окна обрамил ставнями. Срубил стайки, сараи, загоны для скота, выкопал погреб и колодец.

Все предусмотрел.

Молодожен остяк ноль внимания на хоромы почти боярские. Не соглашается в пятистенник. По привычке поставил рядом с домом чум. Ему, кочевнику, так проще сняться весной к Ваху, его открытому плесу. Там меньше гнуса, уловистей после нереста рыба, или же уйти в топольники за озером, готовить обласки в обмен на порох и дробь.

Целесообразно времени года.

Жилища подстать обстановке. Избушки-клетушки об одно оконце. Промысловому что еще надо после изнурительных хождений по тайге. Лишь бы тепло, ветром не продувало пазы. Селения в четыре-пять семей тоже уединенные. Для общего пользования прямо под открытым небом, на улице, большой котел, под навесом чумал. Возле чумала куча сушняка. Невдалеке же, впритирку,

оленьи избы рут-кат - для защиты от непогоды и комара. Как водится, вешала для сетей, лабазы, амбары. Ничего лишнего и недостающего. Все предусмотрено.

Чум - самое распространенное жилище, самое удобное. Его собрать и разобрать в любом месте и при любой надобности минутное дело. С ним не расстаются всю жизнь. Чум легко умещается на нартах, незаменим в сезонных кочевьях.

Все же уговорил зятя поселиться в пятистеннике. Довольный наведаясь поутру к молодоженам, и что же?! - посреди избы, как на дикой вольной воле - чум. В чуме на железном листе и глине польхает костерок, дым тянется в распахнутое окно. Пол затоптан, испятнан сажей.

- Ох-те, наделаешь пожара! - схватился за голову тесть. Выкинул вон бересто и жерди чума вон. С супругой и дочерью навел в доме порядок.

Обиженный зять, не понимая, что от него хотят, вырыл в знак протеста глубокую нишу в снегу, в нише стенки-боковины слегка оплавил огнем, дал подмерзнуть, укрепил палками, веток настлал вместо постели, и, заткнув отверстие изнутри малицей, улегся спать с женой. Ночь, другую они в норе.

- Дела-а! - тесть Никита разрушил и нору.

В отместку молодой остяк укатил на другую сторону озера, в ласковую суходольную гриву. Там устроил навес из берестяных полос-тисок, соединенных сухожильными нитками. Перед этим бересту для мягкости выварил в горячей воде. Боковины навеса с трех сторон забрал жердями. С четвертой, открытой, развел костер и расположился под навесом. Едва добудились тесть с дочерью. Так и сяк выясняли отношения. В конце концов парень соорудил просторное жилище Вю-ал. Заглубил стоймя в податливый грунт опоры с расщепами наверху, положил перекладины и боковины заплел лозами да ольховником. Жилище получилось арочным, полусферическим. Скругленным кверху.

Внутри - нары. У входа они женские: женщине рано подниматься по хозяйству, незачем беспокоить остальных обитателей. Мужские нары глубже. Так заведено испокон веку.

- Караму могу изладить, - похваляется остяк-сын. - Вырою яму, укреплю лесинами. Сверху завалю землей, замаскирую корьем, травкой. А вход со стороны воды закрою кустами. Не найдете однако. А найдете, спущу на воду облас, уплыву по эмтору. Пустая будет землянка.

Усмехнулся довольный.

Тесть слышал от дедки Лозямова, что у воды в карамах

ханты в пору давних междуусобиц прятались от чужаков, отзывались лишь на сигнал-крик, выстрел или условный удар палкой о дерево. Но междуусобиц давно нет, и карамы остались лишь в преданиях.

- Жилье из четырех углов могу. Вю Тонто, - хвалился расходившийся зять. - Это так...

- Довольно! Довольно! - замахал Никита. Видно кому что наречено отроду: кому поп, кому попадя, а кому попова дочка. Милуйтесь себе на усмотренье, где хотите. Хоть в боярских палатах, хоть в шалаше-закуте.

Обрадованный предоставленной свободой, зять одарил Никиту собольей шубой, с подкладкой из шкурок лебедя, с воротником из хвостов горноста-снежнобелым. Не шуба - целое состояние. Купцы за такую короб денег дают.

Но дареное не продается. Дареное - знак хороших отношений.

В ответ Никита отдал просторный холстинковый шабур: в дорогу зимой поверх малицы натянешь - тепло в любой мороз, при любом ветре. С тех пор стал шабур на Вахе распространенной одеждой.

Еще брагой улестил зятя. Ядреная, пенистая она больше всего пришлась по душе остяку-сыну. Захмелевший зять плясал, пел, как жизнь, тягучие песни:

"Скоро будет у меня сын,
Кешкой назову Человека.
Буду с Кешкой рыбачить,
Плести мордушки пон.
На лося будем ходить вместе,
Одному все время нехорошо в тайге,
Вдруг заболеешь или повредишь ногу.
Веселее вдвоем и дома..."

Долго ли, коротко ли, досталось двум Никитам умереть. В один день и час преставились спорщики-Мастера.

Русского Никиту вынесли из дома вперед ногами, на могиле водрузили крест. Остяку, тоже крещеному, перевязанный тряпичей крест только положили, но не вкопали. Оленя в жертву забили. На оленью шкуру нырву поставили нарты, уместили домашнюю утварь, кое-какую одежду, обувь, снасти. Будет рыбачить и охотиться в нижнем мире у Кынь-Лунгу. Все понадобится в той жизни.

В деревянный надмогильный срубчик принесли всяких кушаний, напитков. Даже деревянных кукушек предусмотрели. Ле-

тами они будут куковать покойному, напоминать о среднем мире. Навещая часто Никит, ингун-яунцы проторили к хальмеру-погосту тропку. Хороших людей в старину и на том свете ценили.

Олененок малый

Ковал кузнец олененка малого, по-хантыйски авку. Дотошно ковал, набивая мозоли на ладонях, обливаясь потом и угорая в дымном чаду. Так трудно он ковал, что не замечал времени. А больше всего мучился душевным томлением. Вначале ваял Артемий образ из глины: то бегущим ваял авку, то дремлющим возле матери в бору, то резвящимся среди прямоствольных звонких сосен.

Отковать он мог все - от пустынной площадки до плуга. Редкая это среди хантов профессия - кузнец, а между тем Артемий владел молотком да кувалдой как искусная швея иглой.

Слыл в селе уважаемым человеком. Мастером. Хоть что, хоть кому походя ладил. Спорилось ремесло в его руках, одинаково по нужде работной и душевному вдохновению.

Больше влекло Артемия к изящному. Скажем, откует из горячего металла кедровку, подправит напильником шероховатости, отшлифует - чудо не птица, того гляди взмахнет крыльями - в тот же миг будет такова. Медведя-ики, когтистую росомаху, сохатого с рогами-лопатами в оглушающем реве - все может отковать.

Олененку малому лишь недоставало совершенства, ускользала живинка и образ смазывался, грубел.

Попробовал выстругать авку из дерева, дерево чувствовал не хуже глины и металла, а вот поди ж ты - и в дереве не давался авка.

Совсем спал с лица Артемий, не кует и не лепит, не режт по дереву - размышляет. К тому времени авка его детства стал сильным ездовым хором, но в артемьевском воображении остался все тем же шаловливым, со вздернутой задорно мордочкой. Бывало потрется теплым шерстистым бочком - позовет играть и Артемка пускается вслед за ним наперегонки.

"Вот что надо! - осенило Артемия. - Радость авки передать. В звуках. Мир ведь он поет каждой веточкой, кустиком, деревом, водой, воздухом. Безмолвной жизни не бывает".

Принялся нарсьюх мастерить. Склеил из деревянок остов, на остов приспособил тугие струны, принялся звуки подбирать. Сперва про тетеревиные игрища, шаманские магические действия

из давних времен, когда в чести были матуры-богатыри и сказители из народа-мантеку, а ханты жили либо укромно племенами, либо крупными родами в острожках с засеками из бревен. И были во главе родов известные князья. Самар, например, его городок коренился на холме. И село потом много позже назвали Самарово. Так постепенно шагок за шажком подвигался Артемий к главному образу, опасался в звуках начинать тотчас с авки. Потеряется олененок.

Играет на нарсьюхе всякое разное, славно играет - для себя и сельчан, уединенно и на состязательных смотрах, а перед глазами все он же малый олененок на подтаявшем апрельском снегу. Исподволь начала складываться желанная картина из звуков, прежде не дававшаяся. Теперь начала складываться желанная картина из звуков, прежде не дававшаяся. Теперь наперегонки спешили они слиться в то, что томило и жгло неусыпно. Минувшее далекое звучало струнами...

С полой весенней водой откочевали семьей на Вольный Туман - к соединенным протокой озерам эмторам. У Артемки легкая лодочка калданка, плывет туманом-озерами, а олененок в это время спешит по берегу, тяготясь разделенностью с другом. Очень привязался к парнишке.

Любовь - высшее, что есть на свете. Артемка ею вместе с авкой и жил. Никогда не злился и никому не мстил. Он и повзрослев остался на редкость безобидным.

За умение его часто именовали самородком, тиражировали в газетах портреты. Дали квартиру в городе. В городе же однажды встретил Альфию, проникся ею с первого взгляда. Казалось и она полюбила. Но семьи не получилось. Альфия часто исчезала из дома неизвестно куда, не интересовалась делами Артемия, ноль внимания на мужа.

Надоело все это Артемию, вернулся обратно в деревню.

Писал картины - и они получались, сочинял музыку - и музыка получалась. Резал, пилил, ваял, ковал - все удачно.

"Однако мне прежде города не хватало, чтобы стать художником. В городе рядом с пустой женщиной я узнал одиночество. Одиночество - большое горе. В горе человек мудреет", - осенило Артемия.

Музыкальную поэму о шаловливом резвом детеныше леса ныне знают многие и с нею знают самородка из древней Югры. Получился-таки у него и олененок на подтаявшем апрельском снегу - олененок его детства. И этому Артемий больше всего рад.

Жены Иуси-младшего и железная машина (по мотивам газетных хроник)

Лишь непосвященные думают, что ненцы живут только в тундре, живут они и в тайге. Когда-то ненцы почти все обитали в Югре, но большая война татар с хантами вытеснила их с отчих лесных становищ на открытые продувные моховины. Так ведают преданья. Лишь несколько семей вопреки всему остались в тайге, их в отличие от тундровых назвали лесными ненцами.

Прихотливы и продолжительны судьбы двух ныне здравствующих почтенных лесных ненок Утчани Янкелевны и Мали Улькановны. Видеть их не видел, но многое слышал о них и читал хорошего. Когда-то обе женщины были беззаботными щебетливыми девчушками из своего стойбища, ничем не особенными.

Однажды к ним в стойбище наведалься богатый тундровый ненец Иуси с сыном Тули, мальчонкой лет тринадцати. Хозяйственный ненец и сына приучил к делу; имел стада на Ямале, зажиточный был. Завершил он дела в стойбище, хотел вернуться восвояси, а сынок его Тули заявляет:

- Хочу, - заявляет, - жениться на двух здешних эви Утчани и Мале. Пора мне, отец, жениться, иметь детей. Закон тундры и тайги разрешает жениться рано, иметь несколько жен.

- Но все же ты мал, - возразил отец. - Подрасти. Окрепни.

- Вспомни, во сколько женился сам, - артачится Тули. - рано женился, зато и детей нарожал много, завел большое хозяйство. Почти княжеское.

Нечего делать, согласился отец: убедительны доводы. Уехал к себе в Заполярье и оттуда послал в обе семьи разом опытного свата Ямайко. Прикатил Ямайко с роскошными дарами, целый олений аргиш-караван пригнал. В нартах ткани, украшения, сладости. Толкнулся сват сперва в избу родителей Утчани, с улицы спрашивает:

- Дочку вашу я застал?

Хозяева тотчас смекнули в чем дело, отвечают:

- Дочка за дверью слышит. Дочка шибко малая, вредная. С одной косичкой, остальные лениться заплетать.

- Нам такую и надо, - невозмутимо поддакивает сват. - Зато жених хороший, хорошее к плохому, опять будет хорошее.

- Кто жених ваш? - допытываются хозяева.

- О, самый-самый! Знатный, гордый, сильный. Добрый будет хозяин Тули. Упустите счастье - не наверстаете в срок всей жизни, никогда не наверстаете. Соглашайтесь подобру.

Хозяева впустили свата в дом, усадили в "красном" углу, на деревянном посохе семьи сделали ножиком пометку - оленя затребовали в приданое и еще несколько их в придачу. На каждого хора-самца и важенку отдельная зарубка на палке-символе. Да цветных платков сколько-то, да бутылок водки, хлебных лепешек сухтум. Сколько-то новых малиц, бисера затребовали. На все согласился заранее подготовленный старшим Иуси сват Ямайко. Не скупясь давал все, что просили, наперед соглашался. Охотно кивал головой, словно радовался просьбам: мол, готовы на любое, первые в тундре. Все можем.

Тут появилась из-за двери Утчани, поклонилась низко родителям и свату звякнув медными бляшками в волосах.

- Готова я в дорогу к Тули. Хороший мальчик Тули. Буду его женой.

Сват распил с хозяевами бутылку водки, подарил кое-что "из рук" будущего родственника - передал им. Тем временем Утчани собрали в дорогу, торжественно вывели под руки из дома, у порога поставив на игольник, обязав поклониться на все четыре стороны света, торжественно усадили в нарты; кэюр погнал упряжку прямо на восход солнца, в дальний путь к тундре. Ямайко с частью каравана отправился к дому Мали, навеселе после выпивки справил ту же самую обрядность и опять встретил согласие. Трудно отказать богачу Иуси. Собрали и эту девочку в дорогу.

Без труда догнали упряжку с сосватанной Утчани. Поехали на восход солнца вместе. Ехали они, ехали. Раз заночевали, другой. Вот наконец тундра холмистая, за холмами жилые чумы и стада Иуси - целый лес рогов. Все здесь иусино: звери, шныряющие по сугробам, рыбы подо льдом, ягельники. Люди встреченные - его, Иуси, работники. Хвалится Ямайко:

- Могучие мы перед богами. Боги нас чтут.

- Не говори так! - упрекает Утчани. - Хвастун.

- Не надо! - пугливо озирается Маля. - Услышат боги, накажут за слова. Вовсе бедными станем, сильно огорчим нового хозяина.

Умные попались девушки, не продешевил Тули.

- Ладно, молчу. Не стану больше дразнить тормов, - хорохорился поубавивший пыл Ямайко. - Однако кто способен разорить Иуси Шушпевича? Никто! Его сам белый московский царь жалует высшей милостью, на днях прислал ему охранную торговую грамоту, чтоб сбывал товары без пошлин и налогов. Во как!

Верно это сказал. Послал государь всея Руси такую бумагу

на вечное владение просторами, зная, заслужил того сметливый тундрянин. Себя не обделял и державу одинаково, соблюдал равновесие.

Встретил жен Тули, радости-то! Мальчишечка и есть мальчишечка! Схватил их за руки, потянул в чумы. Для каждой жены отдельный из лучших шкур вэли-кан, согретый изнутри жарким костром из бездымного ерника. За ночь он то к одной сбегает, то к другой. Тронет жену перстом, пощекочет и девочка без слов понимает знак, отдается Тули. У них у каждой через год родилось по наследнику. Стал Тули отцом двоих детей, стал справным распорядительным собственником. Чем больше становился собственником, тем меньше уделял внимания женам - дела все больше отвлекали. А они хотели тепла и ласки, хотели жить не затворницами в роскоши и неженками избалованными, а обычными членами родовой фратрии. Хотели трудиться наравне со всеми ненками Иусиной тундры, в лености скоро отупеют, пресытятся. Станут пустоватыми, без запаха, цветами.

Пристратились плести циновки из камыша, тянуть нити из тугих оленьих жил, выдирать искусно ровдугу и камус из шкур, шить малицы и кисы родственникам и просто знакомым. Ничем не отличались от других женщин-чумработниц. Их уважали - не белоручки. Но Утчани и Малей в одночасье овладела тоска по лесу. Хороша тундра, приветлива, однако голая на все стороны, а югорские ненки привыкли к тайге, каждый уголок в ней населен добрыми и злыми духами, реки темные, озера-эиторы светлые, укромные, много в приречьях ольхи и черемух, певчих птиц, сказок про леших и богатырей-матуров. Нет, не заменить тайгу тундрой, пусть даже с ядреным ягельником, множеством оленей, чутких собак для охоты и выносливых для упряжек.

Стали жены дружно намекать Тули про Югру, легенду ему поведали:

- Старик Обь как-то выдал замуж свою дочь Агану за сына Торума-ики, у которого было еще имя Торум-Ягун. Вместе молодые прожили недолго, разбежались в разные стороны: характеры у них у обоих беспокойные, бурные. Особенно в ветренную погоду сшибчивые. Ну, разделились на два русла... Тром-Аган устремилась на северо-запад, Аган же выправился на восток, но тяга друг к другу у них осталась. Соскучится хозяйка зеленой равнины, пошлет восточку: малую речку пошлет ему. Бывший муж ответно посылает ей светлый ручей или застойный пасол, смотря по настроению и возможностям. Так и пошло у них: каждая новая восточка - новый приток, обязывающий к полноводию. При-

бавка. Реки посылают друг другу весточки, встречаются в перво-родном главном русле, - многозначительно продолжают жены. Люди тем более должны встречаться, никуда не денешься от истока. Не избежишь его.

Тули умный, понял, что затосковали всерьез его эви по Югре, и вместе с тоской убывает их привязанность к нему. Может совсем истаять. И сказал женам умный юный Тули:

- Утчани и Маля, поезжайте в места детства, моя на то вам воля. Как минет три больших круглых луны, возвращайтесь, иначе худо станет мне одному без любви-света. Заболею.

Поклялись женщины в верности, отбыли в тот же день. На оленях благополучно добрались по снежной целине до Агана, притока его Егонижки. Добраться-то добрались, а там беда - холера выкосила полстойбища, некому возрождать его, каслать хоров и важенок, рубить новые дома, ставить чумы, кормить собак, охотиться и рыбачить.

Старшая из жен - Утчани помчалась нартой по проторенному недавно ими следу в тундру - сообщить мужу про беду. Сообщила. Добрый умный Тули отправил на Аган лучших своих пастухов, лучших оленей, сам приехал и привез детей. Привез на счастье деревянных богов земли и неба. Ребятишки быстро привыкли к лесу, не хотят обратно на открытые продувные моховины - в тундру, и не хотят жены. Что делать? Решил Тули сменить место обитания, остаться насовсем в тайге. Перегнал сюда стада, переправил чумы с утварью. Продолжил он род лесных людей на Агане и Егонижке, совсем небольшой речонке, но в "отца" строптивой.

Когда умер, его дело продолжили жены: учили ненцев ум-разуму во всем, оленеводству учили, ремеслам разным, обычаям. А главное учили дружбе.

Жили Утчани и Маля, уже состарившиеся, скромно, в одной избушке над речным обрывом, одним хозяйством, служа опорой друг другу. По соседству жили их взрослые дети со своими детьми. Всем на завидки дружно жили, служа примером на долгие времена. Не держали ревности друг к другу две жены одного покойного мужа. Дружбой побеждали невзгоды вдовицы, любовью к людям и Земле скрашивали повседневность, долголетие свое продолжали.

Ждало их однако суровое испытание: бесчувственная железная машина Первопроходца принялась грызть самую сердцевину Земли, поедать ее и отравлять выхлопными вонючими газами,

масляными выплескаи, принялась выпивать воду из рек и эмторов, пугать оленей. Бездушно-всеядная, ненасытная очень скоро сожрала все живое вокруг, ничего не оставила роду лесных ненцев на Агане. Взявши деревянных богов Добра и Гнева, жены покойного Тули вышли с соплеменниками на дорогу-тропу, где проползала на работу железная машина. Увидел Первопроходец со своего сиденья людей древнего рода, увидел жен Тули с богами Добра и Гнева в руках, притормозил свое громадное чудище: не давить же обитателей побережья. О них, признаться, совсем забыл.

Утчани и Маля выступили вперед, произнесли обличительную тираду про то, что новые северяне не на пустое место явились. Задолго до них была жизнь со сватовствами и свадьбами, рождением детей, своей верой, своими бедами и огорчениями, конечно.

Радостей было гораздо больше, чем сейчас. Резвилась в водах крупная нагулистая рыба, изобильно водилось зверя. Лишайника было оленям вдоволь. А теперь нет ничего, вывелось, затопталось, сгорело. Сплошные рубцы и раны на Земле-Старухе. Священные места и те испоганены. Одно такое святое в давности создала щука Вэс. Семь лет рыла она реку с ее притоками, семь долгих лет старалась оставить после себя людям в наследство Аган и Егонижку.

Наконец состарилась, уставшая решила отдохнуть в местном звонком бору между главной рекой и ее притоком, обернувшись безымянным пасолом, уснула среди деревьев. И спала бы дольше, но железная машина поглотила пасол вместе с водой и берегами, с деревьями и кустарниками. Выпила. Худо...

Озадачился Первопроходец: как быть дальше, чем занять ненасытное чудище. Не нашел себе разрешения. И так и этак получалось, что нефть добывать надо, газ надо, трубы ложить тоже надо. Бумага приказная воеводы из центра сильнее обличений аборигенов. Слова к делу не пришилишь, а бумага она всегда бумага. Снова запустил машину, принялся с удвоенной энергией высасывать через трубу содержимое недр. Опять крушил, умерщвлял живое вокруг.

Отчаявшиеся вдовицы поспешили к могиле мужа, поклонились ей.

- Прости, - говорят, - нас, Тули, ой, как прости, Шушпевич! Не сумели победить машину с Покорителем, не знаем средств-заклинаний, какие бы вернули новым югорцам разум, остановили сокрушителей. Что-то будет, чем-то отзовется?!

Собрали женщины на совет всех жителей становья, как все-таки избавить округу от нашествия, спасти маленький древний род от полного истребления. Не осталось уже старины, рассыпается, рассеивается нажитое. Сказка и реальность, былое и нынешнее не в дружбе, не в согласии. Скорее наоборот.

До сих пор совещаются, мудрствуют. До сих пор грызет железная машина Югру. А вы прочитайте сказ да намотайте на ус, да прочим всем перескажите, авось отзовется укором в тех, кто впопыхах возомнил себя хозяином просторов, с воеводским наказом, как с атаманской булавой. Вдоль и поперек машут, юбилей памятные крикливые справляют. Сами себе салютуют. Хвалятся.

Вдоль и поперек... По самому больному бьют... Об этом перескажите и югорцам помогите. Захтется впрок, иным благодарным сказом отзовется.

Узнать про Голландию

Больше всего из времен года Демьян любил весну, с необъяснимым трепетом ждал прилета хлопотливых пернатых. Особенно почитал гусей. После лебедей самые внушительные уважаемые птицы.

Еще симпатизировал собакам из породы лаек. Звал их кантэ-амп, что значит хнтыйская собака. С гордостью звал. Причем ценил только белых лаек, черные, по его мнению, пугали оленей, приносили несчастье. Черных даже убивал, щенят черных кантэ-амп умерщвлял. К белым лайкам относился, как к себе равным, друзьям.

Умел Демьян содержать оленей в лесу и оленьей избе вэликат, умел мягчить бересту для чумов, запасал на зиму ягоды, грибы, кедровые орехи. Мастерски выделывал из сосновых цельных стволов обласки. Управлялся с лошадьми при вывозке из урмана дров и доставке стеновых бревен. У русских же научился выращивать картофель и овощи, собирал щедрые их урожаи. На досуге изготовлял пряслица из костей, креплки для сухожильных нитей и охотничьи натуски. Спорилась в руках любая малость.

Шкурки зверей и животных - вовсе не задача. Их натягивал на распялку соответствующей формы и просушивал. Для размягчения мазал со стороны испода составом из рыбьих внутренностей или барсучьим жиром, затем разминал руками, пока не становились податливыми.

Шил обувь из камусов оленя и лося, камус - это шкура с

При изготовлении ровдуги шкуру либо помещал на несколько дней в воду, чтобы таким образом удалить ворс, либо срезал ворс скобелем.

Все ведал, все умел и был доволен жизнью, даже счастлив. Имел несколько промысловых избушек, походные разборные чумы, обычно перевозимые на широкоостовой нарте. Грузовой. Имел обласки из крепчайшей лиственницы и водоотталкивающей смолевой сосны. Нарты имел ручные и ездовые, мужские и женские, нарты для состязательных праздничных гонок - разные.

Дети у Демьяна все закончили школу-интернат, а старший Андрей еще институт. Выучился на охотоведа и работал дома. Посылал в округ отчеты о птицах и зверях. Это больше всего радовало старика, гордился он старшим сыном.

Однако молодец, едрена-вышка... - произносил со значением во хмелю, а трезвый обычно молчал, слова не допросишься от него.

И вот однажды подстрелил Демьян на зорьке гуменника с кольцом на лапе, кольцо из белого изрядно потертого металла. На нем выбиты чужие пугающие буквы; знавший языки Андрей разогнул кольцо, снял с лапы и прочитал вслух: "Станция кольцевания птиц. Арнем. Голландия. № 9032504", пояснив отцу, что кольцуют птиц для того, чтобы узнать места обитания - где летуют, выют гнезда и выводят потомство. Узнать срок их жизни, пути миграции. Этот гусь пролетал с кольцом на лапе аж двенадцать лет.

Арнемская станция в восточной части Голландии - страна есть такая на морском побережье. Там на морских отмелях с камышом и осокой, с островами и островками в дельтах рек, удобными для гнездовий.

Слушая сына, Демьян почему-то представил Ржавый Туман - несколько озер, соединенных протоками, эмтор, на котором подстрелил гуся, и пожалел, что не знает морского берега Голландии, городка Арнема и станции кольцевания, тамошних людей голландцев. Он не был даже на Енисее, куда часто хаживал покойный родитель и хаживал дальше Енисея, знал эвенков, чукчуй, ительменов. Рассказывал про них, но Демьян не слушал, и втайне осуждал отца за необязательные бесполезные кочевки в тьмутаракань: "Неужели не хватает своего Ваха, самой лучшей реки. Чем Вах хуже Енисея? Зачем люди маются туда и сюда, прибывают к ним из-под Тобольска, Тюмени, из Татарий и Башкирий? Все куда-то зачем-то гоношатся, не кольцуют гусей, как

голландцы. В Голландии вон даже в дорогой металл обувают их, паспортные знаки чертят крылатым странникам. Плохо это или хорошо, кто ведает. Охо-хо...".

Событие взволновало не на шутку, он старался больше выспросить про Голландию и Арнем, но Андрей в дополнение пояснил лишь, что подобная арнемской, станция есть еще в Лейдене, эта на западе страны. Там богатый музей с чучелами зверей и птиц. Есть главный центр кольцевания. Дело, в общем-то, обычное.

- Однако, однако, - покачал головой Демьян. - Не простое вы-се-таки... Колечко из Голландии... Бывает, говоришь, гумешка по зиме на Средиземном и Черном морях. Среди Старухи-Земли одно, другое черное, как головешка из костра. Как сажа. Однако, однако... чи-чу-деса... В Средней Азии зимуют тоже, значит, есть еще Азии не средние, другие... Андрей все прочитал, все услышал: в Индии бывают северные гуси, откуда говорящие картинки про бродягу и разбойника Джаго присылают. Забавные живые картинки на полотне... Кино называются. Прежде кино не было и про гусей в Индии он не знал, улетают себе и пусть улетают до тепла весны. Не видел эвенков в узорчатых малицах, с боевыми ножами на поясах, не был даже на Енисее, не то что в Голландии... Эх-хе-хе... Хорошо гусям, летают, где хотят, летом на холодном севере, зимой где-то все посреди и на краю Старухи-Земли. Однако все хвалят недавно за границу, всех чужих там хвалят, своих бранят по-всякому. Как можно! Хоть плохие да свои, тамошние и лучше, но чужие и далекие. Не надо ругаться! Работать надо хорошо каждому, кто что может.

Руганью кисы не сошьешь и ровдугу не раскроишь для ичигов.

Кольцо Андрей запечатал в коробочку и ценной бандеролью послал с письмом, отнес на почту приемщику Хозовыке Натускину. Натускин свое дело знает, он все сделал как надо, денег немного взял за отправку. Хороший человек Хозовыка Натускин. Так подумал о нем Демьян.

Довольно скоро пришел ответ из Арнема. Теплый, благодарственный, но все же скупой. Ничего в нем подробного про станцию кольцевания и Голландию. А старику не терпелось пополнить сведения о ней. Ведь вот какая страна: птиц кольцуют, паспорта им выдают - колечки.

От тоски по неизвестному стал худеть старик, заметно спал в лице.

- Умрет видно, раз заболел головой, - судачили соплеменни-

ки - люди стойбища, давно знавшие Демьяна как "человека без чужих маслей". - Душа лил устала жить в теле, стремится в небеса к Торуму, тело Демьяна в нижний мир хочет. О время! Время! Давно ли молодцевал Демьян!

Но соседи ошибались. Все ваховцы ошибались. Умирать Демьян не собирался, наоборот в нем произошел всплеск душевной энергии, он во что бы то ни стало решил допытаться про страну кольцевания птиц. Отправился к знакомому горожанину, парню с буровой. Запряг в ездовую нарту лучшего быка Нэля и важенку Кусты. Поднял хорей - шест с валиком на конце - нарта тронулась. Демьян пал на санки, по привычке подогнув левую ногу под себя; правую он держал на полозе - опирался. Удерживал равновесие вертких санок. В одной его руке - поводок, в другой - хорей. Слегка заметным движением Демьян управлял животными. Со стороны казалось, что и не управлял вовсе, размышлял о чем-то своем.

В сущности так и было: Демьян размышлял о дальности мира живых и разнообразии его. Большевики хотели сделать мир на одно лицо, казармой сделать, а мир им не дался. Арнем в Голландии, например, остался при своем. Отец Демьяна до скончания оставался самостоятельным, собственным умом жил, без газетных подсказок. Жизнь он узнавал больше в кочевьях, больших и малых. А вот Демьян получился домоседом, никого кроме ваховцев да еще лесных ненцев с Егонижки и Агана по-настоящему не понял. Этого мало. Не с чем ему явиться к Кынь-Лунгу, нечего поведать покойным в нижнем мире. Про Вах они сами все знают. Наперечет каждого знают в стойбищах. Иногда Демьян соскакивал с нарт и бежал рядом, в местах сильных заносов помогая тащить санки. Нэль, загребая ногами и подминая брюхом снег, шел слева от Кусты, немного впереди. Важенка, прикрепленная к узде коренника металлической цепочкой у левого рога, с трудом поспевала рядом. Ей было тяжело, она жалась к кореннику, тонула по самый круп в сугробах. Выбиралась и снова тонула в целине.

В такие моменты Демьян слегка толкал Нэля хореем в круп, сбоку от хвоста, чтобы коренник понатужился. Умное животное согласно ускоряло шаг, позволяя важенке справиться с преградой.

Для остановки нарт Демьян сильно дергал поводок, привставал и убирал хорей от туловища оленя, бросал отрепетированно-заученно хорей на снег со стороны Нэля. Олени тотчас останавливались.

Лежащий на снегу хорей означал приказ - не двигаться.

Разрыв шире занос, Демьян давал оленям покормиться ягелем. После этого брал из кисета щепоть табаку, набивал трубку и прижигал. Огонь с тех пор, как все подорожало, и подорожали спички, добывал с помощью кремня, огнива и трута из "березовой губы", вываренной с порохом в воде. Тлеющий трут заранее закладывал внутрь высушенных черемуховых стружек или сухой травы и взмахом руки при необходимости воспламенял их. Брал стружки и в дорогу, держа в металлическом бачке с плотной крышкой.

Он курил, сидя на нарте, и вспоминал, с каким волнением обычно невозмутимый отец, всякий раз собираясь на Енисей, заявлял, что едет к Человеку и едет за новостями. Возвращался и снова начинал тосковать "по Енисею", подразумевая любую другую местность - не ваховские урманы и луговины.

Что-то родительское кольнулось в Демьяне и вот он, погоняемый желанием, отправился выяснить подробности о чужой стране.

Добрался в город вечером, перед сумерками.

Его знакомец буровик обитал на окраине в досчатом балке среди возвышений мусора. Демьяна с упряжкой первыми узрели ребятишки и побежали вслед гомоня:

- Охотник из леса... Охотник из леса...

- Что такого, что из леса, - удивился Демьян. - Будто не они мне, а я им новость. Я-то обычный, ищу интерес в других людях, как искал отец. Однако что за жизнь среди мусора, зверю в тайге и то приятней. Сокрушить столько тайги, испортить рек и пасолов, а не построить рут-кат для жизни в хорошем месте, не на задворках промышленных коробок. Боги и предки учат беречь тайгу, а тайга бережет воду, учат ставить жилье в сосняках, среди зелени и воды, на свежем воздухе.

Ненцы на Агане и Егонижке, слышно, борются с беспорядками, выходят сообщая на дороги с вожаком Тэклей и женами покойного Тули Шушпевича Иуси, загораживают проезд машинам.

Требуют ненцы дотаций деньгами и постройками за нарушения. Мудреное однако слово "дотации", сын его объяснил по слогам: давать деньги в определенное время, по датам. А больше всего, мол, в праздники, когда "вставай проклятьем заклеименный" всякий хант и русский. Ленин всех одинаково подстригал - ин-интерна-ци-ональ-но. Ненцам с Егонижки дают, но всем так по датам давать не могут, самим надо делать что-то полезное. Не

только водку пить и ждать подачек из большой руки, как птенец ждет червя или букашку из родительского клюва.

Тэкля с Егонижки, слышно, ездил за новостями к эскимосам в Канаду, слышно, дареный нож привез оттуда и говорящую коробочку-магнитофон. Эскимосы, слышно, хорошо живут, совсем не работают эскимосы в Канаде. Им белые люди бизнесмены платят за землю, дорого платят, а работать запрещают. Держат на поводке бедолаг. Так сдохнуть можно сложа руки, разучиться думать, выделять ровдугу и тесать обласа из лиственницы. Не согласился бы на это.

Впрочем, работу с него никто не спрашивает, все делают деньги из ничего, обогащаются пустыми бумажками-акциями. Лишь Тэкля интересуется людьми Ваха. Отвоевал для них на все будущие времена у покорителей Угории (он называл Югру старым дедовским именем) Ржавый озерный туман. Рыбы с него хватает, но денег все же надо. За добытые шкурки и рыбу платят мало, а цены на порох и сети, на ткани и крупы прыгают, как зайцы в испуге, крадутся рысями, падают сверху на голову кедровыми шишками. Потребительской корзиной их обозвали. Раньше все идеями жили, теперь без идей желудком. Тоже плохо.

Горожанин угостил его водкой из бутылки с наклейкой "Варта", но почему-то называл ее "трефовой дамой". Демьян сильно запьянел, но ума не потерял и цели визита не забыл. Спросил буровика про Голландию, но тот плел уже непослушным языком про крепкие победитовые долота, резиновые сапоги-болотники и отсутствие денежной наличности из-за просрочки зарпалты. Его занимал бартер, который из одного слова распадался на ботинки, куртки из кожи, какие-то пуховики и еще многое такое, о чем Демьян даже и не слышал. Например, плейер.

- Надо же, пы-лей-ер, - пытался произнести спасительно по слогам захмелевший старик. - Пылейтор знаешь, Венька, Голландию нет... Что за республика с птичьими кольцами? Много, очень много колечек, братка, каждому гусю в Арнеме хватает, хоть гуменнику, хоть какому. Камунизм. Всякому по потребности.

С трудом сознавая, чего требует хант с Ваха, зачем ему Голландия с птичьим коммунизмом, буровик Венька все-таки спросил у дочери-школьницы для гостя справочник всех стран семьдесят седьмого года издания. Голландии в нем не нашел. Перелистал тщательней раздел "Европа", и опять не нашел искомого. Все ряз озадачился.

- Прежние коммунисты расплевались должно быть с капиталистами из-за частной собственности и больших денежных налич-

ностей в банках с замками, нарочно со зла отказали в печати, чики-брики... Да-а... Где еще шукать, если не в атласе... Есть сыр голландский, это точно помню по лучшим стабильным временам, добрый был сыр, почти костромской... Я оттуда... Голландский матерок из трех непечатных сочетаний на й краткое, под горячую руку костерим на буровой этим самым, когда дело не ладится, или нет объемов проходки. Их нет, батя, объемов-то, нечего бурить. Посущественней твоей Голландии... Сокращают нас...

- Целую страну с птичьими колечками унесли из справочника-атласа, - по-своему истолковал Демьян. - Вернуть надо, найти в другой книжке Голландию с сыром и станцией кольцевания в Арнеме. Печатники еще не то украдут, всю Старуху-Землю в горсти перетаскают куда-нибудь в укромное место. Раньше лешак Пырнэ таскал и лицедействовал, теперь государственные люди печатники вместо него. Отчленили куски Земли стародавние. Записали новыми государствами, себя записали демократами печатниками. Однако... Кое-что понимаю, но не соглашаюсь.

Непрост Демьян, вставил таким образом мнение про раздел Союза.

- У меня бабушка Фелицата всю жизнь была россиянкой в Крыму, всю свою бытность, а теперь "ще не вмерла Украина" считать ее позволите? Иностранкой? Да-а... фактография... Нальем да вздрогнем, отче из леса. Заслоны-кордоны, таможни. Претензии-злости. Во всем-де виноваты москали. Покайтесь Ваньки-Маньки. Они сами, "ще не вмершие", хороши. Только дай им нефти и газа, леса задаром, работы. Не пойму хохляцких выходов, - прокомментировал буровик.

На этот счет мнения совпали. Пировали они почти до утра. Демьян в конце концов уснул прямо за столом, в малице и кисах, набитых с подошвы для тепла и удобства мягкой болотной осой вю вонт пам, в обиходе именуемой просто ванчиком.

Демьяну тепло, а дочери хозяина школьнице не очень, печка в досчатом скворечнике давно выстыла и с нею выстыл балок среди куч мусора. Дочь буровика зябла. Проснувшись рано утром, Демьян протопил печь, укрыл девочку своим пологом, тихо вышел из скворечника и погнал упряжку к Тэкле на Егонижку, может, тот, побывавший у эскимосов в Канаде, знает про украденную в справочнике страну. Чудно, что птичья республика потерялась с бумаги вместе с печатными знаками.

Венька-буровик говорил, что иногда находят в почтовых ящиках "письма-счастье", которые сразу заявляют о себе, что они из Голландии. Их надо переписать сорок три раза каждое. Певца

какая-то переписала и с ей подружилась иностранцы, отвалили денег полные мешки. Валютой те деньги мешочные называются. Певица с радости родила за морем кого-то, дома не схотела рожать. Дома все кошки да собаки, да пустоши дворов. За океаном сами фрукты-овощи в руки даются, их не сеют и не пахнут. Деньги за безработицу больше, чем за работу. А кто не переписал "счастье" с листка много раз, тот пьет водку с наклейкой "Варта" и торгует жвачками на базаре, выплачивая дань "народным мстителям" - мафии. Однако веселый буровик Венька.

Демьян ехал и удивлялся бесцеремонным вторжениям первопроходцев издалека: где густились боры и кедровники, россыпью избегали на гривы березки с осинами, там пролегали тропы из бетонных плит, неуклюже разбредались, разбросились поселки, вросли железными и кирпичными основами сооружения для нефти и электричества, змеями переплелись трубы и провода. Здесь не поставишь чум, не заведешь стойбища и не накормишь ягелем оленей. Совсем иной мир, вцепился в берега, рвет дерновину по лугам, свивает жуткие клубки на болотах.

- Без места, однако, остаемся, - усиленно подымил трубкой Демьян. - Глупой гагарой остаемся без гнезда. Пустили в огород козу капусту сторожить...

Соскочив с нарт, не распрягая оленей, круто шагнул в избу к Тэкле. Знаменитый лесной ненец в это время читал музейным работникам из города лекцию о некоторых особенностях кочевий, которые он испытал сполна, и недавно снова "ушел на стойбище" - каслать оленей. Он много сменил профессий Тэкли: был рыбаком и охотником, смотрителем музея под открытым небом, который сам же и создал, писал стихи, издавал газету на родном языке. Тэкли знали во всем округе, кто-то знал Тэкли-поэта, кто-то оленевода, или встречал на промысле в тайге, рядом трудил руки веслами в обласке. Да мало ли еще как можно услышать про егонижского самородка.

Демьян хорошо знал родителей Тэкли, самого Тэкли помнил еще школьником, и все удивлялся: зачем ему так много грамоты и славы. Тэкли любил и то, и другое. Учился в Сургуте, в Москве, еще где-то. Рассказывает свои мысли газетам и радио, жалуется ящик с живыми картинками-телевизор. Почти что шаман Тэкли, больше шаман, чем манси Юван Шесталов. Шесталов далеко однако, у поднебесной голубой реки с поднятыми мостами на реках, этот здешний, в малице и кисах.

От разных мыслей полысел Тэкли, совсем нет волоса, голая, как ладонь, макушка. Однако плохо учиться и думать про

стихи и музеи, волосы покидают тогда голову, осыпаются трухой с дерева, мертвой хвоей.

- Слышно, много ездешь, далеко ездешь, - в упор с порога спросил старик. - Что, однако, слышал в Канаде про Голландию? Ничего не слышал про Арнем, вижу по глазам, что не слышал. Выходит, не вся грамота понимает страны. Кое-какие не понимает. Однако зря тратитесь на дороги, если не знаете даже про Птичью республику.

- Ты чего это, Демьян, не поздоровался, не снял шапки. Сразу ругаться, требовать. Из рода сердитого медведя Пуппи, что ли? Чего не поделил в дороге с оленями? Какая муха укусила? Садись, выпей чаю канадского, песни эскимосов послушай. Я привез ленту. Или мои собственные...

Он включил купленный в Канаде магнитофон и принялся накрывать стол, приглашая пообедать и музейщиков. Очень гостеприимный Тэкли, о его гостепреимстве все знали. Но последнее время и он сердиться начал, "покорителей" за самовластие называет "оккупантами". Сурово глядит. Даже своих взглядом пугает.

Демьяна не испугаешь, Демьян на рысь и росомуху ходил, медведя один на один в урмане брал. Ножом убивал медведя. Не смутишь его взглядом Тэкли, который сочиняет стихи про свою бабушку и солнце Сунк, читает лекции музейщикам из города. Демьян знает жизнь, однако.

Не спеша, поплескавшись чаем, оценив, что называется, на цвет и вкус заварку, он нашел ее вполне сносной, напоминающей по вкусу дикий лук, который часто пользуется вместо приправы к черемше и вареной оленине. Отдав должное хозяину и угощению, Демьян поведал про станцию кольцевания и убитого им гуменника, про свое горячее желание узнать ближе страну, где кольцуют птиц. Наверное, он уйдет к эвенкам на Енисей, оттуда морским побережьем доберется до Арнема, может, пароходом доберется. Надо, душа просит.

Видно, отец в нем присутствует, его дух шевелит ум, и ум заставляет ехать за семнадцать рек от стойбища, за столько же эмторов. Зачем спрашивать незнающих, отец не спрашивал про Енисей, сам кочевал к эвенкам в узорчатых малицах с ножами на поясах. Чем скорее отправится, тем лучше.

Вернулся домой и собрался в дорогу.

И вот настал момент отъезда. Нэль и Кусти стояли уже запряженные, в нарте ружье с патронами, теплый полог для ночевки в снегу, подбитые оленьим камусом, на случай, если падут олени, лыжи. В садке огниво с тлеющим трутом, небольшой запас

пищи в берестяном чумане.

Жена и сын с невесткой продолжали отговаривать старика от затей, кажущейся всему стойбищу абсурдной, он оставался непреклонным.

В сторону Томского Васюганья, городка Стрежевого, тянулась торная тракторная полоса, по ней направил нарты. Олени вначале ступали неторопко, словно понимая всю важность ситуации, и родственники шли следом за упряжкой. Но вот Демьян поднял хорей, легонько прикоснулся концом шеста оленьего крупа и, поняв команду, коренник взял рысью. Ему в такт поспешила Кусти.

Родственники остановились и прощально помахали Демьяну рукой, он не обернулся - дурной признак оборачиваться на тропе, на тропе надо смотреть вперед. Так издавна велит Торум, велят лесные и домашние духи Сэвсики, которые за непослушание кружат в урмане. Кружили его. Однажды Демьян отправился на соболя и все время возвращался у чуму, к молодой жене, пока не вручил в подарок шаману шкурку лисицы и тот снял колдовство. А жену он взял с собой, охотились вместе. Вместе спали в избушке. У них получился тогда сын.

Хорошо поколдовал шаман.

Родственники знали обычай, не обиделись.

Каждый думал: "Дурит старик, ох, дурит. Не к добру. Видно, запросился в нижний мир, устал жить среди людей".

Расставались с Демьяном навсегда.

Но обернулось неожиданным образом. Выбравший большую тропу и большой смысл обретает большое же. Демьян благополучно добрался по накатанному до Стрежевого-городка, завернул в столовую и там разговорился с обедающими. Как раз за столом оказалась группа голландцев-монтажников, сносно изъяснявшихся по-русски. Среди них - инженер из Арнема.

Расчувствованный вниманием к его городку на побережье, к станции кольцевания, он пригласил старика посетить его скромное подворье и обещал оплатить дорогу в оба конца. В свою очередь Демьян пригласил инженера к себе в стойбище.

- Жиду, очичень жиду, - радостно кивал хант. - Выместе полетим в Голандию. В твою птичью республику. Гуменники - хорошо, колечки-паспорта на лапах - прекрасно. Надо, надо однако знать, куда улетают и утки, куда убегают волки. Кольцевать волков и медведей. Совсем их не стало, перевелись, что ли? Без колец убежали, не узнаешь, чьи это волки и медведи. Может, из Арнема. Рыбы, скажи, паря, куда уплывают, ни красной, ника-

кой. Остались только в магазинах, океанские, на медную удочку из кармана ловятся. Шесть-семь тысяч один брюхатый минтай, плоская камбала не дешевле. На закуску не идет морская улолка. Чебак скусней, стерлядка сама во рту растаивает. Охраняй - не охраняй стерлядку: мы сами по себе, нефтяники ишшо хуже. Был план, стало у них задание по добыче. Все равно давай нефть, долби по макушке Земли-Старухи, черни мазутом ее великое лицо...

То-то было изумления в стойбище.

Все радовались, а больше всех торжествовал Демьян. В Голландии, возможно, говорящий ящичек-магнитофон подарят или мясорубку с красной деревянной ручкой, какие недавно видел в Стрежевом Томского Васюганья. Не простая мясорубка, а с разными насадками. Для глухаря, видно, для рябчика, лося. Мясо крошить. Весело, однако, с такой мясорубкой.

Чем завершилась история, пока неизвестно, но не столь важна концовка, важнее подтвержденная истина: кто ищет - рано-поздно обретет с достатком. Обрел Демьян - хорошо, новый смысл в жизни появился, а со смыслом и беды не беды, возраст отступает. Синей дымкой подернуты. Солнцем позолочены. Водичей родниковой отмыты.

Диковиной начали, ею же и завершим. Про Демьянов длящийся интерес.

Чего не сумел Вавля

Про Ваули Пиеттомина мне поведал старый седой, как лунь, ненец-пастух Окотэтто из рода Ненянгов, в котором мужал от-важный благородный повстанец. Пастух сидел на сером осклизлом камне, невесть откуда взявшемся на крутояре Обской губы, как некогда, по преданию, в глубокой задумчивости сживал на этом валуне сам бунтарь Вавля, отягощенный думами о счастье своего народа, всей тундры. Казалось, вбирал сухонькой плотью дыханье Океана, внимал его неумолчному голосу.

Говорил нараспев, путая ненецкие слова с русскими, - Вавля это простое свойское обращение, уважительное, есть в округе светлые речки среди бескрайних моховин имени Пиеттомина, по ним плавал на остроносых бударках, рыбачил; есть горы его имени на приполярном Урале; есть вовсе малые холмы, родники у их подножий, питающие многочисленные озера и озерца; есть речной мыс имени Ваули.

- Храбрый погибает - имя остается, - произнес с расстановкой Окотэтто. - Вавля не погиб, зря так считают, он обратился чайкой и теперь вьется над тундрой и все видит с высоты, - как

здесь живут и что делают. Вавля всегда был летящим человеком. Шел, как скользил по моховинам. Особенный человек.

С того черного дня, когда богачи предательски схватили и увезли под конвоем в Тобольскую тюрьму Ненянга, с того рокового дня стал он по-настоящему героем тундры, святым человеком. Вечным стал. Его слава далеко перешагнула Заполярье.

Так я записал рассказ старого ненца.

* * *

Верно, не угасает память о хозяине "бунтарской стрелы". И не только потому, что был храбрым, храбрым можно быть лишь для себя. Вавля хотел всех осчастливить, да не сумел. Его бунт остался только бунтом, вспышкой света во мраке и холоде.

Большевики тоже не подняли ношу, не подтвердили заявленное всеобщее братство. Растерялись, заплутали в дебрях собственных теорий и посулов. Поболее царей навредили тунdryням.

Если многие так, что же мог один, пусть даже отважный кочевник?! И все-таки смог немалое - пробудил дух протеста против неравенства у бедняков, вовремя уберег от полной гибели. В отличие от большевиков не упразднял собственников, лишь кое-что отчуждал, просил поделиться малым.

Вовсе неграмотный сын своего народа Пиеттомин был выше, разумней проповедников коммунизма, не жаждал власти и поучительства над другими. Шел на согласия. Так сложим новую былинку о его деяниях в пользу народа, о гибели, обессмертившей имя.

* * *

В начале прошлого века род Ненянгов обитал близ Карского моря, в устье полноводного Таза. Там три реки и тундру нарекли Трехречной. В детстве Вавля, подобно всем мальчишкам его стойбища, увлекался стрельбой из лука, метанием на точность аркана для ловли оленей - тынзяна. Учился ловить рыбу, скрадывать песцов, промыслял лисиц, коротал время у костров, слушал предания стариков и внимал посвистам пурги, созерцал переливы небесных сияний, стойко переносил стужу.

Всего исполал юный Ненянг на заре отрочества, а главное проникся он болями и горестями соплеменников, закалился душевно, воспитал в себе чувство справедливости. На равных - требовательно - беседовал с богами, и боги сочувствовали ему, всему бедняцкому роду, но не могли помочь, лишь понуждали к смирению и работе, а неравенство требовало иных поступков.

Такова предыстория.

кой. Остались только в магазинку, окрестные, из модного удочку
неожиданно... * * *

Случилось так, что на медвежьей охоте погиб отец Ваули. Парнишке тогда было шестнадцать лет, или около того. Вскоре упокоил он на могильном взгорье - хальмере сраженных оспой мать и сестру. Ветрянка в одночасье выкосила половину рода. Основательно проредила. Самые крепкие люди переселились на кладбище, обретя себе в дар кое-что из упряжи и пищи, игровые бубны-пензеры, якобы необходимые в потустороннем мире.

Испугавшись ветрянки, тайно ночью из стойбища бежал шаман Лямби. От его чумов и оленьих стад остались лишь колышки да истоптанный копытами снег. А ведь обещал через богов прогнать эпидемию. Без оленей зимой смерть и захирение. Неминуемая гибель. Возмущенный Вавля сговорил близких друзей, догнал беглеца елтаку и отбил несколько десятков хоров и важенок, погнав обратно к стойбищу. Но Лямби с верными ему людьми на полпути настиг смельчаков, жестоко избил друзей Ваули и увез с собой в нартах, а его самого, посчитав мертвым, бросил окровавленного у догорающего костра.

Ваули подобрал сердобольный пастух богача Хозовыки Яптик Хороя, полузамерзшего, беспамятного отогрел в чуме, отпил чаем. Хозовыка, соблазнившись сильным и проворным парнем, взял его в работники, дав за это кров и пищу. Чем только не занимался юный Ненянг! Каслал оленей, мастерил из рогов всевозможные поделки на продажу, плел рыбацкие верши, заготавливал сушняк для костров, ставил ловушки на зверей. Сторицей возвращал Хозовыке затраты.

* * *

Весна меж тем сменилась коротким летом, за летом последовала тягучая непогодная осень. После ненастий снега застлала белым покрывалом ягель, заставили хозяев и пастухов чаще менять стоянки, кочевать в поисках оленьего корма под снежными заносами.

В беспрестанных передвижениях Вавля заметно окреп, возмужал. Часто беседовал с ненцами о их житье-бытье на немеряных просторах между Полуем и оконечностью полуострова Ямал. Больше всего сблизился со своим спасителем Яптиком, заронившем мысль о несправедном устройстве мира, когда у немногих есть все, у большинства ничего. Почему так? Все время думал об этом. И не находил ответа.

Хозяева стал тоже когда-то были бедными, богатыми стали

наиболее смысленные, изворотливые, жадные. Становясь собственниками, подчиняли себе немущих, вынуждали работать за небольшую плату. У бедняков не оставалось иного выбора - либо скудный достаток, либо полная нищета.

От бескормицы и болезней у Ненянгов пали последние олени, оставшиеся после побега Лямби, голод и мор и безысходность обложили затерянное в сугробах стойбище, и тогда Ваули с горсткой отчаявшихся храбрецов отняли у Хозовьки по десять оленей от каждой тысячи. Одинаковой меры потребовали у других владельцев стад. Рассерженные те объединились, внезапно напали и пленили вожака Ненянгов.

На этот раз били кнутахми у инородческой управы в Березово и отправили на поселение в Сургут.

- У торговца Силина он шибко много работал, - вещал далекий потомок отважного бунтаря. - Однако шибко таскал на спине мешки с мукой и сахаром, солью и боевым провиантом с барж на берег. Ты, русский человек, не поднимешь мешка с дробью и свинцом, ни за что не поднимешь, а Вавля играл ими. Шибко резво таскал. До лета какого-то старался, а осенью нестерпимо с отлетом птиц затосковал у Никифора-купца по тундре. В сентябрь, поутру, крадучись, сшил из пустых мешков парус, припрягал в кустах возле пристани лодку-одноместку и был таков.

Рано утром в тумане, когда еще все спали, даже сторожевые псы, выгнал челнок на быстрину Оби, поднял парус и направился к Океану.

Одна надежда на реку. Ох, дальний предстоял попрыск. Вперед! Вперед! Где с ветром, где с веслами воберучь - к Заполярью, родной тундре в устье Таза, к закровенелым россыпям клюквы по моховинам, клетку упитанных гагар, знакомым говорам, дымам из чумов, храпам ярующих возле самок хоров-быков. К заповедному, отеческому!

Днями и ночами неустанно, в шуме-гуле прибрежных лесов, под всплески и сумятицу волн, полный чаяний, махал веслами, настраивал по ветру парус. Выносливости ему не занимать. Питался Ваули рыбой, ягодами, поздними грибами, приготовленными на костре (благо, захватил коробок спичек), пойманной в силки дичью.

К жилью подворачивал редко, опасаясь засады. Знал: ищут его, не могут не искать беглеца. Путь один - вода. Постараются перехватить на реке. Служба у стражников такая, им поймать полагается. За это награда.

- Семка Няруй, ненец, не шибко богатый, а хуже пса, -

повествовал дальше пастух. - Много денег ему пообещали, он и польстился. Три стрелы пустил со своей догонной лодки. Ранил Вавлю шибко. Пал тот на дно обласка, представился мертвым и, когда сблизилась, метнул в казенного ненца нож, по самую ручку вогнал в Няруя-предателя. Предателей он не жалел. Качнулся Няруй, выпустил из рук весло. Шаа... Потерявшая управление лодка на быстрине опрокинулась. Семка канул в глубину. Единственная это насильственная смерть от рук Вавли, и то по причине самообороны. На него напали, он раненый защищался.

Ненянг всегда воздействовал убеждением, верил в слово больше, чем в оружие.

С трудом оторвался от погони. Не решились преследовать Пиеттомина замешкавшиеся полицейские, боясь участи Няруя.

* * *

Уже показались вдалеке Уральские предгорья, уже сравнительно близок Обдорск, когда настиг Вавлю ледостав. Вначале заявил он о себе прозрачной тонкой стекловиной по берегам, которую можно было разбить веслом, а днем растапливало солнце и размывало течение. Но чем дальше, прочней, непреодолимей оковы. Пришлось оставить челнок и пробираться вдоль реки пешком.

Пусто и мертво кругом, лишь наброды леммингов да песцов на выпавшем снегу. Ни птиц, ни людей с оленями - одни улетели, другие откочевали. А холод тяжелеет, учащаются непогоды.

Перекоротает ночь у костра Вавля, подкрепится, чем придется, и дальше шаг за шагом в северную сторону, чутьем угадывая направление. Да и река поводырь безошибочный. Надежнее не сыскать.

Однажды чуть не погиб. Такой разыгрался буран, что в десятке метров зги не видать. Вавлю брел в круговерти наощупь, пронизываемый в тонкой истертой одежке вихрем. Падал, с трудом поднимался и опять брел навстречу секущим снегу и ветру. Как вслепую, с завязанными глазами, брел.

Чудом нашел бедняка оленевода. У него в чуме и переждал пургу. Отдохнул. Набрался сил. С берегов Оби повернул в Тазовскую родную тундру, на прощание признавшись хозяину, что он и есть тот человек, которого ищут повсюду стражники и юромки - беглый ссыльный. Тот, проницательный, сам давно догадался об этом, пожелал Вавле счастливой тропы.

- Время, время... - старый ненец на валуне задумчиво посмотрел перед собой на исчерченные логами и кочкарником, русла-

ми ручьев и выемками озер пространства, словно сопоставил собственное прожитое с жизнью Ненянга. Ветерок с Оби пошевелил его редкие серые волосы. Иссохший пастух казался невесомым, призрачным. Подпрыгнет, взмахнет руками и воспарит, как птица, над равниной моховин с кладбищами-хальмерами.

Движимый неизъяснимой симпатией, я крепко пожал ему руку. Рука Окоэтэто была холодной, почти ледяной. Жизнь уходила из старого ненца. В лице, всем его выражении, мудрость сочеталась с рассудительностью, отрешенностью от земного, когда смерть становится столь же естественной, как и жизнь.

* * *

Тундрой во времена Пиеттомина фактически правил ставленник царя ненецкий князь Иван Тайшин, он-то и сообщил в Тобольск о новых дерзостях Ваули - с гольтьбой отчуждает оленей, грозит двинуть гольтьбу на Обдорск, взять крепостцу приступом и закрепиться в ней. Губернатор приказал любыми средствами обезвредить опасного вольнодумца и его сообщников.

В первую очередь послание адресовалось исправнику Скорнякову, человеку решительному и бесцеремонному. Скорняков собрал на совет в Березово русскую и ненецкую знать, всех, кого собственность обязывала к немедленным действиям против бунтарей из тундры, чтобы не лишиться богатств и служебных привилегий. Договорились послать на разведку к восставшим русского купца Нечаевского, пользовавшегося авторитетом среди "инородцев", неплохо знавшего ненецкий язык и обычаи тундриян. Что немаловажно, Нечаевский лично знал Ваули.

Разведает его планы, заодно усыпит бдительность мятежников и потом заманит в ловушку.

Купец вначале робел, отнекивался, но Скорняков цыкнул на него, пообещав в награду беспощадную торговлю по всему северу, специальную императорскую медаль "За усердие" и большие деньги. В конце концов склонил купца к согласию. Снарядился Нечаевский. По слухам, Пиеттомин с воинством расположился лагерем верстах в ста от Обдорска. Всего лишь в ста - на две-три оленьих пробежки.

О событиях в тундре стало известно уже царю, от монарха в Тобольск и Омск - повеление: пленить смутьянов! В дело таким образом включилась вся чиновничье-полицейская машина, пустила жесткие шупальцы к одержимому чувством справедливости Вавле. Прежде всего к вожаку. Поберегись отважный сын своего народа, не доверяйся чужим голосам! Бди в оба! Не то потеряешь

буйну голову. Нартовый твой след заметет поземка, иссохнет без употребления лук. Прах твой растворит земля. Сгинешь.

Между тем тундра жила по своим извечным законам. Рождались и умирали люди, справлялись свадьбы, веселились, горевали, негодовали, сумятились, иногда и радовались, успокаивались, чтобы снова распекать власть имущих, попрекать богачей и справлять поденную работу.

Жила тундра, готовилась к близким событиям, которые назревали.

Сон Ваули о счастье народа

Увидел его Ваули еще подростком, в дни гибели отца на медвежьей охоте, и когда от ветрянки-чумы избылись в мир теней мать с сестрой, а он остался сам себе в пустом холодном чуме. Не сгинул лишь потому, что рядом находился добрый участливый старейшина Моттий Таск, богатый знанием тундры и всей человеческой жизни, знавший о тундре и ее обитателях много больше других, мечтатель по натуре.

Стал он духовным отцом и наставником для всех уцелевших после оспы ненянгов-соплеменников.

Однажды во сне Вавля увидел старого благообразного Моттия верхом на белоснежном быке-хоре с шестом в руке, в лисьей нарядной малице. Вокруг Моттия ненцы всех заполярных тундр и все спрашивают, как сделать людей равными. Моттий отвечает им, что самый жадный человек украл солнце с неба и потому стало темно и холодно, ищите, мол, украденное солнце за пазухой у этого человека, ненцам всех тундр отвечает. А может, это верховный бог Нумо взял солнце себе в отместку за неразумность людей, обирающих и обманывающих друг друга, враждующих. Не прощают боги зла и жадности.

Хотели ненцы всех тундр поискать солнце в чуме у Лямби, но шаман с ругательствами прогнал их, и даже пожаловался верховному богу. Нумо приоткрыл занавеску-тучу, показал спрятанное солнце и объяснил, что прячет солнце ради вразумления людей. В темноте и холоде не увидят лица друг друга, испугаются. Следуйте Нумо! Ищите справедливости!

Вавля говорит старейшине:
- Отнимем оленей и отдадим бедным - это будет справедливость. У всех будет поровну. Справедливость - это когда всем всего хватает.

Всем всего никогда не хватит, даже боги разного достатка. Неравенство будет всегда.

- Снова отнять, - настаивает подросток. - Пасти своих оленей, не чужих. Чужих пусть пасут их хозяева. Много пасти они не смогут, сами отдадут лишних.

Моттий на белом кореннике только усмехается:

- Не отдадут! Ни за что не отдадут. А взять много не сможете. Если возьмете лишних, съедите и снова станете бедными. Середины в достатке нет. Либо неравенство, либо два разных лагеря - богатые и бедные. Даже Нумо при солнце не в силах исправить это.

* * *

Сон был о том, как верховный бог Нумо растерялся. С тех пор Ваули не верил богам и их посреднику шаману Лямби.

* * *

Потому-то давний сон вспоминался ему перед выступлением на Обдорск. Посреди шалаша горел костер из жаркого сухого ерника. Ваули держал в руках стрелу с острым костяным наконечником и неотрывно смотрел в огонь. Что он хотел там увидеть? Он думал о возможном поражении и о том, что может стать богатым, если женится на дочерях Хозовыко или Тайшина, закон тундры позволяет иметь несколько жен, и тогда не нужно ссориться с владельцами стад, чиновниками и полицейскими. С царем. Но тогда он подорвет доверие к себе всех ненцев, не будет хозяином этой стрелы.

Будет другом исправника Скорнякова, но не будет другом Яптика Хороля.

Никто из бедняков не подаст руки.

Он поведет войско вперед. К большой реке. К Обдорску!

* * *

Голос Окоэтэто дрожал, срывался до шепота, слезы проскакивали из глаз. Всем видом он старался передать колебания Ваули, его душевное смятение. Жить Ваули все-таки хотел, беспокоился о судьбе жены и малолетнего сына, а поход грозил смертью. И сам молод, и жена молода. Сын Хондли и вовсе малыш.

Была любовь к ним, Тученбале и Хондли. Была любовь к жизни.

Но была обязанность перед обездоленными голодающими людьми, которым требовалась мука, что в Обдорске. Мука спасет многих. Но просто так ее не отдадут, ее нужно отнять. Но он не станет проливать кровь, договорится с владельцами. Нумо про-

стит его. Счастье одного человека - еще не счастье среди всех несчастных, гибель одного человека - еще не беда большинства.

Угли костра долго греют, вспыхивают вновь, если бросить в потухающий костер ерника. Сыщутся новые Ваули для новых требований и походов. Он пойдет на Обдорск за мукой!

* * *

На усмирение Ваули готовили в Тобольске резервный полк солдат. Повеление государя следовало выполнять. Губернатор спешил выполнить.

* * *

Бураны наворачивали сугробы, по макушку захлестывали низкое редколесье, кладбища-хальмеры, равняли доли с возвышенностями, берега с лонами. Без ягеля тощали, валились с ног олени, валились люди. По указанию того же Тобольского губернатора стада угнали в сторону гор, чтоб только не отдать Ненягам, всем восставшим ненцам. Еще безысходней стало.

Спасет лишь мука в Обдорске.

* * *

Все это много раз продумал Ваули, взял во внимание всякую возможность. Надо спешить, иначе и муку увезут куда-нибудь.

Пятьсот воинов у Ваули, он намеревался удвоить число их за счет новых добровольцев на марше. Добровольцы все прибывают. Зачастую без никаких запасов, все запасы у богачей. Отступая, они увозят меха, рыбу, мясо.

А пурга все метет, беснуется, отнимая последние надежды. Если промедлить с походом, вовсе худо будет. Торопись, Вавля! Решай! Ради людей тундры жертвуй собою.

С другом и ближайшим соратником Яптиком Хоролей, однажды подобравшим его избитого у костра на снегу, отогревшего, вышедшего, Ваули внезапно явился к прежнему хозяину Хозовьке.

Старый Хозовька недавно отправил стада и готовился откочевать сам - крепкий, плосколицый, с уверенной не по возрасту осанкой, даже надменной. Не успел откочевать, Вавля спутал все его планы. Ненянга вначале не узнали в сумерках охранники из хозяйского окружения, не узнали жены Худи. Сам хозяин в просторном чуме не узнал. Он ждал на тайный совет Лямби, обещавшего сообщить возможность поимки мятежного Пиеттомина. "Мо-

жет, продал секрет другому, может попросту соврал? - томился опасениями князь. - Коварный шаман способен на все, обведет вокруг пальца, запутает, ускользнет щукой из сети. Может, заодно с мятежниками. Очень хитрый Лямби, не разгадаешь сразу его игру.

Вдруг донеслись шаги, чужие голоса. Хозовыка насторожился, слегка привстал. Откинув на входе шкуру, почти одновременно, Ваули с суровым видом вступил в чум, - стремительный, властный, каким подобает быть вожаку.

Дым от костра слезил глаза Хозовыки, он не узнал человека в чуме.

"Лямби! Наконец-то!" - обрадовался Худи. поприветствовал гостя, полагая, что теперь самое время для уединенной беседы. Стада далеко, лагерь готов к отправке.

Пригласил гостя к огню на медвежью полость, попросил слугу вскипятить чаю. Ваули молча раскуривал трубку, искусно выделанную им самим из рога оленя, подбрасывал в костер охапки черного лишайника, повергая хозяина в недоумение: чужой не должен так вести себя. Подслеповатый Худи кажется начал понимать, кто перед ним, с трудом сдерживал накопивший гнев. Сделал отторгающий жест, давая понять, что недоволен и просит пришельца вон.

Но гость шагнул навстречу, резко схватил Хозовыку за малицу на груди и притянул к себе.

- Народдохнет от голода, как рыба без воздуха подо льдом, дай оленей, Худи. Сколько можешь, тысячу, две, пять. Зачем одному столько? - загремел Ваули. - Где прячешь хоров и важенок, говори. Не то быть на небесах у Нумо.

- Что было дальше, испуганный Хозовыка помнил смутно, - восклицал рассказчик на камне. - При разгоревшемся костре, лицом к лицу Худи узнал Ненянга, отшатнулся. Схватился за нож на поясе. Однако Ваули вовремя перехватил руку хозяина чума, повернул круто и отпнул выпавший из разжавшейся ладони нож. Попытался усюветить Хозовыку тем, что голод и плохая одежда погубят пенцев, некому будет каслать стада. Просил не медлить с помощью, не юлить и не притворяться, с ним воинов, как рыбьих мальков в реке. Их не остановят ружья охраны.

Повстанцы уже заполнили всю равнину перед лагерем Худи, кто пеший, кто с упряжками, замкнули кольцо вокруг, и правая рука Ваули Яптик Хороля ждал последующей команды.

Перепуганный открывшимся зрелищем Хозовыка попытался склонить вождя Ненянгов к предательству, подкупить богатыми

дарами, женщинами, привольной жизнью до конца дней, но не пристало "хозяину бунтарской стрелы" раздваиваться.

- Принимай, Худи, условия, не то угоним все стада. Найдем по следу и угоним. А пока побудь в холодном щелеватом чуме, узнай, что такое бедняку холод и голод. О себе печешься. О работниках забыл. Сам когда-то был работников, бедным был, зачем подмял свое прошлое. Закружилась голова от княжеского названия. Больше, больше надо! Вспомни, Худи, свое прошлое.

И Хозовьку силой переправили в бедняцкий наихудший шалаш, без костра и шкур внутри, без пищи и слуг. Его роскошную юрту заполнили воины из близкого окружения Ваули, расположились по-хозяйски вольно на совет, уточнили предстоящие действия.

Группу самых напористых пастухов отправили на поиски угнанных стад. Еще смельчаков отправили к князю из местных самоедов - Ивану Тайшину, который присвоил реки и пастбища ненцев, обязал работать бесплатно за тундру, ягель, воду. Присвоил и не собирается отдавать. Они потребуют вернуть все прежние родовые права, сместят Ваньку с власти. С этим и отправляют в Обдорск гонцов. Требуют сместить всю обдорскую власть - из одних богачей она и за богачей.

Пусть Ванька немедленно явится. Видать, царские милости первому вскружили ему голову, не мечет больше тынзына, не угощает чаем, а заворачивает оленей к Уральским горам, самому Камню-поясу и прячет муку до весны, чтоб поднять цену. Имеет запасов на всю тундру, денег имеет много в банках, власти, но не дает ничего. Не поделится добром, по согласию, отнимут. Так и скажут Ваньке. Пусть знает об этом и не прячется возле охранников.

* * *

Широки просторы Заполярья, а имя Ненянга уже простерлось за пределы их. Молва о Ваули - народном защитнике от Енисея до Волги и от южного Омска до Санкт-Петербурга. Стало имя Пиеттомина символом справедливости.

* * *

А в Обдорске паника.

- О, Нумо! Нумо! Спаси и оборони.

Вспомнили о верхнем боге и те, кто пренебрегал им. Основания для беспокойства были: Ваули расположился лагерем в двадцати пяти верстах от крепости и через гонцов велел явиться

на разговор Ивану Тайшину со старшинами, иначе - штурм, бой. Военное превосходство за мятежниками.

Но прежде появился подкупленный и проинструктированный купец Нечаевский.

- Ань торово, юро! - показно-радостно поприветствовал вождя. - Однако помнишь меня, юро?!

- Память есть, - с достоинством кочевника отозвался Ненянг. - Чем обрадуешь, русский меняла? С какой заботой пожаловал?

- Купцы, юро, не имеют к тебе ничего худого, готовы продавать товары и в долг. Я привез порох и ружья. Если возьмешь оптом, сброшу цену. Задаром угощу спиртом.

- Не надо спирта, юро. Ружья и порох в долг давай, разбогатеет, вернем деньги. Песни споем и спляшем без вина. Хочешь перепляшу тебя, русский меняла. Ну! - махнул рукой, лихо приоткнул, раздернул завязки малицы у подбородка, чтоб легче дышалось.

Тотчас гулко-протяжно ударил бубен, зазвенел нарысьях и Ваули, по-мальчишечьи озорно сверкнув очами, подпрыгнул высоко, как это мог только он, - летящий в будущее Вавля, - крутанулся юлой в воздухе, хлопнул ладонями по бедрам, коленям в полусгибе, заскользил, заприлопывал, изображая то рыбака, то охотника, а то богатыря-матура в бою и после схватки с черными духами. Так азартно плясал, что Нечаевский не рискнул состязаться с ним. Куда ему, растолстевшему, медлительному, тягаться с поджарым проворным кочевником, взлетающим, как птица, наделенным немислимой силищей.

Он стоял почтительно и смотрел, цокал восхищенно языком, слегка невольно дергался в такт заразной пляске, про себя обдумывая нить беседы, всю манеру поведения. Не сорваться бы, не выдать истинного замысла.

- Тебе надо торопиться, юро, - метнул реплику запыхавшемуся от пляски вождю. - Разбегутся напуганные купцы, останешься совсем без товаров, а сейчас даром отдадут, за полцены, если схочешь. Всем всего хватит. Тайшин-князь приедет, то же самое скажет. Мирно решим войну, давай мирно, а. С блинами, водкой (Нечаевский действовал по сценарию: заманить Ваули в Обдорск и пленить без лишних помех. Такой вариант наиболее заманчивый. Иначе заполонят Обдорск голодранцы. Мало в Обдорске солдат).

Вскоре показались вдалеке упряжки, быстро приблизились. Это князь со старшинами. В лагере возле речки, у поросшей

тальником и ерником, корявыми сосенками гривы, соскочив с головной нарты, Тайшин раболепно приложился губами к руке Ваули. В запальчивости готов был отдать власть - не только муку, дочерей предлагал в жены. Готов был поклясться богами.

- Про дочерей не надо, - отмахнулся Ненянг, пусть на них одноглазый подручный Скорнякова женится. Про власть и муку, про мир вместо войны поклянись, Ванька, что не врешь. Всему народу, Громко.

Тайшин растерянно молчал, словно ища сочувствия, озирался по сторонам.

Обозленные повстанцы угрюмо подступили вплотную к князю, готовые сбить с ног, превратить в месиво, затоптать в снег. Тогда о задуманном плане нечего и думать, растерзают послов. Тогда будет настоящая война.

Момент созданся критический.

Из свиты князя юрким пескарем вывернулся давний недруг бедноты шаман Лямби с деревяшкой в руке, как с охранной грамотой.

- Итырма все видит и слышит, - заверещал тонко, воздевая деревяшку к небу. Чу! Верхний старик Нумо передал меньшему Богу, передал мне, что берет всех обдорских под свою защиту, сердится за допросы и притеснения. Нельзя обижать мирных послов, закон тундры не велит. Нумо с Итырмой покарают всех дерзких.

Погрозил угрюмому перед сникшими старшинами и князем воинству божком в руке. Еще минута - и действительно устранил суевренных кочевников, волей судьбы ставших воинами. Вавля одернул шамана, напомнив ему прошлые грехи:

- Всегда вредил народу, хитрый лисовин с беззубым слюнявым ртом, чуждался простых людей. Для чего живешь, покрытый сеткой морщин, отягощенный возрастом? Для чего хитришь, обманываешь? Сколько добра унесешь в могилу? Много унесешь! Уезжай вместе с Ванькой и старшинами на все четыре стороны, больше ты не шаман. Нет тебе веры, Лямби!

Визитеры избылись покорные, тихие и... довольные. Уверили Ваули в своем мнимом послушании, усыпили бдительность Ненянга: мол, согласны на переговоры, готовы отдать все. Положись! Немаловажно то, что узнали численность повстанцев, их вооруженность, запасы продовольствия. Даже настроение заметили. Скверное настроение. Запасов никаких, всех тяготит неизвестность, без вожака и запасов рассыплются тотчас по тундре, разбегутся кто куда в испуге. Взять надо Вавлю, во что бы то ни

стало пленить.

А тем временем аргиши Пиеттомина достигли реки Полуя, за которой обозначился притаившийся в морозной дымке, внешне дремный мирный городок. Разведчики Ваули под видом покупателей из стойбищ потолкались по улочкам, на торговой площади, ничего особенного не выявили, не заметили. Солдат не видно, никто не останавливает. Ярмарка как всегда. Самого Ваули зовут на переговоры. Ванька-князь в гости Ненянга зовет.

С этим и Нечаевский опять явился, торопит за товарами со скидкой, за самостийной самоедской властью. Что-то зачастил купец, сладко петь начал. Вот уж кто действительно лисовин! Что делать? Брать город приступом, или так - через согласие? Решились на последнее. С сорока отборными воинами Ваули отправился на другой берег. Что руководило им, какая мера доверия, архивы молчат. В полуистлевших листах следственного дела ничего об этом. И не может быть. Остается домыслить, как на этом камне перед роковым поступком мучительно размышлял вождь бедноты, все взвешивая, колебался. Размышлял о жизни.

* * *

Спустя полтора столетия с Окоэтто на том же месте жжем костер из ерника, густо разросшегося по-над берегом, согреваемся чайком и водкой, рассуждаем и вспоминаем. В жизни много еще темного, засильного, против чего боролся Вавля, и чего не смог достичь. Не можем добиться и мы, сегодняшние.

Вопрос о счастье и справедливости остается.

* * *

Из приказной избы направился в дом князя, где собрались благочинные - знать. И тут он допустил вторую грубейшую ошибку - оставил оружие в нартах. По северному обычаю гости являются в дом лишь с поясными ножами. Ваули уважал обычаи, подчинился им, но все же предусмотрительно оставил половину своих людей на всякий случай возле нарт. Для прикрытия. С остальными вступил в дом на отвесном береговом скосе Полуя, что падал к пристани с накрепко вмерзшими в лед паузками и баржами.

Бросил Ваули взгляд туда, где красными точками вдалеке обозначались костры, где ждали его друзья. Он мог еще спастись, мог броситься с крутизны, уйти по льду, но вопреки здравому смыслу Ваули ступил через порог, шагнул навстречу... бес-
смертию.

...Имя остается. Имя многое значит для человека.

* * *

В доме благочинные при их появлении, все еще играя спектакль, согнулись учтиво, тотчас провели в переднюю почетную половину, усадили рядом с князем. Дочери Ивана принесли гостям вареное парное мясо в блюдах, красную рыбу в собственном соку, стерлядь. Не забыли вино. Но Ваули резко отодвинул угощения в сторону и повторил недавнее требование - отдать власть, поделиться запасами с народом, снять полностью долги и налоги с неимущих. И хорошо платить за работу. помнить о тех, кто делает эти богатства, а остается голым, нищим.

Ему согласно покивали: старались выиграть время. Отвлекали внимание пустячными репликами, никчемными вязкими разговорами, разносолами на столе.

Переговоров по существу не хотели, затягивали лишь время. Тревога повстанца росла. И не без оснований. На улице, крадучись, рассредоточивались солдаты, в темноте охватывали дом на обрыве. Ненцы возле нарт слишком поздно спохватились. На них бросились в штыковую унтера, принялись колотить, крушить прикладами, просто палками.

В дом ворвался исправник Скорняков, своим появлением дав понять, что спектакль окончен, пора обезвредить. Повстанцы повскакали с лавок, пустили в ход ножи и кулаки. На какое-то время оттеснили благочинных. Воспользовавшийся замешательством Ваули метнулся на улицу, к нартам, где шла рукопашная, хотел прорваться к оружию, но его подсечкой сбили с ног, оглушили прикладом. Повязали ремнями. От побоев он потерял сознание, успев подумать: "Влопался, как куропатка в силос. Это конец. Теперь все". Действительно будут насмехаться, плевать, избивать. Радоваться будут: перехитрили Ненянга! Но всю бедноту не обмануть, жизнь не обмануть. Пусть бросают в холодный амбар, отправляют в Березово и Тобольск, еще дальше, переключаться с государем из столицы, будет стоять на своем. Никого не выдаст из сподвижников.

Он и не выдал. Молчал, на все попытки отзываясь одним только словом:

- Теневась (не знаю).

* * *

Его били как могли и сколько хотели, вымещая накопленную злобу, платя за страхи и внезапные хлопоты, за душевные и материальные издержки. Били в холодной пыточной избе Обдор-

ска, в Березово на перепутье, истязали в досталь в Тобольском центре. Боялись Ваули даже пленного, в кандалах. Специальный дознаватель из Омска криком исходил, домогаясь имен сообщников, но Пиеттомин все брал на себя. Он один поднял бедноту, один требовал, вооружал.

- Теневась!

- Теневась!

В конце концов замолчал совсем, лишь смотрел безучастно перед собой и мысленно просил прощения у людей тундры, за то, что так глупо попался и не довел начатое до конца. Бедные остались бедными, богатые - богатыми и с властью. Терзался удручающей разницей прав и возможностей, как и прежде, далекий от исполнения своей мечты.

"Прости, тундра, прости! Я ходил среди людей, думал о них. Ходил среди стариков и детей. Хотел видеть всех сытыми, веселыми с улыбкой на лицах. Боролся за это. Даже здесь, за решеткой, за кирпичными стенами, в кандалах, думаю о простых людях тундры - не о себе. Пусть простят все Ненянг, жена Тученбала и сын Хондли.

В южной стороне Сибири окончу свой путь. Никто не узнает могилы. Отправляют в другую Сибирь. Восточную. На рудники.

Я устал, ослаб. Ноги отказываются служить, подгибаются, осекается дыхание. Обносит туманом голову. Умру скоро".

Он и умер на этапе. Его наскоро забросали землей у обочины тракта, даже памятной дощечки не удостоили. Бугорок скоро сровнялся, затравянен. О нем забыли. Лишь время неумолимо освежает имя героя, да следственное дело в тощей папке № 1960 в Омском госархиве "О возмущении остяков Березовского края самоедом Ваули Пиеттоминым" напоминает о давней той драме. Напоминает мыс Ваули-Ненянг-Сале на Ямале.

Именно здесь, близ Полуя, была последняя стоянка мятежников перед пленением Вавли и его соратников-единомышленников.

* * *

- Вэй-е! Вэй-е! Летите нарты, мчите упряжку с седоками оленей!

Испив прохладной светлой водицы из родничка Ваули-Сюрортря-Вавля, пустились с ненцем-пастухом к горной приполярной вершине Вавля-Хой. Там и озеро есть его имени, есть еще

обозначения. На картах их не сыщите, но в тундре всякий кочевник скажет про них. Про самого Ненянга скажет.

Вровень с веками мчится его слава, передается живыми источниками - из уст в уста, обрастая новыми подробностями. Не всегда отличишь сказку от вымысла. И не надо отличать. Пусть слава течет прихотливо-неостановимо, как река, совершая неожиданные повороты и спрямления.

Неподвластные зиме подземные донные ключи на севере зовут живунами. В данном случае живун - память народа. Что еще может быть надежней её!

День скачем, другой... Грызём на привалах мерзлую рыбу патанку, спим в куропащачьих чумах-кыльсах. Или просто зарываемся в снег. Над нами цветистая полярная ночь со всполохами небесных сияний, тишина, мороз. Вавля - сама природа. Он вечен.

На пятые сутки в голубоватом тумане открылись очертания горы, теряющиеся в блеске лазури. Здесь ночь отступила, солнце висело низко, но отчетливо высвечивало пик имени героя.

Поклонились ему, как живому, накормили оленей. Спутник мой начертал на снегу стрелу острием к тундре - это Вавля указал нам обратный путь к своей вере в справедливость. Стрела - его боевой знак, клич к восстанию. С нею ворвался в историю. Бунтарем. Защитником неимущих. Остался в ней навсегда.

Уже хорошо.

* * *

... На камне-валуне, где сиживал неоднократно Вавля, - старый ненец силится уразуметь секрет всечеловеческого счастья. Дыханье Океана достигает камня, именуемого в честь Вавли Ненянг-Пэ, навеивает думы о великом, вечном. О времени давнем и настоящем.

Жизнь живых продолжается.

мелен Филипп Николаевич пролетария и "Белогородина" - знаменитым музыкант. С семьей в М. М. Лареевич, с "Ламбтолом" парадка и взаимности. Сказавшийся в М. М. Лареевич, с "Ламбтолом" парадка и взаимности. Сказавшийся в М. М. Лареевич, с "Ламбтолом" парадка и взаимности.

всегда в М. М. Лареевич, с "Ламбтолом" парадка и взаимности. Сказавшийся в М. М. Лареевич, с "Ламбтолом" парадка и взаимности.

ЖИЗНЬ ЖИВЫХ

всегда в М. М. Лареевич, с "Ламбтолом" парадка и взаимности. Сказавшийся в М. М. Лареевич, с "Ламбтолом" парадка и взаимности.

всегда в М. М. Лареевич, с "Ламбтолом" парадка и взаимности. Сказавшийся в М. М. Лареевич, с "Ламбтолом" парадка и взаимности.

всегда в М. М. Лареевич, с "Ламбтолом" парадка и взаимности. Сказавшийся в М. М. Лареевич, с "Ламбтолом" парадка и взаимности.

всегда в М. М. Лареевич, с "Ламбтолом" парадка и взаимности. Сказавшийся в М. М. Лареевич, с "Ламбтолом" парадка и взаимности.

Мятеж
(из повести)

Эвакообоз с семьями активистов и материальными ценностями отправили зимником в сторону Томска. А спустя двое суток после короткого митинга в сторону Томска ушел последний сборный отряд под командованием Антонина Зырянова.

На выезде из Сургута к отряду присоединилась комсомолка Валя Конева, - прямо с поста, с винтовкой в руке, гранатой у пояса. На ходу запрыгнула в розвальни.

Город помаячил какое-то время редкими огоньками, смутными очертаниями ближних домов и истаял. Как одеялом, закрылся ночью. Впереди ждали неизвестность, долгий изнурительный путь.

С другой стороны в Сургут в это же время вступили мятежники.

СЛУХИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Слухи роились один невероятней другого. Говорили, будто снова объявился адмирал Колчак, бежал-де он из-под стражи и готовится выступить с офицерами. Их ждут и не дождутся купцы и чиновники, все, кто ущемлен новой властью. Восстало-де полстраны.

Из глубинки на помощь красным ушли добровольцы и сгинули, ни малой вести от них. Тревога! Тревога!

Появились первые беженцы. На вопросы отделялись общими туманными восклицаниями, вроде "всплеск!", "волна!". Значит, в самом деле катится мятеж половодьем, захватывает округу. Что это такое, знали по колчаковщине. Пускают недовольные "красного петуха", расправляются с неугодными, не щадя ни старого, ни малого. Жди беды.

Глухозимье. Крепчает мороз, водит разгульные хороводы метель, сугробит окресты. Притаилось и насторожилось старинное село Покур, ловит слухи с сургутской опасной стороны, преломляет их по-своему и добавляет свои.

У Низовских курица кричала петухом: не к добру. И верно, четыре души унес тиф, четыре гроба враз отправили. У попа Грязнова жена от болести же преставилась, сам поп подался в Сургут. Видели его с бывшим содержателем мучных лабазов Кондаковым и дьяконом Мефодием. Не служит в церкви, а вызнает все о красных и передает злонамеренным лицам. Мстит за жену. А при чем тут большевики, тиф одинаково косит богатых и бедных. Бедных косит еще больше.

После смерти брата, двух снох и племяшки Аксютки комсо-

молец Филипп Низовских пошатнулся к "белохвостикам" - зажиточным мужикам. Со ссыльным эсером Липецким, с "любителями порядка и вольности" Степаном Дорониным и Яковом Петриным яхшается. Его брат Ефим у красных служит, а Филипп комсомольскую бумажку испластал в клочья и пустил по ветру. Открестился. Брат на брата войной. Грехи! Грехи! Сбылось библейское предвиденье.

Липецкий с оглядкой нашептывал про некую буферную республику без коммунистов, равного мужицкого самоуправления. Дескать, вот это государство, то, что надо! Любители "вольности и порядка" в открытую, даже с вызовом заявляют активистам, всякому, кто причащен к Советам:

- Будет пир да похмелье. Позоревали на купеческом добре и думаете сойдет, поотшибали продразверсткой руки - и рады. Не сойдет! Капиталы годами наживались горбом и умом, а вы раз и в таз, социалисты дерьмовые. Политики! Вишь ли, до основания разрушите, а затем вдругорядь воззиждите. Кто был ничем, тот станет всем. Нужно ли до основанья-то?! На севере да бедным быть, здесь бедный - лодырь. Все от корня - труда. И мужик от труда, и купец от его самого. Что при енном строе думные головы не нужны, ехирка-махирка? Вы до основанья собрались, ну дак и мы ответно тем же местом. Белый террор!

Среди активистов друг Филиппа Низовских - агент продразверстки Илья Крюков. Ростом незавидный, но куда как проворный, обрыщет на лошадке деревни-поселенья, соберет что положено по указу. И сверх того прихватит. С вершок парень, а закрома будто метелкой опустошает, директивой центра и самого Ленина мотивирует.

Ему "белохвостики" первому прорубь посулили на реке - с головой утолкают. Посулили председателю потребкооперации Федору Барышеву, остальным коммунистам и комсомольцам. Гражданская арифметика с переменной мест слагаемых определилась.

Навстречу беженцам уходили в Сургут добровольцы. Кто самобережливей, на Томск подавался - под защиту регулярных частей. Обрезы, карабины, дробовики - все наготове, все в дело. Катали дробь-картечь, отливали пули-жеребья. Свинец да порох самый ходовой товар.

Зимником туда и обратно курсирует нарочный ревкома Иван Яковлевич Лейтман в санях-пошевнях с защитными боковинами. Что есть нового, сообщает, и сам увозит новое. Ему дают свежих лошадей, он скачет и скачет. Круглые сутки в гоньбе, когда только отдыхает? "Белохвостики" возле Сургута, с самаровской сто-

роны. В городе, ослабленном мобилизациями, готовят к отправке обоз с семьями коммунистов, документами и ценностями. Верховодит там предревкома Антонин Зырянов. С ним несколько ответственных работников, остатки караульной роты и милиции. Мало сил.

Все наперечет знает Покур.

Тут однажды Барышев-кооператор вызывает Илью Крюкова, который по продрозверстке спец, и говорит душевно-наставительно:

- У тебя, Илюха, коняшки справные и возчик ты отменный, увези до Вагы жену уездного большевика Зырянова. На сносях она, а время перепутанное, всякое может приключиться. Вот и отправил от греха подальше загодя. Да аккуратней на ухабах, береги роженицу.

- Поберегу, дядя Федор. В наилучшем доставлю виде, откозырял кнутовищем продагент. - Дело таковское житейское.

- Верю, верю: соображаешь, Илюха. Иди, запрягай каурок, она в избе у меня дожидается.

Лошадей у Крюковых несколько, но жеребчика Михея предпочитает другим. С места берет упористо, легко переходит на рысь, безодышлив в скачке. Его и выбрал Илья для поездки. Дома наскоро перекусил хлебной краюхой вприпивку с чаем, направил жеребчика к барышевскому подворью. Едва пристопорил раззудившегося жеребчика, из ворот появляется высокая, милостивая женщина. Просторная беличья шуба скрадывает округлившийся живот. В руке у женщины узелок с пожитками.

У Ильи отчего-то часто-часто заколотилось сердце, так и ударяет, ударяет. Язык онемел. Ну, просто красавица из сказки, Василиса Премудрая. Таких в Покуре не водится. Просквозные озерные глаза вбирают его с рукавицами, валенками. Чаруют, манят. Поспешно развернул он пошевни, придерживая за плечо, усадил жену комиссара на охапку резунцы, набросил для тепла на ноги ей волчью полость.

Путница участливо-сострадательно спрашивает:

- Лет-то тебе сколько, парнишечка?

- Семнадцать наберестило, - бравирует Илья, в душе обиженный: с его ростом до гроба не выйдешь в ладные мужики. - Жисть мы не по годам, по делам меряем, как дрова саженью. Смалу при извозе, на заготовке чурака для пароходов, сенозаготовке и рыбалке. Кто где, кто и везде. Не паинька.

- Школу-то окончил? - женщина допытывает.

- Как же, - правя легким подергиванием вожжечки Михея,

поторопился сообщить. - Три группы и четвертый коридор. Больше в Покуре нет.

Она смотрит просквозными озерными глазами, в них сгустилась тоска и печаль, и много в них сострадания. Словно своего жалеет. Илье хочется плакать оттого, что эта беременная комиссарша добирается бог весть куда, в снега и стужу, темень, к чужим людям.

- Погоди, парнишечка, утвердится наша власть, будет больше, чем три. Все будет в Покуре, утешает. - Только бы дожить до счастливой поры. Обложили "белохвостики" Сургут, во всем уезде смятение. Одна эта осталась продушина в Нарым. Успеет или нет Антонин вырваться с оставшимися последними, не ведаю. У "белохвостиков" свои люди в городе, каким-то образом вызнают главные секреты и передают на расстояние. Неспроста сгинули отряды самооборны, кто-то снаушничал про них, упредил. Перехватили в пути. Коммунары в Сургуте теперь, как в окладе, любой их день прострельный.

- Ничего, минуется, - успокаивает Илья. - Колчак сколько не харахорился, отхарахорился бедолага. Так он все-таки адмирал, не чета нашему мужичью, белая кость. Ученый человек.

Пошевливает вожжечкой Михея, про себя соглашаясь с женой комиссара: "В окладе, точно. "Белохвостики" тоже не слабаки. Есть полосканные в семи щелоках, просвистанные семью ветрами. Матерущие, мозговитые. Сила.

- Ты - правильно, ты верь в хорошее, не верь в плохое, парнишечка, - продолжает путница. - В победу верь. Мятеж подняли двуличные. Есть такой Третьяков, бывший офицер. В Сургуте служил в продовольственном комитете, притворялся идейным, а как запыльхали Ишим и Притоболье, развернулся наоборот. Сколотил банду, прославляет господ эсеров. За них готов отдать жизнь до последнего дыхания и не только свою. Самые-де правильные они, для трудящихся. То, что надо. Сумел перехитрить всех, не распознали вовремя нутра. Ему под стать учительница Силина. Есть еще "бывшие", есть два воинствующих попа: ваш покурский вдовец Грязнов и сургутский священнослужитель. Сбивают с толку селян, толкают на кровопролития. Не удержать Антонину Сургута. Один выход - эвакуация.

Она замолчала, закрыла глаза: видимо, устала. Может, укачала езда, а Илья тем временем размышлял про себя: "Что "бывшие" и "настоящие", Третьяков и прочие, на Вате голь перекатная Позевалов и Парфенов потянулись за Липецким. Толкуют тоже о самоуправлении и свободе. Им-то какая нужда до иного устройст-

ва. Так нет же, против большевиков и Ленина. Разве можно против главного вождя".

На подъезде к Вате путница снова подала голоса:

- Встретишь, если, парнишечка, моего единственного Антошу, скажи, как вез меня, передай привет. Без него не будет мне настоящей жизни. Немного прожили вместе, а будто всегда были друг для друга. Он меня в Бале у сестры Полины встретил. Туда, в Балу, сбежала из колчаковского Тобольска. Думала, на севере тишина, а там горячей горячего, жар и пламя. Коловерть. Хлебосольных Ярновых на тракту никто не миновал, ни белые, ни красные. Все норовили завернуть на постой. Так и свиделись с Антошей. Первый раз накричала ему оскорбительное, нелепое о приязни к богу и старым порядкам. Потом одумалась и не раскаиваюсь: Антоша общительный, простецкий, завалится в затворенку по улице Февральской с друзьями-сослуживцами или командированными из губкомпарта, шумит с порога: "Таечка, душа ненаглядная, чем угостишь? Какими яствами?". Умеет расположить. А неприхотлив, всем доволен. Однажды к его приходу пережгла рыбу на сковороде, дым, чад в затворенке. Он только поулыбался: "У нас на германском фронте в Одоевском полку повар целый котел кулеша извел в ничто, дымное облако пустил над позицией. Немец, приняв его за маскировку, открыл огонь. Так что не в таких переделках бывали". Про котел кулеша это он, конечно, сочинил. Я поняла. Антоша же на язык острый, отменный оратор. Изобразит в лицах да голосом кого-нибудь, покатишься со смеху. Очень похоже.

- Все как есть, передам, тетенька, - с готовностью пообещал Илья, не ведая того, что судьба в самом деле сведет его с комиссаром в последний роковой час Зырянова, что сам он едва уцелеет в коловерти событий и спустя десятилетия расскажет автору повести о трагическом противостоянии задурманенных большевистской трактовкой гражданского противостояния северян, поучительном и для наших дней в плане бесполезности, необоснованных потерь. Удивительно живой и бодрый в свои восемьдесят с лишним предстал мне тогда Илья Иванович, ясно мыслящим, последовательно излагающим. Это счастье, что сохранила его память подробности, какие не восполнишь архивами.

ПОГОНЯ С ОГЛЯДКОЙ

В тот момент, когда коммунистический отряд покидал город, с другой, самаровской, стороны в Сургут впереди всех вставших, важно развалиясь в кошеве застланной ковром, въезжал не успевший отступить с Колчаком и долгое время скрывавшийся

по зимовьям Кондаков. Неумолимо направлял действия заговорщиков. Его прочили в "верховные" - председателем комитета общественной безопасности, главного органа повстанцев, сыгравшего впоследствии не последнюю роль в терроре и военно-организационной работе.

Кондакову сопутствовали недавно преуспевающий крупный промышленник Дождев, жених Ксении торговец Клепиков, еще Андрей Силин и сама Ксения.

Обосновались в особняке у Тетюцкого, где еще не выветрился едкий махорочный дым и чад ревкомовских керосинок, оставивший следы копоти на потолке. Сразу учинили облавы, аресты, расстрелы сочувствующих Советам. Действовали по-большевистски: тюрьму забили до отказа, многих схваченных уводили группами на окраину за огороды и там без суда и следствия пускали в расход.

В казармах располагались прибывающие "ратники". Они шли и шли, и казалось не будет им конца, несогласных светлomu будущему через насилие. Не хотели такого "счастья". С подводами появлялись и пешим порядком. Кто как и кто с чем на войну с коммунией ускоренного пошиба, по ленинской раскройке. Безоружные надеялись укомплектоваться в бою. Сила собралась внушительная.

Той же ночью Третьяков сформировал карательную команду, по примеру Липецкого, отобрав в нее наиболее способных, решительных. Первым делом отправился в тюрьму освободить заложников, но по дороге его перехватил почтовик Ключарев, сыгравший неопределимую роль в снабжении информацией. Через него самые секретные сообщения тотчас попадали к комитетчикам. Иногда их намеренно задерживали, корректировали и даже утаивали.

- Оpozдал, Иннокентий. Всех казнили. За дворами неподалеку мерзлые трупы.

- И Сосунова положили?

- И его тоже. Мда-с, вежливо потупился Павел Георгиевич.

- Времена. Гришка, конечно, дурак. Стрелял в Зырянова, но промахнулся. Предревкома культурно побеседовал с ним: не дуrolомь, говорит, жизнь молодую не губи. Он не внял, пуще прежнего начал выкобениваться, ну, и взяли заодно с продуполномоченными, узнав про гибель отрядов. В отместку. Так что нет больше народного заступника. Аммишь.

- Жаль. Мы с Григорием побратимы. В рукопашной под Котласом спас меня, грудью, можно сказать, закрыл.

- Другие същутся закрыватели, вон их сколько: сотни и сотни. Войско, - Ключарев сделал широкий мах рукой, горделиво показал на вереницу подвод и пеших "ратников". - Поднялся народ, чуешь, Иннокентий.

- Чую, Павел Георгиевич, страсть много добровольцев. Без агитации валом валят. - Согласно кивнул Третьяков. - Это радует больше всего. А Григория с прочими похороним честь-честью и сторицей заплатим за гибель мучеников нашего братства святой веры и отечества. Выставим гробы у комитета на всеобщее обозрение. Факт наглядный. Не придумаешь наглядней пропаганды антибольшевизма.

Скоро несколько упряжек помчались на место казни, где расстрелянные валялись в тех позах, в каких их застала смерть. В разинутый Гришкин рот набились травинки из близкого стога. Он, казалось, просил еще. Третьяков брезгливо дернулся.

- Закреть ему хайло, ишь, ощерился, как волк. Не мог потерпеть до нас. А теперь бесполезное падло, труха. Был и нет Сосунчика. Сыграл ему отходную Зырянов.

Ключарев попробовал сжать челюсти, но те не поддались. Мертвый Сосунов сопротивлялся, так с разинутым заостренным ртом, набитым сенинками, и зашторили крышкой.

В особняке Тетюцкого тем временем заседали комитет спасения и военная комендатура, решали как быть с отступившими недавно на Томск. Промедлили, упустили эвакообоз и отряд Зырянова, сумей догони их.

- Догоним! - заверил Третьяков, чуть приподнявшийся. - Куда денутся. Обоз - гиря в ногах отряда, вынужден прикрывать его, не разгонится шибко. Может рассеять одним залпом. Но лучше без потерь - из засады, врасплох - кончить этих последышей.

- Догоним! - подтвердил и начальник разведки Липецкий. - Само собой уничтожим. Толкался в толпе при отправке, видел, с чем уходили. Ничего существенного, кошачьи слезы. Профукали оружие губкому и отрядам обороны, и остались голыми на ветру.

- Хорошо хоть так, - успокоился председательствующий Кондаков. - А ловка все же большевичка разведчица Зорина, перед смертью слукавила про пулеметы, которых у красных нет. Обвела молодых Стежкина, задержала на толику из Сургута. Боялись вступить, оглядывались. Прооглядывались. Алексей Ефимович, ты со своими хантами беспокон коммунаров, висии на запятках. Посеешь панику - пожнешь победу. А Иннокентий двинется следом, с полуротой охотников.

- Не многовато ли полуроты на битых и грабленных, с бору по сосенке? - язвительно процедил Липецкий. - У страха глаза велики. Пригодятся еще охотники для баталий. Нам каждая жизнь дорога, каждая войсковая единица.

- А остатки караульной роты, милиции! Забыл? У них трехлинейки и самодельные гранаты. Забыл про Зырянова, с его армейским опытом один десятка стоит. С умом надо, не так: под крышей - лихо, во поле - тихо, - возразил Третьяков, втайне пугавшийся встречи с предвеккома и надеявшийся больше на авось, чем открытую схватку на равных. Авось повезет, добьют беглецов. Не в них суть. Фронт много шире. Кровапролития еще предстоят.

- С винтовками и гранатами их раз-два и обчелся. Некоторых Прилуцкий с Ефремовым обратили в нашу веру - склонили к измене. Эти за вычетом из общего. Итак...

- Итак, - озлобясь, повысил тон Третьяков. - Не суй нос, куда не просят. Не тебе брать коммунаров, не ты и в ответе.

Уняв ссору, Кондаков не медля велел готовить охотников. Споры на руку лишь врагу.

Липецкий не заставил себя ждать, с хантами на партах ускакал вдогон отряду, а Третьяков отправился в казармы, бывшие солдатские, где молодцы Стежкина изнывали в ожидании настоящего дела. Эти хоть в огонь, хоть в воду готовы. При Колчаке натерели в схватках накоротке.

Зарумянившиеся от выпитого самогона, дружно поприветствовали начальника команды, почти насильно усадили и поднесли стакан первача. Иннокентий вобрал содержимое несколькими крупными глотками без передышки и голова легко закружилась, в теле разлилось приятное тепло. Он расслабился.

- Ну, так что, ребята, проявимся?

- Хо-хо, не впервой. Упокоим душеньки.

- Тогда снаряжайтесь - и спать. Пробегка будет корявая, не споткнуться б.

Каратели подчинились. Они военной, если не больше, выучки.

Выступили днем, перед обедом, стремясь сократить дистанцию, безостановку поспешили на рысях. Вдруг из леса справа с возгласами "Хэй! Хэй!" вылетели олени упряжки. Липецкий, в малице, кисах, плосколицый, сильно смахивающий на ханта, с телохранителем Натускиным затормозил хореем перед пошевнями начальника команды, известил, что шумнули красных ложной атакой и ускакали обратно, сделав вид, что бежали в панике и не

вернутся. Усыпили бдительность.

"Хитер мудрец, стерва, дерзок до невозможности, - невольно позавидовал Третьяков. - Гуляет под носом у комиссаров то в городе, то на большаке, и хоть бы хны. Все ему нипочем. Оборотень - не человек, из воды выскользнет сухим".

Гикнув, Алексей Ефимович снова умчался сторожко - скрытно проследить добычу, не упустить из виду. Каратели, надеясь на заслон впереди, двигались уверенно. Прирожденный сыщик Липецкий разнохает любую ловушку, упредит. В пути отряд притомится, расположится на ночлег, тут и накроют, как кура во щаж, теплыми. Внезапность - первое дело.

Разгромив отряд, двинут дальше в Нарым, закрепляться там для броска. Согласовано это со штабом.

В церкви и соборе служат молебен во славу повстанческого оружия, на фронтоне особняка Тетюцкого тяжело обвисает бог весть где найденный романовский стяг. Павел Георгиевич в форменном почтарском пальто из синего сукна, розовощекий, округло-плотненький, навещает именитое купечество, пьет с блюда чай вприкуску с рафинадом и похваляется:

- Кого хочешь объегорю. Меня к ордену или медальке представить потребно, состоянием наградить. Жизнь ведь рисковал.

- Все рискуем, - резонно замечают торговые люди. - Теперича одна на всех веревочка, одна греховная дорожка в преисподнюю. Не помилуют, если что.

- Истинно, - вздыхает почтовик Ключарев. При мысли о возможном возмездии бледнеет, ежится, утрачивая напускное бодрчество.

- Устроят, как устроили продуполномоченным и Гришке-забулдыге, - тянут свое собеседники. - Для чего, скажи на милость, сказнили, сообразно ли? Так деется, око за око, зуб за зуб. Вроде зайца, на гору бегом, под гору кувырком. Бывало, езживали тихо-смирно на ярманки в Ларьяк и Томск, заключали отрядные сделки. Ра-бо-та-ли! Порушен уклад, но злобы на коммунию не держим, все люди, все с заблуждениями, только зачем смаху под рубаху, зачем убеждать палками? Дехреты они что дышло, куда повернул, туда и вышло. В светлое будущее, а вдруг наоборот, из него взадпятки. Звону много, толку нет.

Просили перед отправкой пленить отрядников и порассудить мирком да ладком. Мало хорошего в бойне.

Об этом размышлял Иннокентий, мерно покачиваясь в пошевнях, задремывая и снова обретая чувствительность. Пан или пропал. К славе или забвению несет стихия, неведомо. Может,

станет главкомом, может, займет пост военного министра в сургутском правительстве. Играть, так козырными.

Позади нескончаемо унылый зимник, впереди роковая развязка.

В деревне Ермаково, узнав, что Зырянов намерен ночевать за Обью в Вартовске, в каких-нибудь двенадцати верстах, Третьяков подвернул к дому Гришаева-Рябинина. В свое время преследуемый царизмом, один из идеологов социал-революции, учитель не сошелся и с большевиками. В восстании играл роль не последнюю, но держался нарочито в тени: в случае чего кара обрушится на "практиков". Первые роли чреватые последствиями. Вместе с тем неприязнь к красным толкала в схватку, хотя бы местечковую. Надоело отсиживаться в нетях, скрытничать.

Он быстро раскусил тщеславие Третьякова, его боязнь сургутского комиссара, однако не подал вида. Иннокентий пользуется доверием у зажиточного крестьянства, офицер с опытом. Нужен и Липецкий. В душе презирая обоих, Гришаев-Рябинин терпел их. Угощал масляными блинами, севрюгой, прибереженной смирновской водкой и советовал как успешней завершить операцию. При этом проявил недюжинную смекалку, вызвав неподдельное одобрение ироничного Алексея Ефимовича.

Это породило очередной приступ раздражения у Третьякова: "Суются всякие", но он сдержался: слишком крепкий предстояло разгрызть орешек, не время для разногласий, личных счетов.

НЕ В ПОЛЬЗУ КОММУНАРОВ

Отрядники шли безостановочно, днем и ночью. Привал сделали лишь на Вате. Выставив на взгорье у реки часового, в командирской избе военрук Чвинов с красноармейцем Петром Башмаковым сели играть в шашки. Дородной комплекции милиционер Захаров, взяв неразлучную спутницу гитару, задористо потрянул кудрями и после звонкого струнного аккорда завел приятным сочным баритоном "Вот мчится тройка почтовая...". Его поддержали Зырянов с Зориным. Не допели: с улицы послышались выстрелы.

Разведка Липецкого, наделав шума, пугнув ложной атакой, скрылась так же внезапно, как и появилась. Тотчас раздалась команда "В ружье!", отряд принял боевой походный порядок. Скорей бы оторваться, силы карателей, видать, потешные, больше дымокурят.

Но ошибались коммунары. Им готовилась западня, ими занимались всерьез.

В Ермаково отрядникам с умыслом указали на Антипадиста

Мартемьянова, по-деревенски Пальку, успешно промышлявшего с сыновьями извозом, ходившего обозом даже на Томск, Новониколаевск, Тобольск. Дважды и трижды оборачивались за зиму. Поставляли дрова парходчикам. Ничего не скажешь, упористые.

С неохотой Палька запряг лошадей, и сам отправился с подводами, зная, что путь недолог. Гришаев-Рябинин сообщил про "охотников", наказал при случае спрятать дуги и подрезать гужи у хомутов. Пеших отрядников помогут перекокошить с тыла Ефремов с Прилуцким, добавят огоньку.

Мартемьянов маялся, сердито сопел носом и, скусывая намерзшие сосульки с усов, чертыхался про себя: не пристало мужику пускаться в авантюры. Баловство это. Но "учитель" пообещал в собственность рыбные нерестовые пески у Вартовка на Оби и беспоплинную торговлю с русскими и хантами, насылил золотые горы. В противном случае пригрозил свинцовой примочкой на оба глаза - расправой.

- Хоша так, соглашусь, недобрый человек, - обсасывая завитки дремучей бороды, промямлил Мартемьянов, - только у большевиков еропланы, пушки, пулеметы, против их самопалы нуль без палочки, тень на плетень - не боле.

- Останется семья. За отцами воспрянут сыновья, на кой ляд Советы с коммунистами. Свой миропорядок нужен. Тебе извозничать чтоб, мне учительствовать, Третьякову охранять Отечество.

Сам предложил отрядникам занять лошадей у Мартемьянова, те клюнули на приманку.

Ехал Антипадист на подводе с Зыряновым и удивлялся: "Из молодых да ранний. Лет, поди, двадцати семи, а старшой. Наверное, где-то жена и дети, не увидит уже, не выкрутится. Всем заказана крышка, всем! Будьте прокляты вовеки белые и красные, лозунги-призывы!"

На подъемах седоки соскакивали и понукали лошадей: "Ноо, милые!", на спусках придерживали за оглобли готовые смять коренников и пристяжных сани.

Улеглось возбуждение на сору - обширной приречной низине. Мартемьянов спросил:

- Не страшно умирать? Вдруг да придется.

- Чего это о смерти? - потрескавшимися на морозе губами улыбнулся Зырянов. - О жизни думаю, дел невпроворот.

- Скажи тогда, как порешите с собственностью, сколько позволите ее? Землю через землю постигают и почитают, не через слова и дехреты. Слова что - шелуха, дунуло ветром и нет. А вы то отнять, это урезать, поделить. Лихо. Восстанья из-за чего? Из-

за реквизиций, переборщили значитца.

- Разверстка - временная мера. Пересмотрят, заменят новой экономической политикой с поощрением частной инициативы. Хочешь торговать - торгуй, приращивай себе и государству, охоться, рыбачь, извозничай. Заводи иное дело.

- Если бы да кабы. Пока все из-под палки. Сказывал учитель про Соловки. Ад кромешный, надругательство. Через концлагеря не постройте ничего кроме казарм и надзирательских дуростей. Диктатура пролетарьята страховидней всех прочих царизмов. Так науправляете, что мудрецам через сто лет не уразуметь. Все вечно стремились к организации, и вот родили большевизм для поколений. Ленин, христосик с сомнением, завел вкривь и вкось, дальше некуда. Себя и других калечит. Слепец.

Хотел сказать про сговор Гришаева-Рябинина с "охотниками", но из опасения за семью, вопреки желанию, смолчал.

Остановился Зырянов в доме у сочувствующего большевикам Тимофея Аркадьевича Слинкина в нынешнем Вампугольске, за рекой, созвал военный совет. Повестка одна: как быть дальше? Уходить вслед обозу или ждать утра? По правую руку от командира зампредуисполкома, Зорин, в накинутаой на плечи рысей дохе, чернобровый, черноглазый, заметно удрученный потерей жены; по левую - военрук Чвинов, сухонький, лысоватый, простудно кашляющий, и невозмутимо-однотонный чекист Роберт Валенто. Были здесь милиционер Захаров и брат партизана рыбака Хрисанфа красноармеец Петр Башмаков. Всего человек шесть-семь.

У порога жались любопытствующие вартовцы (Вартовском тогда именовали Вампугольск), хотевшие услышать о происходящем из первых уст.

Без больших дебатов решили послать в Ермаково разведку и действовать сообразно обстановке. Выбор пал на коммунистов покурца Степана Хатина и ермаковцы Виктора Казбеева. Они сами вызвались.

- Кажный зауголок ведом, скрадом-ползком проберемся. Где огородом, где улицей-проулком, высмотрим, разнохаем.

- А как попадетесь? - Антонин Петрович поиграл револьвериком с затертой до блеска рукояткой. Револьверик этот он взял у пленного колчаковского унтера в недавнюю, девятнадцатого года, кампанию, и оставил вместо трофея. Семь тупорылых пудек в барабане, как семь братьев. Молодое, почти юношеское лицо Зырянова светилось бледностью. Он превозмогал усталость и недосыпание. Лишь воля и природная выносливость держали ко-

миссара на ногах. - Если попадетесь, что тогда? - пристукнул отчетливо револьвериком о стол. - Тогда молчите. Не знаем, где наши, и все тут. Отбились, потерялись. Врага недооценивать вредно.

- Знамо, не скажемся. Не для того вызывались для сгляду.

Сугубо мирные люди, они не представляли степени риска. В какой-то мере вылазка казалась им игрой взрослых, в которой худого не может быть. Ну, дадут зуботычину-две, матюгнут для порядку. Никто ощутимо не пострадает. Игра и есть игра.

Хатин с Казбеевым уехали под сумерки, намереваясь оставить подводу на подъезде к Ермаково где-нибудь в лесной островине и крадучись выведать необходимое. Темнота скроет. Но предусмотрительный Третьяков выставил дозоры со стороны Вартовска и разведчиков взяли, что называется, тепленькими, в тот момент, когда еще безмятежно рысили по зимнику.

В грудь уперлись винтовочные и ружейные стволы.

- Кто такие? Куда правитесь? - их обыскали, грубо завалили в пошевни и погнали лошадей напрямик к гришаевскому двору. Там Третьяков, при обильной закуске не пьянея, цедил с хозяином "смирновскую".

Липецкий к зелью не притрагивался, все чему-то загадочно улыбался да хмурился. Думал он так напряженно. Не откажешь Алексею Ефимовичу в сообразительности. По правде сказать, ему бы возглавить мятеж, не Кондакову с кампанией, но он удовольствовался разведкой. Ему это больше по душе.

- Вот каких-то поймали, в голос пробасили конвоиры, как две капли похожие друг на друга, с квадратными подбородками, носами-картофелинами, быковатые. Глаза одинаково бараньи, выпуклые. Наверное, братья. - Какие не ведомо.

Гришаев сразу узнал ермаковца Казбеева, Липецкий узнал обоих. Принялись допрашивать:

- Лазутчики?! От Зырянова? Сколько с ним человек, чем вооружены? Есть пулеметы?

Пленные отмалчивались.

С налитыми кровью глазами, зверея от мысли, что его и здесь обходят идейные политики, первыми раскусившие пойманных, Третьяков вскинулся блажноотяжелело.

- Пас-куды! Каго вздумали обвести вокруг пальца, объегорить! Гаварите! Там, за рекой, ждут краснопузики вестей: так? Даждутся... Я здесь первейший, моя воля, мой закон. Заарканю Зырянова.

Тепло и хмель кружили голову. Слегка пошатываясь, он встал, подошел вплотную к пленным и, от переполнявшей злобы

ясно трезвея, коротко, почти молниеносно ударил одного, потом другого.

Это была уже не игра. Казбеев с Хатиным поняли и, кажется, оробели в чужом скиту. Иннокентий поднял их, встряхнул остервенело и снова - по зубам. Умел бить сытоmineц, бивал и прежде у себя в полку. За это едва не кончили обольшевичевшие солдаты. Вовремя унес ноги.

Из двоих он знал немного Хатина, знал, что тот коммунист, за продрозверстку и продролог в светлом будущем раю, за брезжившую новую экономическую политику. Закричал самоиступленно, выплескивая скопившееся раздражение:

- Федьку твоего, комсомольца, в Зенково колотушкой самолично приголубил. Навечно упокоил гаденьша. Весь отряд попался вместе с бабами. Всех отправили на выздоровление к Духонину. Пусть выполняют декреты на том свете, славят революцию-резолуцию.

На губах Третьякова выступила пена, глаза бешено вращались. Он был как в припадке.

- Каюрину, может, знали молодайку, может, мальчика Васю Яркова помните? Все там, у водяного. Ключарев-почтарь всех по телефону заложил. Женку исполкомовца Зорина на потешку братве стоптали. Не съест Афанасий Артемьевич своей пташки. Оголовавшие собаки растаскали по огородам.

Липецкий сердито дернул его за рукав.

- Ты это... того разболтался, военные тайны выдаешь. Зачем про Павла Георгиевича-то, про отряды в ловушке? Охолони, Иннокентий, не ту мелешь муку... О деле давай, как накрыть побегушников? А этих, - он кивнул невозмутимым конвоирам. - Этих пока в амбар, и глаз не спускать с них. В случае чего не жалейте прикладов.

Когда Хатина с Казбеевым увели в "холодную", Гришаев-Рябинин предложил часть отряда тотчас послать к купеческим амбарам за Обью, одновременно устроить засаду по другую сторону Вартовска - возле зимника, на Велемском островке. Коммунары таким образом окажутся в кольце, не избежать им разгрома.

Ударную к амбарам группу поведет сам Третьяков: предусмотрел это Алексей Ефимович, чтобы утишить разгулявшееся тщеславие начальника команды, эсеру-террористу с амбициями, воздал должное. Учителя благословил в засаду. При этом проницательно постарался внушить Третьякову мысль о первенстве в операции, иначе тот хмельной очертя голову мог в открытую рвануть на Вартовск и испортить всю обедню. Гришаев все же

полководец без армии, личность штатская, хоть и постреливал из-за угла. У Иннокентия, что ни говори, военные навыки, ему верят, за ним идут "охотники". Нельзя не учитывать.

А что горяч, так это с кем не бывает, не самый худший порок.

Это понимал и Гришаев-Рябинин, и в душе согласился с Липецким: резон оттеснить сытоминца.

В полночь объявили сбор. У ворот выстраивалась цепочка санных подвод и оленьих упряжек, каратели переговаривались вполголоса, не довольствуясь патронташами, набивали гильзами карманы. На крупную дичь шли.

Ханты держались особняком, возле нарт, не совсем представляя, зачем их подняли среди ночи. Убить можно и днем, днем даже лучше, чем ночью. Ночью надо спать.

Ханты предназначались для засады. Оленьи упряжки способны пробиться по целине за селом. Им сподручнее.

Липецкий, хорошо знавший язык остяков, растолковал перед отправкой, что убивать коммунаров надо хитро, как зверей на облаве: одни гонят, другие подстерегают, иначе те спасутся. А этого допустить нельзя, шибко дорогое удовольствие. Вернуться с подмогой - не сдобровать всем. Большевики безжалостны.

Ханты покивали головами.

- Латна, латна... Истелаем...

Как будто на сохатых отправлялись.

Светила луна. В ее золотисто-палевом сиянии процессия на зимнике казалась обманной, призрачной - миражом. Только режущие в настылости скрипы полозьев, всхрапы лошадей и коренников-хоров обязывали думать иное. Раскатятся на повороте неустойчивые нарты, опрокинутся, образовав пробку. Чье-то матерное ругательство зависнет, звякнет ствол о ствол, и снова струнно-резкий надрыв полозьев.

По надмирю перекачивались голубые полосы, напоминающие реки, они сливались в однотонное, исклеванное звездами напластование, распадалось на составные, снова текли в неизвестность, настраивая мятежников на мирный лад. Казалось, взойдет солнце, мирные дымки, разговоры отринут дурные наваждения. Но так только казалось.

Двенадцать верст - не расстояние, быстро скоротали. Подтянулись к сору, за которым на взгорье среди кустарников и топольника притаился Вартовск. Постояли, вслушиваясь и всматриваясь в немоту ночи. Кадровый военный, Третьяков знал, что значит умелая оборона. За "охотников" уверен, но в засаде много

необстрелянных хантов, ускачут, пугни лишь огоньком. Ненадежны. Может, где затаились часовые, не может быть, чтоб не выставили хоть одного, как на Вате. А вдруг не выставили? Или западня, заманка?

Ждали с полчаса, никаких звуков, перемещений на той стороне сора, за рекой, и Третьяков подал знак двигаться. Будь что будет. Гришаев-Рябинин с хантами безмолвно целиной поворотил на Велемский островок через уединенную протоку, те и другие растаяли в голубоватых переливах, лишь похрустыванье наста выдавало присутствие большого числа людей возле амбаров и в тальниках на островке.

Их не окликнули на подходе, не остановили. Собаки не взбрыкнули в предутрии. Сонность владычествовала, сонность и стужа, да низовой ветерок пробивал обмундировку карателей, неприятно наждачил лица.

Светало.

ПОСЛЕ СОВЕТА

После заседания военного совета Зырянов вызвал Мартемьянова и велел рано утром без напоминаний подать лошадей. Замысливший недоброе Антипадист расположился у доверенного лица местного купца Силина Ивана Абрамовича Кушникова, после конфискации хозяйского добра настроенного к красным недружелюбно: общипали вместе с Силиным и его, лишили достатка доверенное лицо. Они быстро договорились с Палькой схоронить дуги в завозне под сеном, на завозню навесили замок. Много ли места надо дугам, для страховки подрезали с вечера гужи у хомутов.

- Ну, что разведка? - нетерпеливо спросил вернувшегося Антипадиста Кушников, забирая в кулак клинообразную ухоженную бородку, буравчиками впиваясь в непроницаемую мясистую физиономию возчика из Ермаково.

- Слава богу, не слышимо о ней, - побряхтел, стягивая шубу Мартемьянов. - Видать, влопались. Третьяков он не промах, любого выведет и уведет на чистую воду.

- Тогда жди гостей. Поимут, что здесь коммуния, и обложат. Оставить Зырянова без лошадей - верная гибель, мы ее напро рочили. Эххе-хе.

Швыркали чай, изредка умильно посматривая на окна, где любопытствовала луна, и снега мерцали мириадами огнистых брызг, синее с палевым ласкалось к стеклам, дрожкая стылая тишина готовилась раскатиться грохотом, как накренившаяся поленица.

Антонин Петрович в это время без шапки, в одной гимнастерке и накинутой поверху безрукавке вышел из слинкинской светелки на улицу, оглядевшись, не видно разведчиков. Пуст сор, пуста дорога, с сора вторгшаяся прямо в улицу и утянувшаяся дальше за околицу. Кому-то она жизнь, кому-то вечный упокой и поминовение. "Как же так? - озадачился командир. - Пора бы вернуться Хатину с Казбеевым. Часового надо поставить у реки".

Луна висела прямо над головой. На нее в одно и то же время смотрели выступившие на Вартовск каратели, проверявший караулы у Ермаково Липецкий и чаевничающие сговорщики Кушников и Мартемьянов.

Зырянов видел луну по-своему. Она напомнила ему отправку обоза в ночь, неизвестность, а перед этим проводы жены, с которой второпях даже не расцеловался, полагая, что это ненадолго. Не ведал, где она, что с ней.

Напомнила луна сгинувшие отряды самообороны, тревожно-ознобное состояние сиротливо жавшихся к повозке, с которой произносил речь, остающихся сочувствующих большевикам горожан. Произнес с чувством, ударно:

- Дружочки вы мои милые! Товарищи! Не кручиньтесь. У врагов революции короткое дыхание, увидите, запросят пощады. Мы уходим, но это не бегство. Надо защитить обоз, спасти семьи активистов. Это необходимость. И на нашей улице будет праздник, любит повторять вождь Ленин. Верьте ему, будет! Советская власть незыблема. Советская власть - это все вы, дружочки и товарищи. До скорой встречи, мои милые!

Поблагодарил всех, кто дал в дорогу лошадей и снабдил сбруей.

Перед митингом он навестил бабу Ксюшу, заботившуюся о нем как о родном, просившую сыскать в томских частях сына красноармейца и передать весточку. По стародавнему обычаю присели, помолчали перед разлукой. Баба Ксюша сронила слезку, перекрестила постояльца.

- Вы с Таиской для меня ясны солнышки, притушили пасмурь одиночества. Через вас и я за большевиков стала против белых анчихристов, всяких наших хитрозадых Кирьянов. Только не спойму, отчего белые? Обнакнавенные все, в полоску. Будто лошади сивые, лишь бы ржать в оскале. Одежку твою, Антоша, сохраню как есть, поштопаю, постираю и спрячу в подпечек. Если что, знай: там она.

- Им не обмундировка, им я нужен, - рассмеялся Антонин Петрович, поглядывая на улицу, где его ждал возница. В поделе-

поватое оконце секла редкая снежная крупка, с шуршанием-звоном опала по стеклу и стене, липла чернота. В неназойливо притаенные звуки естественно вписывались посапыванья и поставиванья кота на лежанке. Во сне кот ворочался, вздрагивал, затихал ненадолго и снова его прерывистое дыхание резалось через дуновенья за окном.

- Злодеи, истинные злодеи, - шелестела баба Ксюша. - Деловые люди, понятно, и жалко терять капиталы, но чего не хватило нашему батюшке священнослужителю с покурским попом Грязновым, наперегонки возносят анафему большевикам.

- И еще как возносят-порицают! За мою голову обещают миллион и прощение всех грехов, вербуют себе сторонников из бедняков.

Старушка скорбно потупилась.

- Да-а ты, Антоша, хоть бы бомбу для обороны держал. Живым им Кирьянам не давайся, нет. Знаю наше мужичье, истерзают, надругаются. Нравное в аплонбе.

- Как не знать мне, северянину. По отцу знаю. Крут Петр Никифорович, во гневе надвое перешибает оглоблю.

Не поднимаясь с лавки, ледащая, согбенная баба Ксюша поцеловала его холодными неживыми полосками губ в красиво очерченный лоб.

- Благословляю на прощанице.

- Спасибо, мать.

Он ушел.

Белые рядом, возможно столкновение. Значит, возможна гибель. А обоз уже далеко, недосыгаем, пожалуй. Это хорошо, цель достигнута. Поразмыслив, он послал на пост в топольник местного Семена Давыдовича Панова, отличавшегося острым зрением. Ночью видит как днем. Из топольника весь сор при луне как на ладони, не проглядит врага. Иголку и ту различишь, не то, что лошадей и людей. В случае чего успеет предупредить.

Семен Давыдович взял прислоненную к стене винтовку, запахнул плотней тулуп и за ним гулко стукнула избяная дверь. Знай бы Антонин Петрович последствия такого назначения, послал другого или несколько человек сразу. На этот раз подвело его чутье, ошибся в Панове. Семен Давыдович покурнул в топольнике, потоптался согреваясь, но мороз хватал и в тулупе. Он решил, что не будет большого греха в том, если уйдет домой. Кому вздумается злоумышленничать перед утром. А злоумышленничают в таких делах именно на рассвете, в россонь. Далекий от войны человек, он с легкостью нарушил приказ командира.

В тот момент, когда потирая от напряженных всматриваний в рябые сумерки, в голубоватые подлунные переливы саднящие до рези глаза, передумав все, что занимало в масштабе своего немудреного хозяйства и последних событий, уходил Панов в село по широкой рассекающей улице, волоча винтовку, как дубину, на том берегу сора каратели замерли в томительном ожидании. Еще бы минуты и остроглазый Семен Давыдович различил движение в дальности, неумело скрываемые в рукавах и ладонях самокрутки, но он уже уходил и ни разу не обернулся.

Антонин Петрович, возможно бы, проверил часового в топольнике, но в хату набились мужики, жаждавшие беседы с комиссаром из Сургута, так, словно он появился только для того, чтобы разъяснить обстановку.

Антонин Петрович в меховой безрукавке поверх гимнастерки увлеченно рассказывал о Ленине и революции, о необходимости продрозверстки в период разрухи и заблуждениях на этот счет некоторой несознательной части населения, потянувшейся за эсерами, которые делают погоду на временных затруднениях. Иного не мог сказать, нужна продрозверстка, но предприимчивые выгребатели сусеков из ложного рвения или с умыслом допустили перегибы, взяли больше, чем полагалось. Взяли даже у бедняков, не оставив и куска на пропитание. За это наказаны восстанием.

Карие глаза Антонина Петровича казались темнее обычного, голос был звонок и чист, русые волосы слежались под шапкой и голова казалась меньше. Полоска усов резко очерчивала верхнюю волевою губу, подбородок, словно огранен резцом. Все лицо заострилось, стало угловатым.

За несколько бессонных суток он и без того поджаро-тонкий заметно сдал, осунулся. Даже постарел, виски засеребрились сединой. Но одновременно он и возмужал, выглядел умудренней своих двадцати семи лет.

- Время, товарищи, тяжелое, - обратился к собравшимся. - Нас бойкотируют страны Антанты, душат голод, болезни, разоренность. В первую очередь надо накормить рабочий класс. Ему предстоит восстановить заводы и фабрики, потребуется на это максимум усилий. В том числе физических. Хлеб! Вот зачем продрозверстка! Будет введен НЭП - новая экономическая политика, чтоб оживить торговлю, создать мало-мальски фундамент прочности. Без продовольствия не создадим индустрию, то есть тяжелую промышленность. В том числе оборонную. Не поднимем производительность труда. Останемся в тисках мирового капитала.

Илья Крюков, порывавшийся сообщить Антонину Петрови-

чу про жену, передать привет, никак не мог уловить удобный момент. Он глаз не спускал с комиссара, заворожено слушал, открывая для себя новый пезнаемый мир. Всем вартовцам приглянулась речь. О комиссаре из Сургута наслышаны много, а видят первый раз. По речи он оратор и политик, по осанке - солдат... Строгий и не по годам серьезный. Озабоченный.

"На нем большая ответственность, - подумал покурский продагент. - Не до меня ему. Скажу опосля, что жена наказала, а то разволнуется, не успеет. И так заморенный, светится изнутри. Одни глаза остались на лице да щетина на скулах. Когда бриться, если превосходящий силами враг на запятках. С пукалками как этот комиссарский револьверик, что сделают. Ничего".

Ушел, надеясь на встречу "опосля", но "опосля" уже не произошло. Вскоре начался бой.

У СТАРИКА ТЫРЫКОВА

Покурские возчики и несколько человек из сургутской караульной роты ночевали у старика Тырыкова. Хозяин куда как приветлив, всем у него распахнуты двери. Встречным и поперечным. Кушниковский особняк по соседству под железом, в ограде, как в крепости, с псами на привязи. У Тырыкова ни ограды, ни псов, ни надворностей, лишь сараюшка да конюшенка на три пустых стойла. С конями сын Михаил ушел к красным, лишь только уезжал про восстание, так и ушел в Нарым. Дома его, коммуниста, не пощадили бы, середины в такой заварухе не может быть. Не отсидеться между двух станов. Либо ты за тех, либо за этих.

Михаил выбрал красных.

Остался старик с девками. Их у него две, вьюрки, грудасты. По лицу сдоба-румянец. Особенно ознобна старшая Фуза. На нее пялятся Стаська Прилуцкий из караульной роты, не отводит лукавых глаз сын мельника с хуторка Банное. Младшую Праскеву облюбовал его сытоминский приятель Алексей Ефремов, украдкой тиснул в закуте, облобызал. Праскева в хохот: хи-хи да ха-ха, утирается платочком. Сладко.

Стаська достал из заплечного сидора гармонику, развернул мехи и принялся подпевать:

Барыня буки-меди

По ногам бредут медведи.

Ух-ах, на клопах

Едет Мышеедов Стах.

Гонит несусветицу.

И того чаще, плясовой да забористой гармонный его пере-

бор. Пальцы у Стаськи верх проворства, летают по клавишам, как почтовые бубенчики под дугой.

Скоро будет тарарам,
Дадим кому положено,
Дадим кому-то по зубам
И остальных уюкаем.

Это снова Прилуцкий ввинтил в разноголосицу озорно с подтекстом: "кому-то по зубам", - а кому, поди разберись. Что намекает, про что таит?

Эх, лихая, брат, пора,
Дело молодецкое,
Веселитесь до утра,
До конца советского.

- Э, парнишша, не того ты несешь, - заершился старик Тырыков. - Как это так до утра, до конца советского? Что будет утром, какой конец? Ну, сказывай! Не то я к командиру Зырянову шасть. Я это могу. А девки геть спать к суседкам, такие кавалеры моментом обрюхатят и фамилии не спросят. Не перед добром веселятся. Чую.

Сестер как выдуло.
Судорожно всхлипнув, умолкла гармоника. Встревоженный Стаська полохнулся:

- Ты что, рехнулся, мититей. Ты нас караульцев в чем подозиришь, в каких концах? В том, что подставляя голову, несем охрану просторов. В том, да?

За показным негодованием скрывал страх. Испугался, что невзначай выдал тайный сговор с комитетчиками - ударить по отряду с тыла. Для того внедрились в команду с Алексеем. Напряженно ждали развязки, зная, что разведка потерялась и теперь только не зевай, не упusti фортуны. Заранее торжествовали: возьмут на мушку комиссара с начальственной головкой, этих возьмут в первую очередь.

Тырыкова, если что, придется шлепнуть втихую, не допустить к Зырянову. Стаська будто по нужде, выскользнул на воздух, притаился возле сенок со складнем. Но старик не вышел.

Прилуцкий с облегчением спрятал в карман поблескивающий под луной нож, вернулся в тепло. Молча лег на пол рядом с Алексеем Ефремовым, вплотную придвинув винтовку. Однодеревенец Третьякова дышал крупно, с посвистом. Этот даже спит основательно, как работает. Упрямо метит на эсершу Силину, не меньше. Душу продаст дьяволу за нее и капиталы, учинит любую расправу без колебаний.

Стаське нужны приключения, житейский перчик. Предпочитает горячее. Втравили его мятежники - потянулся за ними и будь что будет. Главное - утолить душеньку, навести переполох.

Он голубил в ладони ложе трехлинейки, а представлял Фузу: смачная, ох, дереза... Подол с искрой. Тешит себя мыслью сын мельника: "Все нашенское будет - бабы и яства. Кум королю, сват министру!". Стаська! Стаська! Опомнись, протрезвей от хмеля-буяна. Метя в чужие головы, побереги свою.

Брезжить начало в окнах, покурцы зашевелились, покряхтывая, поднялись поить лошадей. Сполоснувшись из ведра у порога, потянулись в рассветную белесоватость.

И тут раздался хлопок, в небо с шипением вознесся огнистый шарик и лопнул спелыми рябинами - брызнул искрами. У амбаров зачастили выстрелы, от неожиданности на морозе показавшиеся покурцам канонадой.

РОКОВОЙ ЧАС

Зырянов вожделенно ждал утра - последнего броска вслед за обозами, предстоящую встречу с женой и регулярными армейскими частями. С рассветом взнуздают лошадей и будут в Нарыме, где найдет Тасю и сына бабы Ксюши. Общими силами ударят по "белохвостикам".

Но он сделал непростительную ошибку: не проверил часового. Думал, что остроглазый Панов бдит в топольнике, а Семен Давыдович мирно похрапывал у себя на голбце, подсунув ладонь под щеку.

Антонин Петрович порывался сходить на берег, но отвлекла беседа с мужиками, окончившаяся лишь за полночь, а тут еще Зорин - уисполкомовец, тяготившийся недавней гибелью жены, шало тряхнул чуприной и, ворохнув чернущими очами из-под густых насупленных бровей, никак не вязавшихся с выражением глаз, попросил мастака по части гитары милиционера Захарова сыграть что-нибудь этакое, чтобы дышалось легче. Струнные переборы еще больше расчувствовали уисполкомовца:

- Да, в тылу, как на фронте. То ли они нас, то ли мы их. Середки нет. Сцеплен вселенский вихрь нерасчленимым объятием.

Провел ладонью по скулам: щетина ли, борода ли курчавится? Кое-как, на сухую соскреб ее, оставив кровоточащие порезы от бритвы. Грусть томила душу.

Зырянов же под гитару не заметил, как забылся, сидя, склонив голову на стол. Снилось ему Тася, первая встреча с ней в

Бале у Ярных, снился член военного партизанского совета Платон Лопарев, ярый сторонник "самостоятельности" в худшем смысле этого слова. Действуй, как заблагорассудится, карай правых и виноватых. Были у них серьезные схватки из-за пресловутой "партизанщины". Лопарев хотел быть сам себе, карать на месте без суда и следствия, принимать стратегические решения. На какое-то время вместе с двумя остальными членами совета лишил его командирских прав. Где теперь, Платон? Наверное, в Тобольске? Может, в Самарово? Он ведь тамошний, до отчаянности храбрый человек, рискованный. Очертя голову лезет в пекло, искренне веря, что так и надо. Что тобольский военком ему и регулярная армия! Не указ! Сами с усами. Если зажиточный, если враг революции - пуля и все тут. А дисциплины не признает, нет. Одно слово, вольница.

С тех пор много новых людей появилось, кто бы мог подумать, что политком почты Ключарев, с хорошей служебной аттестацией, оказался "комитетчиком", оказались из белой стаи заведующий отделом уисполкома Семенов, лесник Мансуров и клявшийся в верности Советам Третьяков. Врагом оказалась Ксения Силина, распускает провокационные слухи о подраверстке и недолговечности большевизма.

Просмотрела их ЧЕКА во главе с Робертом Александровичем.

Полубредь, полуявь... Перемешались реальность и мираж...

Видит Таисью Зорину, иконописно-строгая, прощаясь перед разведкой, отдаленно как-то смотрит на мужа.

- Все милый... Схватят бандиты и изгалятся. Не свидимся.

Действительно, не свиделись. Еще одну жертву с разинутым, как в удушье, ртом, подплывшую черной кровью из раздавленного чрева, упокоил мятеж под комьями смерзшегося снега у плетня. Не игра он, а жуткая хмелящая братина до победного конца. Русские уничтожают русских же, своих, одноземельных. Что может быть горше. Но по Ленину это неизбежно, именно он за классовые свалки напрапалую. До основания, а потом... Быть может, впервые задумался Антонин Петрович о "потом", усомнился в праведности плохопечатных прокламаций, которыми в Одолевском полку, на германском фронте, разубеждал воевать. Фронт тогда открыли немцы. Это ли патриотизм?

Милиционер Захаров, отличавшийся трубным басом, участвовавший в художественной самодеятельности на правах солиста, ушел ночевать на другой конец деревеньки к "крестной" Фелицате, экономке Кушниковой, пристроился блаженно на пуховиках

рядом с ней, вбирая жадно трепет распростертого духовитого тела.

Панов все пускал слюну на голбце. На том месте, в топольнике, где недавно, согреваясь, он топтался, тускло освещаемый луной, в рябых прерывистых сумерках и кургузых от деревьев тенях, среди знобкого низового ветерка, хрусткого шевеления ветвей, уже сгруппировались, по одному крадучись утягиваясь к амбарам каратели, сосредотачивались для атаки.

Напрасно старался определить Третьяков нахождение штаба с начальственной "головкой". Должен быть возле хаты часовой, но часового нигде не было. Может, нарочно втягивают в переплет, устроили западню. На заманку это... Не таков Зырянов, чтоб не выставить дозоры.

Заря, как наизнанку вывернутая, жидко лизнула небо. Будто надмогильную плиту отверзла у горизонта. По угору пролилось розоватое, явственной засерел рассвет. Вот скрипнули ворота, послышались шаги... Далее медлить нельзя. Подавая сигнал Гришаеву-Рябинину на островке, резко дернул шнурок ракетницы. В сутемень к звездам взвился огненный шарик, коротко разбрызнувшись, лопнул в вышине над домами.

С криком "Смерть коммуни!" Третьяков бросился вперед, размахивая пустой ракетницей. Возле крайнего дома замельтешили фигуры, встречно хлопнули выстрелы. Просвистели пули и картечь. Ему обожгло правую ногу. Хромая, Третьяков отшвырнул в сторону пустую бесполезную ракетницу, вырвал из кобуры наган.

Фигуры отдалялись от дома, но жиденькие залпы следовали. Чей-то властный, донельзя знакомый голос донесся: "Отходите к подводам! Живее туда, прикроем!". "Это же Зырянов! - кольнуло волнительно сытомница. - Он собирается прикрывать. Гора с горой не сходятся". Иннокентий был спокоен: не подаст лошадей Палька, не имеет права. Но лошади появились. Кто-то из отрядников уже ускакал прочь из деревеньки. "Уйдут! И эти командирствующие уйдут! - всполошился Третьяков. - Мать твою так!" - смаху ударил кого-то, из подвернувшихся под руку "охотников". Но вдруг с тыла, от домов, щелкнули выстрелы, внося выгодную перемену в происходящее.

Третьяков увидел, как упал Зырянов: он уже выделял его среди всех; упал еще кто-то, будто споткнулся. "Что за диво? - радостно полохнулся Третьяков. Ах, да, это наши парни, как я забыл про Ефремова с Прилуцким. Хе-хе, тройное кольцо. Нут-ка коммуния..."

НА ПРОРЫВ!

Сразу лишь только плеснулась ракета и захлопали выстрелы от амбаров, покурцы зашумели:

- Мартемьянов! Эээй, Палька, правь лошадей, бандиты ж!

Кушниковский особняк безмолвствовал, только псы злобно огрызались из ограды. Мужики, что старше, бывалей, Иван Юргин и Никита Арканов, принялись запрягать своих ездовых и направлять бегущим от домов отрядникам. На ходу те прыгали в сани и гнали по зимнику.

Вдруг откуда-то из-за спин бабахнуло, и снова раскат. Колотушкой по ушам. Рухнул военрук Чвинов, рухнули Зырянов и Зорин, которого успел втащить в пошевни и ускакать предуисполкома Горяев. Расхлестнулся во весь рост посреди улицы бегущий им навстречу милиционер Захаров, обнял стылую землю сладко отзоревавший остаток ночи у "крестной".

Узрев в окне ярко-наливистый шарик ракеты, он, еще не сознавая, чей это сигнал, зачем, по караульной привычке натянул гимнастерку, брюки галифе, всунул босые ноги в валенки и, запахивая на ходу полушубок, выметнулся из гостеприимной хаты. По частившим от амбаров выстрелам и поддуживающим крикам понял: каратели! Навскидку, не целясь, раз за разом нажал спуск нагана. Кого-то задел, кто-то там в цепи болезненно матюгнулся.

Услышалась команда Антонина Петровича:

- На прорыв! Уходите к подводам, прикроем.

Захаров поспешил ему на помощь, и тут эти выстрелы с тыла. Хладнокровно, словно в тире, Стаська из-за угла тырыковского дома расстреливал коммунаров. В Захарова стрелял дважды. Огромной силы мужчина после первого попадания поднялся, вдруг круто повернулся и выстрелил в Прилуцкого. Промахнулся: рука "гуляла", взор туманился у раненого. "Усек, гад!" - Стаська перевел трехлинейку с предуисполкома Горяева, приставшего к отряду лишь вечером, снова - на милиционера. Добил его.

Это отвлечение спасло предуисполкома. Горяев успел завалить в сани поверженного Зорина и справиться за другими отрядниками, крикнув:

- Прощайте, товарищи! Мы еще вернемся, отомстим!

Антонину Петровичу пуля навывлет пробила легкое. Он силится привстать, утишить кровь из раны, но кровь продолжала струиться, обильно смачивая гимнастерку и безрукавку, которой так и не снял до утра, пропитывала снег. Снег от крови чернел, чернело пространство перед глазами. Он слабел, и только холод улицы освежал, казался горячим и колким.

Припадая на поврежденную ногу, вплотную набежал Третьяков и остановился, как вкопанный.

- Что слопался, ревком?

Перед врагом Зырянов нашел в себе силы подняться. Сначала он встал на колено, потом Зырянов встал на обе ноги слегка покачиваясь, и такой ненавистью горели его глаза, что сытоминец отшатнулся. Он увидел в руке у Зырянова пистолет, побледнел.

- А ну брось игрушку.

Выстрела и не последовало: патроны кончились, барабан пуст. Антонин Петрович, сколько нашлось сил, швырнул бесполезный револьвер в бывшего колчаковца. Тот на лету перехватил оружие.

- Вернем законному хозяину из белой гвардии. Когда-то ты их, ныне они тебя. Трофейная штуковинка-то, памятная. Думаешь, не знаем как добыл. Много ли погулял с Платошкой Лопаревым по северу? Отгулял предревкома.

- Страхись возмездия, изменник. Сволочь! Ты проиграл, сытоминский вонитель, прорвался отряд. Не догнать. Я всегда подозревал в тебе контру, не честного советского служащего. Жаль, не раскусил до конца.

- Догоним, предревкома, еще как догоним. На Велемском засада. Слышишь, - с ноткой торжества стволником револьвера показал Третьяков.

В самом деле за околицей ухнули берданы, рванули гранаты и все стихло, ни звука больше. Раздраженный, запыхавшийся в конце улицы показался Гришаев-Рябинин. По его виду поняли, что там на островке "не связалось".

- Б... эти остяки, сыкнули, упустили добычу из-под носа, - подойдя, схаркнул кровью ермаковский эсер-террорист: его зацепило осколком одной из гранат, удачно брошенных комсомолкой Валею Коневою в вышедших из укрытия перекурить хантов." Ханты и спутали все карты, подхватившись на нарты, они истошно замахали хорейми: "Поть! Поть!", без оглядки ломанулись по проторенному следу.

Посеяв панику, отрядники разбросали завал на дороге и были таковы. Ускакали. Жиденькой пальбой вслед удалось лишь рашить двоих.

- Уу, подлюка, - срывая злость, замахнулся еще горячим от недавней пальбы карабином на предревкома. - Живьем стерзаю, птичка-невеличка. Попомнишь меня на том свете народного просветителя. Как это на совещании учителей в Сургуте заявлял: "Мы ставим своей целью будить сознание оставших и блуждаю-

щих во тьме и невежестве товарищей и направлять свою большевистскую деятельность к достижению конечной цели в борьбе с капиталом и его приспешниками. При неприменном, стало быть, стремлении бороться до конечной победы коммунизма, не считаясь с жертвами и не стесняясь в средствах, какие потребуются в борьбе". Дозаявлялся. Любыми средствами, - по ленински-ульяновски. Вот и мы тоже: лю-бы-ми. Белый террор!

Обвел взглядом обступившую толпу.

- Вот ты, забубень, - кивнул Прилуцкому, - неси воды из колодца. Ну, живей!

- Я тебе не забубень, - взвился уязвленный Стаська, ожидавший похвал. - Я подвиг, можно сказать, совершил, а ты, голь перекатная, распускаешь язык.

Он схватился за винтовку, клацнул затвором.

Стаське заломили руки, благоразумно оттерли в гущину, видя, что Гришаев-Рябинин вскинул карабин. Опередит. Вместо Прилуцкого, как из-под земли, вырос Ефремов. Весь бой он проспал безмятежно, или сделал вид, что проспал, а сейчас при начальстве решил проявиться.

- Я это мигом.

Он понял замысел. Подобную казнь нередко устраивали "именитым", кто особо в печенках и селезенках. Так расправились в Реполово с чекистом Анной Каюриной. Ее вначале утопили в проруби и, замерзшую, выставили на главной улице села для устрашения. Жалко, девка все-таки, и девка славная. Жалко вьюношу Бориса Лосева из Цингалов. Нет, этого не жалко - комиссар. Знал, на что шел.

Вернувшись с полными ведрами, Алексей выжидательно уставился на Гришаева-Рябинина, временами переводил взгляд на Третьякова, стараясь понять, кто из них главней.

- Освежи, - потребовал эсер-террорист. - Статую сделаем из предревкома.

Алексей выплеснул содержимое ведер на Зырянова, одежда мигом заледенела, сковалась как панцирем. Но Зырянов устоял. Ему показалось, что по телу провели враз десятком зубчатых пил, иссекли и тело потеряло чувствительность.

- Жестокостью родите другую жестокость.

Антонин Петрович замолчал.

- Еще воды, - приказал Гришаев-Рябинин. - Привязать его к колодцу и облить до тех пор, пока не станет глыбой.

- Он и есть глыба, а ты тля, - из кошевы легко выскочила Ксения Силина, пользовавшаяся среди мятежников непререкае-

мым авторитетом. - Отставить! Нам Зырянов нужен как заложник. Птичка непростая, и мы в случае чего предъявим красным ультиматум. Либо сбавите гонор, либо шлепнем предревкома. А так что? На глазах у народа дискредитировать наши идеалы, вызвать всеобщую огласку и презрение. За подобные штучки расстреляю, Гришаев. Отправлю к праотцам, как ты в свое время трусливо отправил из-за угла многих. А я тебя воткрытую, при всех. Одной мерзостью станет меньше.

Силина явно рисовалась, играла на гуманных чувствах собравшихся, их сочувствии, но жестокость в ней виделась каждому. И знали: племянница "сильнейшего и первейшего" - купца Андрея - опасная персона.

Гришаев-Рябинин уступил ей, и Третьяков потрафил.

- Это как решите, Ксения Николаевна. Мы не против.

Тот же Ефремов увел полубессознательного Антонина Петровича в хату к Слипкину, в ту горенку, где вечером проходил военный совет.

На приступке тырьковского дома, без шапки, размазывал по лицу обидные слезы Прилуцкий.

- Это я забубень? Себя стубил, мне от красных "вышка", и у "белохвостиков" шермыга. За что так, политикины сучливые? Освобожу комиссара.

Но у дверей его остановил часовой. Ефремов.

- Не велено пущать. Сама Ксения Николаевна приказала.

- Ты это кому? Мне?!

- Не велено, - строго, как чужому, повторил Алексей, преграждая путь. А когда Стаська полез напролом, ловко сбил его подсечкой с ног, придавил тяжелой, как плита, ручищей.

Это отрезвило Прилуцкого. Понуро он пошагал к тырьковскому подворью без двора, впервые воспринимая себя в западне, лаза из которой нет. Мгла. Тупик.

В тепле горенки силы окончательно покинули Антонина Петровича, он еще жил мыслью, но не плотью, отдельно от нее. Как бы сам по себе. В воспаленном сознании всплывали то образы жены, то погибших в колчаковщину и позже товарищей. За что бились свои против своих? Слепо веря большевикам, их идеологам. Сами большевики-то зачастую неграмотные, расписаться не умеют.

То вдруг он видел себя босоногим мальчишкой в деревне Борки едущим с отцом на заготовку чурака для пароходов, сенокосничал, в подражание взрослым лихо горланя: "Соловей! Соловей! Пташечка! Жалобно поет..." Он же идет в школу с холщовой

сумкой на перевеси, он собирается на армейскую службу в Одоевский полк. Там спознался с агитаторами. А вдруг ошибался, вдруг все от лукавого, блажь. Будет ли лучше при новой жизни его отцу? Сомнительно. Все отберут ярые, подобные ему и прочим.

Он на слете партизан в притобольском селе Уват. Его борьба против самосудов над пленными, стихии партизанщины, разногласия из-за этого с военным советом отряда. В первую очередь с рьяным Лопаревым. Наступление на Сургут и Самарово. Сход горожан в Сургуте по случаю его возможного перевода в губцентр.

Резолюция - прошение схода (он помнил его и сейчас, слишком дорого):

"Принимая во внимание, что товарищ Зырянов лицо деятельное, вполне знакомое с нашим бытом, мы единогласно постановляем об оставлении Антонина Петровича в Сургуте на какой-нибудь общественной службе".

"Оправдал ли доверие? Старался... Кем только не был: секретарем и председателем укома, заведующим отделами, начальником гарнизона и политотдела, предревкома, военным комиссаром... Формировал отряды обороны, сосредоточая в своих руках всю военную и гражданскую власть..."

Всплыло вдруг излюбленное присловье Зорина: "Елки-метелки, гори елина, все равно деревина". Нет Зорина, нет и Чвинова. Пал Захаров. За что? Почему стало тесно? Для людей же строят новый порядок, их счастье... по Ленину. В Одоевском шептались, что он от германского генерального штаба. Купленный Вильгельмом-кайзером. Кто знает, кто разберется. Коловерть.

Ему казалось, что он в Сургуте на последнем заседании ревкома говорит об эвакуации и голос тверд и звонок, но он только беззвучно шевелил холодеющими губами и мертвенная бледность покрывала красивый лоб. Последним проблеском мысли было то, на что искал мучительный ответ: "Оправдал доверие народа. Сделал все для сургутян, что мог. А Тасю не увижу больше, жаль... Не увижу ребенка..."

В горенку, тяжело топая, ввалились Третьяков с Гришаевым-Рябининым и Силина. Ксения курила, выпуская изо рта клубы сизоватого дыма. С хрипотцой спросила хозяйку:

- Как тут комиссар? Жив?
- Отходит, - прошепестела Слинкина.
- Отходит, - подтвердил появившийся из-за печки Тимофей Аркадьевич.

Ксения бросила окурок на пол, растерла и резко повернула

к себе лицом Зырянова, лежавшего на топчане у стены. Остеклевшие глаза Антонина Петровича в упор смотрели на нее, на губах застыла улыбка. Эсерка пугливо отшатнулась, как натолкнувшись на колючую проволоку, на непреодолимую какую преграду, коротко обронила:

- Закопать всех, и быстро. Не можем более задерживаться здесь, выступаем.

Зырянова унесли двое конвоиров, до сих пор опекавших Хатина с Казбеевым, которых они по приказу Третьякова привезли в Вартовск. Появился и сам Иннокентий. Велел пустить в расход незадачливых разведчиков. Хатина с Казбеевым увели за дома и упокоили без особых напутствий. Правда, когда перед этим, на подъезде к селу, они спросились погреться, им ответили: "Погодите, скоро согреем". И согрели.

Убитых закопали наспех неподалеку за деревней.

Вскоре весь отряд двинулся в сторону Нарыма. Погоня, уходившая вслед за коммунарками, вернулась ни с чем и тоже присоединилась к отряду. По распоряжению Силиной его возглавил Третьяков, и Гришаев-Рябинин охотно подчинился, в привычку предпочитая оставаться в тени. А Липецкий тем более не претендовал на верховенство, довольствовался своим - разведкой. Разведка ему нравилась больше.

* * *

Лето 1987-го в Среднем Приобье выдалось ясным, на редкость знойным. Короткие светлые ночи, как летучие быстротечные сны, опускались на истомленную жарой землю, на леса и воды, невесомо испарялись в дни.

Город кого отправил в отпуска, кого на школьные и студенческие каникулы, а кого призадержал из-за производственной необходимости. Город оставался городом со всеми индустриальными особенностями, потребностями. Город хорошел, словно принаряживался. Он возник на правобережье Оби сразу после открытия нефтяного Самотлора, споро раздался в плечах, взметнул на болотах девяти- и шестнадцатипятиэтажки, казалось, привстал на цыпочки, с высоты крыш обозревая просторы.

На другой стороне реки деревенька Вампугольск, в которой погиб Зырянов с товарищами. О тех событиях мало кто знает, но имя Антонина Петровича в пору Союза всегда было в обиходе. В его честь назвали улицы, школы, теплоходы. Один из них плавал по Ваху до бывшего райцентра Ларьяка.

В те летние дни "Антонин Зырянов" бросил якорь, чтобы

команда приняла участие в открытии памятника коммунарам. Его установили на средства районной администрации (тогда еще райисполкома) в центре деревеньки, неподалеку от слинчинского дома, где в давний роковой вечер заседал военный совет.

На торжество прилетела дочь Зырянова Антонина Антониновна, родившаяся уже после его гибели (так и не дождался!), по прописке москвичка, по духу сибирячка. Довелось ей хлебнуть лиха. Заочно училась в институте иностранных языков, воспитывала двоих детей, заведовала в "Интуристе" отделом, там насмерть, что называется, билась со свояченичеством, злоупотреблениями. Не склоняла головы перед властью имущими.

За это ее сделали "невъездной" - лишили права бывать за границей. Обидели. Она писала в адрес двадцать седьмого съезда КПСС, но письма оставались без ответа. Были анонимные угрозы и явный шантаж. Чего только не было.

В конце концов сдала партийный билет, вышла из образования, в которое некогда, подобно ее отцу, слепо поверили многие. Сражались нередко против самих себя, своего будущего.

Окажись Зырянов живым, не избежать ему репрессий, судьбы Платона Ильича Лопарева, тоже поверившего, тоже участвовавшего. Его уничтожили в тридцатых годах, когда был директором Тобольского рыбзавода, писал книгу о событиях на севере. Говорят знакомых мужиков всех приветствовал одинаково: "Здорово, солдат!", настолько въелась партизанская привычка.

Не зря же сказано в писании: "И будут тогда живые завидовать мертвым". Возможно завидовал известный участник гражданской войны в Среднем Приобье, оказавшись в застенках ГПУ, покойному своему оппоненту по методам ведения ее Антонину Зырянову. Тот был противником партизанщины, самосуда.

Выстояла однако Антонина Антониновна Лысенко, человек непростой судьбы, отцовской складки.

Детство и юность были не легче. Перед поступление в институт - вторично, чтобы освежить знания, посещала вечернюю школу. У мужа не нашла поддержки, решила на развод, и потом по крохам копила деньги на кооперативную квартиру. Школу закончила с золотой медалью, институт с "красным" дипломом и похвальной грамотой. Не до исторических экскурсов было. Изрядно сил отняла борьба со "сваячениками" - приспособленцами в "Интуристе". Ее единомышленники, сполна изведавшие сталинско-бериевские прелести, - старый большевик Снегов и генерал Горбатов. Воспоминания Горбатова у нее с дарственной надписью.

Об отце Антонине Антониновне часто рассказывала мать.

Будучи пенсионеркой, она наконец-то побывала в Сургуте, встрети-лась с биографом Антонина Петровича Ф.Я.Показаньевым, в ту пору тоже пенсионером, директором местного музея. Он пока-зал ей домик, где по улице Февральской в затворенке у бабы Ксюши квартировали ее родители-молодожены, показал вмести-лище УКОМа, другие памятные места.

Флегонт Яковлевич воспевал всех сургутских большевиков, как только мог, писал и рассказывал о них, но Зырянова выделял особо. Во многом благодаря Ф.Я.Показаньеву-краеведу имя оста-лось. Еще и потому, что многое успел в неполные тридцать лет. Явные организаторские способности, черты лидера.

Более всего Антонину Антониновну взволновало то, как оказывается, бережно северяне чтят (обязывали чтить!) отца. Домой вернулась переполненная мыслями и чувствами.

Через год пригласили на открытие памятника в Вампуголь-ске. Она летела из Москвы с трепетом и робостью - такое собы-тие! Эскизы памятника ей присылали. Она давала отзывы, сове-товала, чтоб выглядел строго и внушительно, в тон далекому минувшему. Тревожному времени. Его примерно таким и возвели: ординарно решительные угрюмоватые фигуры, в которых угады-валась некая обреченность. Неестественно высокие.

Одно дело - эскизы, совсем иное - воплощение. Отклонения были.

Антонину Антониновну тепло встретили в аэропорту, уст-роили в гостиницу. Она не захотела отдыхать после рейса, поспе-шила к Илье Ивановичу Крюкову, живущему у дочери на Комсо-мольском бульваре, в центре Нижневартовска. Он и поведал, как вез беременную мать до Ваты, как слушал в хате у Андрея Арка-дьевича Зырянова, как Стаська Прилуцкий предательски из-за угла застрелил командира. Поведал другие подробности боя, счи-тавшиеся безвозвратно утраченными.

Запали в душу встреча с экипажем теплохода имени ее отца, торжественное шествие к памятнику от реки по широкой улице Вампугольска. Играл духовой оркестр, почетный караул салюто-вал из карабинов и автоматов. Были, разумеется, и речи, жаркие, как само лето. Особенно из ветеранских уст.

В торжестве участвовал и Ф.Я.Показаньев: сургутянин.

Точное место захоронения погибших неизвестно, деревян-ный, на скорую руку, обелиск дважды сносило паводком и его ставили произвольно, на глазок. Останки коммунаров тщетно пы-тался разыскать городской краеведческий музей, но с началом перестройки и развенчания целесообразности подобных социаль-

ных экспериментов от лукавого, какой учинили в семнадцатом году соратники Ульянова-Ленина, оставили эти затеи.

А памятник в деревушке сохранили, как страницу истории бывшего уезда, из песни ведь слова не выкинешь, не замолчишь. Так это было.

На митинге Флегонт Яковлевич проинформировал собравшихся на широкой улице, словно на площади, как ценят и уважают Зырянова в Сургуте, рассказал о его роли в мирных и военных началах "мы наш, мы новый мир построим".

Присклонившись на одно колено, положил к подножию цветы и, кажется, даже поцеловал горячий от зноя постамент-гранит, на котором выбито: "Не горе, а зависть рождает судьбы ваши в сердцах всех благодарных потомков. В красные страшные дни славно вы жили и умирали прекрасно".

Но смерть прекрасной никогда не бывает. И лично меня те, искусственно спровоцированные "красные страшные дни", не восхищают. Жестокость на жестокость - не лучшее, а братоубийственное будили в людях.

Смерть есть смерть. К ней часто призывали революционеры всех мастей, в том числе и большевики, как разновидность организованного терроризма. Сеяли ветер - пожинали бурю, камнепад. Из восьми уездных секретарей партячек в коловерти 21-го уцелели только два: Савин Веселовский и Александр Бархатов. Оказались разгромленными в уезде пять волисполкомов. А сколько побили ни за что народа, втянутого в междоусобицы! Не перечсть!

Нацеленность на классовую борьбу сотворила и здесь свое черное дело.

Бесспорно и то, что многие, даже сами большевики, стали жертвами установок из центра, искренне верили в их беспорочность, и действовали соответственно. До последнего дыхания, последней капли крови. Только так! И не иначе!

...Возвышаются посреди деревеньки над приземистыми домишками безмолвные строгие стражи с винтовками, как призраки былого, которое способно повториться и повторяется, способно вспыхнуть большим пожаром.

Снова противостояние "реформаторов" и "волевого начала", снова призывы и несогласия, однажды едва не погубившие Россию. Об этом надо помнить всегда. И не совершать прежних ошибок. Крайности еще никогда не оправдывали себя. Больше вреда от них, чем пользы.

Тема остается актуальной.

В одной связке

Принудительное внедрение письма и чтения среди малых народностей Севера нередко вызывало стихийный протест, жертвами его становились некоторые учителя и ликвидаторы неграмотности, искренне верившие в беспорочность своих устремлений. Петухина - одна из таких жертв большевистской поры.

Убили Марию Семеновну метельным мартовским вечером 1939 года, когда шла в село Большой Ларьяк получить комсомольский билет. Убили и зарыли в снег.

Еще до газетной заметки, в которой запоздало сообщалось об этом, слышал о Маше и ее подвижничестве в деле ликбеза, ее светлой вере в Советскую власть, большое будущее севера от старожилов. Слухи были отрывочные, порой противоречивые, но одинаково интригующие.

В Ларьяке, бывшем райцентре, посетил могилу Маши, беседовал с теми немногими, кто знал ее лично или что-то знал о ней. А дальше начались запросы в разные концы страны, по разным адресам: бывшим ларьякцам, в архивы, музеи, редакции газет. И были новые встречи. В Нижневартовске, Тюмени, Новосибирске. В Новосибирске общался с родственниками Маши, - ее близкой подругой по Большому Ларьяку Евгенией Викторовной Шехиревой, ныне покойной, до самой смерти остро переживавшей утрату и явившейся наиболее ценным информатором.

О детских и последующих годах моей героини поведали двоюродная сестра Маши Александра Васильевна Комарова и муж покойной старшей сестры Александры Аркадий Алексеевич Радаев.

Кое-что дополнил житель городка Грязи Липецкой области Иван Лукич Сафонов, в которого, по уверения Евгении Викторовны, Маша была влюблена, а он не очень.

Так по крупицам складывался образ цельной девушки-патриотки. Не все происходящее она понимала, но свято верила, что так должно быть, и не колеблясь шла туда, куда требовали в первую очередь идти. Считала это своим долгом.

Одновременно с Машей выявился целый пласт жизни, в которой крупно выглядели те, кто общался с Петухиной, помогал или вредил ей. Из песни слова не выкинешь, из жизни фактов. Писал, как это мне представлялось по воспоминаниям и документам, соотнося с нынешним переосмыслением событий двадцатых, тридцатых и более поздних лет.

Повесть читали профессор Тюменского университета, Доктор исторических наук Л. Киселев, литконсультант Союза писателей России Э. Просецкий, о ней похвально отзывался писатель из Екатеринбурга, часто бывавший на севере, Владислав Николаев. Их замечания значительно облегчили доработку первоначального варианта, который, как впрочем и последующие, не кончался убийством и похоронами ульты-нэ. Освоение глубинки продолжали ее сподвижники-предтечи нынешних геологов, нефтяников, буровиков.

О них - недавней истории - полезно знать, ведь это в известной мере наши корни. Были у подвижников-первопроходцев Среднеобья свои достоинства, озарения, благородные порывы, случались заблуждения.

Осмыслить их поможет повесть. Буду рад, если она заинтересует читателей, породнит с тем, что дорого автору.

Многие проблемы остались до сих пор, иные добавились. В частности, проблема коренного населения в индустриальном нашествии на экологически заповедные территории, его профессиональной занятости, духовной ассимиляции и сбережения культурного наследия предков.

Остались проблемы сельского хозяйства, на определенном этапе директивой сверху искусственно "замороженного", перспективных селений, общей выживаемости.

Остались и обязывают к хозяйской рачительности, не психологии временщиков-потребителей. Особенно в связи с добычей нефти и газа, истреблением лесов, загрязнением вод. В общем не совсем удачной индустриализацией края в смысле исчезновения национального колорита, разрушения природы.

Цель всей книги - напоминать об этом. О героике и буднях глубинки, о ее минувшем и настоящем. О времени, которое не кончается, в котором жить и действовать со всей ответственностью нашим детям и внукам, с памятью о наших мудрствованиях в седой Югре.

В последнее время точка зрения о нефтяниках и газовиках заметно изменилась. Начали склоняться к мысли, что они в одной связке с коренными жителями. Всем нелегко дается насущный хлеб. Значит, сообща надо выживать, сообща добиваться достатка. Обживать Югру, как собственный дом, в котором всем тепло и уютно-новым сибирякам и аборигенам.

Уроки ликбеза
(повесть)

КОРНИ И ПОБЕГИ

В начале века многодетный мужик Федосей Вялов перебрался из обжитой Парабели, что в Томском Васюганье, на новое место, вниз по Оби.

Услышал от хожалых людей про тамошние матерые сенокосы, охоту, рыбалку и снялся. В Парабели среди болот на малоудобистых приречьях у него в обрез пахоты, пастбищ, негде развернуться. Сплавал в одночасье Федосей, присмотрел гористый кедровый мыс с луговинами, старицами, лесными островинами вокруг с блюдцами озер, - вот где раздолье! - и, вернувшись, скоренько арендовал у местного торговца баржу. На нее погрузил скарб, лошадей, скотину, чад и домочадцев всех возрастов, баржу принятовали к пароходу-колеснику и отправились в дорогу.

Где-то на пятые сутки тихоход притерся к облюбованному Вяловым мысу с песчаной косой-стрелкой, повременил сколько надо и, протяжно гукнув, потащился дальше с порожней прицепной посудинной, оставив переселенцев на прибрежной полоске.

Федосей, человек глубоко религиозный, взобрался на гору, пристально огляделся. С горы так далеко видно, что дух захватывает: просторно - дивно да духмяно. Извлек Федосей из-под пропотевшей до заскорузлости рубахи нательный на засаленном льняном шнурке крестик, поцеловал его и широко, истово перекрестился:

- Благослови, владыко, отныне и вовеки, до последнего стебелька. Прости, господи, не гнеvisь, сам знаешь, в трудах праведных мозольных взросли. Воздадим за добро аз есмь себе, и тебя не обделим, владыко всевышний, соорудим церковку на преклонение. Как речено в писании: кесарю - кесареви, богу - богови. Дажь нам днесь! И остави нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим. И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Яко Твое есть царство и сила, и слава. Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и вовеки веков.

Коса-стрелка, повернув своевольную реку в сторону, образовала гавань-затишек для пароходов, не хочешь да пристанешь. И это учел сметливый практичный Федосей, поняв, что без сообщения, как без рук и глаз. Надо торговать, делать оборот. К ним станут бывать купцы и доверенные их лица.

В кедровнике до сих пор одиноко ютился крещеный хант Еремей Печиков с полуослепшей от трахомы женой Нангой, дочерьми Авдой и Шурой. При появлении русских он тотчас свернул чум, уторкал в нарты пожитки и откочевал к сородичам в юрты, впоследствии наименованными почему-то Зимне-Киевски-

ми. В неизбывных хлопотах переселенцы вскоре забыли о нем.

Расчистив просеку для будущей улицы, принялись рубить избу из кедрача, надворные постройки, промышлять зверя, коптить, сушить впрок рыбу. Ухаживали за скотом, давили масло из кедровых орехов. Всего вдоволь, живи и не тужи. Травы на луговинах коноу по брюхо, зверь без особых ухищрений попадал в снасти. Непуганый.

Не обманулись в намерениях парабельцы.

К ним прилепились еще доброхоты: земляки и неземляки, образовалась на мысу в кедровнике улица, как в те давности полагалось, - с храмом. На Николин день освятили его и в честь престольного праздника назвали село Новоникольском.

Зимой хмурые, глухие, засугробленные пространства отгораживали починки от большого мира. Ночами лениво брехали псы да незамутненно мерцали из вечности звезды, мороз костяным щелком пересчитывал бревна под тесовыми кровлями, скрип саней и редких шагов по хрусткому снегу казался оглушительным.

Все обволакивали стужа и непроглядность. Дремно, отяжелело. Вековой застой. Зато весной все преображалось. На Оби появлялись пароходы, казавшиеся чудом с того света - не меньше! - скользили остяцкие обласки - узкие долбленные лодки, травы по луговинам обрамляли протоки пасолы и озера, кедрячи зацветали красным, плескалась в затишьи плотва, лебеди с лебедицами вили гнезда на островах, веяли ветры, иногда прохладные, иногда жаркие. Ох, любо, ох, славно!

Справляя обет данный себе и богу, круглый год до хруста в костях и кровяных волдырей на ладонях "пластались" не разгибая спин мужики, споровисто вели хозяйство и таровато богатели. Чего в том зазорного, что богатели. Не чужим ведь горбом.

По санинку за тысячи верст справляли в губернский город гужобозы со всякой всячиной. В навигацию напрямую торговали с купцами и их доверенными лицами, с хантами, которых тогда звали остяками.

У Федосей насчитывалось двадцать лошадей, шесть десятков коров и другого крупного рогатого скота, пять амбаров с рыболовными снастями, лабазы с муксуном и стерлядью, сена в страду наворачивали по сотне скирд. Было где заготовить на немеряных нетоптанных равнинах обской поймы.

Сам батюшка священнослужитель жаловал к бывшим парабельцам "на чай", уважительно именуя их верой и основой порядка исправник с урядником милостиво им кланялись: в достатке

люди.

- Этта, конечно, что надоть... От семени дерево, от дерева снова семя - кругообразие... Кому фартит, тому фартит, длителю. Прибыток на прибыль - накопление, родство по капиталу...

Вместо "родства по капиталу" дочь Федосея, писанная красавица Афанасея, влюбилась в бедняка Семена Петухина. Завидная собой, налитая - грудь сарафан распирает, тугощекая да с приданным каким! А поди ж ты, пленилась голяком.

Семен Петухин из потребности ли новизны, от безысходной нужды ли вслед за земляками однодеревенцами утянулся к черту на куличики. Где топал на своих двоих, забросив за плечи сидор с пожитками, перепрыгивая через кочки и коряги, огибая буреломники и мочажины с застоялой ржавой водой, где с пересадками в томительном нетерпении добрался на тех же пароходах-тихоходах, терзаясь мыслью: правильно ли поступил? Может, не следовало рисковать?

Недели на дорогу, если не месяцы, потратил.

В Новоникольске одно время батрачил по найму у Вяловых, тогда и приглянулся Афанасее. Веселый, общительный, острый на язык без труда сошелся с нею. Завелись у них тайные свидания, полюбовные речи, жаркие объятия.

Ради вот такого худородного, по понятиям зажиточных новоникольцев, тоболяка отвергла вяловская наследница богатых женихов, а, не получив родительского благословения, убежала тайком осенней ночной непроглядью к суженому. Отец разгневался, сгоряча проклял, отлучил от дома. Слышать и видеть не желал строптивцу. Но, поостыв, простил и позвал к себе на смотрины.

Явившихся с повинной молодых побил для видимости валяком, великодушно оделил на проживание кобылой с жеребенком и коровой.

Дар они приняли, хотя не очень нуждались в нем, с милым и в шалаше рай. Сыты были любовью. Счастливо зажили в избенке, наспех слеппенной из деревин окоротышей.

Родилась у них дочь Александра. Другую дочь назвали Машей.

В колчаковщину Семен Николаевич партизанил. И тут судьба снова свела его с Еремеем Печиковым, дважды уводил хант отряд от карателей одному ему ведомыми в урманах тропами. К тому времени окончательно ослепшая Нанга упокоилась на родовом кладбище, дочь Авду взял в жены и увез к себе на Вах шаман

Григорий Прасни, Еремей с младшей Шурой, тоже на выдани, каслал-кочевал по округе в поисках ягеля для оленей.

Не думал - не гадал Семен Николаевич, что непоправимо-горько и жестоко его любимца Машенька, появившаяся на свет как раз в смутную пору внутренней интервенции, столкнется впоследствии с отпрысками Еремея: своевольной властолюбивой Авдой и рано овдовевшей Шурой. Разыграется драма на таежной тропе.

Отступавшие колчаковцы вершили суд и расправу, трупы расстрелянных бросали с крутояра в реку и течение уносило их в неизвестность.

У Вяловых капитан Изварин по кличке Ворон с сообщниками взял свежих лошадей взамен изнуренных полузагнанных и, прослышав о приближении красных со стороны Томска, по перво-снежью круто повернул вспять, через лесистую грядку на юрты Ларьяк, надеясь затеряться в глухомани, отсидеться до поры у хантов. Другого выхода не оставалось. Озлобленные, отчаявшиеся беглецы готовы были на все, ни в чем не перечь. Потребовали, чтоб Федосей послужил проводником, но тот догадливо хватил с полстакана касторки и его пронесло. Он сказался хворым.

Его исступленно с матюгами отхлестали кнутами, увели с подворья лучших лошадей.

С беглецами был юный поручик Синицкий, все толковал о буферном государстве, без коммунистов, разумеется. Именовал себя "истинным эсером". Вислоусого, со шрамом на щеке Изварина покровительственно хлопал по плечу, запросто окликал "воронком". Может, за постоянную нахохленность и крутой нрав, граничащий с бешенством, за иссиня-черные цыганские волосы. Многих активистов замучил капитан, наслышанные о нем новоникольцы даже имени пугались. Не однажды хаживал с карателями и Синицкий, считавший себя интеллектуалом, державшийся среди прочих подчеркнуто независимо. Но ржавчинка вины отпечаталась и на нем, и ему грозило возмездие.

Выстрелы слышались каждый день, вошли в привычку похороны. Власть в Новоникольске менялась по несколько раз на неделе. То красные выбьют восставших, то восставшие внезапно потеснят красных из села, то еще внезапно бог весть откуда обрушатся, как вихрь, налетят партизаны.

Флаг над церковью либо поднимали, либо спешно убирали, попросту срезали метким залпом.

Но смута миновала и в Приобье прочно утвердился новый уклад - советский. Пели новые песни, спорили о мировой револю-

ции, о коммунизме, приобщались к кооперации.

Первые комсомольцы и комсомолки села, в числе которых и Шура Петухина, готовили политические на злобу дня спектакли, агитировали сельчан на займы восстановления народного хозяйства, устраивали субботники и воскресники.

Сознательных хвалили, колеблющихся высмеивали.

С ними часто увязывалась Маша, вдохновленная боевитостью старших друзей. В первую очередь сестры. От отца-рыбака набиралась ума-разума. Поспевала с ним на собрания товарищества, затем колхоза. Что ни событие - там она. Радовалась непогоде и ясному солнцу, трепетному блестящему серебру в выпрастывающемся из глубины неводе - массе окуня, чебака, щуки, пудовых осетров. Радовались вместе с Машей рыбаки:

- Ой, те-те.

Задумается вечером молодежь развлечься:

- Машульчик, сыграй!

Она без слов берет балалайку в три жиденьких струны и бренчит какой ни на есть мотив, кучкующиеся возле дома парни и девчата поют. Аккомпанируя, Маша в общий разнослитный гомон, как в собственные с рыжевatinкой волосы косичку, влетает умело ненатужливо зычноватый тенорок. Выражала себя, как умела.

Играть на балалайке приноровилась от отца. Под ее аккорды даже танцевали-плясали. Представьте, кроха на скамейке у ворот усердно веселит собравшихся. Дружно, как по команде, кружатся, притопывают на полянке перед домом.

Отец с гордостью поглядывал на "младшенькую", довольно разглаживал усы.

- Мой состав.

Ночь растекалась во всю необозримость. С Оби тянуло прохладой, доносились всплаки неведомых, в сумеречности сиротливых птах. Пространство напоено отстойной обволакивающей влагой, терпким разномастным дурманом трав. Росно. Туман наслаивается. Нет-нет гукнет с реки пароходиска, прошлепает по воде плечами колес и прокуренный обтерханный басок лоцмана, сдобренный матерщиной, дотянется сюда в село.

Звенит трехструнка, истоиво бьют каблуки о прогретую землю, до предутрия бодрствует молодежь. Разбредается парами на песчаную косу-стрелку, в лугах или укромно возле палисадников зорюет.

...Маша сладко посапывает, приспособив под щеку ладошку. Во сне ей видится белый буксир с парусами-крыльями: не только

плавает - летает, подобно птице. К действительности ее сморившую на постели ненадолго вернут запозднившиеся возгласы с улицы, монотонное свиристенье запечного сверчка и снова одолевает дрема.

В праздники комсомольцы маршировали по селу с флагами и пели: "Мы кузнецы и дух наш молод...", а то еще "По долинам и по взгорьям...". Маша шагала в такт взрослым и старательно подтягивала: "...Шла дивизия вперед. Чтобы с боя взять Приморье - белой армии оплот".

- Ну, егоза, - ласково журит Семен Николаевич "младшенькую". - Не сидится на месте. В кого такая?

- В тебя, папка, - не теряется Маша. - Ты для меня лучший пример.

- Пустяки, - потирает худощавое лицо тонкими ладонями Семен Николаевич, - надвигая ниже на глаза кепку-восьмиклинку: смущается. - Рыбак что, иные вон начфины и начхозы. С портфелями.

- Что из того, что начфины и начхозы, с портфелями. Ты больше всех рыбы даешь, значит, молодец. Продергиваешь на собраниях хапуг, пьяниц и лентяев. Никого не боишься. Я же знаю.

Убегает к рождественнице из компании Шуры помянуть мальшпа. У них там опять какая-то комсомольская заварушка, так подменить. Мельтеша босыми пятками, Маша мчит через дорогу: двор напротив, рукой подать, - влетает в калитку, на расстоянии кричит: "Гути-гути", сплетая из пальцев фигурки то лосенка, то зайца. Мальш смеется, пускает пузыри, хлопает ручонками и тянется к ней, тете-няньке. Для него и девчонка с косичками великан. Маше, спешащей жить, хочется стать враз и учительницей, и художницей, и военной медсестрой: наслушавшись рассказов отца о колчаковщине, любит врачевать царапины йодом и бинтовать тряпочками. Кем только не хочется! А кем станет, неведомо.

С улицы доносится гомон: там ребятига бьется в лапту.

- Айда, Хаврошечка, - подхватывает на руки малыша и мчится непоседливая обратно через дорогу. На полянке перед их домом уверенно посылает "жучка" - скатанный из коровьей шерсти плотный шарик далеко за мету-черту. Дальше, чем все остальные. Удар резкий, точный, не с кем по-настоящему соревноваться.

- А давайте водить "ручек", - предлагает.

- Давай, - соглашается ребятига.

- Ты теки, ручек, за тысячу дорог, за семь лесов, три горы,

три межи, - и так далее, хороводясь, ведут. Кто произнес невпопад, сбился на слове, выбывает из игры.

Жизнь Маши только начиналась, но ей казалось, что она была всегда и никогда не кончится.

РОЖДЕНИЕ СКАЗКИ

- Так в ликвидаторы решила?

- В ликвидаторы, папка. Сам же агитировал на борьбу с неграмотностью. Все как могут учатся и учат, зачем мне оставаться в стороне.

- Рано тебе профессорствовать, сама не шибко образованная, чтобы образовывать других.

- Для ликбеза семи классов достаточно, в самый раз. Нароб-раз посылает в юрты Зимне-Киевские, близ которых держал оборону против контры. Почти что дома, буду навещать.

Ширококостная, крупнотелая Маша выглядела на все семнадцать лет. А на самом деле семнадцать. После школы поработала вожатой, помогала родителям по хозяйству. С добротной крестьянской статью ей хоть литовкой махать без устали, хоть скот на подворье обихаживать. Привычна к любому занятию.

Ушла Маша с узелком сменного платья, в пору листопада. В юртах быстро обрела друзей. Многие зимне-киевцы останавливались у них в доме и старались отблагодарить. На доброту ханты отзывчивы.

Одряхлевшего Еремея Печикова покоил его приемный сын Петр, прибывший где-то в округе на летних касланиях оленей. Сносно говоривший по-русски, он стал ее добровольным помощником по ликбезу, оберегал от обидчиков. Славный парень! Без нужды мухи не притеснит. Научил Машу выслеживать по белотропу зверя, подманивать воем волков переярков, слушать токующих глухарей и тетеревов. Еще научил ходить на лыжах по целине, ночевать под открытым небом на подстилке из еловых лап у костра.

...Причудливо изгибаются языки пламени, мечут по сторонам сполохи. Они лежат рядом под лосиной шкурой и смотрят перед собой в вышину.

- Если парень и девушка одни, - нарушает молчание Петр, - они сообщаются с Тайной. Это розовая женщина с искрами вместо глаз, облаком поднимается из огня в небо, и оттуда, из звезд, непорочная наблюдает, как ведут себя двое, не нарушают ли брачный обет. Помогает им услышать сердца друг друга. Если двое услышат их, они увидят Тайну в человеческом облике, и она

останется с ними до конца дней. А кто презреет женщину из огня, у того будет плохая жизнь, те никогда не узнают настоящей любви.

- Где твои родители? Почему с чужим отцом? - Маша чувствует его дыхание, но не биение сердца. - Без родителей, как без тепла.

- Не помню, не знаю, - вздыхает Петр, чуть поворачивается к ней, словно собираясь обнять. - Их скосила злая чумка. Я воспитывался у бабушки. Когда умерла и она, меня взял к себе шаман Куталька, но большевики перевернули все. Шаманов начали притеснять за религию, некоторых арестовали. "Железный" старик рассердился и сказал мне: "Иди, Петьха, в страну Ай-Вьнг. Есть такая у холодного моря. Там плавают ледяные горы айсберги и бродят в поисках пищи белые медведи ишкуны, играют небесные сияния. Там - тундра, простор. Нет большевиков-коммунистов". Но я люблю тайгу - не тундру у холодного моря, свое Васюганье. Я породнился с Еремеем, заменил ему сына. Разве этого мало? Разве с чужим человеком? Не стал искать счастья на стороне, у студеного моря Был. В юртах нашел тебя и очень рад этому. Я твой лехс - друг. Может, появится женщина Тайна, тогда поженимся. Так велит обычай. Я не верю в богов тормов, но уважаю обычай предков.

- А она появится? - простодушно спросила Маша, принимая все это за сказку, специально для нее сочиненную.

- Не знаю. Надо пристально смотреть на костер и однажды розовая женщина из огня начнет расчесывать длинные волосы гребнем с частыми зубьями. Как настоящая ими, побеседует тихо, спросит пищи, чего-нибудь пожелает.

Маша верила и не верила. Все - ночь в тайге, глубина неба с льдинками звезд очаровывало. Петр представлялся древним хантыйским матуром из той же сказки, для нее сочиненной, она сама женщиной Тайной, которую где-то ждут.

- Справим свадьбу по древнему обычаю. С песнями, плясками. Скачками на оленях, - мечтательно загадывает Петр, и Маше начинает в конце концов казаться, что именно так и будет. В сказке все возможно.

После учебного года, простившись с зимне-киевцами, отправилась домой - в отпуск. Петр провожал ее. Сначала плыли на обласке. Оставив долбленку в старице, шагали, взявшись за руки, по луговинам. Над ними вились чибисы, кудесничали на разные лады кроншнепы, квакали лягушки. Весело, вольно было Маше с другом, но сердце не позволяло женщине из огня. У Петра позвало,

у нее нет. Он ей только нравился, уважала его как брата, не более. И он печалился: не он ее матур. Кто же? Петр все-таки надеялся.

В КОЛПАШЕВО

Осенью того же года ее отправили на курсы ликбеза.

- Молодец, товарищ Петухина! С честью выдержала испытательный срок, похвалил заведующий РОНО. - О тебе хорошо отзываются в юртах. Знаю. Но поучиться нелишне. Поезжай на курсы в Колпашево.

- Ой, еще бы! Конечно, конечно. Я готова хоть сейчас.

- Сейчас и отправляйся. День-два тебе на сборы.

Колпашево, старинный деревянный городок, чистенький и уютный, встретил досчатыми тротуарами, щиплющими муравку козами, кой-где сохранившимися от прежних времен вывесками с буквой "ять". Городок белых ночей, звонких песен, степенного мастерового люда, матросов, рыбаков, лесопильщиков. В сравнении с юртами внушительный, впечатляющий.

Рвению Маши здесь удивлялись даже самые истовые курсанты. Помимо обязательной программы она занималась в кружке струнных инструментов при Доме культуры, увлекалась шитьем и кройкой - ни минуты у нее впустую. Узнать! Успеть! Из толстой крученой пряжи-"полевки" связала берет и постоянно носила его, скрывая рыжинку волос, и рыжинка-то незначительная, больше золотишка, чем рыжинка, а стеснялась.

Много рисовала с натуры и копировала. Пыталась изобразить Петра-лехса. Один из портретов ей наконец понравился. Она решила, что этот и будет талисманом в жизни, сохранит его.

Перед выпускным вечером появился Петр. Он хотел заветного признания, но не услышал: огненная женщина Тайна не посетила Машу, и он был насупленным, замкнутым - огорчился. Уехал не простившись. Захваченная последними хлопотами Маша не придала этому особого значения.

На распределении пожелала в Ларьяк. Район в стороне от "магистралей" - Оби. Ощутимей, чем где-либо, нужда в ликвидаторах. Их и на "магистралах", в Васюганье не хватает, тем более в богом забытой глубинке. В глубинке ей самое место. Она это твердо решила.

ТО РАДОСТЬ, ТО ГРУСТЬ

Шлепая плицами гребных колес, пароход отвалил от причала, качнулся на волне и, медленно набирая ход, боковато выправился к середине реки. Опершись о поручни, Маша пристально

смотрела на родителей. Столько в них скорби и печали, что сердце зацемило от прихлынувшей жалости: "Милые мои, все страшитесь за любимицу Марусеньку. Страшились, когда учительствовала в юртах. Но ведь обошлось, обойдется и сейчас, волков бояться - в лес не ходить."

У ее земляков васюганцев издревле родовой знак - бобр. Святой зверь, почтенный, его нельзя убивать. Лося можно, а бобра нет. Зато русские повывели и бобра, не посчитались с мнением хантов. Истребили.

Юромка начальник один, юромка начальник два, юромка начальник три - однако плохие, жадные были, - простодушно рассуждали дальше. - Илейка-Ленин ры-ре-волюцией прогнал их, но меньше юромок не стало. Больше стало советских начальников с портфелями. От них негде спрятаться. Находят.

Верно, - ораторствовала Маша-учительница, - есть начальники и при Советской власти, совсем без юромок нельзя. Но наши юромки служат народу, значит, всем. Живут своим трудом. У них нет богатства. И вы тоже полноправные граждане республики. Считается новая власть с коренным населением, велит юромкам считаться. Будете жить в удобных теплых избах-домах, перестанете кочевать.

Надо кочевать, - возражали зимне-киевцы. - Не будем кочевать, кто найдет ягель для оленей, заготовит грибы, ягоды, набьет орехов и сделает орехового масла, кто станет ловить рыбу, промышленять зверя? Зачем мы? Рут-ях... русские вместе с Илейкой-Лениным, всей их ры-ре-волюцией ошибаются, медвежью услугу оказывают кантага-ях.

Маша озадачивалась, что ответить, а зимне-киевцы требовательно ждали. Не такие они простодушные, как это кажется. Тогда Маша уступала-полусоглашалась с ними:

Немного будете кочевать, а больше жить на месте, в хороших условиях.

Тайга - самые хорошие условия, что еще лучше тайги и болот? Ничего! Зачем отнимать нас от лес.

И беседа продолжалась, давая Маше пищу для размышлений о подлинной - не книжной - жизни. В подлинной не все так, как в книжной. В самом деле, зачем хантам большие города и поселки, в скопищах людей затеряются, измельчают. Многолюдие не для них.

Маша перекинула косы за спину, поправила на голову берет, закрепил его приколками от шалостей ветерка, и прощально помахала отцу с матерью, сронила непрошенную слезу - расчувст-

вовалась.

На ней простое темное платье прямого раскроя, с остроугольным вырезом на груди, крупной аметистовой брошью, подаренной на счастье матерью. Матери ее когда-то подарила бабушка, напутствуя в семейную жизнь с Семеном Пётухиным. Брошь Маша приняла, хотя не очень верила в магию старомодной вещицы.

Петр тоже отговаривал от глубинки. Народ сора (низовых мест), по его мнению, темный, очень суеверный. Тамошние шаманы жадные и злые. По преданию, их предки произошли от гагары, птицы увертливой, ныркой, не жди от них хорошего. Особенно от Григория, взявшего в жены Авду, дочь названного отца. Она сварлива, криклива, как кедровка. Любит командовать. Наверное, в нее с детства вселился лешак Пырнэ. К Авде, за озеро, в юрты Эмтор-Пугол, после того как утонул муж, перебралась младшая вдова Шура с сыном школьником.

В ваховской глубинке, рассказал Петр, особо почитают божью мать, женщину с солнечной стороны Анки-Пугос, якобы сопутствующую человеку от колыбели до смерти. С жизненосительницей и спасительницей может сравниться лишь небесный Торум. В честь ее вешают на деревья яркие тряпки, приносят деньги, выбирая для поклонения березняковые светлины, возможно соотнося их с цветом волос женщины Утра, самого солнца. Приношения оставляют в священных местах или отдают непосредственно шаманам.

Торум- творец всего живого. Хантов сделал из собственной слюны, русских произвел из оленьей крови. Он же высыпал из горсти землю, но коварный лешак Пырнэ, воспользовавшись сном натрудившегося божества, растаскал землю куда попало, при этом наставлял кочек и болотин, суходольных грив.

Разгневанный верховный правитель разразился громами и молниями, снегом и дождем - создал времена года. Обуреваемый жаждой деятельности, пустил солнце по кругу - разделил сутки на день и ночь, чтоб людям лучше работалось и отдыхалось. Навел порядок в своем хозяйстве, все предусмотрел.

Лицедея Пырнэ до сих пор не может простить. Спасаясь от возмездия, лешак перевоплощается то в пень, то в куст, выступ берега. Иногда оборачивается человеком и настойчиво просит перевезти через реку или озеро. С Пырнэ не шути, иначе наслет непогоду, опрокинет долбленку, а то закружит в лесу на охоте, сгубит в пути.

Сонм сердитых и благодушных, местечковых и широко вли-

ятельных существ. У каждого вполне конкретные обязанности. Один уносит в рукаве солнце за край земли - делает ночь; другой его собрат распределитель туч и холода, ветра; Тоглон-лунг шлет тепло и перелетных птиц с юга: он вестник весны. Анки - жизненосительница, как и полагается женщине Утра, отвели Восток, не без оснований роднят с солнцем - феей Сунк с немалым тоже воздействием на смертных.

У матери дурное предчувствие: матица потолочная в избе повдоль треснула и в щели выступила красноватая сера. Маша смеется: подумаешь, матица. Она не верит в приметы, но нет-нет и проклянется волнением: глубинка есть глубинка, не то что обкатанное, давно освоенное русскими Васюганье. Ларьякский район - леса и топи, глушь, дичь, нетронутость. Мрачь и невежество. Всякое может случиться.

Босоное красногалстучное детство! Куда закатилось, за какую горку, какую излучину? Где любимые игры и шалости? Все то же и уже не то. Других школьников принимают в пионеры, другие девчонки и мальчишки резвятся в "ручеек" и "лапту", другие идут в пионервожатые. У нее теперь иные ступени - учительские.

На корме среди пассажиров зародилась тихая исповедь-монолог ямщика, который вез девушку трактом почтовым. "Кто-то выстрелил вдруг прямо девушке в грудь и она, как цветочек, завяла", - нахлопнулся голоса, протяжные, полные сострадания, и угасли так же внезапно, как возникли. Лишь слышались плески волн о борта да шлепанье колесных плиц: чап-чап...

Вода крутила воронки, несла пароход и вместе с ним Машу на встречу неизвестности. Кроме одежды в фанерном крашеном чемоданчике, наскоро сколоченном отцом - связка книг и тетрадей, глобус на подставке, портрет Петра-друга. Не любит, но уважает больше других приемного сына старого ханта.

Август на редкость знойный, такой на юге не всегда удается, тем более возле полярных широт. Солнце щедро поливает лучами, ясно вокруг, зелено. Иногда означивается желтизна берез, и резкая киноварь и багрянец трепетных осинков выделяются случайными мазками. Одиночные облака не обещают прохлады. В воздухе плавают паутины "бабьего лета". Обь вольно катит воды к океану - справляет извечную работу, - открывая взору то широкие покойные плесы, то бурливые стрежи, вплотную подступающие береговые отлоги, подернутые кудреватым ивняком.

Выбодрится невзначай мыс в кедраче, как в смушковой казачьей папахе.

Миновали границу Томской области у Полуденной горы, простершейся далеко к Ларьяку - по территории района. Вон на взъеме по соседству с мацтовым сосновым бором расположилась деревня, дома взбираются на крутизну и не в силах преодолеть подъем, остаются на месте, как в немой погоне.

Где-то в этих местах отряд особого назначения преследовал бегляков Изварина-Ворона.

Отец сказывал, как растребушил в Божьих юртах успевающую разгуляться, сорвать злость на безоружных политссылных группку недобитых карателей. Кого-то расстреляли, кого-то намеревались расстрелять да не успели. Кого именно, он не помнил.

Из отщепенцев уцелели лишь двое: главарь капитан и юный поручик. Ворон исчез еще накануне: сбежал, почуввав неладное. Раненый в ногу Синицкий был увезен неизвестным каюром на оленьей упряжке, выметнувшейся неожиданно из-за строений. Каюра в кумыше, с низко напущенным на лицо капюшоном, не успели рассмотреть. Постреляли вслед, не попали. С тем и остались.

Синицкий, доводившийся племянником тамошнему купцу Трофимову, отлично знал округу. Отлежавшись в зимовье, отрастил бороду, оделся в кисы, малицу и так перебивался возле хантов. Нагрянут облавой чекисты: "Где Синицкий?" - "Не знаем где Евгенья", - невозмутимо отвечают, а бывший поручик здесь, среди них, поддакивает, нарочито ломая произношение: "Не знаем". Чекисты соберутся восвояси, усядутся за весла в лодки, он, не лишенный лихачества и чувства иронии, врасплох с берега наставит ружье или наган: "Вам Синицкого Евгения?! Вот он я, возьмите, сволоты большевистские. Руки коротки", - и был таков. Чекисты рассыплются по лесу цепью, а поручик из местных заберется на дерево в косматую крону или схоронится в болотных крепях, землянке-караме с замаскированным лазом, чекисты снова остаются ни с чем.

В конце концов махнули рукой: пусть его скитается. Что может теперь: ждать и надеяться на случай, толковать о буферном государстве в Сибири да тешить себя мечтами о внешней интервенции.

Минуло время, минули события. Как в воду, канул Изварин-Ворон. Последние годы ничего не слышно и о Синицком, затерялся след.

Под напором переполнявших ее мыслей и чувств, Маша достала из чемоданчика альбом и принялась делать карандашные наброски с натуры: рисовала, что видела на "магистрали". Устав

писать, прогулялась по палубе тихохода, внимая шлепанью плиц о воду, ворчанью двигателя.

К вечеру посвежело, от реки потянуло туманом. Маша зябко поежилась, накинула на плечи плащ и прикорнула у поручней.

Убегали за корму рассеченные днищем струи, отлоги остро вонзались в мутноватые суводи-бмутов и сквозные проглядности отмелей. В одном месте островина раздвоила русло и настойчиво сопровождала в низовья, то прерываясь ненадолго, то снова объявляясь.

Вспорхнула стая уток, готовящихся к отлету. Явней стали желтизна берез и киноварь, паутины "бабьего лета" добавилось, бойчей отлетал лист, подчиняясь закону всеобщего увядания, и лишь жары не убывало.

Опять легкая грусть охватила. ей представилось родное Новоникольское. Отец, напутствуя, пожимает руку:

- Смотри там, дочка, в оба, зри в три. В общем, не тушуйся, будь сама собой. Ты на верном пути, ты у меня молодец, Семеновна.

Достала сверток с провизией, заботливо собранный матерью: шаньги на сметане, вкрутую сваренные яйца, бутылка теплого молока, - поужинала.

Смеркалось. Солнце уже скатилось за береговой срез, темнота запечатлела пространство. В нем утонули, напрочь растворились очертания мачтового бора возле деревни, слилась с рекой островина, и не стало заметно облаков. Лишь редкие высокие звезды и свежесть тумана свидетели. Она не спустилась в каюту, осталась наедине с ночью, снова и снова осмысливая настоящее.

Многое требовалось осмыслить.

Ларьяк! Ларьяк! Божьи юрты! Чем порадуешь?

К утру на отлоге, скруглившем плесо, показалась пристань Вартовск с потемневшими от времени и непогоды домами. Поселочек где-то в начале века основал для заготовки дров пароходам все тот же предприимчивый купец Трофимов. Поселил в досчатую клетушку сторожа-тоболяка и отбыл вверх по Ваху, восвояси, на своем колеснике. К первопоселенцу примкнули заготовители, всякий прочий люд, в поисках вольного житья забравшийся туда, где просторней и добычливей. Народ все корневой, работающий. Оседал надолго, основательно.

Трофимов, имевший солидные капиталы в банках, каменные особняки в Томске, собственный торговый ряд в губернском городе, сеть приказчиков и доверенных лиц, рыбные нерестовые пески и охотучастки, в гражданскую метнулся к Колчаку, по

вдруг вернулся в Ларьяк - излюбленную вотчину, откуда простирались нити его разветвленного хозяйства. Активный участник последующего мятежа, был предан суду ревтрибунала и вскоре расстрелян.

Так печально кончился преуспевающий владелец. Рухнули надежды на богатое наследство у его племянника, выпускника кадетского корпуса. Оставалось Синицкому одно, досадовать на судьбу и мстить исподтишка, как только можно.

На пристани Маша спросила, как добраться до райцентра. Старичок, исполнявший одновременно роль истопника и стража топливного чурака на берегу (не первопоселенец ли Трофимова?), неопределенно дернул усохшими плечиками:

- Кому, девонька, как повезет. Либо луковица, либо репка. Смотришь, подвернется на счастье оказия. Надейся, как все прочие.

В кособокой от ветхости клетушке приметилась Маше среди ожидающих "протчих" молодая женщина с мальчонкой трех-четырех лет. Лицо приятное, располагающее, очень доброе, но какое-то усталое. Обычно такие бывают у людей хвативших лиха. Левый глаз прикрыт сросшимися веками, зато другой пронизательный казался убеждал: "А я все про тебя знаю. Даже то, чего сама не знаешь".

Повинуясь внезапному порыву, Маша спросила:

- Вы в "вершину" Ваха, нам по пути? - представилась улыбочиво: - Ликвидатор неграмотности Мария Петухина.

- Евгения Шехирева. А это сыночек Сашутка, - не менее охотно сообщила женщина. - Да, туда же, из огня в полмя, в не знаю куда.

- Вот как! - немного удивилась, приподняла брови Маша. - В не знаю куда?

- Вообще-то в Большой Ларьяк. Не значит, конечно, что на самом деле большой - с десяток хат, одиннадцатая школа-интернат. Да засольный пункт на горе. Большим назвали, может, в отличие от райцентра. На север перебралась из Притоболья.

- Если не секрет, что заставило? У меня папка оттуда же, вы - земляки, - Маша протянула зареванному мальчонке пшеничную шаньгу, которую тот принялся жевать с явным удовольствием.

- Не секрет. Родичи померли с давна, надорвавшись на пашне. Я воспитывалась в сельхозкоммуне, работала дояркой. Там же харчевалась в общественной столовке. А как распалась коммуна, в колхоз перевелась. Ночевала у отчима. С ним еще жил младший братик Ваня. После смерти отчима Ваню забрал к себе старший

брат. Потянуло меня к ним. Но сноха даже на порог не пустила - староста в доме. Куда деваться? Устроилась техничкой в совет. Ваня выучился тоже на ликвидатора в Ханты-Мансийске, едет по направлению.

- А где он? - полюбопытствовала Маша. - Рада познакомиться с коллегой.

Лицо Евгении стало жалостливым.

- Приневольили больного таскать чурак из леса. Вроде труд-повинности: хочешь плыть - заготовляй дрова. Вой с носилками телешится.

Из массива неподалеку показались согнувшиеся под тяжестью сырых полуполенев фигуры. Евгения, распахнув оконце клетушки, помаячила передней паре.

- Ва-ань... Ване-ек...

С отягощенного ношей паренька пот лил ручьями, голова с жидкими косицами волос безвольно качалась на тонкой шее. Ледащий, в чем только душа держится.

Маша подбежала, ни слова не говоря перехватила носилки - много крепче Шехирева, ей груз нипочем.

Ваня благодарно посмотрел на девушку.

- Откуда взялась, спасительница?

- С воды... Из дома родного, - как старая знакомая, приятно-ободряюще кивнула-поцурилась. - Тоже ликвидирую невежество. После учебы из Колпашево добираться в Ларьяк. Мне про тебя рассказала Евгения.

- Хорошо, когда есть дом родной и родители. А мы с Женей сироты. Счастья нет - за деньги не купишь, - он шел рядом, вялой тонкой рукой сметая пот с лица. Пот выступал снова, слабость, видимо, не покидала. - Сироты, - удрученно повторил Ваня.

- Не сироты. Зря так упаднически, - запротестовала Маша. - Брат есть, у Евгении есть сынишка. Я зачем. Будем дружить, помогать друг другу, какие еще наши годы.

- Не суждено мне счастье, - уныло твердил Шехирев и когда свалили чурак в общую кучу. - Чую, надорвался с этими носилками. Резь в животе хуже, чем у деда Щукаря.

- Отдыхай. Сиди. А то приляг, я заменю.

Слова таскала из леса чурак, за всех четверых отработывала право на плавтранспорт. Резвая умаяла напарников, вызвала у них почтение к себе: "Дюжа, ну, дюжа...". Дедок с двойными полномочиями следовал за ней, как за чудом, щурко всматривался.

- Что-то знатка, аль встречал где?

- Где же, если не во сне. Не встречал, папаша, обманываешь-ся.

- И все-таки знатка, - наставал дедок, оцупывал девушку взглядом из-под редких колючих бровок, как из-под изгороди. - Фамиль как?

- Петухина. Из Новоникольского Томской области.

- Хе, Семена Николаевича дочка. Вместе с им в двадцать семом годе рыбалили. Рыбарь он ископанный, в котцах-запорах кумекает, и по сетям-неводам спец.

- Лучший бригадир в колхозе, - погордилась Маша. - Не поддается ни болезням, ни хандре. Он такой, батянька.

- Воистину гора с горой не сходятся, - развел руками дедок.

- А то смекаю по обличью, знатка... И ухватки, ну, как есть родителевы. Шустра.

- Убеждаешься, Ваня, кругом нас люди. Не в пустыне, - польщенная сравнением с отцом, вернулась к прежней теме Маша.

- Хорошие люди! Постарайся, и нас оценят. Спалкаю, Вань, в медпункт, авось, добуду таблеток-микстур. Все облегчение.

Забрала непослушные косы под берет, кокетливо выправленный набочок. Полная. Рослая. Кровь с молоком. Шаг у Маши широкий, спорый: не идет - летит, погоняемая желанием помочь собрату ликвидатору.

В медпункте упростила фельдшера навеститься в сторожку: очень не можется парню, вянет-пропадает. Мимоходом завернула на рыбозавод. Там готовили плашкоут в Ларьяк.

Обратно Маша мчалась окрыленная.

При известии в клетушке задвигались, загомонили. Кто-то засмеялся, кто-то запел. Песню подхватили и уверенно повели дальше. Даже дедок присоединил к хору дребезжаще надтреснутый тенорок.

У кого-то из постояльцев погодилась гармоника, плясали под ее крутые захватские переборы, лишь Ваня морщился и постанывал. Глотал медикаменты, какие нашлись в аптечке у фельдшера, и уверял, что ему гораздо лучше, но кривая гримаса выдавала обратное.

В разгар веселья к отлогу притерся рыбзаводской буксир с плашкоутом, на палубу хлынули цыганским табором. Маша с Шехиревыми разместились на корме плашкоута, соорудив Сашутке с Ваней "гнездышко" из куля с пожитками, за которыми Евгения и выбиралась на родину, связки своих книг и тетрадей, крашеного фанерного чемоданчика и глобуса на подставке.

Катериншка едва стронул заполненный людьми плоскоспин-

ный плашкоут на буксире, потащился по Ваху и замедленно втянулся в устье притока Оби. Вчерашний тихоход в сравнении с ним показался несбыточной роскошью. Однако за неимением лучшего рады были и плашкоуту.

СТРАНА ЮГОРИЯ

Петляет хитроумно Вах, словно нарочито задает ребусы. Или действительно это коварный Пырнэ по недогаду небесного старика накуролесил?

- Знаете, почему ханты не умеют плавать? - чтобы отвлечь Ваню от тягостных дум, сказала Маша. - По их понятиям, рискуют прогневить Духа воды и потерять добычу из атарм-ловушек. Озорнику противостоит богатырь-матур Альвали, громадный, о несколько погах и руках. Спасаясь, Дух воды торопится по дну реки, выпуская на поверхность пузырьки воздуха. Суеверные ханты считают, что это он так дышит.

- У ваховцев Дух воды не менее популярен, - проявила осведомленность, не осталась в долгу Евгения. - Одаривают его даже чаще, чем Торума, иначе чего доброго напустит порчу, дурные соблазны. От него можно избавиться, очертив возле себя круг или бросив поперек следа черемуховый прут. Иногда бросают на воду красные лоскутья. Дух принимает их за глаза Альвали и пугается.

Тут и Ваня не утерпел, вмешался:

- А знаете, что Дух воды заманивает в омута старых рыб и съедает без остатка, взамен создает молодь - восполняет потомство. Удачу на путнике ханты объясняют исключительно его расположением, поэтому задабривают, как только могут. Дух загоняет косяки в сети и котцы. Весьма строптивый, между прочим. В кураже способен разбить долбленку, не зря же улецают остяки. Добровольную кабалу избрали себе: задабривать не знаю кого. Живут, как в тумане, своих заблуждениях и привычках. Их однако можно понять, всегда так жили, от леса - лесное, от болот - болотное. Осенью соберут детей в штернат на полное государственное обеспечение, они за зиму их раскрадут, ищи-свищи по урманам, не досвищешься. Председатель Совета и директор школы с ног сбиваются.

Отмахивал нависших тучей, яростно нудевших комаров от Санутки, который забавлялся глобусом на подставке, забавно всплескивал ручонками и заливисто смеялся. Такое обилие гнуса редко встретишь. Ваня опрыскал племянника полынной настойкой - народным средством, заботливо поправил "гнездышко", вернув на место откатившийся в сторону глобус. Ни на минуту не

забывал о мальчугане, угадывая его малейшие желания, успевал поддержать беседу:

- Но люди они без сомнения талантливые. Гаврил Васильевич, например, играет на варгане - костяной пластинке с металлическим язычком и сухожильной ниткой. Бренькая, напевает давние предания-мант. Сказитель по-ихнему - мантеку - в равном почете с шаманами, передает из уст в уста, из поколения в поколение народную мудрость. Гаврил Васильевич и папаном - ваховскими гусями педурно владеет. А в грамоте не силен, нет, только печать ставит, работу в основном тянет секретарь, русский Иван Сафонов, мой земляк. Ну, так расторопный, добрый. У них с женой Агафьей квартирую на кухне. Поужинаем, они и давай друг дружке загадки загадывать, приметы и обереги всякие называть. Потемну на улицу выглядывать - к худу, собака лапами скребет по стене - тоже к беде. К хорошему что-то не припомню. Впрочем, бывает и к хорошему. Разнообразные варианты. Вот, например...

- Погоди, - попросила Маша. - Медленней. Я запишу. Добровольная собирательница фольклора.

- Записывай, если на пользу. Много от них всякого разного наслышалась про лес и воду, землю и небо. Про людей. С придумкой, приукраской. Дети и есть дети. В Ларьяке Сидор Федорович Сигильетов, первый председатель тузрика - туземного райисполкома настоящий оригинал. Смастерил скрипку и сам же выступает с ней на концертах. Чудом уцелел в колчаковщину от беляков-карателей.

- Не Изверина ли Ворона?
- Семейный и прозвищ не знаю, откуда знать. Те, что решили политссыльных. Обязательно повстречаюсь, этому человеку цены нет.

Катеришка натужливо чихал, фырчал, как лошадка, преодолевая встречное течение. Маша с неослабным интересом оглядывалась вокруг. Так напряженно, должно быть, со вниманием всматривались первые русские землепроходцы, отправлявшиеся на поиски лучшей доли в страну Югорию. Югория! Югория!.. Легенды и фантазии, миграции воинствующих племен с гор Алтая, раздоры с татарами, ненцами и манси, трубки мира у пиршественных костров, всевозможные братания, обмен женами, реальность и небыли, достигшие новых времен.

Иногда к ней подсаживалась Евгения, сетовала:

- Вы-то с Ваней проявитесь, поднаторели на курсах, а я лишь коров доить да полы драить мочалкой способна. Вечерами

забавляться с хозяевами в топис - старинная игра навроде шахмат, только вместо обычных фигур на доске по клеткам звери, птицы из кости и дерева. Смысл игры в состязании охотника с живностью. Кто кого объедорит. Начинайте обучение с таких как я, как интернатский повар Нюра Полуянова, колхозный бригадир из райцентра Вера Коротких. С Гаврила Васильевича и его Агафьи. Организуйте ликбез в Большом Ларьяке. Есть такая нужда. А то живем, как слепцы, ни газету прочитать, ни письмо составить.

- Постараюсь, Женя. Приложу все свои силы.

От лесов, что подступили вплотную, от торфяников темен Вах, от песчаных островерхих намывов, ножами вонзившихся в русло, быстр. Вспухают и распадаются на стрежи жгуты пены, словно и в самом деле "дух идет", обувкой по воде шлепает.

Древний край, древняя река... Кто измерил ваш возраст? Чья любознательность постигла тайны? Голубоватые, как глаза, отражаются в текущих зеркалах пихтовники, отягощенные ягодами клонятся черемухи, купают в затишках ветки с переспелыми кистями. Их можно рвать прямо с планкоута. Расцветка лесов делает общий фон ярче, контрастней.

Днем все еще держится жара, почамн резко холодает. Выпадают тяжелые обильные росы, и не дает покоя ни человеку, ни зверю кровососущий гнус, липнет густо, как короста.

У лесей пора брачных состязаний... Набычит голову губастый сохач, вскоптит землю и с наскоку ударит костяным развесистым рогом вымахнувшего из чащи, вспененного страстью соперника. Кроваво брызнет кислотовым соком раздавленная незрелая клюква, вздрогнет наклоненная к воде раскутившаяся черемуха, задетая шерстистым боком повергнутого в бегство самца. Вслед ему исторгнется торжествующий трубный рев.

Пустынно. Безлюдно. Лишь изредка проскользит встречный облас. В долбленке хант гребет веслом. Если в обласке двое - мужчина и женщина, гребет женщина, а мужчина правит на корме. Такое разделение обязанностей.

Встретится петля - обласок на плечи, и шагают напрямую через перешеек, как на великом пути из варяг в греки. С тем только отличием, что челн волокли, а легкий облас несут - с долбленкой справиться проще. Справляются и ханты, и русские.

Иногда проглянут на чистине курная избушка или чум, сохнувшие на вешалах сети, лабаз для продуктов. Оттуда лениво взбрыкнет собака, хозяин поглядит бесстрастно из-под козырька ладони, облепленной чебачьей чешуей, и опять вековечная жутковатая

уединенность по сторонам. На реке рыба играет, резвится, упруго режет хвостами воду. Лебеди безбоязненно-горделиво поводят точеными пластинчатыми клювами, неохотно уступая дорогу плавпосудинам.

Маше лесные берега кажутся диковатым лешаком Пырнэ, для маскировки перед Торумом сменившем обличье: мол, сумей догадаться, где я и кто на сей момент; кедры с прямыми понизу сучьями вздыбившимся медведем с распростертыми лапами, а желтоватые ребристые, как стиральная доска, отмели потерянной обувкой Духа воды: рыбаюдца и одновременно создателя потомства, того же озорноватого лешака, способного перевоплотиться и в караса, и в щуку.

Евгения воспринимала реку рекой, тайгу тайгой, без ореола необычности или вовсе не замечала, опекая сынишку и брата. На железной палубе, на костерке из подсохшего чурала, соображала горячую пиццу. Но чаще питались как придется, всухомятку или вприпивку с водой из Ваха; топлива на всех "пассажиров" не хватало. У Вани втянуло живот, он нехорошо кашлял, сильно дрог и восково-сизый хватался за поясицу.

Жалко парня, не для севера он, не протянет долго.

Так день за днем, сутки за сутками - неделя и другая с разнообразными осложнениями. Взгорья стали опадать, их сменили луга с теми же завитушками кустарников. Горизонты расширились.

Легче всех дорогу переносила, пожалуй, Маша. Спала тут же возле "гнездышка", постелив пальтишко с дешевым воротником из кошки, укрывшись сверху плащом. Над нею звезды, плеск волн у бортов, промозглость ночи, стенания неведомых сполошных птиц. Страна Югория!

Случалось, катеришка или плашкоут на буксире садилась на мель, тогда из кубрика поспешно выскакивал вахтенный матрос, перекачивал на другой борт бочку с песком. Севший на мель кренился и таким образом спинался с мели. От суматохи она пробуждалась и долго не могла забыться. Дотошно расспрашивала Евгению про глубину. Как да что у соседей, про хорошее и плохое, про все, что занимало ее.

Получалось: район захудалый, из-за огромности территории, малоуправляемый. Сельское хозяйство в основном на Оби - "магистрале", которой Ларьякская округа лишь касается. Здесь и теплее, и урожайней. Особенно в приречной пойме.

Рыбы и зверя много, но засольные пункты зачастую без соли, и соль дороже самой рыбы, а добытая пушнина едва окупа-

ет боепровиант. Нужна переоценка расценок. Вместо этого конкурирующие Омсипушнина и Уралинтегралсоюзкооперация, подобно мифическим хантыйским божкам, увязли в склоках и взаимных претензиях. Строчат друг на друга кляузы. Твердых цен вообще нет, поторговавшись, можно сбить дороже или наоборот продешевить. Чаще бывает второе. Этим пользуются вольные перекупщики, шныряют куда расторопней госагентов.

Транспорт: летом - в основном обласа, зимой - олени и лошади. Как в старину при царе Горохе, содержат конно-почтовые станции, ямщиков. От пункта к пункту, от перегона к перегону круглые сутки звенят бубенцы под дугой, ямщики меняют в пути запаленных каурок.

И это еще хорошо: олени, лошади и обласа при местном бездорожье. Маша воспринимала близко к сердцу, как свое собственное, знала и трудные переезды-сообщения, слышала в Васюганье звон бубенцов зимой, помогала отцу метать стога и зароды на укосных равнинах.

- А как с пашней, огородами? - интересовалась не из вежливости.

- Начало начал, - скептически махала Евгения. - Корчуют овчинки в лесу, окультуривают луговины под вику и овес для скота. Ближе к "магистрале" рожь, ячмень поспевают. Все свой хлебушко. И молоко, мясо не внаклад. Пионерские лагеря в кашкулы организуют. Главная беда: нет специалистов. По агрономии, медицине, школе. Учителя с образованием, что твой ликбез, лекари на уровне фельдшеров и сестер. Партдеятели подчас вовсе без образования, практики. Но и в таких острая нужда. Боятся сюда ехать. Вот и качается район в захудалых. Население колос от колоса не слышать голоса. Есть места, где вовсе не ступала нога человека.

Слушая ее, Маша все больше убеждалась в правильности своего выбора. На Вахе она нужней всего. Уже хорошо, что, подобно другим, не побоялась. Такого чувства у нее и не возникало.

ВИЗИТЫ

На берегу прибывших встречала толпа народа: в глуши и катеринка с плашкоутом событие; Евгения, пробравшись сквозь толчею, первым делом повела брата в поликлинику, и заодно прикупить в магазине круп, печений. Договорились с ней о встрече у заежки, и Маша отправилась в РОНО.

Райцентр заметно теснил кедровник. Весело звенели топоры и пилы, слышались ядреные плотницкие прибаутки. Люди, что

называется, с бору по сосенке собрались со всей России в бывшие Божьи юрты - Торумовы на замкнутой вкруговую протоками-пасолами остров. Иного места не нашли. И без того надсадная попадка, так еще на острове, за водными барьерами. Без лодки в райцентре, как в осаде.

Отдел народного образования в доме Трофимова. Солидный дом, с верандой, где хозяин за самоваром вел торги с покупателями, принимал своих доверенных лиц и приказчиков. Поглаживая окладистую бороду, неспешно тянул с блюдца чай вприкуску с рафинадом, любовался лесистой грядой за пасолом, протянувшейся до самого Васюганья и дальше к Большому Ларьяку. Там он, за горой, напрямую, может, в сорока верстах, пасолом по его загогулинам все семьдесят наберется.

В бывшем поповском особняке райком партии. Поповский даже обстоятельней трофимовского. Против особняка, из крыльца в крыльцо, из двери в двери, - деревянная церквушка, на глаз и вкус мужицкий срубленная. Не Кижь, но все же самородное произведение архитектуры.

Показали Маше вросшую фасадом в землю халупу политссыльного Кирилла Мирюгина, расстрелянного мятежниками вместе с женой и товарищами по ссылке. Их похоронили в кедровнике, сумрачно-девственном, загадочном, как вечность.

История проглядывалась во всем, тревожила и примагничивала.

Туда! Только туда! За гряды, в вековую нетронутость, где засилье шаманов, темнота и суеверия. Сделав шаг, надо идти. Один шаг - путь в Ларьяк - еще не ходьба.

Без робости Маша постучала в кабинет заведующего. Услышав ответное: "Войдите", потянула ручку двери. Заведующий, моложавый, плотный, в рубахе-косоворотке, застегнутой на все пуговицы. С безупречной осанкой. Прямые гладкие волосы с развалом посредине зачесаны назад, глаза немного навывкате, выражение их простоватое. Кабинет-клетушка его на пять шагов в поперечнике, с выходом на веранду, наверное, лампадная, где купец бил поклоны Иисусу об умножении капиталов, тесна. Едва разминулись с Ваней, при появлении посетительницы-попутчицы поднявшемся со стула.

- О, нашего полку прибыло! Рад! Рад! - посмотрев документы, с улыбкой констатировал заведующий. - Преподаватели нас не жалуют. Факт! Так что каждый новый посланец - дар божий. Да ты садись, Мария Семеновна, в ногах, как молвится, правды нет. Поразмыслим, куда, в какую точку районной империи опре-

делить.

Приспособив поклажу рядом на полу, Маша опустилась на стул, с которого недавно поднялся Шехирев, тело от вынужденной двухнедельной малоподвижности ныло, в тепле размаривало, клонило в дрему.

- Согласно в любую тьмутаракань. Имею опыт работы с коренным населением, немного разумею по-остяцки, - с готовностью отозвалась Маша. - Например, в Большой Ларьяк или еще дальше.

- Верю, верю, милая девушка. Юность - она безоглядна, сам был таким. Поработай до снега в Большом, а с первой нартой - за озеро в Эмтор-Пугол. Вот где тьмутаракань так тьмутаракань. Кроме тебя некого послать туда, за озеро, милая девушка. Озеро внушительное, но до безобразия мелкое, метр-полтора глубиной. Эмтор. У них все озера Эмторы. А пугол - деревня. Эмтор-Пугол получается деревня при озере, хотя какая там деревня - сезонное собрание чумов. На лето заозерцы разбредаются кто куда. Осенью снова кучкуются в колхоз "Ударник второй пятилетки". В озеро впадает речка, по ней спускаются на нерест язь, за язем тянется ерш лакомиться выметанной икрой, должно быть, потому имя речке Ершова.

- Любопытно. Я еще со школы интересуюсь краеведением.

- В таком случае побывать тебе на Тольке, - пожелал заведующий. - представь, от Ларьяка все восемьсот верст. Восемь-сот, милая девушка! Зимой еще добираются на оленях, в остальное время никак. Полный разрыв. Да в поперечнике район полстолька и на юг около, не успеваем охватить ликбезом. Так что приказ о назначении подготовим тотчас же. А пока получи в бухгалтерии подъемные. Прогуляйся, подыши свежим воздухом, - напутствовал словоохотливый заведующий. - А что тетради и учебники загодя припасла, это хорошо, с пособиями туго. Хвалю за предусмотрительность.

На улице Маша встретила заплаканную Евгению.

- Братку положили в больницу, - удручено сообщила она, промокая платочком слезы. - Жа-ал-ко. Не жилец на белом свете.

- Уж и не жилец, зачем хоронить до срока, строго почти сердито укорила Маша, - Выздоровеет Ваня, вот увидишь - поправится.

- Сердцем чую плохое, - не унималась Евгения.

- Сердце сердцем, а в панику не впадай. Не таких, как Ваня, ставят на ноги. Знаешь, радость: направили к вам в поселок. Рядом будем.

Шехирева посветлела.

- Правда?!

- Правда, Женя, истинная правда. Самой не верится, что так. Наведаемся к оригиналу со скрипкой, порасспросим. Другого случая может не представится.

- Что же, недалний путь, - Евгения покорно взяла сынишку за руку.

Сидора Федоровича, по счастью, застали дома. Обнажив до колен ноги в узловатых жилках, скучая, он курил на завалине трубку. При появлении гостей сунул ноги в теплые нырики, предварительно обернув мягкой осокой, собрал на лбу вертикальные морщины и с готовностью выслушал просьбу.

- Однако с Якушкой Пыгатовым привез Кириллку с Евлампием за год до падежа оленей от "копытки" (сибирской язвы, значит, где-то в 1910 году), исправник велел привезти, - начал без предисловий. - Он шибко простой Мирюгин, лет так средних, еще цветок был. Говорил тихо и мало, но понятно нам с Якушкой. Что остяки бедно живут, говорил, их труд, дескать, воруют богатые, говорил. Царя шибко ругал. Он и потом будет ругать и его шибко не полюбят исправник с попом и торговый человек Трофимов. У его батрачил и по его охоте был застрелен. Однако нехорошо.

- Чем занимались ссыльные в Божьих юртах? - задала наводящий вопрос Маша, занося услышанное в тетрадь.

- Однако занимались, - Сидор Федорович отложил трубку, повспоминал припылившееся минувшее. Его слинялые глаза стали блестяще, осмысленней. - Кириллка многих остяков научил резать алмазом стекла для окон, ладить юрты из бревен - русские избы рут-кат. С друзьями Иваном Карлю и Мефодием Захаровым срубил себе домик. Иван мастер был чинить капканы, ружья пэчканы, изготовлял красивые бляшки на потяг - оленью упряжь. Пиески они вместе ставили, спиктаклями назывались пиески. Про то, как живем в тайге и богатые присваивают меха, рыбу, мясо.

От них узнали, кто настоящий друг, кто россомаха в дупле. Узнали про мировую революцию, про белых и красных. Помаленьку сами обольшевизились. Бывало соберемся к Кириллке в рут-кат деревянный чум, Мирюгины угостят чаем, книжки с картинками почитают, все растолкуют. Нашу жизнь расспросят. Долго не отпускают.

- Мефодий Захаров чем особенный? О нем подробней, дедушка, - не унимается Маша. Карандаш наготове держит, ни слова не пропускает.

- Однако помню Мефодия. Высокий, белый волосами, весь белый - осенняя береза. Блондин. Ловко играл на скрипке, меня научил играть и петь "Интернационал". Это когда проклятем заклеименный с Якушкой Пыгатовым, всем бедняцким классом вставал и поднимался. Здоровый был Мефодий, ох на силицный. Первый матур в Божьих юртах. Железо дьявол гнул. У Трофимова он при лавке служил и Кириллка с Иваном служили. Слесари, шорники, сапожники хорошие. С них я сознательным в партию вступил, председателем туземного Совета назначился. С печатью, бумагами. Кантага-ях, народ наш, уважал меня, я уважал рут-ях русских. Их мысли среди кантага-ях делал. Умно.

- Как же все-таки сгубили мирюгнцев? Поведайте, снова выжидательно нацелила карандаш Маша, рука ее от нетерпения подрагивала.

- Это... Однако был уже председателем ТузРика, точно был. В сезон урны-ики, когда наст ядреный, крепкий и вороны прилетают, шаман Григорий с братом Ефимкой Три звезды по лбу, прозвище такое за хитрости разные, однако на свету привели бандитов. Сперва тихо к попу и торговому человеку Трофимову завернули, и те указали, кого брать. Ну вот взяли с постели Мирюгнских, избили прикладами, руки назад завязали. Ивана Карло взяли. Захаров поленом чуть не зашиб Синицку-поручика. За это Мефодия отхлестали шомполами, нос поломали тем же поленом. Всех мучили. Чего добивались дураки злые, не пойму. Раздетыми, босыми посадили на ночь в амбар. Сильно они мерзли, колотились в двери. Хотел освободить, меня самого арестовали. Печать дураки злые спрашивали. Я ее в штаны за ошкур спустил, не нашли. Утром повели к кедровнику, где сейчас площадь. Требовали покаяться, упасть на колени, обещали помиловать. Захаров распутал руки, бросился на Синицку-поручика: "Иуда! Недоносок!" - кричал. Синицка сильно сердился за потерю наследства от бездетного дяди, Мефодия, когда тот закричал и бросился с кулаками, застрелил. Жестокый. Курок спустил, а сам усмехался, будто шутил. Плохие шутки. Меня опять про кругляшку с буквами пытали, но я вместе со всеми запел "Интернационал" - вставай и поднимайся. Тут Прасиньы заплотшно машут хорями - сигналият: "Чоны! Кырасные лыжники!". Вижу, из-за домов появляются люди с винтовками, пули сви-сви рядом. И кырасные рядом. Меня почему-то за союзника белых приняли, сгоряча чуть не кончили. Ужасно. Язык без слов остался. Печать из штанов достал, из секретного места, где жарко, тогда лишь поверили, что не союзник. Советский, идейный.

Трех бандитов чоны шлепнули, главарь капитан с вечера исчез - бежал, а раненого Синицу Прасины увезли за озеро. Спрятали. Знают, где он, только прикидываются, что не знают.

Застреленных сам хоронил. Теплых, как живых, закапывал. Шибко жалко было, так жалко класть в яму, в тряпки-кумачи завернутых. Красных и белых жалко. Люди однако.

Сидор Федорович пососал угасшую холодную трубку, задумался глубоко - забыл о гостях, своей болезни. Весь в прошлом.

Гости переглянулись: пора прощаться. Ушли они под впечатлением рассказанного, по-новому воспринимая улицы и проулки, площадь, на которой казнили политссыльных. И сейчас их жалко. Э-эх, гражданская война... Кому нужна такая?

ГРОЗА В БОЛЬШОМ ЛАРЬЯКЕ

- Мой земляк Ваня Сафонов, секретарь нацсовета, - представила в "заежке" Евгения русого, ладного паренька в гимнастерке, искусно поштопаной на локтях. - Гордый. Не очень-то разоткровенничается. До недавней поры и не знала, что из одной с ним коммуны.

Сафонов неловко-стеснительно, но крепко пожал Маше руку, при этом часто заморгал ресницами: хлоп-хлоп. Не то волновался, не то особенность у него такая. Маше он сразу понравился, именно скромностью и крепким рукопожатием.

- Мария Петухина. Ликвидатор неграмотности, - торопливо, отчего-то робея, назвалась она. - Судьба - от самой "магистральной" встречать большеларьякцев и туда же попасть на работу.

- Что ж, не раскаешься. Поселок что надо. Народ там компанейский, бесхитростный. К зиме раздобуду тебе на обзаведенье беговые с гнутыми посочками лыжи для скрашивания досуга.

- Заранее благодарю. У себя в Новоникольском и на курсах в Колпашево часто брала призы. А на чем доберемся завтра? Умаялась за дорогу до райцентра так, что не передашь словами. Ноги заплетаются.

- Многожды испытанным способом: на обласах. Придется попотеть.

- Грести я привычная с детства, на Оби выросла.

Ей все больше нравился земляк Шехиревой. Обронит фразу-другую и замолчит, словно испытывает на весьма важное, ответственное. Может, не испытывает, по натуре такой... содержательный, больше думает, чем говорит. Маша утратила обычную непринужденность, то вдруг жаром обдаст ее, то мурашки озноба. Будто объятая незримым трепетом увидела вдруг вдалеке долгожданную женщину Тайну и поспешила навстречу.

Спозаранку отчалили на двух долбленках по протоке, петляющей замысловато вдоль лесистой гряды.

Обласа узкие, остроносые, верткие. Шевельлись неосторожно - и опрокинутся. В одном из них Сафонов с Евгенией и Сашуткой: Иван орудовал обоими веслами, а Евгения вопреки местной традиции легонько правила, поместив у ног сынишку; Маша с коллегой ликвидатором попевала следом: упор - замах, упор - замах... И снова, снова... Весло хантыйское - это целая поэма. Его щепали из прямостойной сосны, смолевое примеривали и оценивали на глаз. Вызывавая, калили над костром, наводили по плоскости и рукояти узор, и весло обретало удивительную убогость, само просилось в руки: поиграй.

С весла срывались колючие холодящие капли, мочили подол платья. Надо перенести весло так, чтобы не обронить их. Но заспешила, сбилась с ритма и чуть не угодила в быстрину. Вправо-влево, вправо-влево, и еще, и еще... Замах - упор, замах - упор... Чугунела, немела спина, на ладонях вспухали кровяные волдыри.

Потребовалась передышка и Сафонов круто повернул к затепленному черемухой, тальником и рябинами выступу берега. Поодаль, словно прося о помощи, взметывали кверху корявые ветви, попирали мелкий частый подрост столетние мшистые осины. Пахло в густоте прелью, хмелью обносило голову.

- "Золотой" остров собственной персоной, - пояснил Иван Лукич, сравнив обласа. - Вернее мыс. Какой это остров?! Заметь, Мария, очертаниями напоминает медведя, угнездившего морду на вытянутые передние лапы.

- И правда, - удивилась Маша. - Как есть дремлющий топтыгыш.

- Так что не случаен выбор. Для хантов медведь - пожаловавший в верхний мир чей-то воскресший из мертвых родственник. Есть на острове полянка для камланий и приношений. Не тотчас найдешь укромную. На полянке казаны для денег, бус, металлических подвесок, фигурных пряжек, финифти, бисера, деревянные и медные идолы - ристалище Прасиных из Эмтор-Пугола, куда собираешься с первой партией. Как-то здесь на мысу комсомольцы застучали Синицкого, ускользнул гад из кольца, то ли через подземный лаз, вырытый еще в пору племенных междоусобиц, то ли просто схоронился в зарослях. В любом случае не без участия шаманов, они ему потрафляли, потрафляют. Но попробуй расколи, ши за что не расколешь, не припрешь к стенке: "Облог с кантага-ях не берем. Советку власть признаем. Зачем

нам поручик, если признаем, слышали о нем, а не видели".

- Можно посмотреть подянку? - загорелась Маша. - Хоть одним глазом. Любопытно.

- В другой раз. Силы надо беречь, нам еще чапать да чапать.

Остался позади выступ, напоминающий дремлющего медведя, скрылся за очередным поворотом. Пасол столько накрутил загибулин по хлябям, не сочтешь, извилистый. По сторонам луговины с кустарниками, копны сена. В сине-блеклом небе, где цепью, где вовсе одиночно, а то и табунками разбрелись пухлые облачка.

Примерно на половине пути - юрты Чехломей, где обосноваться Шехиреву. Большой открытой воде ханты предпочитают пасолы, курьи и озерца - в стороне от чужаков и беспокойных "магистралей" уютнее.

Чехломей на крутоярье: гнус ветерком лучше отгоняет. Тропкой к воде спускалась молодайка в меховых штанах до щиколоток, с ведрами. За ней поспевал мальчонка, босиком, в рубахе с цветным пояском, давно нестриженный, хоть косы плети из волос. Круглый шаловливый колобок. Схватил за хвост трусившую рядом собаку, пытаясь удержать. Лайка сильнее. Мальчонка возмущился, заплакал.

Молодайка приостановилась, отстранила мальчонку от собаки и невозмутимо двинулась дальше.

Не задерживаясь, миновали темные курные избушки и летние берестяные чумы, окантованные ельником. К вечеру наконец то показался Большой Ларьяк, разившийся от Чехломей разве что габразной школой-интернатом. Сафонов держал в руках Сашутку и Машину школьную связку с глобусом на подставке. Евгения торопилась с кулем на спине, Маша помахивала крашеным фанерным чемоданчиком. Прямо во двор к Гавриле Васильевичу влетели. Председатель нацсовета под навесом тесал топорнице, длинное и слегка изогнутое, как сабля. Ворошок стружек кудрявился у чурбака, на котором местился.

При их появлении невысокий, черный Прасин, смахивающий на цыгана, поднял многозначительно указательный палец.

- Дух Туч мечет раскаленные копы и от них происходит чуга-солвал: молния. Слишком долго делает ее, Торум сердится, ругает духа Туч. Видите, тот перестал гроыхать и протянул к пасолу радугу, чтобы напоить досыта Землю-Старуху. В жару сильно истомилась. От предков все это слышал. Старики много больше нашего знали, мы забываем. Молодежь вовсе забыла. Записывать надо, печатать, а не умеем.

- С этим и приехала, - как похвале обрадовалась, озарилась Маца, - Учить грамоте. А потом и писать, записывать.

- Однако хорошо, что приехала, - словно отрицая невпопад, покачал головой Гаврил Васильевич. Сделал широкий радушный жест. - Питявола гости, питявола. Здравствуйте. Однако угощать пора, Агафья!

Из избы появилась женщина неопределенного возраста, в русской сборчатой кофте, стоптанных собачьих броднях с подвязками у колен. Без повода сообщила:

- Гаврил, мне приснилась Анки-Пуго в красном, денег требовала. Я сходила на пасол, бросила в воду тройку.

- Однако зря бросила, на хлеб оставлял, - сожалеюще-осудливо, но без злобы, почесал за ухом муж. - Собирай на стол, я повеселю гостей.

Принес из избы хантыйскую арфу папан - подобие птицы и забренчал струнами, зашел о том, что солнце Сунк дождем, как гребнем расчесывает волосы-лучи, готовясь уступить небо Луне. Когда-то на земле был лишь день и Торум велел женщине Сунк с волосами-лучами прятать свое лицо, а в это время Луне делать ночь, необходимую для отдыха и росы на траве. Луна поленилась делать ночь и верхний старик всердцах располовился ее. Одну часть тут же похитил и сбил Кьнь-луику проворный Пьриэ. Теперь в царстве мертвых есть своя Луна, но нет Солнца. Всегда тускло, сыро.

- А что такое по-вашему Огонь? - поинтересовалась Маца. - Как его понимаете? Для многих народов он существо неподвластное разумению.

- О, великий, великий! - заперебирал струны преднацсвета. - Не имеет границы ни в небе, ни на земле. Возникает и пропадает. Охраняет и наказывает. Он друг и враг, прожорливей Духа-рыбоядца. Ему шьют яркие одежды и накрывают ими костер, жертвуя Великому унгташих жирных оленей, продев в уши медные пластины. Над Огнем освещают упряжь, пожи, снасти, новорожденных. Им врачуют. От него согреваются, готовят на нем пищу. Он могучей могучих. Перед Огнем склоняются даже боги.

Перестав бренчать-ведать, Гаврил Васильевич прислонил папан к чурбаку, на котором удобно сидел, начал повествовать:

- Прежде Великому жертвовали даже детей, чтобы не дал замерзнуть живым, чтобы в чумале жарко горели сушницы. Было такое. Однако шибко худое говорю, айдате лучше в избу. Агафья еду собрала.

Изва внутри не обмазана глиной, не белена. Мох торчит из

пазов. Обстановка: печь да стол, кровать из досок. Кухня, в которой обитали Евгения с Сашуткой, отличалась от комнаты лишь размерами и поварской утварью на вешалах и полках: ведрами, чашками, туссами, всякого фасона берестяными набирками, чумашками.

К столу пригласил хозяин, и он же первым занял место у столика. Ел молча, сосредоточенно, как работал. После трапезы снова развлекал. На этот раз его внимание заняла "золотая" богиня Добра Нум-Тэ. Оказывается, весьма почитаемая. По языческой иерархии дочь самого Торума или что-то в этом роде, изготовленная из золотых и серебряных пластинок. При потряхивании пластинки позванивают и создается впечатление, будто Нум-Тэ разговаривает. Это повергает суеверных хантов в благоговейный трепет.

Когда-то богиня хранилась в специальном амбаре. Ее охраняли крепкие, надежные стражи. Никто из смертных, кроме шаманов, не смел коснуться образа. Это каралось изгнанием на чужбину.

Впоследствии, после создания колхоза и наезда уполномоченных со всякого рода чрезвычайными наказами, косо взиравшими на религиозные обряды, фигурка исчезла неизвестно куда. В пустом амбаре от случая к случаю справляли праздник Медвежьей Головы.

Маша еще от зимне-киевцев слышала: есть-де за эмтором у Прасинных золотая эви-девушка. Все видит, понимает, может наслать счастье и беду.

Действительно, кладезь для фольклорных исследований глупинка. Загадка на загадке в ней, тайна на тайне. И без обещанных лыж не заскучаешь.

У КРЕМЛЕВЫХ

В тот же вечер Евгения свел ее с Кремлевыми. Супруги, Александр и Шура, оба тоболяки, просты в обращении, приветливы. Он в толстовке с глухими накладными карманами с клапанами, курчавый, заметно узколицый, глаза в красноватых прожилках. Шура не в пример ему, весельчаку, тихая, ростом маленькая, русая. С немым вопросом во взгляде. О чем-то постоянно спрашивает, а не говорит о чем. На ней халат из ситца, в талии перетянутый плетеным пояском.

Бытовали Кремлевы при школе же, в комнатке на двоих. Хватало и комнатки.

- Без детей в доме заводятся призраки, - пожаловалась Шура.

- Предлагаю мужу взять малютку из приюта, ни в какую не соглашается. Но для чего тогда жить? С тоски околевать в роли домохозяйки?

Александр отшучивался: шаманы, мол, наколдовали, вот и нет наследников. Всем поголовно учителям района предрекают подобную участь. Снимется заклятие, когда ханты вместо тамги-елки начнут расписываться и перестанут верить в бога. Отшучивался, а в серых навывкате глазах читалось, что виновница бесплодия все-таки она.

Шура или не замечала осуждения или делала вид, что не замечает. Разливала чай в расписанные цветами фарфоровые чашки, подвигая гостям стряпню собственной выпечки.

- На грязную работу не пускает муж, чистой для таких как я не изобрели, - изливала душу. - Как быть и не ведаю.

- Так ходите для начала в ликбез, - посоветовала Маша. - Не чурайтесь. За компанию с Женей, Гаврилом Васильевичем и его Агафьей, всеми желающими.

- Нюрой Полуяповой, - не преминула напомнить Шехирева. - При интернате за повара, доярку, техничку - на все горазда. Спи-ми, голубонька, повязки с глаз у Веры Коротких - из Ларьяка скот сюда пригоняет "на стойло" бывшая домработница. Вступила в колхоз, ей надо расти.

- Тебе поможет "культурница" Маша Сигильетова, наш национальный кадр, - распаренный чаем Александр расстегнул толстовку, расслабился благодушный. Как и заведующему РОНО, ему не было тридцати - молодежь обживала Север. - Мы, как можем, откликнемся. Сообща навалимся на безграмотность.

Поднявшись из-за стола, Кремлев взял с полки школьный звонок и протянул Маше.

- На память. С пожеланием стать настоящей учительницей. Ликвидатор еще не профессия, а так - потребность дня. Своего рода кампания букваря и задачника.

- Именно потреб-ность! - приосанилась Маша. В ее пухлой руке расписанная фарфоровая чашка казалась игрушечной. - Раз-ве этого мало - потреб-ность?! Зовет и обзывает.

Случайно обратила внимание на выкройки и катушки ниток.

- Шьете, Шура?

- И весьма педурно, - похвалил жену Александр. - Полигтер-ната в ее одежках щеголяет. Напрасно прибедняется, что живет лишь для дома, для семьи.

Шура возразила:

- Какая я мастерица, так, на уровне самодеятельности. Шью

иногда рубашки мальчикам и платья девочкам.

Маша хотела посоветовать ей, как по последней моде собирать талию, выстрачивать сборку, но Евгения торопилась к Сашутке, оставленному под присмотром Агафьи. И усталость вязала, обе валились с ног.

Хозяева не стали их удерживать. Теперь чего же, рядом, найдется время для свиданий.

Сморились подруги тотчас, как в черноту окунулись с головой. Забытая на подоконнике не потушенная семилинейная лампа мигала и коптила стекло. Язычок пламени то вытягивался, то опадал. В кухне настоянно пахло сушеной рыбой, берестой многочисленных пабиров для ягод и чумашков, всплакивал сполошно Сашутка, раскидываясь по постели. Они ничего этого не воспринимали, придавленные забытьем.

УРОКИ ЛИКБЕЗА

На свету, цокая каблуками-копытцами, в избу шумно влетела стройная, словно точеная хантыечка. Все на ней подогнано тютелька к тютельке, складка к складке.

- Питявола, Тлянка, - покашлял неодобрительно Гаврил Васильевич, освобождаясь от липкой дремы. - Однако спят девки. Намаялись. Ты вечером рассказывай про новую жизнь. Меньше рассказывай про своего Прохора и наряды. Езди-ходи за эмтор в "Ударник второй пятилетки", опровергай шаманов. Би-се-дуй, рипетируй. Тебя учили не кожей сапог скрипеть да серьгами в ушах сверкать. Однако помогай ликвидатору. Избач и ликвидатор вместе кы-культура - одной стрелы цель. Зверек-человек оглянется и шибко думать станет.

Сигильетова поль внимания, сверх меры щебетливая сыплет словами, как семечками. Подруги услыхали голоса, поднялись. "Культурница", пренебрегая запретом хозяина - не докучать спозаранку, поспешила к ним на кухню.

- Можете звать меня просто Тлянка. Белочка, значит. Прозвище даже больше нравится, чем само имя.

- Тлянка... Белочка... Действительно, красиво, - польстила Маша Сигильетовой, и тут же умело перевела разговор на работу - главное, ради чего здесь. - Сообща, как сможем, будем просвещать народ.

- Сможем, сможем, - зачастила Сигильетова - "культурница", развернувшись на все триста шестьдесят градусов по оси. Ни минуты без движений. Торопыга. - Еще как сможем! Почему не сможем?! Уже смогли: курсы кройки и шитья организовали, лек-

ции по международному положению прочитали, спектакли поставили...

- Везде успеваешь, Тлянка, хвастать еще больше успеваешь. Не люблю этого, - опять осудительно-проницательно покашлял Гаврил Васильевич. - Язык твой сорока на сучке. Прохора миловать успеваешь, людей с кровати поднимать успеваешь.

Преднацсовета собирался на "службу печати", как он окрестил свое занятие. Не умея читать и расписываться, ограничивался оттиском на документах и закорючкой вроде пихточки. На облаках, оленях, а то и просто своих двоих собирал детей в интернат, отправлялся на охотничьи станы и места рыбалок, призывал выполнять государственный план, который соплеменники упорно не понимали и не принимали: зачем много, если человеку мало надо. Грех обижать зверя и рыбу, жадность - нехорошо. Духи прогневаются, наплют черную болезнь и морозы.

Своего начальника, по ихнему юромку, уважали больше за то, что играл на панане и пел, знал сказки-манг, загадки, над которыми долго-долго ломали головы. А уважать в понятии остяков значило признавать.

С Сафоновым Гаврил Васильевич уместно дополняли друг друга. Может за это в Ивана Лукича стреляли ночью через окно злоумышленники. Пули на вершок от виска вошли в стену. Время такое переломное в глубинке: новое наступает, старое отгрызается предательски, из-за угла.

- Однако позову, Новая Марья, хантов и русских на ликбез в Совет, - сам того не предполагая, Гаврил Васильевич дал Маше кличку, что с его легкой руки быстро привьется. - С Агафьей вместе придем листать букварь и задачник.

Затянул возле колен длинные кожаные тесемки, притопнул ногой в пырьке, утверждаясь, ладно ли обут, и удалился неслышно, невесомо. Как испарился.

Оставшись втроем, они набросали список "темных" больше-ларьяквцев, расписали дни и часы занятий и во всех подробностях обсудили предстоящие уроки. После обеда, задолго до начала, Маша разложила на столах в нацсовете тетради, книжки для популярного чтения - с картинками, ударениями на прописях, остро очиненные карандаши. На видном почетном месте царственно красовался глобус на стерженьке-подставке.

К стене прикрепила заветный портрет - Петр словно настойчиво спрашивает: "Что сейчас главное?", и сам же отвечает: "Главное сейчас - учиться! учиться! учиться! Я сам неученый".

Кремлев сдержал обещание: пригласил на урок всех знако-

мых, среди которых и Вера Коротких, пригнавшая на зимовку колхозный скот. Без особых усилий убедил ее. Тлянка известила встречных-поперечных. И Евгения не осталась равнодушной.

На занятие Маша отправилась в единственной у нее паре - юбке с кофтой из медаполама. Сшитая самой хозяйкой пара делала Машу стройней, представительней.

Больше всего опасалась за то, что не найдется желающих на ликбез, но к великому изумлению в нацсовет собрался едва ли не весь поселок от мала до велика, как в кино или на концерт. Ханты сидели прямо на полу, скрестив ноги в броднях и пыриках с традиционными подвязками у колен, невозмутимо кадили трубками из корня березы, разили давно немьтыми телами. Кому не хватило места, жались возле стен, взбирались ногами на скамейки, толпились в дверях.

Столы усажены ребятней. Которые бойчее, завладели глобусом, шуршали книжками для популярного чтения, стрекоча:

- Колсын - это кужемка. Это - анкин, апэн и атим. Имудум - двое прощаются. До свиданья.

- Пут, ха-ха, нарисован пут - котелок. А у селькупов на Тольке котелок-чу.

- Друг - лехс.

- И на Вахе у остяков друг - лехс. Могули мосвол - что надо? Сыле мына - уйти отсюда.

Языковые диалекты у хантов действительно разнятся, обской от ваховского, березовский от васюганского, но сходство все же есть. Много общего в промыслах, быте, мифологии. И эта знакомая схожесть бодрила, внушала ей уверенность: справится.

Маша глубоко, как перед пырком, вздохнула:

- Товарищи дорогие большелярьякцы! Меня прислали научить вас грамоте. Правительство заботится о том, чтобы вы получали газеты и журналы, читали их, не просто держали в руках. Сегодня обязательно начальное образование - "четыре группы", завтра станет законом среднее и высшее...

Круглоликая, глуховатая Нюра Полуянова из интерната ладонь ковшичком к уху прислонила - внимает напряженно; у Веры Коротких - нос с горбинкой - большие и сильные руки на коленях тоскуют по работе; Гаврил Васильевич с Агафьей оба в мужских шелковых рубахах, украшенных орнаментом; Кремлев в неизменной толстовке с накрахмаленным подворотничком; рядом - предел внимания и сосредоточенности - примостилась его Шура; как замороженная, смотрит и слушает Евгения.

По совету Александра и сообразуясь с личным опытом, Маша,

как умела, растолковала разницу между звуком и буквой. Звук - содержание, суть. Буква - своего рода оболочка звука. Об-лас, па-сол, вес-ло. Каждую согласную и гласную показала на разрезной азбуке. Сложит слово из квадратиков, например, "окно", потом сложит другое, скажем, "скамейка", и опять покажет на окно.

Некоторые в замешательстве, некоторые сразу возражают:

- Нет, не окно, что-то другое. Окно вот как о-к-н-о!

- Верно! - радуется Маша. - Это слово "ска-мей-ка", на которой вообще-то сидят, не стоят погамн. Меня видно и слышно. Давайте вместе произносить и писать: ааа... ббб... ввв...

За ней тянут дружно, от хора вздрагивают стекла: ггг... ддд... Из-за табачного дыма лиц не разобрать.

- Товарищи! Курить - здорово вредить. Спрячьте трубки, потерпите. Жжж... ззз...

Длится урок, отвечают "ученики". Тяжело дается наука недавней домработнице Коротких, от бессилия ее кавказские миндалевидные глаза наливаются тоской и болью, загрубелые пальцы не повинуются - выпадает карандаш.

Мама подошла, руку ей направила. Буква получилась. У Веры по щеке скатилась не то горошина пота, не то слеза. В колхозе Коротких заготавливает дрова, сено, занимается огородничеством. Ударница. С этим у нее в порядке. Иное ликбез, не дается правописание, будто граблями по бумаге водит.

У Шуры Полуяновой жизнь тоже сплошь из мозолей. Но почерк у поварихи кругловатый, убористый, как она сама. Завиток к завитку.

Агафья пугается тетради, так, словно вот-вот лешак Пырнэ через карандаш, как через колдовской посох воспрянет из царства мертвых. Опасливо-настороженны остальные ханты. Наполненные суевериями, во всем усматриваются дурные знамения и приметы, непочатые таинства.

Длится урок ликбеза...

О СЧАСТЬЕ

Осень принарядила гряды в звонко-оранжевое, киноварное, палевое, в аквамарины, березам добавила желтизны, униженным шишками кедром сизоватой сумеречности. Постаралась щедрая. В ее художнической палитре своеобразная музыка. Мазки сливаются в картину, какую не создашь сознанием. В синеве полудней гора, будто невеста на выданьи, яркая. Обращенные в музыку цвета пленяют воображение.

В свободное время Маша рисовала женщины, собирающих ягоды и осоку для оберток пюг, заменяющую носки. Осоку су-

шат, треплют, как лен, чешут гребнями, пока не станет мягкой, шелковистой. Тех же женщин рисовала за плетением циновки из камыша и лыка. Не миновала охотников за молодой дичью, рыбаков на пасоле, жирующих перед запряжкой в остатную вольную пору оленей.

По привычке готовясь откочевать, многие большеларьякцы укладывали в облака снасти, шкуры покрытий для чумов, походную утварь. До ледостава переправляли на зимние станы. В основном безоленные ханты, оленные переберутся позже, когда схлынет мошка.

"Учеников" у Маши поубавилось, но утешалась надеждой скоро обрести их за озером.

Пасол внизу темный, застойный. В нем совершается своя скрытая работа: канет на дно растительность, рыбы опускаются в глубину к питательному сапропелю. Всплески редки, единичны, разве что шальная заматеревшая щука в погоне за добычей вымахнет на поверхность, ударит, как молотом, по воде. Снова - покой. Шуга проскальзывает с ночи, сбивается у берегов кашницей.

Перемены в природе, перемены у людей.
Однажды на Машу в кедровнике набрел медведь, сытый, лениво-благодарный, он подслеповато щурился. Массивная голова с несоразмерно крохотными, едва выступающими ушами, из приоткрытой пасти вырывалось сильное дыхание, а в уголках шерстистых губ скопилась розовая пена: зверь лакомился поздней малиной.

С тех пор появлялся часто. Узнав про это, ханты рассудили так:

- Старик ищет родственника, его душа запросила встречи в верхнем мире. Старик дружит с Новой Марьей, значит, с Васюганья. Пришел навестить ее на земле людей сора. Новая Марья должна убить Старика и задобрить на празднике.

Маша только смеялась.

- Фантазеры... Дети...

Иногда к ней присоединялся шестиклассник Федя Печиков, сын Шуры Печиковой, после гибели мужа из Зимне-Киевских юрт переселившейся к сестре в Эмтор-Пугол. Добрый-добрый, бабочку и ту пожалеет. Серьезный, не по возрасту вдумчивый, подолгу о чем-то размышляет, сводя на лбу морщинки-бороздки.

Хмурясь, убеждал Машу:

- Не ездь за озеро. Тетка Авда злая, шаманы Григорий и Ефимка Три звезды во лбу себе на уме. С председателем артели

Костей, со всеми эторцами много пьют. Грозят русским. Однажды проболталась, что есть в тайге человек, который воевал против красного флага и еще прольет кровь. Пристражили меня, что если донесу, Кынь-лунгу заберет к себе в царство мертвых. Намекнули на расправу.

- Запуги. Сыщется на них рано-поздно управа, сыщется.

- А правда, правда! - обрадовался Федя. - Я так же думал, а ты, улыты-нэ, сказала. Мир не без добрых людей. Иван Максимович и Семен Максимович Каминны не питыханят, не ругают Советскую власть, наоборот тянутся к ней. Их уважаю. Василий Лякени не злой, но питыхан. И председатель "Ударника второй пятилетки" Костя сильно питыхан, придаток шаманий. Его так и зовут уменливо Вырви глаз. На родовом совете Григорий с Ефимкой нарочно выкликнули в юромки колхоза. От вина Костя дряблый телом и душой, во всем податливый. Трудно придется, улыты-нэ.

- Легко только лежебокам. А будешь дело делать, всегда найдутся враги, но найдутся и друзья. Приметил же, что мир не без добрых людей.

- Верно, - засветился Федя. - Меня Новая Марья может считать своим лехсом. Я как остался без отца, утонул в шторм на Оби, все среди Прасинных. Чужой им. Мать сильная, за мужика любую работу ломает, а хилой тетки Авды, шаманских проклятий боится. В служанках у Прасинных. Я ей говорю: "Давай вернемся на родину в Васюганье", она все чего-то медлит, не решается.

В глазах у Федя недетская умудренность.

- Ты, улыты-нэ, настоящая художница. Тебе самой учиться надо, а пьяная стая изведет тебя, ой, изведет. На нее не учительницу ликбеза, мильцанера с паганом надо. Мне, улыты-нэ, хочется закончить институт. И еще... еще... составить букварь для хаптов. У нас его пока нет, вообще нет письменности.

- Любая мечта исполнится, если очень стремиться.

Погладила мальчика по выцветшим белесым волосам. Федя порывисто припал к ней, расплакался нетосковавшийся по ласке. Маша сама готова была зарыдать от сострадания, протянула стопку свежих рисунков.

- Бери насовсем.

Обрадованный мальчик прижал листки к худенькой груди под грубой интернатской рубашкой, вслед за Машей спустился к засольному пункту - брезентовым и деревянным чанам под крышей.

Издали узнали секретаря нацсовета. Засучив подштопанные

на локтях рукава гимнастерки, Сафонов почти на лету вспарывал рыбин и бросал в чан с рассолом. Нож в его руке отблескивал вязальной спицей.

Разгар путины. У берега знакомый катеришка с плашкоутом на буксире под нагрузкой, а ханты не привычны солить и таскать в больших количествах. Для умеренных личных потребностей предпочитают рыбу копченую, вяленую или сушеную - поземку, которую надрезают в нескольких местах с хребта и выдерживают на вешалах: такая она весьма аппетитная. От соленой много пьешь, слабеешь.

Из русских в поселке - несколько учителей, ворчливая фельдшерица медпункта, сторож да хозперсонал интерната: раз-два и обчелся. Приходится секретарю становиться на разделку.

- Нашего полку прибыло, - обрадовался их появлению Иван Лукич. - Покажите, на что способны.

Маша, словно только и ждала приглашения, взяла нож и принялась соревноваться. Потрошить щук и чебаков ей не впервой. Наклон - бросок, движение ножа и снова наклон - бросок. Едва попевали друг за другом. Скоро заняла спина, онемела шея, но понемногу она "вбилась" в ритм и уже не замечала усталости. Помогавший Федя - замечал, но упрямо не хотел расставаться с ульты-нэ - учительницей. А стоять просто так без дела стеснялся.

Под вечер их сменили и они втроем прогулялись вдоль пасола, беседуя о скором ледоставе и снабжении хантов на зимних станах. Сафонов собирался завезти на места промыслов круп, сахара, консервов и особо почитаемого остяками чая.

Жил он при нацсовете в одной комнате с Машей, размежевавшись простыней. Его койка у порога, ее - возле окна на "красной" половине. Другого жилья не погодилось, и Иван Лукич сам предложил поселиться. Вместе готовили обеды-ужины, много спорили о будущем края: сельским ему оставаться или быть индустриальным? Как водится в их возрасте мечтали и надеялись проявиться ярче и полнее, больше принести пользы. По-настоящему найти себя.

Ивану Лукичу предстояла служба в армии. Он и хотел этого и одновременно огорчался: кто знает, куда и насколько занесет судьба.

А Маша была довольна тем, что видит и слышит, осязает его случайным прикосновением, крепким мужским потом после такой вот, как эта, работы. Тихий, добрый, твердый и мужественный. Не скис, не растерялся после ночной в него пальбы, остался

все тем же ровным и, как прежде, настойчивым. Постоянно он в действии.

Однажды в порыве откровения рассказал, как нужда в перу урожайный засушливый год заставила перебраться в Ларьяк. Зимой семьей ютились в землянке, вырытой тут же на берегу насоло возле кузницы, в которой махал молотом отец. К весне от бескормицы повально занедужили цингой и попали в больницу. Семья - кроме родителей еще шесть ртов мал-мала меньше. Иван среди них старший, кормилец. Был засольщиком, счетоводом, грузчиком, - что выпадало.

- Ваня, что такое счастье? - замедлив шаги, вдруг спросила Маша. - Часто размышляю над этим и не нахожу однозначного ответа.

- Кто его знает, не задавался вопросом. Некогда в тяготах за хлеб насущный, - пожал крепенькими плечами Сафонов. - Живу как все. Я обычный, не герой-романтик. И родители не озадачивались высокими материями, просто всю жизнь от зари до зари тянули лямку, поднимали нас босоногих. Яблоко от яблоки, как известно, недалеко падает. Каков корень, таковы и отростки. Таково и счастье. Судьба, значит.

- Что с вами тоболяками? То Женя, то ты поете заупокойную. Или глухомань давит?

- Смотря кому глухомань. Хаптам она мать родная. Зверь испуганный, рыба косяками. Живи - не тужи. Им многолюдность даже противопоказана.

- Детям и внукам требуется... Обществу... Север для всех, не одних хаптов.

Сафонов неопределенно покачал головой. Что-то смущало его в рассуждениях Маши, то ли излишний пафос, то ли возможности освоения края, своеобразного, малоизученного и в известной мере прихотливого. Не одному поколению придется обживать его. Как обживать, с каким уклоном? - вопрос непростой.

И все-таки оптимизм Петухиной ему нравился. Нравилась она сама - искренняя, непосредственная. Готовая на любое подвижничество. Не сомневается в себе и людях, в окружающем. Не постигла горечи утрат и разочарований. Что ж, пусть, по своему и это счастье: вера! Молодость - счастье. Жизнь какая ни на есть - оно же.

Федя попрощался, сообразив, что им лучше побыть без посторонних. Бережно прижимая локтем стопку подаренных рисунков, ушел в нигернат. Оставшись одни, они присели на коряжину, помолчали. Над насолом кучились облака, небо свинцовело, холо-

дело. Сталкиваясь на незримых течениях, позванивала шуга. От нее вода становилась еще непроходимей.

Пролетные утиные стаи, зависший журавлиный клин.

Разговор о счастье псык и больше не возобновился. Не возобновлялся и в последующие дни и недели, но Маша помнила о нем всегда и до конца дней, считала себя счастливой до самой трагической развязки.

ВЕДАЛ БЫ ГДЕ УПАСТЬ

Весенней ласточкой пришло письмо от матери:

"Ты далеко, наш зайчик, на краю света, - сокрушалась Афанасия Федосеевна, и нет мне покоя ни днем, ни ночью. Ни при ясном солнышке, ни при мутной луне, одна морочь в сердце, морочь и немота. Сама себе в тягость. Знаю, выполняешь важное задание, и все-таки сумно. За озером окажешься с глазу на глаз с шаманами, совсем одна. Без Жени, Ивана Лукича, Тлянки. Пусть в Эмтор-Пуголе ликвидируют неграмотность мужики. Им сподручней.

Но ты упряма, наш зайчик, не переименуй, не отступишь, дак хоть не очень там высывайся, поддакивай лесовикам немудрым.

У нас дома событие: Шура наострилась замуж за связиста Радаева. Она шлет тебе привет и тысячу наилучших пожеланий. Папка шлет. А я дак тем более - горячо, нежно целую. Недавно навесил Петр из Зимне-Кивеких юрт, вздыхал горестно, томился и хвалил тебя, сшитую тобой рубаху. И опять я взгрустнула, запечалилась.

Часто смотрю из окна в твою закатную сторону. Оттуда постоянно дуют студеные ветры, клубятся тучи. Я пугаюсь и плачу, зову тебя, наш зайчик, но нет мне отклика. Свидимся ли? Может, и минет худое, не знаю. Ведал бы где упасть, дак заранее постлал соломки. Еще и еще раз обнимаю!.."

Мать права, изменить ничего нельзя, за озеро ехать надо, иначе какая же улытка: волков боится. Эмтор-Пугол не только шаманы, это и честные рыбаки, охотники. Не дадут в обиду. К ней на занятия в Большой Ларьяк навевается старший Камин, Иван Максимович, под диктовку весьма способно выводит буквы, быстро усвоил сложение и вычитание.

Она скажет:

- В урмане стояло пять кедров, один срубили, сколько осталось?

Беззвучно пошевелив губами, Иван Максимович ответит:

- Осталось четыре... Плохо, что срубили, вместо срубленного посадить новый кедр. И не один, много больше. Лес надо беречь.

Рассуждает убедительно, в чем-то схоже с зимне-киевцами, сетовавшими на то, что мало остается своего остяцкого среди кантага-ях. На обжитой магистрали это ощутимей, чем здесь. Но тем хуже для "магистрали" и всего Васюганья.

- Научатся ханты букварю и разбредутся кто куда, чужими станут тайге. Зачем им грамотным тайга, если необязательно разжигать костер, ходить за водой, гонять зверя и ловить рыбу, дрогнуть мокрыми у заповор и котцов с сачками и мордой из прутьев ивняка. Некому станет пасти оленей, плести циновки, варить бересту для покрытий летних чумов и туесов. Зачахнут резьба по дереву, узоры на одежде. У меня два сына, Захар и Гаврилка, начнут читать книжки, испортятся. Кто упокоит в старости?

В любой кривде есть доля правды. Маша рубит напрямую, не поступаясь тем, во что верит.

- Я еще сама не все понимаю. Конечно, кто-то и не вернется, и русские не все после школы и рабфака возвращаются, но многие все-таки вернутся, и охотно. Свои учителя и киномеханики, свои врачи отправятся по стойбищам. Пока это делают русские друзья.

- Лехсы... Однако так, - ее оппонент туже, крест-накрест затягивает концы платка сумингыха, какими для защиты от гнуса на Вахе пользуются мужчины. Удобней в сумингыхе, чем в накомаринке, не столь душно, Иван Максимович прощается и тем деликатно завершает спор. - Однако приезжай, Новая Марья, в юрты, если не во вред народу. Учи. К нам с братом заходи в чумы кушать поземку.

- Спасибо, Иван Максимович, - поблагодарила растроганная Маша. - Обязательно загляну отведать сушеной, с надрезами рыбки. И вообще загляну. Как же не заглянуть к добрым людям.

Уже сезон Больших заповор и Деревьев без листьев. Рыба из пасола скатывается на зимовку в Вах, ее берут у перегородок тоннами. Иван Лукич мотается по "точкам", налаживая быт промысловиков и сдачу улова на пункты. От беспокойств спал с лица, заострившиеся скулы постоянно в щетине - не до бритья и духов. Просолевшую от пота гимнастерку не успевал стирать.

В праздничном, на День Революции, представлении он исполнял роль поручика из "Любови Яровой", а репетировать некогда, как быть? Сигильетова-закоперщица сердилась, паникова-

ла:

- Совсем худо... Хуже лешака Пырнэ с Кынь-лунгу...
- Давай, Тлянка, я сыграю, - с готовностью предложила Маша. - Где наша не пропадала. В пьесе поручик, в тайге затаившийся поручик - мотив для воплощения.
У "культурницы" глаза округлились.
- Как можно, девка - мужик! Ты песенница, песни пой, пляши.

- Надо и спою, одно другому не помеха.
Евгении досталась роль бывшей жены белого офицера, большевички, Кремлеву - матроса Шванди. В эпизодах участвовали его Шура, Вера Коротких и Нюра Полуянова. Все старались.
- Молодцы! - радовалась "культурница". - Так на районный смотр попадем.

Появившийся ненадолго в поселке Сафонов поблагодарил Машу за выручку, и она вдохновилась еще больше. При одной мысли о нем хотелось совершить что-нибудь необычное, замечательное.

Свое душевное состояние - тихую теплую зарю - лучше выразила в полюбившейся однажды и надолго исповеди ямщика на почтовом тракте о печальной пассажирке. Когда "кто-то выстрелил вдруг прямо девушке в грудь и она, как цветочек, завяла", в зале всхлинули, ойкнули, восприняв случившееся подлинной реальностью. А в конце после установившейся тишины разразились дружными аплодисментами.

Маша опустила со сцены раскрасневшаяся, взволнованная, односложно откликала на поздравления: "Как могла... Как умею...". Искала глазами Ивана Лукича. Сафонов подошел к ней, молча пожал руку. Вместе выбрались на воздух.

Ведал бы где упасть...

ПРОРОЧАТ СУРАМ

В одно утро землю одело белой кисеей, все вокруг посвежело, заискрилось. Гаврил Васильевич запряг в парту ездовую пару - хора с важенкой с пристяжке - и подкатил к нацсовету, правую ногу подогнув под себя, левой по обычаю опершись для равновесия на полоз.

В Эмтор-юрты Машу провожали почти все ее "ученики" и "ученицы". Вон сколько! Каждый желал чего-нибудь приятного. Ханты махали лоскутами материи, как флажками, таким образом напутствовали, ограждая от козней воображаемых духов.

- Буду навещать, еще не раз встретимся, - все, что нашлась

второпях произнести. - А пока до свиданья, мои дорогие.

- До свиданья, Новая Марья!

Гаврил Васильевич понукнул и хор с важенкой взяли с места в карьер - полетели резвей резвых. Каюк толкнул коренника шестом в круп. Зазвенели полозья, завихрился снег. Чак-чак задевали друг о друга широкие необносившиеся после касаний копыта. Стук-стук подсакивала на ухабах парта. Качались перед глазами ветвистые рога, всхрапывали нагулянные за лето олени, лоснились их глянцево-шерстистые бока, под кожей перекачивались бугры мышц.

Тайга по сторонам тропы вбирала упряжку, как ладонями.

"Векши прыгают резво

С дерева на дерево - хорошо!

Нынче много уродилось орехов

И векши будет много - хорошо!

Найдет белку охотник,

Найдет варнака соболя

Хорошо!" - монотонно тянул преднацсовета импровизацию.

Лес вдруг расступился и взору открылся белый ровный простор. "Что это?" - от неожиданности вздрогнула Маша.

- Эмтор и есть, - прервав пение, Гаврил Васильевич полуобернулся на ее немой вопрос, словно спиной ощутил. - Озеро. Однако мелкое, до плеча воды с плом, а в ширину все три-четыре песка. Весной в назем мечет икру язь, ее поедает прожорливый ерш. Куда язь, туда и он следом, шибко пасет. Каждому своя доля, - невозмутимо пофилософствовал. - Среди людей тоже сильные и слабые. Простые ханты слабей, потому что без хитрости, но простых много больше, вместе они самый главный народ.

На едва припорошенном льду копыта оленей разъезжались. Животные споровисто восстанавливали равновесие. С равнины озера одним махом взлетели на берег. В сосняке на поляне бревенчатая изба и несколько чумов, над которыми из отверстий в конусах вились дымки, вился дымок и над избой без крыши, казавшейся нежилдой. Кто-то обитал в ней.

Их встретил председатель артели, в которую Эмтор-юрты входили бригадой "Ударника второй пятилетки", вялый, водянистый, помятый Костя Вырви глаз. Мужик неопределенных лет, с ускользающим взглядом.

- Однако принимай ликвидатора, Константин, - без предисловий объявил Гаврил Васильевич. - Будет чертить говорящие знаки, про жизнь, про наши дела рассказывать и как другие люди на земле устроились. Однако мыриэбу займет Новая Марья для

ликбеза.

Отводя глаза в сторону, Костя сбивчиво сообщил, что мыризбу занял "Крикорий с женой и детьми". Ее сооружали для колхозных нужд, недозавершили, оставив пустовать, Прасин-старший и воспользовался.

Сообща направились в тамбур из прислоненных наклонно, как жерди чума, сушии. Председатель нацсовета решительно дернул на себя ручку двери, дверь подалась без усилий и Маша увидела старика с редкой седоватой бородкой. Именно таким представляла "верховного распорядителя" Торума. В чувал подбрасывала дрова огненно-рыжая, значительно моложе Григория женщина со следами былой красоты на энергичном волевом лице. Но портили выступающий подбородок и щербатость: недоставало верхних резцов. Женщина шепелявила.

Это и была Авда, старшая властная дочь зимне-киевского Еремея. Откровенно враждебный, исподлобья взгляд у нее, во всем неприязнь к пришельцам.

Были здесь Федя Печиков, проводивший в юртах каникулы, его мать, рядом с сестрой богатырь кедр с похилившейся до срока осиной. Шура в ватных стеганых штанах, солдатской шапке-ушанке, пятиконечной звезды только не хватало. Были старший сын Прасиных Антон, статный, смуглый юноша, остриженный накоротко, и мальчишки-близнецы, неотличимые, как хвоньки.

На вбитых в стену крюках бубен с потемневшей от времени кожей, оснащенный литыми колокольцами, побрякушками, костюм из ровдуги-оленьей замши, расписанной иероглифами, рогатая накладная маска - полная амуниция ваховского елтаку, включая колотушку.

В казане отдавала парком, распространяла приятный аромат сохатина. Сумеречность избы разгонял чадный фитилек-жировик в консервной банке. От него на потолке обозначился налет сажи.

- Питявола! - поприветствовал Гаврил Васильевич. - Здравствуйте! Мыризба однако общественная, понимать надо, Григорий, и уходить обратно в чум. Ликвидатора однако поселим, - покашляв, сочувственно развел руками: мол, иначе нельзя. - Избы себе с Ефимкой стройте. Государство поможет ссудой - деньгами. Всем эторцам поможет.

Не повернул головы старый шаман. Поднявшись, неторопливо снял с вешала бубен, влез в костюм с иероглифами на замше, напоминающий глухую зимнюю одежду кумыш, закрыл лицо маской. Стал угрожающе рогатым.

Грозно-гулко зарокотал его бубен, забренчали колокольца, исторглись гортанные клетоты. Шаман подпрыгивал хаотично и кричал на смешанном русско-остяцком наречии:

- Вижу-вижу, слышу-слышу! Колсын! (понимаешь). Жалуетеся на судьбу мать матерей Анки-Пугос. Вижу-вижу, слышу-слышу! Колсын! Анки-Пугос уже на святом острове, требует жертву. Сама с красным лицом выбирает белым. Шибко с белым. Я, елтаку Григорий Прасин, говорю с верхними богами, говорю с нижними. Они сердятся. Быть беде, быть горю и пепелицам! Быть сурам! (смерти). Не надо карандаша и букваря. О дети, дети! О горе, горе! Раскол в народе. Знайте, над стойбищем совой кружит дух ссоры Тарэн, замахивается трутом с пскрой, кличет пожар. Слушали русских и забыли дедовские обычаи. Где золотая богиня? Никто не знает, где Нум-Тэ. Из жадности или в насмешку ее похитили рут-ях. Объединяйтесь люди низовых мест, ищите святой образ, гоните прочь поганых. Я все сказал...

Закончив тираду-призыв, Григорий пал ниц, словно бездыханный, с сомкнутыми глазами. На губах пузырилась пена. Его почтительно подняли с пола, под руки повели в чум, высвистывая неподалеку.

Появился хитровато-сметливый Три звезды во лбу - Ефимка. Натужно улыбался резиновыми губами: "Пожалста... ничего, ничего...", и только темное переменчивое лицо выражало ное. Недовольный вторжением в миризбу, исподтишка зло толкнул в бок Костю-"претседателя". Тот снес толчок как провинившийся школьник. Другие эиторцы угодливо расступались перед Ефимкой, переправляли имущество в чум к старшему елтаку. Ефимка лишь пальцем поведет, все исполняется. Шура Печикова ворочала за грузчика - круче мужиков.

Перед тем, как уйти, Ефимка не сдержался, плюнул на замызганный, первозданно немый пол, сердито-мстительно плеснул в чумал на угли воду из тусса. Угли зашипели и погасли преддверием опустошения. Кривая усменка Ефимки передернулась в отвращении. Костя растерянно топтался у двери, не зная, последовать за ним или остаться. Ушел.

- Зря вы так, - укорила Маша преднацовега. - Хватило бы места, а теперь конфликт, месть.

- Не хватило! Посредник богов не может жить с посторонними, ему обычай не позволяет. Какой же шаман переступает обычай?! Я знаю, ликвидатор. От греха дальше, как ругаются у вас, лучше не говню. Овце с волками не дружить. Сделай крючок на дверь, я принес, - достал из кармана кованный в большедарьякской

кузнице. - Скверные женки Прасины хуже войны, в них давно поселился зубастый, с когтями лешак. Опасайся Антона, шибко охочий до баб. Ты, Иван Максимович, береги Новую Марья, води по чумам, объясняй ее слова. Говори так: ликвидатор неграмотности - это Советская власть, ее слушать надо.

Камин с сыновьями Захаром и Гаврилкой наведася, с дочкой Леной - все в отца: высокие, русые, сероглазые, на хантов и не похожие. И, подобно Ивану Максимовичу, серьезные, обстоятельные, добрые. С такими будет развеивать религиозный дурман.

На Вахе шаманство не профессия, скорей совмещение. К чести здешних елтаку, они охотничают, рыбачат наравне со всеми. Одряхлевший Григорий промышлять уже не способен, егоменные угоды заняли Ефимка с Антоном, но далеко им до Прасина-старшего. На редкость удачливый был. И в торговле преуспевал. С ярмарок в Божьих юртах много барыша имел.

На обязательные те "ярманки-ики" жаловал сам князь Шатин из притундровой Тольки. Приводил караван в двести-триста шарт с мягкой рухлядью, красной рыбой, оленьим мясом и единственной в своем роде пресноводной сельдью тугунком. На подъезде к селу раскидывал цветные шелковые палатки, на снегу, как зажженные костры, и отправлялся осматривать торги.

Ларьяк забит народом, не протолкнешься сквозь толчею. Кого тут только не встретишь. Из Омской и Тобольской, Обдорской и Тюменской округи, Томской, русские и остяки, ненцы, селькупы; степенные, в одеждах с орнаментом эвенки, добиравшиеся из неведомых заполярных безмолвий; с предгорья Урала спускались хитроватые зыряне. Но все знали Шатина. Это хозяин!

Ныне таких пет и долго еще не будет. Умел управиться с огромных хозяйством: десятки оленьих стад на бескрайних мшагах имел.

Его отца в гробнице с дорогими камнями, золотыми и серебряными слитками тайно погребали пять шаманов, и все пять вскоре исчезли неведомо куда. Места захоронения не знает никто. Пытались найти и безуспешно. Тундра велика, и вправо, и влево, на юг и север немеряна.

При правителе только неотступно телохранитель и незаменимая рука в делах зять Федька Прасин, отменный силач. В гнѣве коренника хора на замах кулаком сшибал. У того брызнет из уха кровь, ткнется ветвисторогий бык мордой в землю, заскребет копытами и издохнет.

Дерзкого и удалого, вовсе незнатного Федьку, князь приблизил исключительно для охраны несметных оленьих стад, уверенный, что не отдаст ни при какой перемене. Зубами вгрызется, руками вцепится - постарается удержать. Такой человек в смутное время пужен, как воздух.

Его еще подростком приметил Шатин. И не ошибся: Федька ревностно отстаивал движимое и недвижимое состояние.

Иногда князя торжественно несли - сооружение подобное китайскому балдахину. На шестах - держаках ящик с оконцами, изнутри и снаружи обитый коврами, украшенный лентами, фицифтью. "Пассажир" бросал небрежно-цепкие взгляды на лари и короба, лотки со всякой всячиной, прямо на снегу или в нартах выпростанные товары, нехотя кивал знакомым.

Усмешливо-снисходительный он знал: его привоза хватит на всю многошумную, многоязыкую, пеструю в своем естестве толпу и еще останется. Стоит сбавить цену на полчетвертака и потянутся к нему. Он и купец сметливый. Из него бы неплохой кооператор получился, но в те тридцатые годы про кооперацию начисто забыли. И НЭП стал негоден. Иная политика - экспроприация экспроприаторов. Во всем, повсюду искали тайных и явных врагов. Какая уж тут частнопредпринимательская деятельность. Если в двадцатые годы Шатина облагали налогом, он отдавал часть оленей и сдавал товары в кооперацию по твердым ценам, то в тридцатые оленей отняли, а Шатина объявили классовым врагом.

Правитель Тольки перестал повиноваться указаниям из района, повел свою линию. Его - арестовали.

Нет больше князя, как нет и Федьки, сгиб в мятежном 33-ем году. Тесть преставился на лесозаготовках в Васюганье. Его братья репрессированы. Время неумолнимо. Вот и Григорий состарившийся, немощный. Напоследок одарил Авду близнецами и перестал быть мужчиной, утешается воспоминаниями о прежнем могуществе. Соплеменники все больше тянутся к исполкому, портятся. На кого опереться? Не на кого!

Авда, как наждак, строчит - не унимается круглые сутки. Ей пынешняя напасть тоже мозоль на болячки, утратилось всеобщее к ней внимание и она изводит ущемленное самолюбие на ближних. Антон совсем отбилсЯ от рук, поровит за мужними бабами. Религией пренебрегает. На днях чучело Пырнэ употребил на растопку. Наказать бы для порядка, скорей он накажет. Сил нет ни на что.

Что он может самый древний елтаку глубинки? Нич-чего! Бывало не имел равных в стрельбе из лука, метании тызына,

нартовых скачках. По уму не имел. А теперь главная в чуме Авда, слова поперек не допускает. Кручинится Григорий, не находя разрешения, а тут Ефимка с бутылкой из мырлавки, что зовется магазином, "пиретседатель" Костя - с другой. От вина он размякает, бормочет проклятия большевикам и собственной немощи. Ему согласно вторит потускневший, но по-прежнему гулкий бубен. Тяжко Григорию, сумно. Верит или не верит богам, сам не ведает.

Все смешалось, перекрутилось - быль и небыль. Пэчкан-ружье без нужды, кантэ-амп - охотничьи собаки без нужды.

Неотвратимо приближается нижний мир, из которого нет возврата к живым, навсегда канет к Кынь-лунгу. Без друзей - не нашел их. Были страх, почитание, зависть, лесть, не было искренности, а без искренности нет настоящей дружбы, нет веры, убедился в этом. Искренние по малости возраста лишь двойняшки, они единственные греют душу. Жаль, уведет Новая Марья в интернат. За это ненавидит больше всего, готов взаправду накликать ей сурам.

Ликвидаторша однако не из пугливых, если решила сюда, в их родовое обиталище, на землю предков. Окончательно отвернет народ. Некоторые уже перестали кланяться и нести дары, несут их на заготпункты - государству.

Тяжко Прасину от дум, давит в виски, слезятся глаза с нагноившимися веками и выпадающими ресничками, трясется нижняя челюсть с редкой седоватой бородкой. Мало ему Авды, шипящих, жужжащих вокруг себя, всяких разных, выпрастывающихся из повиновения, так еще ликвидаторша, как растопорщенная на сучке кедровка, свалилась. Не даст покоя юртам, многое переменит, если не воспрепятствовать. Ненависть в дряхлеющем, с перебоями сердце разгорается сильнее.

НОЧЬ ТРЕВОГИ

Маша сняла пальто с потертым воротником из кошки, берет, с которым почти не расставалась, скрывая рыжишку волос. Сбросила валенки, согрела воды в чувале, тщательно вымыла пол, обмахнула пыль и сажу со стен и потолка. В переднем углу, над столом, где до этого местились божки-идолы, прикрепила портрет Петра. Сразу стало радостней, светлее от улыбки-прищурочки. На столе, как когда-то в нацсовете, расположила тетради, учебники, разрезную азбуку. Портрет друга украсила кедровыми и сосновыми веточками - обрамила. Уюта добавилось. Топчан у стены был. Матрац, подушку и одеяло привезла на нарте. Жить можно.

А тут Камшы принесли патанки - мороженой рыбы, урака - рыбы копченой. Обещанной поземки не забыли, и в тряпичу за-

вернутый увесистый кусок вареной сохатины. Хлеба она захватила с собой из поселка, чайник загодя прикупила там же в Большом Ларьяке. К чаю леденцов, печенья и заварки предусмотрела.

- Утощайтесь на здоровье

Пировали ребяташки и взрослые, набившиеся, как по мановению, - почти все население юрт. Близнецы Григория несмело переступили порог мыризбы. Маша и их приветила, не обделила яствами.

Тем, кто не знал или плохо знал русский язык, переводили Иван Максимович с братом Семеном. Не все из сказанного Машей доходило и до них, но основное все-таки доходило.

- Однако знаем царя, помним, ясак платили Николке, - за-переговаривались пожилые эмторцы. - В Божьих юртах были попы с длинными волосами и крестами на шее. Шибко важные торговые люди Рязанцевы, Сплины, Трофимовы. Все хотели дешевле пушницы, рыбы, мяса. Мы прятались дальше в леса и болота, но они все равно находили. Григорий с Ефимкой командуют, колпачат. Напоят вишкой и берут все даром.

- Это преступно всучивать взамен отраву. От вина болезни и плохие поступки.

- Плохие, плохие, - закивали заозерцы. - Не знаем, что делаем.

Вдруг дверь с визгом отскочила и в мыризбу ворвалась разъяренная, вздохмаченная Авда, схватила за руки близнецов и с ругательствами увела. Следом кое-кто из гостей пугливо оттерся в тамбур из сушин, исчез.

Оставшиеся вразногласно повторяли за улыты-пэ: "Ааа... ббб... ввв... ггг... ддд... Атарма... болото... варган... облаа... обла-а-а-с, - тянули параснев, расчленяя на слоги и буквы.

Приходилось подолгу растолковывать на конкретных примерах. Атарма - так вот она в углу - ловушка для рыбы, можно потрогать рукой: а-тар-ма... Нарта - так нарта, с накатанными полозьями, рамкой-каркасом и потягом для оленей: нар-та-а... Варган то, на чем играют, пехитрый музыкальный инструмент: вар-ган... Нырки - мягкие, теплые, можно носить долго и непростудно. И слова в который уж раз: атарма-а-а... нарта-а-а... варга-а-а... Произносят, шипут. За вечер лишь несколько слов с грехом пополам начертали.

Устала Маша с дороги, от первого урока в Эмтор-юртах. Очень устала. Запела для взбодрения: "Вот мчится тройка почтовая...". Любители преданий-мант стали подтягивать невпопад: "Ооо... ааа... Вы-вот мычитца тройка один лошадь, а колокольчик

тинь-тинь-тинь. Вдруг колокольчик оторвался, дуга как хочешь звени сам". С присвистом: "Тырны-мырны-пырны..."

Разоходившиеся братья Каминь поведали о том, как сын Торума, резвясь на лыжах, сильно оттолкнулся палками и угодил за край земли в нижний мир к Кынь-лунгу, откуда, как известно, не возвращаются. Старик безутешно рыдал. От его слез образовался Млечный Путь - в сказке он именовался полосой звезд. По хаптыгски звезды - кос. Каждая из них - слеза Торума, чем больше скорбит об утрате, тем гуще звезд в небе.

Исполнение сопровождалось восклицаниями - репликами слушателей. На то, что Торумов сын Анныг шибко вольный. Зачем не слушал отца-бога? В царстве мертвых сыро, сумрачно. Там нет солнца, а только луна, из рыб водится лишь карась в иле-назме. Олени за краем земли хилые. Лучше жить на облаке по соседству с женщиной света Сунк. Верхний мир лучше нижнего.

Про недоброжелателей забыли. Между тем взбешенная Авда в истерике раскричалась перед мужем, что-де посулами и хвалами Советской власти ликвидаторша опровергала Прасинных, обманщиками и пьяницами называла. С эиторцами чай голубила, хитрая, говорящие знаки втолковывала. Сурам ей, сурам! Где боевые матуры, испугались девки-большевички. Сыграла на самолюбии.

Невольню в Григории колыхнулась опаляющая, как вино, злоба: всех и все проклясть, уничтожить и избыться в царство теней. Снова потянулся к бубну у ног.

До мыризбы донеслись рокоты: елтaku ударял колотушкой по туго натянутой и оттого гулкой коже - камлал. О чем, на расстоянии не разобрать. Готовясь ко сну, Маша разбросила по топчану матрац, взбила подушку. Удивительное это дело - дорога, дома бы ничего такого не изведала, не испытала и за многие годы. Топчан служил почетным ложем шаману, вся мыризба его семейству, отпые же она хозяйка. Скоро сделалось дело.

Маша задула керосинку, раздобытую предусмотрительным Гаврилом Васильевичем, накинула крюк на петлю в косяке. Ночь. Глухо. Ветер колобродит за степой, вздувает искры с потухающего костра и уносит в непрогляд. Ветер и-ночь и промельки огней.

От бревен тянет вонькой застойной прелью, жучок-древоед, слышно, справляет свою подрывную работу. Шуршит мышь под полом. Темнота в мыризбе так плотна, что кажется твердой, пилоруби на куски, пластай, как хочешь. И только отблески костра с улицы создают иллюзию пространства и объемности. По стеклу принимается сечь крупка, на излете схватившаяся до крепости.

дроби, то обрушивается волнами, то ослабевает. И вновь припускает. Сдается, что это шероховатая с когтями длань лицедея Пыриэ трогает оконце.

Но в самом деле, кто-то шумный, громоздкий заслонил мутный свет. Мана приподняла голову: так и есть - взбалмошный сохач почесался об угол. Чего не отдыхается, самку потерял или непогода расшевелила?

Рогами цепляет кроны сосенок, скусывая кустарниковый подрост, пробуя кору применавшегося лиственника - осин и березок.

Давно свечерело. Сквозь облачную, верховыми вихрями раздерганную павесь едва заметной полоской по кромке бора выстилается зорька. Внизу на поляне скопились дрожкие рябоватые сумерки, бечевой опутали мыризбу. В тягость всему живому запоздалое предзвье, сезон Больших заповор передаст эстафету сезону Охоты по белотропу.

Самец грузно прохаживается перед оконцем, всхрапывает, дышит глубоко, часто. Массивное его тело до полутонны весом, на шее подобное горбу утолщение, из-за чего шея исполна кажется непропорционально короткой, усеченной. Под горлом свисает кожистый мешок в сумерках кажущейся грязновато-бурой шерсти. Морда у сохача с сильно нависающей верхней губой. Сильные поджарые ноги готовы в любой момент унести красавца великана от опасности. Малейший шорох улавливает: слух у него замечательный.

Лес глух, печален. Бык, склонившись, шершавым языком, как теркой, с хрустом перемалывает корм. Чем-то недовольный трясет рогами. Они из двух бугорчатых стволов, на каждом плоская лопата, усаженная немного расширенными кверху отростками.

Вдруг сохачий перестает жевать, настораживается и делает стремительный бросок вперед. Потом в сторону. Исчезает. Как не бывало его. На поляне появляется фигура человека. Острым молодым зрением Мана угадывает в нем старого шамана. Крадучись, Григорий пересекает чистину и, подобно лосю, теряется.

Не с добра это. С чего бы хорошего тайно, озираясь полупочиничать. Закрадывается подозрение. Но усталость берет свое, поворочалась Мана на топчане, поворочалась и уснула. Во сне читала ей последнее письмо мать и, маяча издалека подаренной рубахой, звал приемный сын Еремея Печикова Петр.

НА СОВЕТ К СИНИЦКОМУ

Думы разламывают голову. О небо, небо! Где прежний вековой уклад? Хантам велят зачем-то вступать в колхозы, сдавать пушнину и рыбу государству. Он берет проворней заготовителей - за водку и "по веревочке" через Синицкого переправляет на Тольку капитану Ворону. Изварин переправляет еще куда-то, кому-то. Куда и кому, неведомо. Григорию дают взамен хорошие деньги, и он набивает бумажками берестяные куженьки, прячет в надежном месте для двойняшек-близнецов + его единственной отрады.

Самому скоро в мир теней к Кынь-лунгу. Хозяевами на Вахе будут русские с их шаманом большевиком Илейкой, про которого сильно внушает Новая Марья. Ее слушают эиторцы и начинают сомневаться в посреднике богов. Но он еще заставит уважать себя.

Слабая, как заря над бором, надежда охватывает старика, желаемое начинает казаться действительным - возможным. Надо посоветоваться с Синицкой. Евгенья в караме-землянке с порчим лазом. В нее можно попасть только с речки, раздвинув нависшие над обрывом еловые лапы.

Карама от древних. В старину племена враждовали и от чужаков прятались. Чужой должен был громко выкрикнуть приветствие, известить, кто он, с какой надобностью, прежде, чем покажутся обитатели урочища.

В караме есть чувал, дым утягивается через дуплистое дерево, теряется в ельнике. Не найти Евгенью ни мельцанерам с паганями, ни чутыстым сыскным собакам. Про убежище не знает даже брат Ефимка. Может проболтаться и тогда белому поручику не сдобровать. На допросе скажет, что его спас от чонов он, Григорий. Подхватил ловко раненого в ногу и вихрем умчал на нартах. Худо будет.

Синицка пусть злой, грубый, по свой. Без жалости уничтожал активистов, сек шомполами непослушных остяков, утверждая и его право на шаманство, власть среди кантага-ях.

В караму Евгенья перебрался много позднее, с жертвенного мыса, из-за участвовавших облав. В подземелье начал болеть, утратил проворность. Однако надо увидеться...

Кряхтя, поднялся с медвежьей полости, нашарил лыжный посох, чтоб опупывать им дорогу и, полусогнувшись, выбрался из чума. Карама верстах в полутора-двух. Всего-то! Там в тайнике деньги, но всего дороже золотая Нум-Тэ, перенес из амбара, иначе ученые юромки поместят на витрину под стекло в специальном

городеком доме музее, как издавна поминают котлы, топоры, нарты. Даже целые облака, чумы. Издалека приезжают за ними, интересуются настойчиво: что да как? Диковинка им ханты.

Есть просто хулиганы и воры. Похищают ценности с жертвенных мест, поганят ристалища.

Снова кольхнула пенависть, обожгла сердце и оно зачало. Отрывистой задыхал старик: все рухнуло, пошло прахом. Нажитое и прожитое. Куда с деньгами при Советах, сразу спросят: "Где взял? Богач, скажут, эксплуататор. Ар-рестовать!.." почему-то с грустью подумалось: "До Ларьяка на оленях трубка куришь, чай пьешь - половина пути. Две трубки кончаешь, чай пьешь - весь путь". Как наказать ликвидаторшу?.. Если устроить "пепелище" беззлостному неудачнику, любителю винки Василию Ляксину? Мол, прогневил небеса и те покарали за якшанье с русской улыбки-на. Сгорел чум, в огне погибла семья. Возмущенные эиторцы сами сделают Новой Марье сурам, их руками расправятся.

Лаз в караму распознал по запаху дыма из дупла-трубы. Ориентировался безошибочно. Приподнял еловые лапы и на четвереньках пробрался в землянку, внутри довольно просторную, можно в ней стоять во весь рост. Толстые смолевые бревна стен с годами лишь крепче становились, и потолок из двойного накатника надежней. После тесного путаного лаза Григорий почувствовал невольное облегчение.

Спилицкий в этот поздний час не спал, его мучил ревматизм. Минуло без малого семнадцать лет с тех пор, как оказался на нелегальном положении. Маята в тайге до срока сдулила, измочалила его. Он заливался бородой, поседел. В малице, пыриках вполне сходил за лесовика-аборигена.

Временами Евгению казалось, что он расслаивается. Кто-то другой - не он - думает, дышит, страдает костным недугом, принимает нищу, совершает естественные отправления. И только желание мести не позволяло покопчить с собой, побуждало к действиям выпускника кадета с перечеркнутой внезапно блестящей карьерой, утраченным наследством от бездетного дяди Серафима Антипадиновича, кроме банковских капиталов имевшего, как известно, скупочные дупкты на речных песках и сами пески, торговые лабазы, особняки в городах.

Благодаря дяде и в училище попал.

Революция застала Евгения накануне выпуска. Вихрь гражданской войны после различных злоключений в конце концов занес в родные края. С Изваринным-Вороном, как во хмелю, стре-

ляли, топили, резали. Крючконосый, вислоусый капитан всячески подогревал упоенного мезью поручика. Практику в стане сибирского адмирала дал богатую.

Расстрелом мирюгинцев себе же дорожке сделали. Сподвижники погибли в стычке с томскими лыжниками, его, зацепленного пулей, чудом спас на нарте Григорий, который же с попом Амвросием и дядей-купцом науськал "больно делать политикам". Из-за того и спасал, что страшился расплаты за соучастие. Изварина переправил на Тольку под опеку князя Шатина. Бывший капитан женился на селькупке, обзавелся детьми и, хотя покровителя с его зятем ликвидировали после Толькинских волнений, процветает на перепродаже пушнины и тамошней пресноводной сельди тугунка. Приспособился. Надолго ли? Унюхает НКВД - крышка и Изварину.

Мысли и чувства припылились, Евгением постепенно овладевает равнодушие. От долгого пребывания в сумраке он полуослеп, докучает открывшаяся в сырости карамы рана, безысходность давит. Пробраться в Россию или за кордон поздно, он бесполезный отработанный пар. Зажучат - и скорым судом в расход. Остается одно - на Тольку к Ворону. Есть с чем. Давно обнаружил тайник в боковине землянке: объемная ниша с денежными знаками, частично съеденными жучком-древоточником, молью. Но золотая статуэтка стоит всех денег.

Он не вздрогнул, не испугался внезапного визитера, даже не оборотился на вползающего на четвереньках. Дурная весть?! Ну и пусть, ему все равно. "Рано или поздно сыграют роковой рекем, плетью обуха не перешибешь", - любил повторять покойный Серафим Антипадиостович, сгнивший бесславно в эсеровском мятеже 21 года. Выбирается на воздух, как зверь из залома, жадно окунается в прохладу и свежесть. Сутки смешались: день ли, ночь ли - все едино. Бесцельность существования ослабила душевно, физически: бесстрастно взирает на происходящее вокруг. Однако держится недоступно, с прежним достоинством. Шамап ищет в нем опору, растерянного способен замуровать живьем.

Григорий покашлял:

- Худо, Евгенья, прислали в юрты русскую девку, Новой Марьей кличут. Илейку своего вождя перевозит, книжки листает. Что делать, Евгенья?

Ответ последовал немедленно:

- Девку убрать, но не высовываясь. У тебя это получится.

- Получица, получица, Евгенья, - покивал часто, как заведенный, закачался старикашка. - Я так думал, ты сказал. Напоим

Лякших, пусть сгорят в чуме, а молву пустим на улыты-нэ.

- Улыты-нэ убрать мало, учительница это пшик. Готовься убрать районных юромов. Они в Ларьяке что-то пронюхали, слышно, втихую вооружаются, постоянно настороже. Поэтому осмотрительность рыси и хватка волка. Нападать из-за угла и куста, не копировать ошибки Шатинского зятя. А случится заваруха на границе, тут и проявляйся, отвлекай кантага-ях от фронта, прочь по урманам. Пусть меньше сдают пушнина, ловят рыбы - худо делают Советам.

- Однако мудрый, Евгенья. Твой дядя, торговый человек, шибко умный был и ты умный, - откровенно польстил шаман. - Прасины лехсы Трофимовым.

- Как там дом Серафима Антипадиновича? - при упоминании родственника-мецената полюбопытствовал Синицкий, клюнувший-таки на похвалу. Тяжело, неловко всем корпусом повернулся на лежанке, пристально всмотрелся в старикашку на земляном полу карамы, со скрещенными ногами кажущегося горбатым гномом из арабских сказок, какие в детстве рассказывала мать, фрейлина царского двора.

- Стоит. В нем райисполкома претседатель Самарин работает печатню, в юрте попа Амвросия сиклетарь Сухинин. Оба русских юромки много ездят на оленях, плавают обласами по пасолам и Ваху, требуют план у Омпушныны и Уралинтеграл...- сыеююз...кы...ко...каперации, - с трудом закончил длинное слово. Может, нарочно съехидничал. - Заготовители грызутся между собой росомахами, забыли про дела, а мы с Ефимкой перехватываем добычу.

- Пусть их грызутся, нам это на руку. Что еще?

- Еще учат сажать картошку, доить коров, мыться в бане, жить в юртах из бревен, как живут русские. На постройку деньги предлагают без отдачи, бери только. Показывают живые картинки-кино, на кровати стелят белые тряпки-простыни. Зачем? Отворачивают от стойбищ и кочевков, совсем загнупили шаманом Илейкой Лениным. У девки ликвидатора в книжке видел. Партийный елтаку без волос на макушке. Бородка как у Торума. Прижмуривается, будто хитрит про что-то, допытывает. Насквозь взглядом достает.

- Достанет. Загнет салазки, - поручик до глаз в небритости, от затхлого подземелья и малоподвижности отекий. - Ленин это не шаман. Он пострашней вашего брата. Расею до потрохов перетряхнул, под печенки и селезенки, в бога душу мать зачалил. На то надежда, что немцы не потеряют коммуни, ползут очертя

голову - пахрапом. Слышно, собирают войско, как пить дать, соберут.

Григорий не соображал дальше Новой Марьи, "сиклетаря" Сухинина да "пиретседателя" Самарина, но изворотливо-сметливо угадывал, что Евгению надо излиться, иначе в одиночестве ум его потускнеет. Не ошибся. Силицкий воспрянул, не смотрел уже безучастно. Червячок жирника, отбрасывая уродливые тени двух обреченных, рисовал зловещую картину берегового укрома.

Григория снедало неотступное тяжкое подозрение, что сообщник разнюхал тайник и однажды оставит ни с чем. Обкрадет. Но стиснутый вкруговую обстоятельствами, не смел перечить Силицкому.

Пусть хоть так. Бездействие в его положении, как и для Силицкого, равносильно перемещению к Кынь-лунгу. Смерти заживо.

КАК ПИЛЯТ ДРОВА

Обычно дрова у хантов запасают женщины. Присмотрят сухостонну, свалят лучковой пилой и, раздевал здесь же сидя на снегу, в одиночку увозят на ручной парте. Попробовать иначе.

Маша с Шурой Печиковой загодя соорудили козлы. Упираясь, принялись волочить деревянные в стойбища. Гору кряжей нагромоздили. Взались за пилу-двухручку, шел да пошел отваливать чурки. Кололи на один замах и штабелевали в поленицы.

Из-за завесок злобно юродствовали шаманихи и Катерина Кости Вырви Глаз:

- Ухалла, ухалла, атарм... Пуни канлюк анкин пон... Отбивает ликвидаторша Шурку от стаи, застит глаза. Худо надо делать Шурке, чтоб позабыла пилить дрова на деревяшках с ногами. Так не можно. Грех. Обычай велит кланяться не деревяшке с ногами, богам-идолам.

Втайне же завидовали: они так не могут. Привезут сушицу - и хватит. Довольно. Сожгут в чувале, отправятся за следующей. Новая Марья даже дрова заготавливает споровистее. Глядя на нее, эиторцы проникаются уважением к русской.

Худо, худо, во всем теснит ульты-нэ. Шурке голову затуманила. Как дважды два отлучит Печикову с сыном пионером от рода Тур Пуч.

Неожиданно потеплело, снег стаял и открылся серебристый влажный ягель. Светло и вольно, как в парке. Как умыто. Векши безбоязненно резвятся в бору, желтогрудые синицы цвицькают на ветках, жуланы-снегири там-сям ало мелькают.

Завороженно шагала Маша, не зная куда и зачем, просто

хотелось идти. Вот так бесцельно, бездумно, поддаваясь влечению. Вдруг открылась ей речка. Под обрывом с вкоренившимися по краю слями поделеповато шурял и по-лоесному сторожко озирался бородатый, давно нестриженный человек в запыленной малице и пыриках. Ноги не повиновались: "Неужели Синицкий? Кто же еще, если не он?" - электротокотом просквозила догадка.

Будь что будет, окликнула, но незнакомец, словно испарился, словно не бывало его. Померещилось, что ли?

Встревоженная вернулась Маша в стойбище. Хотела рассказать о встрече Камшым, но те на озере проверяли ставные невода. У похмельного Ваенлия Лякенина болит голова, мается бедолага. И что он может прояснить. В чуме сквозняк гуляет, костер угас. Зябко. Дитенок Егорка посиневший, беспитанный на гнилунках в берестяной люльке сосет сырую оленину.

Маша быстро вздула огонь, выбросила из люльки отсыревшие гнилунки, больше пачкавшие, чем гревшие, принесла из мыризы старую кофту, завернула в нее дитенка, накормила кашей с печеньем, убаюкала.

Маше сопутствовал Федя, появившийся ненадолго в юртах. Игериатские новости выложил. Доверительней, чем с матерью. Но-прежнему томится:

- Сгубят тебя, улыты-из. Прасины постоянно шушукуются: гыр-гыр виолголоса про какой-то пожар и сурам младенца. Смерть, значит. Догадываюсь, худое замышляют против тебя. Катерина ревнует к Косте. Уезжай подобра.

- Да куда же уеду. Нельзя и закататься об этом, - старается выглядеть беспечной Маша, а перед глазами человек у обрыва. Может, не Синицкий вовсе, мало ли бродяг в тайге. Зачем ударяться в пашку.

В юртах ее принимают в основном приветливо. Шибко, мол, боевая русская молодуха. Дрова пилит хорошо, игольники вышивает, кроит одежду, поет про ямщика, у которого в упряжке колокольчик оторвался, дуга сама играет тырны-мырны-пырны. Колокольчиком тем улыты-из приглашает на уроки. Выйдет из мыризы, потрясет, звонок далеко слышен.

- Однако Новая Марья зовет, - послушно собираются эторцы.

Шаманы от этого постоянства, ставшего привычкой, день ото дня лютее. Костя-"претседатель" вместо помощи в открытую питыханит с Прасиным. Пользуясь его потворством, все чаще врываются в мыризу Авда с ревнивой Катериной, рвут учебники, набрасываются кулаками.

Две глубокие кровотокащие садины и снык под глазом остался у нее после стычки.

Гроза сгущается.

Заозерцы в полном снаряжении откочевывают на промысел, опустеет стойбище, у кого спросить защиты. Собираясь в урмань, эиторцы кланяются на все четыре стороны.

- Помним Небо и Землю. Воздаем хвалу Хозяину воды, что поедает старых рыб, а молодых гонит к запорам и котцам - в атармы. Дружим с Торумом. Даем подарки лешаку Пырнэ, и духа Тарэна не обижаем.

Символически поили и кормили - ублажали деревянные фигурки в цветных лоскутьях. Идолов размером меньше, карманных, брали с собой. На удачу.

В эту пору по свежей пороше, украсившей бор, к неописуемой радости Маши примчалась на оленях Тлянка. В тулупчике, глухой меховой шапке с завязками из заячьих лапок коlobком вкатилась в мыризбу, засыпала сообщениями про большеларьякцев, но больше про себя с Прохором - скоро свадьба.

Когда ее свадьба? С кем? Тоскует Маша по Ивану Лукичу, а до Сафонова, как до другой планеты. Сигильетова, словно догадавшись, ушла и вернулась из тамбура с лыжами: это обещанные однажды секретарем нацсовета. Не забыл. Велел навещать в поселок. Напрямую, вдоль Ерновой речки, много короче. Нахмурилась, узнав про козни шаманов.

- Сходим к несознательным. Я им в три счета политику партии растолкую. Хантейку не посмеют тронуть.

- А пошли, - решила Маша. - Была не была.

В чуме "железного" старика, довольно просторном, Авда, в кожаных броднях, подшитых мягким войлоком, у тагана оцпывала куропатку. В распашной, по вороту орнаментированной рубахе она. Лицо пунцовое от жара костра.

На "мужской" половине Антон с Ефимкой, готовясь к промыслу, запыхивали патроны, Григорий длинным тонким ножом односторонней заточки стругал пестик для измельчения сушеной рыбы.

Неожиданное появление девушек вызвало в вэли-каит замешательство, скоро однако сменившееся приступом бешенства. Авда первая забрызгала слюной, обрушилась на Тлянку:

- Ты, Сигильета, зря с рут-ях. У тебя дети будут порченые. Прохор бросит насовсем. Отец и мать были хорошими остяками, правильными, а ты Машка-избач. Не надо би-сед и ре-чей про Илейку и Советку власть, ликвидаторша падоела с ними. Бренчит

и бречит колокольчиком, задуривает мозги. Мы в лесу кочуем, как можем, добываем пищу, как можем. Не хотим Илейки-вождя и пацовеца. А будете мстить, убьем всех русских и своих собственных юромов не пощадим. Есть человек...

Выдав невзначай тайну, осеклась. Завыл, закачался доселе безмолвный "железный" старик, метнул подоструганным пестиком в женку. Хитроватый Ефимка боком-боком оттерся наружу. Лишь Антон невозмутимо усмехался чему-то.

Все замолчали.

Полупагнувшись, в чум протиснулась Шура, крупная, в ватных штанах, заправленных в валенки, фуфайке и шапке-ушанке - грузчик с Новоникольской пристани да и только. Следом за ней, дичась, проскользнул и притих у завески лаза Федя. Лицо мальчика выражало беспокойство. Так зверек все существом чувствует близкую опасность.

В костре трещали поленья, обдавали жаром. В переднем "красном углу" на крючках подолы из металла и дерева, бубен-ветеран с иссохшей кожей, знакомая Маше рогатая маска, костюм для камланий - все наличные атрибуты религиозных отправлений. На Григории кумыш, - зимняя одежда мехом наружу, - с откинутым за спину капюшоном. Седая головка на слабой дряблой шее в раструбе, как одуванчик на стебельке. Сам семь божок, перепоясанный прочным, из сухожилий оленя сплетенным ремешком.

- Питявола! - невозмутимо поприветствовала Тлянка - разрешила паузу. - Здравствуй - народ низовых мест! Что я хотела сказать? Я хотела сказать, - привстав на носочки, высокопарно начала "культурница", - что Советская власть лучше прежней царской. Сделала много хорошего для простых людей. Разве плохо - школы-интернаты для ребятинек, денежные ссуды на дома, мырлавки, заготовку пункты?!

Подседа к хозяйке и принялась заодно ощипывать куропатку, успевала по-своейски отхлебывать чай из берестяной чумашки. Тлянка как Тлянка. Близнецы придвинулись к ней, засветились любопытством их круглые мордашки. Авда и та отмякла. Улыбнулся Антон.

Девушки вернулись в мыризбу довольные, с сознанием, что дальше "би-седа" удалась, дальше будет проще. Уснули они рядом на топчане, полюбившись. Кому что. Сигильетовой блазило отчее стаповье, Прохор и предстоящая свадьба, Маше - спешащий на лыжах коротким путем вдоль Ерповой речки Сафонов.

В чуме у Прасных долго ворочался с боку на бок, не смыкал глаз сбитый с толку непрошенными агитаторшами Григорий:

самого "железного" старика хотят задурить, как задурили многих. Не выйдет, не поддастся. Жидкие в коленках. Негодяя и возмущаясь, едва сдерживал горловой клекот. "Сурам! Сурам! - шелестели блеклые губы, неизвестно кому накликкая погибель.

В СЕЗОН ПУШНОЙ ОХОТЫ

Посветлели в бору вешки-выкунели. Яркое солнце, должно быть, к стуже, окольцевалось радугами - "надело рукавицы". С неба сеялась блестящая изморозь.

Сезон Пушной охоты... С тощим скарбом в расхлябанной ручной парте утянулся бедолага Василий; безбедно снаряженные Антон с дядей Ефимом Три звезды во лбу заняли фамильное урочище, никто кроме них не смел появляться здесь: испоконный запрет; еще раньше ушла Шура, промышлявшая самостоятельно, и неплохо промышлявшая - белку вместо пули была круглой фишкой лото: берегла шкурку.

Братья Каминны откочевали с семьями, оставив девяностолетнего отца на полное попечение Маши. Перед отправкой тщательно проверили нарты - не разошлись ли? Лапы у собак не сбиты ли? Готовили боезапас, ружья, капканы, лыжи-подволоки, в отличие от голиц, понизу оклеенные оленьим камусом, чтоб при ходьбе не сдавали назад, одинаково с голицами широкие, со слабо закругленными носками. Лыжи мужские и женские. Подбирали посохи с кольцами упора на одной конце и крючком на другом, подгоняли к ноге обувь. Из одежды предпочитали кумыши и малицы, надеваемые сверху просторные рубахи из толстого сукна-шабуры.

Божкам, домашним и карманным, обернутым тканью мазали рыбьим жиром надменные толстые губы и определяли по назначению. В карман так в карман, на полку так на полку, и то и просто возле чума.

Обезлюдел, запустел Эмтор-Пугол. Стар и млад в стойбище, но по-прежнему звенел колокольчик и собирались в мыризбу на уроки.

В свободное время Маша варила, стирала дедке Максиму, разжигляла костер. В благодарность он рассказывал сказки, обычно сопровождаемые причетом-бормотанием:

- Око-око-кэр... Раньше звери обрастали рыбьей чешуей, но слезы главного распорядителя неба смыли ее и от чешуи не осталось ничего. Звери не смогли уже плавать в воде, переселились на сушу. Иные угодив под Торумов дождь, совсем маленькими стали: зайцы, колонки, горностаи. А были с лося. Око-око-кэр... Атарма фуш... испугались, что сделаются еще меньше и начали

прятаться от света. Ночью, пока спит небесный старик, плетут следы.

Невольно наворачивались мысли о Новоникольском: как-то там? Что с родными? Жизнь в стойбище за озером кажется застывшей. И сами собой под дедкин речитатив складываются страстные монологи-обращения:

- "Дорогие мои, милые и ласковые! Ваша Марусенька в стране Глубинке, где тропы оленей и узкий нартовый полоз. По хвойным островинам кормятся глухари с подружками копалухами, беснуются на тетерева с подружками, сторожко пробираются охотники, обороняющиеся от невзгод смиренным во язычестве.

Вообще же хапты очень одаренные, я их ценю, а они меня, наверное, не очень. Слишком застарелая неприязнь к русским. Они ведь, образно выражаясь, каких-то три трубки искурить, пять котлов воды вскипятить от царя с урядником, подушного ясака и общинно-племенного строя. Уже разумеют букварь. Для них, не имеющих своей письменности, это, сами понимаете, большой сдвиг. Неснившееся чудо.

Для меня это самая большая радость. Думаю организовать здесь повогоднюю елку. Съезжу в Большой Ларьяк за подарками, минуруй. Приобщу к подготовке самих эторцев. В сильные морозы промысловики обычно возвращаются в стойбище сдать добычу и пополнить истощившиеся припасы, воспользуюсь случаем.

Приветно помяните в праздник свою Марусеньку, пожелайте всего-всего заветного...".

Так мысленно общалась на расстоянии и была счастлива.

АНОНИМКА

Незадолго перед праздником наведался Сафонов. Левая нога на полозе, правая, как водится подогнута под себя: для равновесия на прихотливых вертких санках. С равнины озера махом взлетел на волок, бросил шест - олени встали. Маша устремилась из мыризы навстречу... растерянная. Иван Лукич строго пожурил "претседателя": не показывается в правлении Вырви глаз, где пронадеет, чем занимается, неизвестно. Тот блудливо отворачивал голову, похмельно-непроспавшийся, помятый разил винным перегаром, выглядел стариком.

- Переизберем, накажем, - предупредил секретарь нацсовета. - Тотчас же отправляйся по зимовьям, хватит нынствовать. И что за угрозы ликвидатору неграмотности? Услышу еще раз - вызову оперативников, быстро заметут.

Толкнулся в эли-кайт к Прасиным. Григорий при его появлении прикинулся хворым на лежанке. Не дышит. У взлохмаченной Авды глаза осоловелые, шальные - накануне вместе с "директором" питыханила. Ничего не добившись, Иван Лукич оставил чум, сопровождаемый ненавистью тайной и явной. Маша устроилась возле него на нартах. Хок-хок! - рванули олени с берега обратно на озеро, по склону его стремительней, чем на подъем.

Из сосняка жадно-похотливо следил за упряжкой Антон: ревновал Новую Марью к секретарю. В какой-то момент даже взвел курки двустволки, прицелился, но удержался от выстрелов. Опустил ружье.

Влекло юношу к русской ульты-нэ, прибежал он из урочища, скрытно наблюдал за ней. Хотел встречи наедине, но только однажды Новая Марья промчалась мимо по лыжне вдоль речки. На широких голицах он отстал.

Проводив упряжку взглядом, Антон досадливо закинул пэ-кап за спину, плюнул на снег и пошагал прочь, забыв прислоненные к дереву лыжи.

Не подозревали счастливые встречей ездоки, что смерть чудом миновала их.

Мчались олени, звенели по снегу полозья, искря блесками из-под копыльев. Пели каюр с "пассажижкой", подставляя ветру свежие разгоряченные лица. Иван Лукич весело подшевеливал коренника шестом с кругляшкой на конце - великом и умные животные, словно понимая необходимость этого, скакали что есть мочи. Хор-хор! - всхрапывали. Чак-Чак! - задевали друг о друга копыта.

Мигом очутились в поселке.

Их, легка на помине, встретила Тлянка - Сигильетова. В тудупчике, той же шапке с завязками из заячьих лапок, в кисах. Ярko-красный шарф небрежно охватывал шею. Так это удачно подходит к ней, беспечной, боевитой, - белочка. Тотчас защебетала о пьесе про революцию, в которой Маше подобрана снова мужская роль - солдата.

На плоском личике Сигильетовой читалось: с Прохором полный ажур, скоро поженимся.

Услышав голоса - кто-то приехал, - приспела Евгения, молча припала к щеке подруги. Единственный зрячий глаз мокрел от слез.

- Что с тобой? - встревожилась Маша, наперед догадываясь о причине.

- Братку болезного отправляют в Колек-Еган, за двести верст

от райцентра киселя хлебать. Он безотказный. Приехал вот проститься, чую, навсегда. Валеночки племяннику подарил - добрые, самокатанные, - голос у Евгении упавший, сумрачный.

Появившийся следом бледно-желтый Шехирев с трудом перемогал слабость. При виде его Маша сама едва не всплакнула.

- Зайду, - пообещала увлекаемая нетерпеливой "культурницей", - только освобожусь - и к вам. Пару дней задержусь в поселке.

- Нашли папаху, шинель под ремнем с бляхой. Кремлев малопульку даст, и будешь солдат с ружьем, - между тем посвящала Тлянка, ни мало не обращая внимания на присутствующих. - Пробьешься в Смольный - тебя пустят. Доведешь Владимиру Ильичу о нуждах фронта и тыла. Ты - крестьянин, пахарь, тебе землю и мир подавай. Но контра обнажила штык, поэтому записывайся солдат с ружьем в красную гвардию. Воюй за новую власть.

- Воюю, Тлянка. Как же не воевать.

Вспомнилось Маше, как добиралась до Ларьяка. Вах огибал холмы, петлял и на ровном - рыл в податливом грунте русла, совершая невероятные витиеватости. Как Пырня, куролесил. На всем протяжении от Вартовска сопровождали пустыньность, необходимость.

- Ать-два, ать-два, - маршировала Маша после встречи в штабе революции - репетировала. Ленина играл Александр Степанович. Не очень искусно, зато вполне искренне. В актовый зал, будто на представление набилась школьница, собрался весь хозяйственный персонал интерната. В переднем ряду глуховатая повариха Полуянова по обыкновению подставляла к уху ладонь ковшичком. Круглые губы, круглое лицо, плечики. На сцене выступила голубоватая в форме завитка жилка. Гораздые на клички большеларьякцы за глаза именовали Нюру Запятой.

Маша в каком-то упоении. Отрицать проклятия шаманов, запуги и предостережения, она среди своих! Накануне ей в мырибу подбросили записку без авторства с угрозами и оскорблениями. Не Синицкий ли вздумал таким образом избавиться. Мяла в ладони анонимку со старорежимной "ять" в прописи, не решаясь показать кому-либо. У людей других забот достаточно, решила не показывать.

После репетиции Тлянка незапланированно исполнила "Рыбачку", старинный национальный танец с привнесением в него современных мотивов - доставки и сдачи улова на засольный пункт; Федя Печиков (где Маша, там и он) с воодушевлением продекламировал Лермонтовское "Бородино", при этом ударяя в

барабан, что придало декламации особую выразительность; преднацговета Гаврил Васильевич воспроизвел на панане пангръши "Улетающих журавлей" - прощание с севером: клином скользят в голубизне неба длинноклювые птицы, распространяя звонкую печаль на луговины с кустами тальника, копешками сена. Курлычут журавушки о том, что томительно-долга разлука, но снова принесут взмахи крыльев к родным гнездовьям.

Когда Маша наконец добралась до Шехиревых, Вани уже не застала. Он отправился за вещичками в Чехломей. Евгения оттягостных мыслей, как в воду опущенная. Не взбодрил и визит к Кремлевым. Александр Степанович много пил, хмельной заплетающимся языком упрекал Шуру в бесплодии. Похоже, у них назревала развязка.

Тем более неуместно встречать, Маша скомкала и украдкой выбросила записку. Утром ее замели в мусор и выкинули на свалку хозяева квартиры, никто не узнал о содержании.

В пацсовете Маша все-таки сказала о человеке у обрыва.

- Не Синицка, нет! - авторитетно заявил Гаврил Васильевич. - Синицка сдох. Несколько лет назад плохо выглядел, болел. Сердитый однако, ныркий, умел бить подвздошно, на землю бросать так, что не поднимешься. Однажды бросил Лякшина и прижал карабином, Василий едва не откочевал к Кысь-лунгу. С тех пор он флюгер перед Прасиными, куда понюхают, туда он чихнет. Вырви глаз не бросали, не душили, все равно флюгер отвиса.

Вопреки уверениям, Маша почему-то именно теперь окончательно утвердилась в том, что щуркий бородач в заношенной маднице не кто иной - поручик. Он же автор анонимки, выдал себя старорежимной "ять". Не учел новой орфографии. К Синицкому это первой заозерной ночью крался через поляну старый шаман. В обрыве, должно быть, логово, потому исчез внезапно под еловый лапник. Куда же еще, если не в укрытие. Не мог же раствориться в никуда.

На следующий день прикупила серебристой фольги и мишур, вроде серпантина, стекляшек для елки. Прикупила леденцов, пряников местной выпечки. На прощанье расцеловалась с Евгенией: обе сронили слезы, - и укатила с Гаврилкой Каминным, наведавшимся в "мырлавку" за провизией. Воспользовалась оказией. Подросток лихо правил возжечкой, торопил оленей валиком, ловко удерживая равновесие на вертких санках и горланил на весь лес:

- Картошка моя, вся поджаренная!

Рот до ушей - улыбается довольный:
- В интернате разучил.
Хороший человек Гаврилка. От его веселости тайга приятней и светлей показалась - не столь враждебной, а дорога глаже.
На взлобке за озером упряжку обступила ребятня. Гомонит. Дети везде одинаково любопытны и нетерпеливы. Принесли мешок с покусками в мыризбу и отправились за елкой. Благо это рядом, шапкой добросиль.
- Я наряжусь дедом Морозом, - сообщила Маша, - а Снегурочкой Лена Камнина.
- Понимам, понимам. Знаем, - ребяташки нестройным хором.
- Торум и Анки-Пугос.
- Да нет, не бог и боженок, обычный старик-хлопотун и его внучка.
- Знаем, знаем. Понимам. Внучка лешака Пырнэ.
Ничего не скажешь, сообразительные. С ними не соскучишься.
У дедки Максима заняла истертый до дыр кумыш, вата для усов и бороды сыскалась, посох - лыжная палка тем более нашелся. В восприятии хантов на самом деле чем не лешак лицедей.
Елку украсили как умели, расфасовали сладости в бумажные кульки и принялись разучивать незамысловатые хороводы и припевки.
Так в оживленной суете промелькнули дни. Наступил Илвалы-Иконгэр. Новый год.

СМЕРТЬ ШЕХИРЕВА

По возвращении в Чехломей Шехирев тотчас собрался в дорогу, раз согласился - надо. Везти его в дальнюю факторию вызвался безродный, лет сорока, Афонька. Немного с причудью, но каюр споривший. Ваня уложил скарб в нарту второй упряжки, сам в ней уместился - в топорах - матерчатых чулках до паха поверх брюк и валенок, шубе. Оделся сносно.
Афонька приятельски потрепал оленей, сплюнул из-за щеки зеленовато-желтую табачную жвачку, шюкнул подозрительно воздух.
- Однако пурга будет. Однако ехать не надо.
- Надо, Афанасий, - заупрямился Ваня. - Работа... И какая пурга, ясней ясного.
- Афонька привычный спать на снегу, - без тени досады пожал плечами каюр. - Он привычный, ликвидатор нет. Однако хозяин барин... Может, успеем до падеры, - вслух обнадежил

себя.

Взял в руки валик и попятливые животные тронулись, заструились следы полозьев. Скатились на пасол, взобрались на берег - и дальше шагком. Где лесом, где полулесом, чаще болотами с редкими тундровыми сосенками и чахлым кустарником. По целику не особенно-то разгонишься, день-деньской качаются перед глазами развесистые рока, ошметки снега из-под копыт больно секут лицо. Шест-валик, которым пощупают коренника, с вожечкой оттягивают руки, поминутно кренился легкая нарта.

Однообразие, унылость, стужа. Сугробы и сугробы. Подъемы и спуски то положе, то круче. Афонька "сметит" невозмутимо табак, стылую горбуху с рыбой вприкуску уминает и без выражения поверяет:

"Еду я однако, еду
С хворым ликвидатором.
В Колек-Егане куплю винки
И будет мне жарко
С русской бабой.
Ей везу патанку -
Мороженого муксуна,
Чтобы любила крепче.
Мужчине нужна водка
И баба для любви.
И, может, загляну к Кешке,
Он шибко грамотный,
Фамилью чертит искусстно
На бумаге, как тамгу рода.
Книжки по складам кумекает.
Мудрей Григорья с Ефимкой Прасных,
Но погулять тоже не дурак,
На гармошке дерганет так дерганет,
А как спляшет у мырлавки,
Чешуя вокруг летит."

Проработал таким образом возможные Колек-Еганские варианты, из-под козырька ладони пристально оглядел горизонт.
- Однако дурман надвигается. Айда в лес, хозяин уже не барин.

В кедровнике, куда повернули, среди закуржавевших мохнатых великанов тихо и торжественно, как в храме. Афонька распряг оленей, поставил торчмя нарты и приспособил сверху навес из куска парусины, обочь навтыкал кедрового лапника, с другой стороны развел костер. Бойко затрепал суньяк, с хвоей взры-

вался петардами. Наперегонки хаотично метались языки пламени. Тепло быстро заполнило пространство под навесом. Жить можно! Даже умудрились вздремнуть.

Пурга обрушилась внезапно, лихо. Вихри прорвались и сюда, в глубинку, кедровник загудел, застонал, как шаманий бубен. Куда подевалось величие, никакого порядка. Ветром сорвало и увлекло парусицу с парт, разметало костер вместе с головешками.

Оленей занесло по маковку.

- Однако куропащачий чум изладим, - хореем ловко, как лопатой, Афонька вырыл в снегу колодец. В сторону от него выкопал норный тоннель. В тоннель бросил лапника, завесил лаз шкурой, что нашлась в поклаже, и оба залегли в укроме.

Падера смятилась двое суток. Они все съели, догрызли сырую мерзлую рыбу, от которой у Вани дурно свело живот и открылся понос.

Дальше поехали. На пустынных болотинах с чахлой растительностью курилась поземка. Солнце багровым диском спускалось за горизонт в мутноватую пелену ее. По снегу тянулись длинные косые тени. Навстречу упряжкам полулежа на острой спишке всходил месяцок в сиреневой оторочке, как фат среди звезд-смирениц. Густели сумерки.

Притомившиеся олени начали вставать - еще одна беда. Без оленей вовсе пропадут. Но исцелением оказался пастушеский культетан. Они зажгли жирник на столе, сколоченном местными скороделами, замасленном, изрезанном постояльцами, - неказистом. Из полумрака выступили очертания просторной избы с торчащим из назов бревен мохом. В залавке ни ожидаемого хлеба, ни традиционной щепоти соли: пастухи с семьями откочевали в неизвестном направлении.

Затопили печку-железку, от жара замалиневшую, затянувшую бесконечное веселое бормотанье.

Не раздеваясь, Ваня повалился на парты и мгновенно задремал. Ощулся он от рези в животе: ни согнуться, ни разогнуться - скрючилось. Слабость в теле невероятная, лихорадящий жар. Афонька унес его на руках в парту. Олени, позубрившие ягеля у подножий сосен, отдохнувшие, бежали шустрее и скоро выбрались на торную полосу - недавно протопало стадо. Это - спасение. Теперь развили настоящую скорость, понеслись, как в песне, прямо в светлую зарю, навстречу сменявшему месяцок в сиреневой оторочке солнцу Сунк.

В Колек-Егане фельдшер предположил у Вани почечно-каменную болезнь, цирроз печени и что-то с конечностями, требую-

щее стационарного лечения. И вот снова в путь, в те же двести верст, со всевозможными осложнениями - в райцентр. Ваня бредил, метался на нарте, едва дотянул до Ларьяка. Через неделю он умер, не приходя в сознание.

Кроме Евгении да рабочих, копавших могилу, провожала Вера Коротких, к этому времени ставшая женой потребкооператора Константина Балина. Когда гроб на веревках спустили в яму, застучали по крышке комья мерзлой глины, Евгения полуобморочно упала на колени. У нее остались в жизни Сашутка и Маша. Еще осталась какая-никакая работа. Уже немало. Трудиться ей не привыкать, трудиться и, опираясь на всех хороших людей, воспитывать сынишку. Такая ее доля.

ИМЕНЕМ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

На елке Маша поздравила с праздником, пожелала всем и каждому в отдельности удач на промысле и у котцов-запоров, ребятишкам пожелала отличной учебы, всего, чего можно пожелать накануне Нового года, 1939. Илвалы-Икопэра.

По заведомой договоренности братья Каминны зангнали на варганах: костяных пластинках с металлическим язычком, дети, за ними и взрослые пустились кто как вокруг елки, притапывая, приплясывая. Тут и дед Мороз с посохом - лыжной палкой, ватной бородой, в пропешеном до дыр кумыше дедки Максима появился - быстро перевоплотилась Маша. Следом появилась Снегурка - Лена Каминна. Принялись одаривать лакомствами.

До полуночи не унимался шум, гвалт, толкотня. Пробовали содержимое кульков, восторгались, ахали, словно невесть чему.

Лишь чумы Прасиных безмолствовали мрачные. Над коническими остовами не вились дымки, в дыры сверху смотрел одинокий зрак луны и звезды кос. Григорий злей злого, повздорил с Авдой, побил малость, оттрепал за космы хмельную. Авда не из робких, ответно толкнула елтаку. Григорий упал неловко, ушиб колено. Снова проклял всех и вся.

Загодя втихую через подставных лиц старый шаман запасся водкой, надо торговать, а он с подвинутой ногой, терпит убыток: фах, фах, атарма пуин канлюк... Шайтан - баба с Васюганья, Сишица будет недоволен, может запросто придушить, как душил однажды за ослушание Василия Ляксина и тот на всю жизнь запуганный. Евгенья нечего терять.

Поручик в подземелье опасался шамана, шаман опасался поручика.

Но эиторцы по устоявшейся привычке сами зачастили в

взали-кант со связками шкурки, обратно несли бутылки. Искуслись и Каминь, не устояли перед соблазном. Обычно с чувством собственного достоинства, с молодецки качкой походкой матура Альвалн, в узорчатых незапощенных кисах и малицах, с ножами в парадных чехлах у пояса, осанистые, статные, на сей раз растрепанные они мотались по стойбищу, бормоча что-то невнятно-бессвязное. Захар с Гаврилкой набрались изрядно. Василий Лякин тот вовсе параскоряку искал пятый угол в круглом, как пятак, под берестой и шкурами шалаше.

Не миповала общая участь и женщины.

Перечеркнула водка человеческое, здоровое, затмила сознание. Что это такое? Протрезвевший Иван Максимович смущенно-бессмысленно улыбается: оправляя сбившийся на голове сумнитых.

- Винка хорооо. Ноон харысо...

- Плохо, Иван Максимович, плохо, - Маша чуть не плачет, голос от волнения рвется.

Иван Максимович жажду похмелья утоляет некипяченой водой из закопченного чайника, осоловело взирает на улыты-пэ. Сыновья не в лучшем состоянии. У Лякиных голопузый синюшный Егорка затягивается в крике: "Ааа... Уооо...". Жевок сырой обсосанной оленины выпал изо рта, прилип на пушке. Слюни ручьем.

Бестолково плятятся на него родители.

Возмущение и неподдельная сострадательность охватила Машу. Откуда смелость взялась, рванулась в чум Прасных.

- Грабите, обираете народ хуже купцов. Именем Советской власти все отнятое экспроприрую в пользу государства. Его это собственность.

В "передней" мужской половине (по обычаю женщины у двери или лаза, если в чуме) ворох пушнины. Белей белого горностайки, переливчатые лиснцы с дымом в серебре, изобилие белки. Всякая всячина, одним словом.

Григорий вначале подумал, что нагрянули районщики юромки, перетрусивший загораживает меха собою, забрасывает цинковой, лыжи подволоки сверху для маскировки навалил. Зато духарная рыжая опевка Авда готова испепелить глазами, не стесняется в выражениях:

- Хочень свести с ума, задушить косами, ведьма. Все помешались на ликвидаторше. Сам железный старик помешался, не камлает, чего-то пугается большевиков, а прежде шибко хорошо грел душу и тело. Укралн звать мужчинское. Сурам рут-ях, всем

русским сурам пуин капюк апкин нон, - сдобривает проклятья нецензурностями расходившаяся женка. Недоструганным в одночасье пестиком для растолочки рыбы поземки запустила в Машу, едва та увернулась от увесистой деревяшки. В экстазе схватила топор, но вовремя удержал хитроватый лис Три Звезды во лбу.

Своевольная готова растерзать. Но растерзать в открытую все-таки опасно: НКВД не милует ни русских, ни хантов, ни мужчин, ни женщин. За малейшую оплошность замечает. Во всех, всюду видит врагов и злостных вредителей.

Как остановить, напомнить об осторожности? Ударил в бубен, зарычал, завыл посредник богов. Она суеверная примолкла.

У себя в мыризде разволнованная Маша на тетрадном развороте карикатурно изобразила Григория, за бесценок взимающего мягкую рухлядь. Бутылка-лисица с колонком впридачу, двеполсотни белок и выдра, за три отдавай все не торгуясь с будущей приплатой - долгом. Очень похож на паука с загребущими цепкими лапками.

Под карикатурой поместила стихи собственного сочинения:

Наш шаман
не питыхан.
Он не пьян.
Водку дает,
пушнину берет,
а пьянство беда,
с ним никуда.
Спешите в Ларьяк,
там хлеб и табак,
посуда, бензин,
есть яркий сатин.
На деньги купи,
себе помоги,
семье помоги.
Зачем выпивать,
болезнь наживать?
Шаманам навар,
а вам перегар.

"Молнию" прикрепила у входа в тамбур на прислоненных к стене сушинах. Обратилась к собравшимся возле карикатуры эторцам:

- В самом деле, поезжайте на заготпункт в поселок. Будет в чумах достаток, будут радость и согласие. От водки ничего хорошего, кроме холода, голода и болезней, не будет.

Заозерцы попереминались растерянные: как же, самого "железного" Григория ругает, шибко рассердится он, найдет беду. Однако подхватились, поскакали с остатками пушнины через озеро. Из Большого Ларьяка вернулись довольные с покупками в партах - себе, чадам и домочадцам.

"Пиретседатель" Костя в подробностях донес старшему елтаку: худо, совсем худо. За Машку эиторцы, не за них. Что-то надо делать, иначе накажет Синицка. Синицка хуже НКВД, и в нижнем мире у Кынь-лунгу достанет. Ему, одичалому, нечего терять. Ка-ра-тель! На тайном совете решили экстренно устроить пожар, а вину, как и замышляли, свалить на русскую: дескать, прогневила духов, вот и наказали. Жертвой избрали все их же, Ляксных.

Тем временем распоясавшиеся шаманихи с не в меру ревнивой Катериной Вырви Глаза сорвали "молнию", вдребезги разнесли в мыризе глобус на подставке. Авда бритвенно острым топором с длинной ручкой нацелилась в Машу - замахнулась. На счастье широко распахнулась дверь и сияющая пушистым коlobком вкатилась Тлянка - на пару с Прохором, теперь уже мужем, уже Тархова.

При их появлении непрошенные вонпельницы благо разумно утолкались в тамбур. Авда напоследок, давая волю гневу, что есть силы рубанула топором по сушине, та хрякнула от удара надвое. Вонпельницы не шутили.

Не устранилась Маша, с молодоженами снова прошла по чумам, побеседовала о планах рыбодобычи и охоты на пушного зверя, какие доведены "Ударнику второй пятилетки". Не сами по себе эиторцы - члены коллективного хозяйства. Председателя надо менять, - прихвостень шаманий, во всем пособник. Пыталась организовать поимку белого поручика, с пэчканами, кантэ-амп. Вызывалась показать логово.

- Другой раз, - уклонялись заозерцы. - На ярманка-ики в Ларьяке позовем мильцанеров с наганами. Евгенья шибко вооруженный, может сурам изладить.

Ясное дело, боялись. Запуганы. Маша попросила Тарховых передать о Синицком в райцентр и те пообещали, но занятые друг другом забыли. У них медовый месяц, всецело поглощены собой - милуются. Им не до чего.

И опять донесли старому елтаку: знает ликвидаторша про карателя. Где прячется, знает. Худо.

В юртах предгрозовая тишина. Утомонились эиторцы. У Ляксных в бревенчатой обмазанной глиной раме полугасший костер, храп и пьяное бормотанье хозяев. Палкой не добудишься.

Злоумышленники - Ефимка с Костей, подкрались, плеснули из ведра керосина, чиркнули спичкой. Букет пламени опоясал жилище.

Машу в мыризе как что толкнуло. Открыла глаза: на стене пляска сполохов, она к окну - у Ляксиных шкуры покрытия, жерди остова в огне.

Григорий у себя в чуме потирает руки. И пусть их в огне, он разнесет весть, что Ляксиных забрала к себе женщина в красном Анки-Пугос за то, что принимали русскую, позволяли ей касаться Егорки. Ополчатся кантага-ях на юромок, начнут изводить. Вернется уважение к вере, вернется утраченный почет.

Маша накинула пальто поверх сорочки, гологоловая: в топыхах не нашла берета, с которым зачастую не расставалась и зимой, - в валенках на босу ногу ринулась в пыл-жар, вышла полужадохшегося от дыма дитенка, поставила на снег берестяную колыбель. Следующим заходом вытащила вконец сомлевших хозяев, тут и вэли-кант рухнул. Взвился столб пламени с искрами, и, выполнив свое коварное назначение, опал, усмирился, оставив головни и пепел.

Привела погорельцев в мыризбу, расположила как могла. От всего имущества у Ляксиных уцелели подгоревший закоптившийся до черноты чайник с оттаявшимся посиком да кое-какие плоски. Без колебаний отдала им посуду, какая имелась, сама как-нибудь перебьется.

Васильи же упорно думает о том, что настойчиво зазывали его с женой Прасины, даром подносили винку, мороженого муксуна-патамки давали. Прежде за угощение требовали шкурок. С чего вдруг расцедрились? Уловил и запах керосина в ведре. Разобрал отрывочные перешепоты о пожаре, близкой сурам. "Значит, они, - запоздало догадался, - не жизнеподательница с божьей стороны, где возрождается солнце, патворила. Или тайный человек Синица приговорил с ними заодно, шибко плохой, бросал его подсечкой на землю, душил. Новая Марья не при чем. Она всегда с хорошим к простым людям. Сказал ей о подозрениях.

Утром Маша созвала в мыризбе общее собрание юрт- "мирхат".

- Неспроста подпоили Ляксиных. Нет, неспроста, уверяю, - едва произнесла это, в мыризбу скопом ввалились легкие на помине, в этот раз предводительствуемые самим "железным" стариком, опять поньгались уничтожить портрет Петра, думая, что Ленинский: не давал им покоя, но Маша преградила путь, оттеснила.

- Не смей!

Камни зароптали, Василий-погорелец поставил Ефимке сник под глазом. Ефимка завизжал трусливо, убежал. Исчез Григорий. Авда в бессильной злобе ударила топором по столу, стол из тесаных кедровых плах выдержал, но ручка топора переломилась, лезвие завязло в столешнице.

- Однако гляди, россомаха, не ликвидируй себя. Синица сообразит...

Что называется, обнажила цель и средства.

- Мало каини ел ваш поручик, руки у него коротки. Меня ликвидирует - народ останется. Товарищи, сознательные ханты! Новая жизнь побеждает, - все больше смеяся, ораторствовала Маша. - Григорий с Ефимкой увешаются побрякушками, рогатыми масками для внушения и горланят с умыслом. Верьте в себя, в знания, думайте о детях и внуках, какими они станут. Им здесь править дела, не Прасиньим!

- Однако верно говорить, - покивал скупой на суждения Иван Максимович. - Однако пустой, как дидель, Костя, дудка без середки. Одна кожа у дидля, все навред свистит.

- Давайте сообща соорудим вали-кант Ляксиньим, - воспользовалась расположением эторцев Маша. - Миром и беда не беда.

Первая, взяв топор для расколки дров, вышла из помещения. За ней повалили остальные. Дети и те не отставали. Кто во что горазд: принялись валить тонкие прямоствольные деревца, из них "лениль" каркас, пеленать шкурами, берестой, собранными с миру по нитке. Веселые голоса, взвизги ил, перестуки топоров. Работа всех захватила.

Где вдохновение - там песня, горазды петь жители тайги. Донеслось из сосняка излюбленное:

- Вот едет тройка, одна лошадь, а колокольчик тинь-тинь-тинь...

Гаврилка Камин шустро заготавливает жерди, сияя от сознания, что успеет заготовить на многих, знай оттаскивай нарубленные. Отец с гордостью хмыкает:

- Однако матур Гаврилка. Чем не Альвали, Альвали хорош в сказках, Гаврилка в заправданней жизни. Он настоящий, не выдумка.

О Прасиньих и не вспомнили.

Еще одну схватку с шаманами выдержала Маша, быть может, самую значительную из всех: в нее поверили заозерцы. Объединились. Встал на пепелище добротный просторный чум, заселяйтесь бедолаги! Не изба, но все же сносно.

Садится холодное оранжевое солнце, свинцовое небо со стороны Запада. В бору темнеет, становится глухо. У Ляксиных в вэли-капт бойко разгоняет холод и мрак костер в новой деревянной раме, железная печурка добавляет тепла.

Довольные погорельцы пьют чай из Машиного эмалированного чайника и восторгаются ею:

- Ух-мах, прямо огонь-девка.

Маша, намаявшись, спит мертвецки на топчане и не ведает того, что неприкаянно звереньшем слоняется у мыризы Антон. Забредает в тамбур, дергает, не зная зачем, закрюченную дверь, топчется в нерешительности. Все перепуталось в мыслях. К полуночи надел подволоки, закинул за спину двуствольный пэчкап и сгинул в неизвестность. Заслоила лыжную пороша.

Дело привычное: появляются и исчезают либо в урочище, либо еще куда. Не придавали значения. А отправился Антон к Спницкому. Уследил визиты родителя и решил посетить убежище под берегом, где дымоходом служило дупло осины.

КОМАНДИРОВКИ

Перед Новым годом Сафонов объезжал на нартах промышленные участки, принимал пушнину по твердым закупочным ценам, оделяя охотников провиантом, просто справлялся о пуждах.

Вот как позднее опишет эту командировку попутчик - заведующий отделом райисполкома Борцев:

"Лесовики гостеприимны, приветливы. Смотришь, уже варится суп из свежих беличьих тушек, боровой дичи - ее не счастье в тайге и на опушках. Готовятся рыбные бифштексы. На столик о четырех ножках выставлена патанка - нарезанный тонкими пластичками мороженный муксун. Лесовики много едят, отогреваются чаем и живо повествуют различные случаи из охотничьей одиссеи. Рассказывать они умеют: с юмором, красочно. Не прочь прихвастнуть.

Потом снимают шкурки, расправляют на палках, допоздна в хлопотах. Среди постоянных невзгод и лишений не утрачивают оптимизма, всегда веселы, хоть на перепутьях и ютятся в промерзлых времянках, закрышенных наспех какой-нибудь дерюгой или корьем. В середине шалаша как правило костер, возле костра ветки - постель. Закинувшись одежкой, какую часто веретеном встряхни, почивают безмятежно-беспечно, а мы с Лукичем не можем забыться, нас пробирает озноб. У костра курим трубки - переняли привычку у аборигенов, и дивимся их терпению к неудобствам. Ничто не выведет из равновесия.

За две недели выявили передовиков-стахановцев, организовали между ними соревнование: кто больше добудет и сдаст пушнина, двинулись обратно через урманы и буреломы. Наши олени топоры изорвались в ключья, в одних валенках основательно застудили ноги.

К счастью, натолкнулись на пастушеский стан, некогда приютивший Шехирева с Афонькой. Внутри прохладно, огонь давно угас, в очаге большая куча золы, в ней кто-то шевелится. Иван Лукин поворошил золу рукой, а там голый малыш лет трех-четырех. Мать пояснила, что так ему лучше.

С трудом стянули валенки, растерли болящие ступни. У хозяев стана купили ширинки с мягкими теплыми чулками из осоки, переобулись.

Неожиданно с пастухами нам передали распоряжение района - побывать на Тольке. Это в четырехстах километрах к северу, в таинственно-маянцев тундровой дали. Толька - бывшая вотчина Шатиных (настоящая фамилия Кушны, Шатины - прозвище). Такие вот расстояния! По рассказам старожилов, князь после прикидок и приглядок на ярмарке пригонял в райцентр обоз с дичью, рыбой, мехами, ягодами и, как этого требовал исполком Совета, потрговавшись недолго, сдавал в Сибторг.

С ним объяснялись все через того же зятя-силача, доводили новое задание по сдаче продукции, требовали в пределах возможного оленей для бедноты. Он вначале упрямился, но потом скрепя душу отдал двести коренишков и важенок. Всего имел их больше, чем весь район. Немудрено, что запротестовал: наживал-де, наживал, и отдай за здорово живень.

Усмирить его послали небольшой отряд под командой начальника паспортного стола Николая Первалова, двадцати семи лет отроду. Когда упряжки втянулись в узкую ложину, зажатую двумя стенами серебристых вековечных лиственниц, неожиданно загремели выстрелы. Олени шарахнулись в стороны. Николай вскочил, чтобы затянуть возжечку, сориентироваться, и в этот момент пуля из девятизарядного американского винчестера пробила грудь.

Первалова подхватили, уложили в парты. Он не подавал признаков жизни. Ответный залп рассеял засаду, вынудил затаиться в чаще. Отряд с бездыханным командиром повернул обратно.

Похорошили Первалова на открытом берегу насола у околицы, обелиск со звездой водрузили. Спи вечно. И только в 34-ом оперативники из Остяко-Вогульска (нынешнего Ханты-Ман-

сийска) покончили с мятежом на Тольке. Там успели разграбить магазин, - писал далее Борцев, приехавший в глубинку много раньше Сафонова и знавший, видевший больше Ивана Лукича, - намеревались поджечь школу, но местные активисты помешали.

Старого князя и закоперщика зятя отправили на лесозаготовки под Томск. Пострадали и дети князя, его братья. Самый младший из всех Коля был даже комсомольцем, во всех отношениях достойным юношей, но и его забрали - с концами. Как в воду канул. Колю жалчей всех, душа-человек. Я его хорошо знал. Встречал не раз в Ларьяке и на Тольке, общался тесно. Я категорически был против ареста, но меня не послушали в НКВД, только накричали и чуть самого не обвинили в саботаже против власти и партии.

Шатин-князь испустил на лесозаготовках дух, а Федька тайком изготовил лыжи-голицы и в клящие морозы ушел в родные становища, где речка под сенью серебристых лиственниц. Где бездонное темное озеро с Чертовым островом, родные юрты, жена и дети. Одолея снега и расстояние в тысячу верст. Добрался живым.

Его долго не могли взять.

В конце концов поручили это райисполкомовцу Семену Карповичу Сигильетову, знавшему тайгу не хуже Федьки. С группой лыжников он безостановочно, как зверя на облаве, преследовал по лесным гривам и чистинам. Федька умело сбивал со следа, делал крутую петлю и возвращался к прежнему месту - крутил и так и сяк. Ему не давали остановки-передышки.

Порядком выдохшийся беглец повернул в конце концов на Турухан к знакомым по "ярманкам-ики" эвенкам, и тут его увидели на чистом месте метрах в трехстах-четырестах. Он махал руками, что-то кричал, видимо, просил пощадить, но разозленный многодневными изнурительными гонками Семен Карпович прицелился с колена, сразил наповал, как когда-то в грудь наповал был сражен Первалов.

Рядом с неудавшимся зятем валялся девятизарядный американский винчестер. С возмутителем спокойствия было покончено.

На Тольку направили Красный чум. Поехали туда добровольцами два молодых учителя и "массовичка" - жена одного из посланцев. У них имелись патефон с набором пластинок - по тем временам диковинка, газеты и журналы. Вели среди пастухов разъяснительную работу, прививали навыки гигиены и санитарии, занимались ликбезом среди взрослых. Один из учителей исчез при загадочных обстоятельствах. Отправился с лекцией-беседой в

кочующее селение и не вернулся. Что с ним случилось, куда подевался, осталось невыясненным.

По пути завернули на промыслово-охотничью станцию. Директора ее застали в магазине. Сидя на железной бочке, он тонким резиновым шлангом потягивал из нее спирт. Что поделаешь, и такие вот кадры еще водились.

Район поставлял пушнины на миллионы рублей, много добывал рыбы - тысячами тонн, но давалось это величайшим трудом. Партийный и советский актив постоянно "на весле" и "полозе", пять-шесть месяцев в году занимали командировки.

Особенно памятна минувшая осень. По пасолу двигался плотный косяк язя. Вода кипела от рыбы. Неводом сразу захватили тонны две-три. Улов сваливали в брезентовые чаны, солили, а затем в бочках отправляли в города.

Зимой рыбу добывают у незамерзающих ручьев-"живунов", черпают сачками. В декабре изрядно чебака на протоке близ поселка взяли, а он все продолжал напирать. Гора его на снегу выросла. Ханты утомились, говорят, пора идти отдыхать. Им на замену мобилизовали пенсионеров и страда возле "живуна" продолжалась с неослабевающим напряжением. Сами брались за сачки, несколько центнеров юркой мелочи навывбрасывали, устали невероятно. Как спутанные по рукам и ногам, едва добрались домой.

Работа и работа. Работать им было не привыкать.

ПРИНЯЛИ В КОМСОМОЛ

На ярмарку в Ларьяк как в добрые старые времена собрались со всей пространной округи - себя показать и других посмотреть. Не столько торговать, сколько пообщаться, обменяться информацией о начале сезона, посоветоваться в езде на партах, борьбе на поясах, метании тынзына и просто отведать "огненной воды", чтобы потом рассеяться кто куда, и кто как.

Маня добиралась в райцентр на подаренных Иваном Лукичем лыжах, с особым чувством: ее должны принимать в комсомол - перед совещанием ликвидаторов неграмотности, приуроченным к празднику. Все подсотни километров напрямик по торной оленьей тропе, как на крыльях, отмахала. Кросс что надо. Королевский.

Сафонова нашла среди упряжек, запрудивших площадь и улицы, фанерных ларьков-временок, людской толчей, ветвистых рогов, радостных восклицаний-узнаваний, рукопожатий, дружеских похлопываний. Пообедали на бюро. Пора.

Рекомендовали Машу он, Сафонов, и инспектор РОНО по ликбезу Артемий Таловский. Председательствовал на бюро секретарь райкома комсомола Калинин, по удивительному совпадению с Всесоюзным старостой тоже Михаил Иванович, спросил, как она попала к ним в глубинку, где училась, кто родители.

Вопросы традиционные, стандартные, но ответила с такой непосредственностью, что обычные слова о желании быть там, где всего труднее, следовать отцу, воспринялись клятвой, данной ею на всю будущую жизнь.

Калинин, даже внешне смахивающий на председателя ВЦИКа, вспомнил, как сам напросился в Ларьяк, в год создания района, побуждаемый потребностью всевозможных испытаний, закалки характера, и не раскаялся.

- Жизнь - лучший экзаменатор, - резюмировал он. - Человек с облегченной биографией, что сонная курица, ни туда, ни сюда. С верой в душе надежней и светлее. Думаю, что наша Семеновна достойна комсомола. Кто же, как не она, достойна.

О ней похвально отзывались и много наслышанные члены бюро: достойна! Мнение одно. Все дружно проголосовали и Михаил Иванович поздравил ее с членством ВЛКСМ. Сказал, что билет вручат на торжестве по случаю Восьмого марта в Большом Ларьяке в праздничной обстановке.

Из райкома она не шла - летела, мир казался цветным и до бесконечности разъемным - Иван Лукич едва попевал. Жизнь! Жизнь! Какая же ты прекрасная! С мечтами, друзьями и подругами. И тут вдруг увидела незнакомца, однажды встреченного у обрыва. Лицо полускрыто бородой и напущенным на лоб капюшонном кумыша, но она тотчас узнала. Сипицкий! Резко, как вкопанная остановилась, едва не задев локтем.

Лесовик мгновенно смешался с гурьбой подгулявших хантов, потерялся в толчее.

- Что с тобой? - непонимающе удивился Иван Лукич.

- Да ничего, так, - вначале уклонилась Маша, собираясь с мыслями. Что сказать? А если ошиблась и это совсем не "Евгенья", мало ли отшельников? Настроение упало.

- Погоди, - она торкнулась в милицию. Дежурный на входе посмотрел почти сурово: "Что, драка? Спекуляция?". Она поколебалась и... опять смолчала, отпугнутая строгим тоном. Лишь Ивану Лукичу все-таки призналась: "Точно, видела контру-поручика. Кто еще, как не он". Сафонов расторопно вызвал дежурного и они, с трудом продираясь сквозь толчею, сообща прочесали вдоль и поперек. Бородача в кумыше не нашли. Сгинул.

- Ничего, устроим с зазерцаниями облаву, - пообещал дежурный, для пущей убедительности хлопнув ладонью по кобуре нагана. - Расхлебавшись с ярмаркой и наведаясь в Эмтор-Пугол, где-то там возле Прасинных ошмивается. Факт.

Лишь только распрощались с оперативником у райотдела, навстречу Кремлев под руку с симпатичной дивчиной. Виповаясь, представил: "Моя будущая жена. Так получилось, с Шурой расстались. Без детей невелика драма", но во взгляде сквозило смятение. "Александр Степанович, как же так?" - слезы застлали Маше глаза, сбилось дыхание. Больше ничего не смогла произнести. Шура! Шурочка! Милая... Не все ладно в мире людей.

Иван Лукич, заметив перемену, утешил:

- Дурашка, зачем убиваться. Жизнь - не укатанный тракт, в ней тряско и ухабно.

Маша смахнула слезы, улыбнулась.

- У нас с тобой, Ваня, будет иначе. Правда?! Если только не приколчат меня во цвете лет.

С Иваном Лукичем, надежным, прочным, ей легко и просто. Маша снова улыбнулась.

- Нам ли унывать, плакаться на судьбу-индейку. И жизнь хороша, и жить хорошо.

Мелькают малицы, полушубки, телогрейки, пальто, кто-то держал импровизированную речь, кто-то перебрававший хмельного, горланил складуху на остяцкий манер. Кто-то сводил счета на кулаках. Проявлялись во что горазды.

Ярманка-ники в разгаре.

БЛАГОДАРНОСТЬ ШАМАНУ

Разогревшийся при сооружении чума Василий-погорелец хватил ковши студеной воды и поймал воспаление легких - занедужил. Капель. Температура. Худо дело. Жена обратилась к Григорию: "Он начал его беспокоить". Подразумевала Кынь-Лунгу, по представлениям тогдашних ханты, посылавшего болезни. Надо отворотить зловредного владельца царства мертвых и привести плоть и дух Василия в соответствие. Это способен сделать лишь шаман с согласия Торума, который сверху все видит, понимает и соучаствует.

Григорий пообещал переселить болезнь в деревянное чучело Новой Марьи. Она в большой немилости у черного ники, давно зовет ликвидаторшу в нижний мир. Облачился в балахон с погремущками, высокую шапку с вороньими и лебяжьими перьями, вооружился бубном с колотушкой, весь подобрался, преобразил-

ся. Значительный, как пророк, переступил порог амбара, где когда-то хранился образ Нум-Тэ.

В амбаре на железном листе дотлевал костер. Завернутый в мешковину Василий падрывно каплял и стонал на земляном полу возле костра, временами впадая в обморок.

- В этот момент его душа покидает тело, но находится рядом, - пояснил шаман в молчании расположившимся вдоль стен эмторцам. - С возвращением души Василий приходит в себя, но черный старик мешает ей и душа снова убегает.

Ударил в бубен коротко и длинно.

- Око-око-кэр. Вах-вах, - закричал громко, завыл, гремя подвесками. Долго он плясал и бил в бубен. "Так долго зывал к Торуму, - записал впоследствии райисполкомовец Борцев со слов очевидцев, - что подумали - сошел с ума. Из рта вышустилась пена. Изнеможенный упал на пол, будто умер, не шевелится.

Ему помогли подняться. Шаман весь дрожит, шатается. Подбородок в слюне, глаза дико блуждают. Григория приветствовали собравшиеся в амбаре мужчины и женщины:

- Питявола, тором лекарь! (Здравствуй, божий лекарь!). Что видел и слышал на небе?

Григорий, отдышавшись, сообщил, что Кынь-лунгу переселился в Новую Марию, - для убедительности потряс деревянным чучелом-образом. - Лякени встанет на ноги и будет как прежде охотиться. Так-де распорядился верхний старик с редкой седой бородкой.

Ему дали в награду лисью шкуру и под руки почтительно увели в свой чум, считая дело законченным. Но Василию не стало лучше, увезли в больницу.

Где-то через месяц-полтора Василий вернулся в юрты вполне здоровым, но исцелителем считал все-таки "божьего лекаря", не докторов из Ларьяка. Постарался отблагодарить. С музейной давности пэчканом и пальмой - широким пластинчатым ножом на длинном древке отправился на поиски берлоги. Отменный промысловик, хватывался врукопашную и всегда побеждал. Однажды шатун кренко помял его, содрал кожу с темени. С тех пор волосы не растут - плешивый.

Найдя берлогу, начал тревожить "хозяина" пальмой, тот просунул в отдушину взлохмаченную заspanную физиономию. Василий легонько стукнул его пальмой по подбородку. От неожиданности медведь поднял морду и Василий с силой воткнул нож на древке, как боевое копьё, в горло. Зверь подергался в конвульсиях и затих.

Без осложнений прикончил его, не выпустил из укрома.

По обычаю натопил жира, достал из кармана фигурки Духов и поднес поименно каждому за то, что обеспечил добычу, у которой кончился срок жизни.

Обратился и непосредственно к поверженному самцу, перекладывая вину за убийство на болезнь. Григорий выгнал ее из тела, за это он должен устроить Большой праздник. Тушу медведя вывез на ручной пирте, нахлобучив ему на голову, чтоб не обижался, свою запощенную шапку. Шкуру с неотделанной головой и лапами до коленных суставов поместил в том же амбаре на жердяном возвышении - помосте. Перед головой расставил берестяные чумашки и куженьки с хлебом, солью, рыбой, сахаром, конфетами, ягодами. На глаза медведю положил монеты: пусть не запоминает.

"Гость с того света" лежит на лапах и словно дремлет.

Скоро в амбар набилась толпа. Василий, разряженный клоуном, хватал входивших мужчин и боролся с ними. Долго таскал по амбару, потом усаживал к яствам. У многих из собравшихся лица размалеваны сажеей, брусничным соком. Григорий в специальном обрядовом облачении, берестяной маске на лице, снял с глаз медведя монеты и со значительностью возвестил:

- Он проснулся.

Все дружно повскакали с мест, поклонились и почтительно поприветствовали:

- Питявола, вон-ники! ("Здравствуй, лесной старик!")

Запели торжественные гимны. Смысл их сводился к тому, что сегодня они принимают у себя воскресшего рождественника, оказывают переволотившемуся в медведя внимание. При этом подражали карканью ворон, дескать, видит и слышит не людей, а птиц, - своеобразная маскировка. Не уведет с собой в нижний мир.

Голову поднимали, устанавливая, кем из умерших является зверь, именуя его майпыром или пуппи. А иные величали ма асем (мой отец). Если при упоминании кого-либо голова покажется легче, принадлежность установлена. Так утверждает Борцев, ссылаясь на личные наблюдения и книжные источники. Адресатом на этот раз оказался мятежный шатинский зять скороход. Об этом Григорий оповестил с кратким комментарием: "Зовет к мщенню павший от исполкомовской пули". А какому мщенню, умолчал. Лишь намекнул.

Обряд продолжался своим заведенным чередом. Собравшиеся изображали то лов рыбы, то скрадыванье зверя, вслух радова-

лись тому, что напьются вина и угостят затосковавшего рождественника. Представление длилось несколько суток. Днем актеры и зрители отдыхали. Деятельность возобновлялась с заходом солнца и завершалась на восходе.

Маша пошла посмотреть.

Некоторые исполнители были пьяны и засыпали. Их бесцеремонно растаскивали. Представлением дирижировал Григорий, ему помогал Ефимка. Были здесь Каминь и Вырви Глаз. Все эшторцы собрались.

У медведя поздри заткнуты вотлебом - древесной стружкой, чтоб не чуял. Над головой висела одежда актеров. С окончанием номера она возвращалась на прежнее место. Василий по обязанности хозяина делал ножом зарубку на палочке, какая есть в каждой хантыйской семье и хранится до поры в ящике с ритуальным облачением. Во время чаепитий медведю на трехногий угловатик отделяли угощение, запас его находился под жердяным помостом, на котором голова.

Зрители и участники приносили продукты с собой в чашках и в этих же чашках уносили домой медвежье мясо и жир. Борщев подчеркивает, что особо уважаемые удаивались печени. В конце действия старый шаман объявил, что майпыр насытился ("гость с того света" должен поесть первым) и началась общая трапеза. На середину помещения выдвигали стол и присутствующие располагались вокруг.

На стол кроме всего прочего подавали сладости. Затем Григорий брал несколько лучин, поджигал одну из них и беседовал с медведем о жизни в лесу. Спрашивал, сколько зверя и птицы, как лучше добыть их, кормный ли год для оленей. Поджигал другую лучину, третью и т.д. Отрезал медведю кончик носа, верхнюю и нижнюю губы. Замкнутый ремень губ надел себе на шею, а кончик носа держал на уровне лба.

Сделавшись таким образом майпыром, он свистнул по-бурундучьи. Участники представления тотчас проинмитировали борьбу медведя с полосатиком. Объяснили это тем, что когда-то медведь неосторожно оцарапал бурундуку спину и с тех пор они враждуют, бурундук свистом выдает охотнику присутствие топтыгина.

Воскресшим Федькой-силачом считалась только шкура с головой и лапами, "находящаяся в гостях и принимающая почести". Саму тушу, без головы и лап, - носительницу мяса, полагалось съесть. Но до тех пор, пока шкуру не сняли полностью, зверь считался опасным, перед ним оправдывались.

При этом глаза у собравшихся были полузакрыты, вид угнетенный. Особенно отрешенно держались женщины и дети.

Возле головы деньги - горсть серебра и меди, несколько бумажек.

Собравшиеся исполняли песню Неба (песню Торума) и еще песню Шамана, именуемую почему-то Печерской. Завершалась процедура танцем Пролетных Птиц, повествующем о быстротечности времени. К медведю обращались уже не пушни или майпыр, а только ма асем.

Каждая из песен от семи до двадцати и больше минут. В танцах отражалось содержание песен.

Зрители внешне безразличные, беседовали на отвлеченные темы, свободно перемещались по амбару или совсем покидали его. Обрядовые костюмы, таких Манпа прежде не видела, яркого цвета, суконные и шелковые. Имелись из простой материи, но раскромью напоминающие распашные халаты. У Григория, ведущего, шапка из соболя. У Ефимки Три звезды во лбу, его подручного, - лисья. Остальные в заурядных ушанках и малахаях.

Напрямую сообщили медведю, что собрались сюда принаряженными, размалеванными, с угощениями, чтобы лестью и почетом отвести от себя гнев зверя. Но вдруг диссонансом прорезался, опередил голоса дребезжащий фистульно тенорок Григория, его нагнал маслясто-вкрадчивый Ефимкин бархат:

- Кантага-ях не виноваты в убийствах, во всех плохом, ма асем, виноваты русские. Они изготовили пачканы, продали хаптам дробь и порох, отлили пули. Они заставляют добывать дичи много больше, чем надо человеку в лесу, все добытое сдавать государству.

От неожиданности Манпа вздрогнула, поежилась, как от озноба, услышав свое имя.

- Новая Марья сманивает детей в интернаты, они забудут землю предков, ремесла. Грамотные не захотят пачкаться в иле, почевать в кылысе - курошачьей поре, мокнуть и мерзнуть у заповор с сачками и атармой, мягчить бересту для летних чумов, разучатся скрадывать зверя. С кем останемся без детей, когда совсем одряхлшем, кому передадим споровку? Пусть ответит дочь сатаны, не хуже шаманов колдующая народ сора - ваховских хаптов.

Одурманенные водкой и бессонницей эиторцы отстранено-враждебные.

"Не верьте им, не верьте! - хотелось крикнуть Манпе. - Это Прасины ради собственной выгоды подбивают на злодейство", но

сдержалась.

Рассредоточившиеся вереницей исполнители во всем следовали вожаку, как гусята мамаше гусыне. С посохом Григорий не расставался в продолжении всего обряда, соответственно сцене тот служил ружьем, копьем или веслом. С накинутым на лицо суминыхом елтаку подсаживался к женщинам на нарах, наборматывал невнятное и одновременно ударял наконечником посоха по скамейке, услужливо подвигаемой ему.

Женщины набрасывали на шамана свои заранее приготовленные платки, а затем снимали их.

И вдруг снова прозвучало:

- Ма асем, русские рубят леса, пугают зверя и птицу, топчут ягель. Лишают тайгу естества... Их много, очень много, ма асем. Вождь Илейка живой, хоть и мертвый в каменном доме-мавзолее, как князь Шатин с Тольки в запрятанной гробнице. Илейка не запрятанный. Боги гnevаются на эмторцев за то, что слушают рут-ях. Худо им будет от богов, хуже, чем Ляксиным, - наперебой плели нитку сообщники. - Прогоните русских из тайги, прогоните Новую Марью. Мы сами по себе, русские сами по себе. Не отдавайте им добычу. Пусть обитают в го-ро-дах, тайга для великого народа кантага-ях.

Маше бы скорей покинуть хмельное капище, но неведомая сила удерживала на месте. Она осталась.

Из "Записок" Борцева:

"Лишь только очередной плясун, вызванный с улицы стуком посоха Григория, переступил порог, его окурили тлеющим трутом (заменяет церковный ладан), и вошедший принялся изображать скачки на нарте. Он взмахивал хореем, дергал возжечку, понукал воображаемых оленей. Устал. Ему бросили на пол росомашью полость, плясун упал на нее, всем видом выражая изнеможение. Его подхватили и по знаку ведущего спешно, будто подгоняемые ветром, выкинули вон.

Как только заканчивался номер, сами выскакивали на мороз, остальные в это время кричали велед: "Э-э-эй!". Переодевались артисты на улице, при входе в амбар стучали палкой. Дверь им распахивал человек с закрытым лицом, специально поставленный у порога. Некоторые участники тоже надевали берестяные маски с уродливо сшитыми носами, позванивали колокольчиками - вроде музыкального сопровождения.

Один из гостей бренчал на панане, похожем на миниатюрную лодку, точь-в-точь какой у преднацсовета, со слабо натянутыми струнами - расстроенный. Видать, давно им не пользова-

лись. Маня невольно обратила внимание на человека у дверей. Что-то знакомое угадывалось в пристальном взгляде из-под маски, в осанке. Не тот ли бородач из логова у речки, не "Евгенья" ли? Но что могла? Ее не слушают, не поймут. Скажут, испортила праздник, действительно, вредная. Посоветовать при случае Тлянке, чтоб для избавления от скуки устраивала вечера отдыха, вовлекала зазерцев в самодеятельность. Они прирожденные таланты. Зденский праздник Головы еще раз подтвердил, что это настоящее самородное искусство, вполне приемлемое для массового распространения. Не во вред.

Белесо занимался тусклым денек конца февраля, один из последних в ее жизни. Вчера опять врывались шаманхи с женой "претседателя", царапали лицо, порвали на ней платье. Попытались выбросить стол. Авда истерично квохтала, что свела с ума ее сына. Забыл Антон про все на свете, сохнет, отбивается на сторону. Катерина ревновала к Косте.

Час от часу не легче. Петля захлестывается, нет лазейки из туника. С тяжелым сердцем ушла на лыжах в Большой Ларьяк.

Тем временем шкуру с головы и лап сняли, вываренный череп перевязали кедровым корнем и поместили на чердак амбара, чтобы впродоль майныр не смог укунить. Он способен вновь облечься плотью и кровью - возродиться. "Причесанные" кости (по ним символически водили гребнем) снесли туда же. Остатки съестного закопали в землю, ибо родетвеник в нижнем мире нуждается в пище.

Надвигался сезон урны-нки, когда вороны прилетают и зайчихи мечут первых детенышей. Эмторцы начали собираться в тайгу на промысел, но отвлекла очередная пьянка. Задержались. В мырзабу с семейством самовольно вселился Вырви глаз, сделав жизнь невыносимой. На празднике Головы Синицкий неотступно дозорил за Машей в прорези маски, его это глаза, ставшие в полумраке карамы щурками, приметились.

Намерен совсем покинуть юрты. Антон собирается с ним на Тольку.

"Глуный, - сердится старый слтаку, - Евгенья нам одинаково с большевиками чужой. Прасины из породы Тур-Пучей не сольются по-настоящему ни с одной из сторон - ни с белой, ни с красной, а устаювят на Вахе свою власть повиновения богам, свою волю".

ФАКТ И ПОСЛЕДСТВИЯ

О том, что ей в открытую роют могилу, бьют в упор, в поселке сказать не решилась. Гордая! Не привыкла занимать собою чужое внимание.

С привычкой увлеченностью поделилась с Тлянкой соображениями по "культмассовке", навеянными обрядом, - использовать богатый фольклор, не нарушая его самобытности. Согласилась поучаствовать в концерте на Восьмое марта. В шуточной сценке, ею же придуманной, прижимистый сельский парень, играть которого выпало Маше, отправляется на базар. Симпатизирующая соседская Феклуша допытывается: "Чем собрался торговать?". А он ей: "Не скажу". Девушка все-таки узнает и просит у него яблоко: "Угости, милый дружок". Петруша скупится, но потом все же дает одно гнилое.

Порепетировав, Маша в тягостном предчувствии собралась обратно в юрты, сказала на прощанье: "Так не хочется мне, девочки, за озеро". Они успокоили в голос: "Ты же скоро наведишь нас, Артемий Таловский или сам Калинин вручат перед концертом комсомольские билеты. Радость!". Обнялись, расцеловались.

Маша вышла за дверь, но в последний момент вернулась: "Дорогие мои, дайте еще на вас посмотрю. Может последний раз", и ушла навсегда.

Седьмого марта утром на взмыленных оленях прискакал Гаврилка Камин, один из ее любимцев, подростка спросили: "А где Маша? Почему без нее? Должна быть". "Ульты-нэ еще вчера исчезла", - Гаврилка озадачен не меньше.

Следом появился Костя с одинаковым сообщением: пропала.

Снарядили поиски. Накануне разыгравшийся шальной бурей засугробил, скрыл следы. Ни с чем вернулись. Тогда, бывалый таежник, на розыски отправился Гаврил Васильевич. У дороги на Эмтор-Пугол вороны хрипло, как на поживу, благовестят. Он свернул в сторону грая, обратил внимание на то, что хворост у накрепившейся сосны набросан беспорядочно и сухие хвонники с него, кем-то потревоженного, усеяли снег: недавно разворошен.

Подозрительным показалось. Отвалил ветки, коннул чуть снег, - она, Новая Марья. В руке сумочка с несколькими карандашиками и рисунками. Не иначе инсценировка. Будто сбилась с пути, зарылась под хворост и так замерзла.

Преднацсовета поскорей запряг оленей - и в милицию. Оттуда на место преступления выехали оперуполномоченный со следователем. Машу на нартах привезли в нацсовет.

Узнав про это, Евгения сама не своя, похолодевшая прибежала. У Сафонова катились слезы из-под белесых ресниц, не успевал смаргивать. Ее полные руки и голени ног были в синяках и надавах, шея свернута. Голова в нескольких местах пробита. Медэкспертиза установила насильственную смерть.

Похоронили ульты-нэ в Ларьяке на кладбище в кедровнике, где покоились мирогиныцы. Неглубоко закопали, на случай перезахоронения, если в навигацию пароходом наведаются родители. Зимой добраться не на чем.

Витали пересуды, предположения, догадки. Вначале следствие ничего не прояснило. Шаманы и Костя, уже не председатель: отстранили, - поотрез отказались что-либо признать: "Не знаем, не трогали ликвидаторшу. Сама в бурю закружилась и переставилась... Кубырь...". Заозерцы, боясь их мести, отмалчивались. Сумей установи истину, если круговая порука.

Тогда допросили Федю Печникова и двойняшек Григория. Двойняшки в тои взрослым твердили заученно: не видели, не слышали. Зато сынишка Шуры, боготворивший ульты-нэ, этот рассказал подробно, не утаивая. Его свели с подеудимыми и те дополнили картину.

Убедившись, что поджег чума не дал желаемого эффекта, Прасины в злобе накинулись на вернувшуюся из Большого Ларьяка Ману с кулаками, избили, выбросили стол.

Федя, улучив момент, предупредил:
- Они хотят тебя кончать, я слышал. Давай укачем на оленях в поселок. Поторонимся.

- Милый мальчик. Тур Пучи сразу переполошатся и догонят. Из-за меня пострадаешь и ты. Лучше пойду потихоньку, незаметно.

Но не ушла. Буря собирался, она и задержалась, все-таки двенадцать верет лесом. Выстирала платья, повесила на веревку проморозить. Рано легла в постель, снедаемая тревогой. Еще не уснула, как ввалились оба елтаку с Вырви глазом. Зашептались. Она разобрала: "Ночью под лед. Никто не найдет дочь сатаны. Съедят рыбы, съест вода, запрячет ил-назем. Конец Манке".

Но только смеркалось и они, посчитав ее спящей, удалились "погулять" до темноты.

Мана поспешно набросила поверх сорочки пальто, надела валенки, берет: на большее не оставалось времени. Свернув трубкой портрет Петра, вместила в сумочку с карандашиками и осторожно выглянула из тамбура. Никого. Пусто. То рысцой, то трусцой, то просто скорым шагом припустила через озеро. Авось про-

несет.

А рассупонившийся всею бурей слепит глаза, насквозь пронизывает тонкую одежду. Трудно по запасам одолевать сопротивление ветра и секущего снега.

До поселка километра три осталось. Лес поредел, скоро покажутся дома, но вдруг из завихрений донесся звон бубенцов, вехраны оленей и пьяные выкрики: "Хэй! Хэй!" - две упряжки наступали.

Они!.. Прасишь!.. Метнулась в сторону по целине, тотчас увязла в сугробе. Ее заметили, повернули животных вслед. Передний коренник сшиб Машу с ног. Она успела вскочить, оттолкнула метнувшихся к ней ездоков, среди которых Антоп и Вырви глаз. "Русская ведьма, нуни канлок!" - ткнули сильно шестом в висок. Помутилось сознание. Отрывочно мелькнула мысль: "Не суждено мне свидеться! Прощайте!". На мгновение увидела Сафорова, Евгению, отца с матерью, весь огромный мир.

Они навалились, мнут, тискают, вехранывают, как олени. Напряглась Маша, сбросила их озверевших, поднялась во весь рост. Понимая, что спасения нет, выдохнула в искаженные злобой физиономии:

- Безумцы! Напрасно себя погубите, темные. Для вас же стараюсь.

Из них заколебался Антоп:

- Однако зачем кончать рут-ях, делать девушку бабой надо. Сладко ей делать. Пускай живет.

На парня цыкнули: "Донесет, арестуют за насильство", накинули Маше на шею веревочную петлю-чепчик. Концы чепчика привязали нартам и понукнули оленей.

Захлестнуло удавкой шею, перехватило горло. Ослепительной вспышкой взорвался мрак.

- Мамочка! Маа...

Голова ударлась то ли о пень, то ли о конюльях нарт и жизнь навсегда покинула ее. Бездыханную Машу бросили на снег в позе свалившегося в изнеможении путника, втиснули в руки сумочку и замаскировали хворостом - подобие кылыса наснех смастерили. В юртах пригрозили, чтоб держали все язык за зубами, не то постигнет одинаковая участь, и затаились.

Утром Федя Печиков обратил внимание на то, что дверь мыризбы распахнута настежь, ветер гуляет. Учебники и тетради разбросаны на полу. И ни Маши, ни семейства Вырви глаза. Мальчик побежал к Камниным, заподозрив неладное, Иван Максимович тотчас отправил в поселок нарочного - Гаврилку.

А в чуме у Григория тем временем -совет: как навести тень на плетень? Решили вслед за Гаврилкой послать Костю, пусть изобразит недоумение. Но обмануть не удалось. В Эмтор-Пугол снарядили милицию. Тур Пучи, предупрежденные дозорными на бугре, убрались спешно в тайгу и оперативники вернулись ни с чем.

Так повторялось несколько раз.

Тогда с тремя копытыми подводами отправились Константин Балли, муж Веры Коротких, и Александр Елисеев, копыток райнеполкома, якобы звать на "мирхат" общее собрание кооператоров, сумели убедить эмторцев, но Прасины, почуяв подвох, заупрямились. Их вместе с женами и бывшим "претседателем" с помощью Камыных силой заголкали в пошевни-сани с зашитыми боковинами.

На почевке в Большом Ларьяке они замыслили разделаться с "конвоирами", но те из предосторожности бодрствовали до утра, стовор не удался.

В райцентре на высоком берегу пасола, огибавшего лесистую грядку, откуда Маша по приезде оглядывала окрестности, толнился народ. Милиционеры внушительно-требовательно басили:

- Граждане, разойдитесь! Граждане!..

В белом корыте пасола показались три движущиеся точки, выросли, покрупнели. Стали различимы фигуры, лица. Вот подводы, набитые людьми, втянулись на гору, их окружили оперативники, отвели Прасиных и их сообщников в камеру предварительного заключения.

Следствие продлится долго. На суде убийцы будут препираться, сваливать вину друг на друга, лишь Авда с Екатериной заявит, что "ликвидаторшу" не жалко, так ей и надо", что рано-поздно всех русских на Вахе искоренят. А за них отомстят дети.

Женок приговорят к расстрелу, высшую меру наказания вынесут Косте и Ефимке с Антоном. Григорий избежит их участи лишь потому, что еще до процесса откажет сердце.

Делу придали политическую окраску, привлекли косвенных участников этого дела, просто нянствовавших с шаманами, во хмелю небрежно говоривших про рут-ях и новую власть. Их тоже осудили на разные сроки, всего человек двенадцать-тринадцать, если не больше. Похоже, что суд переусердствовал, заметя под маркой "врагов народа" одинаково правых и виноватых.

По-разному отразилась судьба Маши на окружающих: Федя впоследствии поступит в Ленинградский педагогический институт

имени Герцена, вместе с земляком Николаем Терешкиным составит "Букварь ваховских хантов" - выполнит совет ульты-нэ; Евгения начнет вечерами посещать уроки в интернате - осваивать, как тогда выражались, "четыре группы" - класса. Вступила в комсомол.

Сбудутся слова Маши, ее действительно далеко увидят.

Иван Лукнич оставит секретарство в нацсовете, пожелает ликвидатором в Чехломей на место выбывшего Шехирева, подобно Маше, будет втолковывать хантам азы грамоты и личной гигиены, объяснять задачи первых пятилеток. Осенью того же года призовется на службу, станет участником войны с Японией.

Гибель Маши потрясла Кремлева. Маятно Александр Степанович мерил шагами взад-вперед комнатушку, искал выход из создавшегося положения и не находил. Вторая семья не сложилась, без Маши он вовсе одинок. Некому излить душу. В состоянии подавленности приставил к груди ствол малокалиберной, с которой однажды играла солдата с ружьем, и нажал спуск.

Таков факт и его последствия.

Вещички Маши в крашеном фанерном чемоданчике Евгения сохранит до приезда на перепохороны отца, себе оставит чудом уцелевший портрет ее друга, он станет дорогой, незаменимой памятью об ульты-нэ. На всю будущую жизнь.

ГДЕ ИСКАТЬ БОГИНЮ

Больше открывшейся на ноге раны и ревматизма Сипицкого мучила безысходность. Нет и уже никогда не будет прежней России, балов в Смольном институте благородных девиц, друзей кадетов, пирушек. Все смела революция.

Его последняя спасательная соломинка Изварин-Ворон, перебраться на Тольку, а там, быть может, податься все-таки кружным путем за кордон. Сглупил, что не эмигрировал сразу, втравился ради дядиного наследства в белое движение. Здесь он обречен.

В проводники намеревался взять Антопа, но его забрали по делу Петухиной вместе с другими Прасинными. Они могут на допросе проболтаться, надо немедленно уходить. Ясной звездной ночью запряг оленей и взял курс на Север, где граница леса и тундры, в мелкой струйной речке тесно от вкусной омолаживающей сельди тугунка, нагуливают жир олени стада, в полнеба висит цветной переменчивый сполох-сияние, в такой-то замшевой балке с осьпями галечника покоится гробница князя - отца Шатиша, которого хоронили пять верных шаманов. По слухам,

вскоре убитых Федькой-зятем.

Мальчишкой он с нартовым караваном дяди ходил туда. Помнит сытые угощения в роскошных юртах из красной парусины и шелка, от прикосновений гудевших, как бубен шамана. Им с Серафимом Антипадиновичем прислуживали юные красавицы селькунки, скользившие бесшумно по коврам. Играл парус-их. Мужчины пили вино, обильно закусывали и вели торги.

Толька! Толька! Далека ты, в прошлом.

Из тайника взял лишь богиню, искусно составленную из драгоценных пластинок. С ней беседовал подолгу, чтобы не разучиться говорить и думать, не сойти с ума.

Часто Евгения трясла лихорадка, досаждали галлюцинации. То вдруг начинала звенеть, явственно полниться стуками, дружным "ура" карама, так, будто это в Ларьяк-Божьи юрты нагрели чоповцы; блазился Смольный - павоценный до блеска паркет, хрусталь люстр, музицирование с барышнями-институтками; на четвереньках протискивался в лаз старый елтаку и пробовал целовать кисельными губами, и он брезгливо отплевывал... пустоту; то баритоном дяди купца венчал сучок в бревне.

Нум-то стала осознанием того, что он еще существует, не полный мертвец.

К утру, когда занялось солнце, был далеко от стойбища. Погонял оленей валником-шестом с кругляшкой на конце. Сырой раскисающий снег лип к полозьям нарт, сбивал скорость. К вечеру окрепший мороз спаял его в наст, обрезавший оленям ноги. Снова плохо. Решил започевать среди пихтовника, в затишке. Жар костра, как онахалом, трогал лицо, бесстрастно взирали с купола звезды. По обыкновению запрокинутый на спину франтоватый пачищено-медный спял месяцок, очень похожий на ручку серванта в их петербургской гостиной. Обступала молчаливо-громоздкая напряженная тайга, хрупали ягель проголодавшиеся животные. И будто никаких мрачностей впереди.

Судьба, судьба, посули козыри неудачливому!

На свежем воздухе уснул крепко, как никогда, согреваемый костром и богиней под рукой. Сквозь глубокое забытие вязко, будто из ваты, проклюнулись вдруг надрывные пугающие вон. Натужно придя в себя, Спичицкий насторожился, взял панзготовку карабин. Край неба становился белесым, звезды тускнели и месяцок-собольи хвостик терялся. Между деревьев, заштрихованных сумерками, замелькали точечно светящиеся угольки глаз, неясные силуэты. Волки! Прицелился в крупного, по всему вожака. От выстрела тот взвизгнул, подскочил винтом и завалился набок,

суча лапами, пятная кровью снег.

С неистовой прихлынувшей радостью: не сплосал! - поймал на мушку другого зверя. Так снайперски выбил семерых из стаи. Волков не убывало.

На глазах Сеницкого, от которого отпугивал огонь, они перерезали горла кореннику и пристяжной, а, покончив с ними, принялись терзать распластаные шерстистые тела собратьев.

Осталось два патрона. Сеницкий свалил еще матерого, последний патрон приберет на крайнюю нужду - для себя. Но стоя, насытившись, круто, как по команде, упоркнула. Словно не бывало и в помине.

Сеницкий утолил голод куском вареной оленины, растер, перебол затершие от неподвижности ноги и побрел дальше, ориентируясь по солнцу. Брел весь день с остановками-привалами. К вечеру хватило сил лишь развести костер и свалиться в изнеможении на еловые, предусмотрительно набросанные ветки. Болезнь опутывала все больше.

В бреду ему блазились протяженный до бесконечности коридор учебного корпуса. Он с бравой выправкой в отражении настенных зеркал марширует навстречу августейшему в полувойском мундире. Отдает честь, как учили в кадетах, но узнает в императоре своего дядю. У Серафима Антипадиетовича отделяется борода и мокрым снегом к ползьям лепится к нему. "Кышь!" - остервенело машет Евгений, пускает во весь дух прочь и тут замечает вдалеке золотую богиню. Нум-Тэ манит за собой незрячей улыбкой его покойной матери. Сеницкий следует безотчетно и вдруг срывается в лишаисто-гнилостную яму с червями и жабами, прочими гадами. Богиня где-то выше, в недостижимости. На лице уродливая берестяная маска, сшитая сухожилиями оленя; она бьет в бубен, созывая шаманов на "мирхат". Сеницкий спасительно тянется к Прасным, но их сталкивает в яму возникшая ликвидаторша Петухина, посылает вдогон презрительный плевок.

"Ааа!" - в ужасе размыкает глаза поручик, с трудом осознавая, где он и что с ним.

Глухая ночь. Костер угас, но нет сил шевельнуться, так ослаб. Болью болит раздерганная рана. Только неизвестно где, похоже, заплутал. Вокруг безлюдье. С его немочью это конец. Помня, что офицер должен умереть достойно, нашаривает сделавшийся невероятно громоздким под рукой карабин. Щелчок выстрела негромок, как хлопок в ладоши. Рядом с упокоившимся нелепо смотрится богиня с драгоценными подвесками вместо платья. Затянет ягель бранные остатки мятежного поручика, ржавчина ис-

точит карабин, лишь Нум-Тэ уцелеет: золото не поддается тлению.

КЛЯТВА

С началом навигации приплыл Семен Николаевич Петухин. Насузданный, замкнутый. С узелком "смертного" для дочери. Сойдя на берег назола, где месяц-полтора назад ларьякцу ждали подвод с убийцами, он отправился в райком к первому секретарю Петру Ивановичу Сухинину, недовольный тем, что предали прах земле без должных почестей. В кепке, высоких кирзачах, в каких обычно рыбачил: на голенищах сапог присох донный ил. Суконный помявшийся пиджак да рубаха-косоворотка дополняли одеяние. Взматеревшая за дорогу щетина и скорбь на лице старили Семена Николаевича.

Сухинин хорошо понимал его состояние - невосполнима утрата. Может, самая тяжкая из всех, какие постигают. Прав Семен Николаевич, перехоранивать надо как героиню. Он пригласил круглого тезку Вессоюзного старосты, обязал, и Михаил Иванович поднял молодежь.

Гроб в кедровнике откопали, проткнули под днище веревки и потянули вверх. Из досчатого ярева хлынула рыжеватая от суглинка жижа. Когда только успела набраться? Усоншую обмыли, осторожно очистили ватой в спирте. Кожа немного шелушилась и розовела под отставшим эпителием. На голову повязали косынку с мелкими цветочками по голубому полю. В нагрудный карманек вложили комеомольский билет.

В новой домовине, обитой кумачом, Маша лежала как живая, казалось, что вот-вот очнется и скажет: "Здравствуйте. Где мои тетради? Пора на урок?"

Гроб поставили на эстраде "летнего сада", что в центре села. У гроба в немой печали склонялся отец. Звучала тихая музыка, каждые две-три минуты сменялся почетный караул. Похоронная процессия двигалась главной улицей к месту погребения Николая Первалова. В камере предварительного заключения поделедствешные Прасины кривились в скептической усмешке: поплатилась улыбка-но. Еще не один русский поплатится.

На бугре, откуда открывался простор наводковых вод, на виду за селом разворачивалась хлопотливая навигация, сплавляли стресовой лес. Сухинин произнес небольшую речь про короткую, но яркую жизнь улыбки-но, до конца, до самого смертного часа выполнявшей свой просветительский долг.

Все обнажили головы.

Грянул залп из ружей и паганов. На крышку гроба бросили комья свежей влажной почвы, вслед зачастили лопаты. Скоро у околицы на открытом вырос холмик. Над ним поставилиobelisk с выбитой на металле вязью: "В память борцам, павшим за Советскую власть!".

Все это время Евгения, как заклинание, твердила про себя те однажды слышанное от Маши: "Безумству храбрых поем мы песню. Безумство храбрых - вот мудрость жизни!.." Каждый выбирает то, на что способен - судьбу ужа, либо сокола. Преждевременной смертью ее подруга обессмертила себя.

Жизнь продолжалась и звала вперед.

С ней в Большой Ларьяк добирался Камин. После назначения председателем "Ударника второй пятилетки" он перебрался в поселок. Здесь дедка Максим то ли от перемены обстановки, то ли просто срок настал, начал хандрить, увял на глазах. Жаловался на звон в ушах, забывался.

- Поболею, поболею и умру, - заявил однажды. - Сам умру, без лекаря. Не мешайте.

И действительно через неделю преставился скоропостижно, во сне.

Перед выносом тела дедке оборвали подвязки на ныриках - отделили его от живых. В нарты собрали вещи, какими пользовался. Их сознательно привели в негодность, потому что в нижнем мире все наоборот. Реки текут вспять, луна встает с обратной стороны. У почитаемого дедкой батарейного приемника по этой причине вывернули внутренности, и тоже присовокупили: вдруг захочет послушать вести из обетованного мира.

На родовом кладбище за озером зарезали оленя, на котором везли мертвого. Часть сваренного тут же на костре мяса съели, оставшееся спустили в могилу. Оставили покойному чай, вино в чумашках. Колоду вместе с угощением накрыли берестой и засыпали землей. Над могилой смастерили клетку с крышей. В нее поместили табак и опиво, сменную одежду. К боковине клетки прислонили нарту: вдруг дедке понадобится навестить переселившихся в разное время к Кынь-лунгу. Запряжет оленей и съездит в гости к другим покойным. По-своему он там живет и пользуется необходимым.

Одна смерть напомнила Евгении другую, тоже недавнюю и горестную.

"Человек! - размышлял. - Что он такое? Зачем? Уходит в небытие, но оседаешь его в себе постоянно. Дело все в том, насколько он близок и значителен. Маша пронизала все ее суще-

ство. Без нее и вместе с тем с нею, и это уже хорошо".

С похорон вернулась усталая, едва держась на ногах. Дома прикрыла разметавшегося по постели Сашутку одеялом и замедлилась перед портретом над кроватью: выдержит ли? Жить теперь надо не только за себя - за брата и подругу, всю Расею. Не затеряться песчинкой на мели. Ответственность немалая. Но с людьми не пропадет. Улыбнувшись, произнесла как клятву:

- По плечу ноша. До окончания дней по плечу, Маша. Верую!

В ЛИХУЮ ГОДИНУ

На место Ивана Лукича приехал из Томска новый секретарь Яков Носиков. Симпатичный, интеллигентный. Отменный эрудит. Бывал в театрах, филармониях. Куда до него Евгении. И мечтать не смела. Едва заслышит шаги, подхватит ведра, тряпки - и в двери.

А душой тянулась к томичу, пробудил кудреватый весельчак дремавшие до сих пор чувства и они захватили всю ее без остатка. Обратил и Носиков внимание на скромную старательную техничку.

Но больше их сблизил самодеятельность. Яков недурно пел, участвовал в пьесах. После уроков сдвинут парты к стене и репетируют до третьих петухов. Он охотно рассказывал о себе и родне. О том, как попал в Ваховскую глубинку. Прямая противоположность Сафонову-земляку.

Вскоре поженились - обрела наконец-то личное счастье. Поселились в "кубрике" Ивана Лукича, где одно время обитал с Машей. Какой ни есть, а угол. Портрет Петра из кухни перекочевал сюда же. Берегла память об улытке-нэ.

Изголодавшийся по мужскому обществу Сашутка потянулся к Носикову как к родному отцу, звал его папкой. Яков допоздна засиживался в пацовеце и хотел, чтоб они были рядом. Так втроем коротали вечера. Иногда к ним присоединялась глуховатая круглолицая Нюра Полуянова. Ладонь к уху приклонит ковшичком и слушает напряженно. В интернате она и повар, и портниха, и охранник - все вместе.

Однажды у нее радательной нагноился палец, так изохалась:
- Лучше б не хворать. Не надо выходного листка. Вторая мать хантятам. Парным молоком папою, супы и кашу еготовлю, костюмчики поштопаю. Всегда при деле.

Евгения ей подстать: по совместительству "санитаричала" в медпункте. Заведующая женщина себе на уме, выпишет лекарства

и сдаст больного на ее полное попечение. Остяки тогда страдали паршой и трахомой. Она обстрижет свалявшиеся патлы, обрабатывает голову марганцевкой и смажет коросты мазью. Врачевала трахому. И тогда по ней скучали муж с сынишкой. Вдвойне радостна встреча. Яков подступит шутливо, притопнет ногой.

Ты, старуха, на посок.

Я, старик, на пятку.

Ты, старуха, трепака.

Я, старик, вприсядку.

Она, смахнув усталость, пристукнет каблуками о пол, озорновато подмигнет зрячим глазом и выпнет рукой лебедя.

Если хочешь познакомиться,

Купи на сарафан...

А тут в "Ударник второй пятилетки" завезли коров. Иван Максимович принялся агитировать:

- Бояцца, Женья, наши люди рогов. Майныра с того света не бояцца, а от коров шарахаются. Лешак Пырнэ! - кричат. Ты Женья, помоги колхозу, колхоз поможет тебе. Колсын? - понимаешь.

- Понимаю, Иван Максимович, раз надо, я и без просьб готова.

- Однако молодец, - обрадовался председатель. - Око-око-кэр.

Явление не чрезвычайное. В сельхозартели под Тобольском управлялась со скотом, управится и здесь. Взвалила на себя третью нагрузку. Стадо вскоре привязалось к ней заботливой, перед кормежкой и доением дружно являлось под окна нацсовета: пора, мол, хозяйка.

Весной пахала огороды, по-мужски веско налегая на плужные чапиги. И в этом способна. Камни рассыпался в благодарностях, предлагал в награду корову, настойчиво зазывал в колхоз.

- Вступай, Женья, однако хорошо заработаешь.

А ей все больше нравились запахи аптечки, стерильная белизна ваты и бинтов, салфеток, "спасибя" пациентов. И еще одна причина мешала вступить в "Ударник второй пятилетки": она затяжелела. Представляла будущего ребенка кудреватым, щебетливым - сыном. Но родилась дочь. На радость Якову действительно кучерявая лепетунья.

Их счастье внезапно разрушила война. Якова призвали в числе первых. По секретарской надобности он поплыл в райцентр, а ему навстречу - тоже на обласке - парочный с повесткой: срочно явиться на призывный пункт. Яков повернул долбленку,

в Большом Ларьяке собрал в заплечный сидор вещички - и тем же днем в неведомый путь. На прощанье загадал:

- Уцелею - будем вместе осваивать глубинку. Все у нас будет хорошо. Погибну - не плачь: за тебя с детьми, за правое дело полягу в схватке.

Обмирая, Евгения Викторовна припала к нему, сердцем чуя - навсегда расстанутся.

Нацсоветовский пятистенник на беду отдали под медпункт. У заведующей как раз за растрату посадили мужа-продавца, она стала не в меру раздражительной. То и это не так. Заладили: "Убирайтесь, куда хотите. Еще чего доброго подожжете". Вытесненные неуживчивой кукушкой за порог, какое-то время ютились в конском стойле. Но мир не без добрых людей. Камни разрешили занять баню на задворках в огороде. Тесно, сумрачно, зато никто не упрекает.

Евгения вступила в колхоз. Как одержимая пахала, доила, занималась извозом. Ничего не чуралась. О ней уважительно отзывались в артели. Правление, не взирая на ее протесты, бесплатно поощрило коровой. Пользуйся, ударница! Это записано в трудовой книжке.

Заведующая, ввавшая в религиозность, все читала божественные книги и сетовала, что на фронте сейчас сражаются конь красный и конь черный (вероятно, немцы), хоть бы уж победил черный, так мужа бы выпустили. Кто-то донес и фельдшерицу арестовали. С тех пор ее не видели.

Время было суровое. Выжить трудно, на севере тем более. Север не исключение из правил, скорее наоборот.

Всего памятей Шехиревой 43 год. Ее, после того, как взяли в трудармию Гаврила Васильевича, утвердили председателем нацсовета. Могла ли думать темная, с детства забитая, защемленная невзгодами, что поднимется на такую высоту. Но поднялась. Местная газета "Стахановец" писала в те дни: "Евгения Викторовна Шехирева с успехом заменила мужа, погибшего при защите Москвы. Она встала на ступень выше Якова Тимофеевича Носикова, отлично справляется в должности председателя нацсовета. Всегда и во всем старательная. Берите с нее пример!"

Действительно, и старалась, и справлялась.

В партию ее принимали зимой в самую стужу. У бывшего поповского особняка, где помещался райком, Евгению Викторовну ждал запряженный в розвальни, наделен с боков Гнедко. Розвальни загружены жмыхом для скота. Она торопилась. Война. Каждый час дорог.

Долго ее не держали. Сухинин спросил, какие планы доведены колхозу. Поинтересовался привесами молодняка. Она сказала. Петр Иванович посоветовал создать в Большом Ларьяке бригаду огородниц, подобную той, какая в "Вергэ кесе". Доказала Вера Коротких, что, если приложить руки, можно обеспечить овощи и картофелем на месте, без завоза их с материка. Почвы благодатные, и тепла хватает. Этим первый секретарь заключил свое последнее заседание бюро. Он мобилизовался политкомиссаром в действующую армию.

Взмокревшая от волнений вышла Евгения Викторовна во двор. Гнедко, увидя, потянулся к хозяйке, прося гостинец. Она достала из кармана хлебную горбушку. Меринок перемолол ее ворсистым бархатом толстых губ, неспешно тронулся под горку, к поселку накатанным зимником. Пасол рассекал лесистую грядку, протянувшуюся к Васюганью, в ней, крутобокой, как в ущелье затиснутый.

При Евгении Викторовне дробовик: время к ночи, могут обложить волки. Их развелось несметно. С Шехиревой в Большой Ларьяк добиралась Шура Печикова, переселившаяся из юрт в райцентр. Федю за то, что рассказал следователю правду, родственники Прасных и дети всерьез грозились убить, и Шура решила переехать сама и взять из интерната сына.

В райцентре устроилась в хозяйственную бригаду Веры Коротких, ворочала за мужика, подгоняла напарниц.

За это уважали ее, но близко не сходились: пусть косвенно, но повинна в гибели Петухиной. Зная о намерениях шаманов, не сообщила вовремя, не встала поперек. Может поэтому чуждалась окружающих. Отмалчивалась и с Шехиревой. Евгения Викторовна под впечатлением только что свершившегося тоже не заводила разговора. Оставались каждая при своем.

На подъезде к Чехломею, где плотный массив леса, блеснули навстречу, замелькали огоньки-точки. Волки! Они! Евгения Викторовна пальнула сразу из обеих стволов - сдуплетила. Ей больно отдавало в плечо. Перезарядила ружье и снова пальнула прицельно. Со стороны юрт донеслись ответные выстрелы, лай собак. Оставив на снегу трех собратьев, серые упоркнули. Убитых зверей женщины забросили в розвальни, с трудом удерживая храпящего испуганного меринка, тронулись дальше.

Возле избушек их встретил Афонька, бывший каюром при Ване, до Колек-Егана и обратно.

- Питявола, бабы. Однако волки, их-мых.

- Здравствуй, Афонька, - простужено откликнулась Евгения

Викторовна. - Живой и здоровый. И по-прежнему холостой.

- Однако один. Заходите чай пить, рыбу кушать - гостями будете. Водка в санках есть - хозяевами станете. Гуляй-веселись.

- Нет водки, Афонька, - категорично отказала Шехирева. - Не до гуляний-пиров, дома заждались.

- Однако саждались, - охотно согласился остяк. - А меня никто не ждет кроме Кынь-луингу. Детей энтеники, бабы никакой. Я давно без желаний.

Юрты помаячили немного и утонули в сумраке, зимник тянулся о лесом, то засугробленным луговым сором, в непроглядности нескончаемо-пудрый. Мороз давил, как гирей. Звезды мерцали тускло сквозь наморху изморози. Гнедка вздыхал шумно, фыркал, поводя запотевающим подборюшьем. Пришлось остановиться, дать сенца. Возле розвальней, согреваясь, побегали, попрыгали, энергично похлопывая себя по чем попало.

Снова - в путь. Поселка достигли за перевалом ночи. Евгения Викторовна пригласила Шуру к себе поесть, отдохнуть.

Определив Гнедка в стойло, задав корму, они наоптанной тропинкой отправились по огороду. Дети вповалку спали на кровати под стеганым ватным одеялом. Старший, Сащутка, при стуке двери и хлынувшем низом холоде приоткрыл глаза, пролепетал "Ма-а-ам" и снова уронил голову на подушку.

Пуживнав, женщины погасили жирник. Евгения Викторовна с мороза быстро сморилась, как вдруг металлический твердый голос Шуры, похожий на коростелиный скрип, вернул ее к действительности. Шура, сидя, расплетала мелкие косички, со звяканьем роняла на пол латушечные, в темноте поблескивающие скрепки. За дорогу наэлектризованные под шапкой жесткие волосы чуть слышно потрескивали.

- С сестрой мы разные, - неожиданно начала исповедаться гостя. - Заимев большой достаток, Авда не захотела поделиться с другими. И Прасины не захотели. Это плохо. Но почему, Женя, нас, как кур на насест, сгоняют в деревни и города. Без рек, озер, туманов, без трав, мы, как деревья без корней. Поймите и нас. Что за сселения и оседания в кучу малу?

- Стараемся понять, - услышав воли вырываясь из липучих тенет, невольно в чем-то виноватясь, тихо отозвалась хозяйка. - Может, где и невпопад. Подсказывайте, перестройка целого народа - дело нешуточное.

- Погодите с перестройкой. Прежде осмотритесь, как и что. А не так - догоним и перегоним. Шибко перегонять - штаны порвутся.

- Некогда годить, Шура. Время торопит, не мы его.
- Не отстанем от времени, поможем в сборе средств на танковую колонну.

- Вот и славно. Потолкуй с остяками-большепарьяками, тебя лучше послушают, чем председателюшу нацсовета.

- Они послушают, - наощупь подобрала скрепки Шура и, посчитав тему исчерпанной, улеглась рядом. Блаженно потянулась в тепле. - Не гордая - это хорошо. Просить для людей незорно, так Маша-учительница говорила, а я запомнила.

- У меня ее неотправленное письмо, - поднявшись, Евгения Викторовна засветила жирник, порылась в стопке бумаг на пристенной полке. - Из сумочки с карандашиками и портретом взяла, чтоб лишний раз не растревлять родителей.

Интуитивно подражая Машинной интонации, принялась читать вслух:

"Дорогие мои мамка и папка! Через неделю прокукует мне девятнадцать - еще одна весна. Наполнятся птичьим гомоном леса и воды, в небе синева и вольность сольются в общий лазурный простор. Очень хочется дышать полной грудью и любить вечно, безмерно. Борьтесь с темными враждебными силами, сеять свет и разум в людях.

Во имя этого живу и надеюсь..."

- О том же - о борьбе за прекрасное завтра написал и муж, - Евгения Викторовна снова порылась в стопке. - Однополчане передали.

"Женечка! Бьемся под Москвой в дыму-пламени, в грохоте и копоти, теряя друзей-товарищей, повергая врагов. С мыслью о столице, за которую гибнем героями и безымянными солдатами непобедимой Красной армии. Если я отвернусь, сосед по окопу покажет спину, кто оборонит тебя с ребятами, пасолы, всю тайгу. Вокруг ураганый артобстрел. Немцы, кажется, атакуют. Прощай..."

- Смерть ради жизни, - бережно вернула листки на полку. - Завещание - как нам поступать во все времена.

- На силу находится сила, - задумчиво произнесла Шура. - Свои Альвали на лешаков Пырнэ, Новая Марья и Яков-секретарь из числа матуров.

- И не в народных преданиях хант, на самом деле, - оживленно подхватила Евгения Викторовна. - Они - та сила, которая едина. Без разницы русские и ханты, селькупы и ненцы, манси и эвенки - все одинаково в ответе.

Еще много ждало смертей, болей, крови, голода, страха,

упорства, сомнений, возмужания, терпений - всего, что вмещали слова "фронт" и "тыл", но двое в бане на огороде верили: победа неизбежна, сделают для нее все возможное. Не окажутся в стороне от большой тропы.

ИНТЕРНАТОВСКИЕ НОВОСТИ

Чуть свет появился запыхавшийся Федя: узнал о матери от резвившихся на воздухе Санютки с Людмилкой и пригустил что есть мочи.

- Питявола, ими, - обрадованный крикнул с порога.

- Питявола, сынок, питявола. Как учишься, с кем дружишь?

- Учусь хорошо, училка хвалит: "Из тебя, Печников, профессор получается". Дружусь с самим собой. Прасины все росомахой обзывают, а я не росомаха. Я любил Машу и расказал про Тур Пучей правду.

Рассмеялся, деликатно прикрывая рот ладонкой.

- Ты чего? - удивилась Шура.

- Интернатская ульты-нэ косы себе обрезала.

- Ай-ай, зачем красоту потеряла? - искренне огорчилась мать.

- Молвэсым.

- Потеряла, потеряла. У Володьки Прасина в рубахе и голове нашла вшей, рубаху сожгла и другую дала, новую, а волосы Володька снять наотрез отказался. "Выпмкуль, врешь, что вши, такую молодую слушать не хочу. Тапхай, остригись сама, тогда остригусь я". - "Шенк ям, очень хороию", - она решительная, отхватила обе косы и Володьку Тур Пуча чик-чик ножницами. Оголила. Коросты на голове керосином опрыскала. Отчаянная ульты-нэ. Классе покрасила. У директора потребовала новые парты. Всего добила. Плясунья и певунья. В коротких платьях и юбках, как школьница, ходит. Девчонки от нее без ума, тоже укоротились, модно причесались. Валом валят в самодеятельность. С такой не соскучишься. Глядя на нее, вспоминаю Машу-ликвидаторну, плачу украдкой. Жааалко. Езжу вместе с нашей ульты-нэ в юрты проводить уроки ликбеза.

Разогревавшая завтрак на загнетке Евгения Викторовна при упоминании дорогого ей имени сама готова была разрыдаться. И Шура запечалилась.

Федя постарался развлечь:

- Володька недавно назюзюкался допьяна, ульты-нэ узнала про это, взяла с него обещание не красть больше интернатский спирт. Заблевавшие мятые простыни заменила и повела в баню. Володька ведро воды в раскаленную каменку выхлестнул, его

паром отбросило к стене на вбитый гвоздь, ошпарило. Больно. Ничего не разберешь среди пара. Он испугался, распахивает дверь и появляется перед улыты-нэ в чем мать родила - нагишом: "В печке черт сидел, меня кусал, царапал". Улыты-нэ повела его в медпункт.

Мыться не умеет, а собирается мстить. Смешно. Табак за щеку положит и стреляет жижей на пол, улыты-нэ за это ругает, заставляет стирать пятна. Теперь Володька на других доносит: "Каткалев муку болтал", - в коридоре какал. Или: "Андрейча Сохатый струю пускал" - писал в матрац.

А способный: вырезает фигурки зверей и птиц, хорошо рисует, поет - заслушаешься. На уроке захотел один спеть на оценку - похвастаться. Потянул руку. Училка разрешила. Володька встал - ростом с нее и загорланил:

Были сборы недолги,

От Кубани до волка

Лошадей собирали скакать...

"Вот, девка, не знаем только как Кубань до волка в тайгу доскакала, - сокрушается. - Кубань далеко в степи. Что за зверь?"

Улыты-нэ хохочет: "Поешь ты, Володя, лучше не падо, просто замечательно. За пение тебе пять, за географию единица".

Он считает на пальцах: "Пять ик один остаецца четыре. Ладно, не выгонят из школы. Мне в интернате правицца только столовая. Рыбу ловить я без грамоты башковитый, пусть прохессором делается Федька-предатель, у его язык шибко длинный". И опять затягивает:

Дайте в руки гармошка,

Тырны-мырны-планки.

Парень девочку домой

Проводил с гулянки.

Ох, ох, ох, ох.

- Почему четыре раза ох, не два? - любопытствует улыты-нэ.

- Два раза охнет, девочка не услышит в избе, снова не выйдет.

Хозяйка с гостьей дружелюбно запереглядывались, повеселели, наперебой подкладывая ему трататуй - нарезанную пластинками, жареную картошку с кусочками оленины.

Договорились сей же час, не медля, заняться сбором пожертвований на танковую колонну, - но - неожиданное: хапты исчезли. Обычно в холода они дома, потому что зверь "обманывает" их - круглые сутки на лежке. А тут как по мановению сиялись кто куда. В том числе призывники.

Оказалось, что шаман Куталька, из Колек-Егана зачем-то переместившийся в заозерье, дал божественный знак. Белые-де собаки-песцы побежали из тундры, ярко-огненные сполохи разгораются по почам, луна крупней стала - к голоду и мору, большой крови людей. Торум не велит ходить на войну верхнего мира с нижним.

У них, у елтаку, зоны влияния издавна поделены, как промысловые участки у охотников. Не принято заступать чужие территории. Куталька после ареста Тур Пучей необъяснимо быстро нарушил правило.

КУТАЛЫКА УХОДИТ

Посоветались в нацове, отправились звать кантага-ях. Куталька поселился в чуме у тихой красавицы Айны, имевшей двух мальчиков. Могучий, кряжистый, как кедр перестарок, постоянно угрюмый. Закоростевинный, заволосатевший. По вороту наклонлась перхоть.

Евгения Викторовна с Шурой не знали, что Айна его дочь. Многие эмторцы не знали. Ее за солидный калым еще девочкой сторговал в личный гарем князь Шатин, одряхлевший не одарил потомством и тем поверг в неизбывную скорбь и отчуждение. Когда "вся Тольки" с зятем-силачом после мятежа скорым судом проводили на лесозаготовки под Томск, Изварин-Ворон экстренно переместил бесхозную женку в Эмтор-Пугол исключительно для "эстафеты" на Тольку. Она и ходила, потом затяжелела от Синицкого, отдавшись бывшему поручику со всем жаром перастраченной страсти. Одного за другим родила двух смазливых мальшей полукровок - Юрия и Петра. Пропажа негласного мужа заметно состарила Айну, сеутулила, но следы обаяния еще явствовались, когда, отчаявшись прояснить что-либо о "Евгенье", капитан заменил его и Айну "на эстафете" Куталькой. Об этом женщины само собой не подозревали.

На родном шаману ваховском диалекте Евгения Викторовна с Шурой справились о здоровье: "Емаки восын?" - традиционно пожелали впредь всего доброго и попросили "снять знак".

Куталька долго бычил волосатую голову, мялся, взвешивал "за" и "против". "За" перевесило. Больневики крепнут, их не пошатнешь; Синицкий сгнил бесследно; Изварин-Ворон ничего уже не может, пугается каждого шороха - тише воды, ниже травы. Не может и он, Куталька, - надо уступить ради дочери и внуков. Не в его годы заниматься воровским ремеслом.

Ударил в бубен.

- Слушай меня, кантага-ях! Слушай народ сора! Песец отко-
чевал обратно в тундру, небесный сумитых просветлел. Это То-
рум переменял свою волю! Слушай! Война миров зовет матуров.
Как предки посылали стрелы и копья в заклятых врагов, пошли-
те пули в фашистов с рогатыми железными шапками на головах.
Собирайтесь с пэчками на войну миров!

Наказ посредника богов обсуждению не подлежит, призыв-
ники покорно отправились восвояси. Их с вечера заперли в на-
цсовете, у дверей на всякий случай выставили охрану. Евгения
Викторовна вместе с девушками комсомолками коротала ночь в
сенцах, опершись на мелкокалиберку Кремлева, после его траги-
ческой гибели ставшую общественной собственностью. Усталость
опутывала. Единственный зрячий глаз слезился, натруженные за
день ноги гудели и ныли на разные лады. Она дремала, клевала
носом. Сны ей наворачивались отрывочные... Маша в берете набо-
чок и кофте с любкой из медаполама - лучшими из всего гардеро-
ба, какой имела.

"Нас с тобой, Женя, еще увидят. Будем много трудиться,
сделать людям хорошее, и оценят".

Скрипят парты, снег завихряется из-под полозьев. "Хок! Хок!
- попускает животных Гаврил Васильевич, увозя навсегда ликвида-
тора за озеро.

Яков Тимофеевич... От пасола в гору поднимается налегке.
Украинская вышитая рубаха полурасстегнута, серый пиджачок
нараспашку. Весь Носиков простецкий, открытый. Ветерок шеве-
лит мягкие, шелковистые кудри.

И уже складывается обращение-монолог к нему, звучит яв-
ственно:

"Милый и ласковый дружочек! Не пил, не курил. Слова
худого не говорил. Без меня не садился есть, джанечкой называл,
золотинкой. Если бы не война-разлучница, если бы..." "Если" не
произошло.

Подруги кто как прикорнули с дробовиками. Глушь, беспро-
светность. За дверью всхрапывают ханты, бормочут несвязно.
Ночь длится и длится. Вдруг Евгению Викторовну насторожили
перешепоты внутри. Острым слухом уловила шаги, стуки. Кто-то
ойкнул, кто-то сердито шикнул. Рванула дверь на себя и... ослеп-
ла в заволоченном морозным дымом помещении - окно выставле-
но, четверо парней скрылись.

- Не знаем куда, - заведенно твердили остальные. - Не пове-
рили, что снят знак, убежали. Куталька чужой, из Колек-Егана,
его духи обманули, - глаз кривой, в ушах березовая чага: гриб

деревя.

Охранники для острастки покричали вслед, постреляли. Искать не стали. Зачем? Дальше глубинки не дезертируют. А Кутальку все-таки на время изолируют, чтоб не сбивал с толку пессимистичных, но тот будто сквозь землю провалился. Ни слуху о нем, ни духу. Пропал.

Мнения на этот счет были противоречивые и все далекие от истины. Шаман вначале залег в убежище Сишицкого под берегом, без пищи и воды надеясь переселиться к Кынь-лунгу: умереть. Лучше стать тенью, чем жить при большевиках. Устои рухнули, навес обвалился, сплющив привычное. Что деньги и месть, внушаемые капитаном с Тольки! Тьфу, сверчковая пискотня, он всегда руководствовался велениями богов. Без веры потускнел, стал в тягость себе. Его обволакивает пустота так, словно душу похитил подземный царь. В мире призраков словно обитает. За него думают и решают другие, у них сила. А еще недавно Кутальки боялись пуще Григория с Ефимкой, куда Тур Пучам до Кутальки! Сам Шатин соватал Айну.

Могучий организм сопротивлялся насильно голодовкой, не хотел увядать. Обычай же обязывал через несколько лун-суток возвратиться к людям. Гордый старикан ночью крадучись пробрался в чум к дочери, взял необходимое в дорогу и, не простившись, на подволоках ушел в дальнее зимовье, недалеко от которого волей судьбы дотлевали останки "Евгеньи" - отца его обожаемых внуков. Здесь сам себе хозяин. Не признал советских порядков, презрел в конце концов и Изварина-Ворона с его блудливыми повадками. Остался ничьим. Отшельником. Поклоняться тормам с их обширной родней.

ДЛЯ ФРОНТА, ДЛЯ ПОБЕДЫ

Снеготалица захлестнула низины-выемки, подняла пасолы, вспенила и без того неумный Вах. Принялся сынок Оби распочинать в податливом грунте свежие русла, подмывать деревья. Долбленка Евгени Викторовна зацепилась за них, черпнула бортом и она по горло очутилась в воде, кое-как растолкала осклизлые лесины, и еще было с головой уныриула, хорошо Василий Лякин, добрая душа, выдернул.

От весел ладони покрылись несходящими мозолями, обветрела, возмужала. Голос приобрел командирскую властную тональность. Даже повелительность. Иначе нельзя, робкую замнут, ни в грош не поставят. А ее стригут на полную раскрутку. Она - с тем же: рачительно распределяет скудный годовой бюджет, следит за

порядком в колхозе и поселке, организует шефскую помощь интернату, печется о добыче рыбы и зверя. В райцентре на сессиях, пленумах, бюро отчитывается, предлагает, критикует, просит помощи.

Домой возвращается с сознанием, что нужна многим, не на последнем месте. Это бодрит. Дети подросли. Санутка уже школьник и Людмилке на будущий год за парту - тоже радость. Крепнут взлетьшки.

Взглянет просветленная на портрет Петра: "Выдюжим, Маша, стерпим. Расее не привыкать. "Все для фронта, все для победы!" - лозунг такой всенародный. Вечерами на посиделках вяжем носки и варежки красноармейцам, шьем кисеты, кроме пожертвований на танковую колону и прочие собираем облигации займа "Оборона", - поверяет, и словно заодно Маше отчитывается.

Половодье откатывалось медленно, неохотно, луговины запоздало одевались травами, того и гляди заосенит. Может повториться курьез минувшей зимы: был надеж скота. Она вызвала Ивана Максимовича на исполком нацсовета, "нагрела" как следует. Казалось, уяснил: "Ладно, ладно... можно, можно...", но скребло на душе, смутная тревога маячила. Плывет насолом, который час безостановочно веслами трудит руки.

Наконец-то показался мыс в тальниковой оторочке. Ни косарей, ни метчиков - пусто. Прогоня с тощими прерывистыми валками унылы, сиротливы. Как боевые - не бутафорские - мечи и сабли на поле битвы, брошены безалаберно литовки да вилы. Раздвигает кусты - ханты вместе с председателем режутся в подкидного дурака.

- Как же так? - обрушилась с упреками. - Белых мух ждете, милостей Торума?!

Оправившиеся от замешательства картежники принимают невозмутимо "метать банк", иронизируют:

- Ты, Женя, мукуи-кут, женщина, спрятавшаяся за кочкой от ведьм. Ты от человека в чешуе. Не мешай, председателюша.

Она, рассерженная, наступает на расположившихся удобно в тени, зрячим глазом сверлит Каминна:

- Мало тебе одного исполкома, так еще хочешь?! Партбилет хочешь выложить на стол? Исключим туды-т-твою мать, - обложил сторука. - Своих оленей небось, кантэ-амп каждый день питаешь, а буренкам шиш на постном масле, школьникам вместо молока пустую воду. Сами вы мукуи-кут в суминтыхах. Арестую за саботаж.

- Женя, - Иван Максимович, слегка обеспокоенный, ей ми-

ролюбиво: - Пусть трава высохнет на корню. Осенью скосим и сразу смечем. В жару на комарах чай надо пить, нога лежать. Убьют тебя, Женя, как убили Новую Марию, если заставишь сейчас в жару. Застрелят и закон - тайга, прокурор - майпыр. Сама делом покажи.

Упрек не в брось, а в глаз. Развернулась круто Евгения Викторовна, подхватила чью-то литовку и замах замахом, прокос за прокосом пошла отсчитывать. Вжик, вжик... В коммуне бывало паравне с мужиками страдовала, опыта не занимать.

Потомки легендарных матуров рты поразинули от удивления: вот так мукун-кут! стыдно им, что "претседательша" валок кладет споривстей, толще. На одном дыхании прогоняет ряд, и снова возвращается. Вжик, вжик... Никнут жесткая резунца и шелковистая овсяница, мышный горошек с визилью вперемешку. Прокос за прокосом, валок за валком. Напористо вперед и вперед.

Словно всплеснулось-всколыхнулось в ней прежнее, литовка сама полукружья выводит, с хрустом подрезает строй травы.

Ханты, поддаваясь ее азарту, свозят кошенину в общее место, зарод ладят. Воспрянувший Иван Максимович распорядительно суетится, проявляя организаторские способности, за вилы берется. Карты забыты. Замусоленную их колоду сам метнул в пасол, они разбросались по воде, как листья кувшинок, подержались недолго и канули.

Евгения Викторовна рада коллективному подъему, улыбается. Распаренное лицо утирает. Еще одна маленькая победа одержана. "Маленькая победа лучше большого поражения", - когда-то наставляла Мама. Женя запомнила изречение. А тут накатила туча, забарабанил дождь. С чувством исполненного долга большецарьки стеснились под натянутым на колья брезентом, по навесу наперегонки, как из пулемета: та-та-та. Вокруг задернуло моросью, отсклизло, попрохладнело. К пасолу протянулась радуга, цветное крыло обмакнула или в самом деле это ясноликая женщина Сунк волосы полощет.

Впечатлительные аборигены подобтели:

- Ты заходи в гости, Женя. Всегда заходи сказки слушать. Не обидим, хоть что требуи.

- Буду требовать. Прежде всего трудитесь на славу, детей своевременно отправляйте в интернат, из интерната не воруйте. Строже с ними. Без поблажек. Ученье - свет, неученье - тьма.

- Однако свет. Книжки алам... пусть читают, счи-тают. Олень быр - есть, завтра режем: энтемики - нет. Считаи не считаи, без

хора с важенкой худо. Куда зимой без оленей.

- Избавляйтесь от подаяний духам, никакие черти-дьяволы не тронут. Нет их.

Попрощалась - и на ершовую путину. Там наладить, подтолкнуть. Хлопоты, заботы... Для полива овощей приспособила пожарную установку, ею огородницы качают воду из пасола, попеременно налегая на ручки насоса.

Посеяли морковь, турнепс, скоту кормовую свеклу, посадили белокочанную капусту, огурцы, репчатый лук. С луком вначале получился курьез: несведущие товарки Екатерины Каминой срезали ростки с головок, посчитав необязательными. Евгения Викторовна, узнав, руками всплеснула: "Как можно без корней?". Оставшиеся, грядки на полторы, самую малость, семена повтыкала. Пустующую площадь заняла бобами, укропом. Все свои, незаменимые витамины.

Помня совет Сухинина, наведаясь к Екатерине Каминой, к Вере Коротких. Бригаду застала за раскорчевкой леса для плантации: огородницы из "Красной звезды" окапывали у околицы кедр и сообщая с лошадьми под возгласы "Э-о-ой!" что есть силы тянули канат. Деревья валились нехотя, с нескольких попыток. Выдохлись лошади. Выдохлись женщины, замертво повалились на землю.

Бригадирша, чтобы расшевелить, обратилась к Печниковой: "Александра, запевай", и следом жалостливо подхватила:

В степи украинской, ковыльной

Солдат молоденький лежит,

Солдат молоденький лежит

И ничего не говорит.

Его нога разбита путей,

В груди зияет раны след,

В груди зияет раны след.

Солдатику семнадцать лет...

Шелушили круто сваренные яйца, подкреплялись картофельной баландой, ржаниной вприкуску со щавелем. Наперебой угощали экскурсанток из Большого Ларьяка, чем бог послал, между делом объясняя про естественные удобрения, химикаты. Во многие премудрости посвятили.

Первые всходы на грядках вызвали у хантыек почти молитвенный восторг. Некоторые даже пали на колени, как, наверное, падал ниц перед огнем неандерталец, воздев руки к небу. А вообще-то они "прогрессивные" (слово это популярно в округе, обо все новом значительном к месту и невпопад говорят "прогрессив-

но". Иные для шку, иные по инерции, машинально).

После визита к рыбакам и заготовителям кормов Евгения Викторовна наведлась в огороды. Здесь лук зеленел стрельчатый, морковь кудреватой шубкой красовалась, по-королевски разбросила лопушистые листья капуста, усердно тянулася к солнцу ядовито-мухомористой, с острым щиплющим запахом табак. Его срубят под основание, высушат, измельчат в деревянных корытах и отправят на фронт. Согрет солдата на привале или перед боем крутая затяжка домашнего крепачка.

Огородницы вразброд толкуют "претседательше" о своем "прогрессивном" занятии. Морковь именуют тюле айна - милая моя, табак ленаком Пырыз, капусту - ими: матерью с сестрой, с намеком на старшинство в растительном мире. Горох - восклицание без смысла. Его не приняли: от гороха "Живот музыку играет. Просто неудобно при людях, когда по кишкам урр да урр, наружу урр".

Обильно политая из пожарного планга зелень отблескивала глянцево-молодо, веселила глаз, ядреная, напичкываясь соками.

Пользуясь случаем, Евгения Викторовна известила о предстоящем женсовете. Особо пуждающимся многодетным семьям вышнут мясо, молоко, овощи. Помогут с одеждой. Не ради красного словца соберутся. Обсудят пьяниц, дебоширов, лодырей. Есть и такие.

- Теперь вы сознательные гражданки ваховской глубинки, - подчеркнула Шехирева, - во всем равные мужьям, обязаны держать марку. Супругов, какие цепляются за старину, давно надо пробрать по всем швам.

- Их надо, - охотно согласилась "прогрессистки", - Привыкли к рыбьей чешуе и сумнотхам, обнимают, как дерево. А мы матери-жизнеспасительницы, чайки в голубизне свода.

- Верно, - радуется Евгения Викторовна, - прозреваете.

Программу сопроводили художественной самодеятельностью. Умельцы бряцали на пананах - ладьеобразных хантыйских гусях, какие еще называют нарыс-юхом, на варганах - костяных пластинах с металлическим язычком и натянутыми сухожильными струнами. Пели, плясали.

Огородницы продемонстрировали национальные меховые одежды с самобытным орнаментом, аппликацией, с оборками и прострочные по опушке. Незамысловатые, будничные - для дома, и выходные. Не миновали и русские платья, пиджачки, кофты, юбки. У кого что нашлось заветное, сберегаемое в сундуках.

По примеру учительниц из интерната изменили прически.

Аборигены цокали языками, изумленно вздыхали, не узнавая жен:

- Однако наши и не наши. Однако любить будем, их-мых.

Лена Камина и Федя Печиков, как заправские модельеры, показали специально для такого случая спитые Нюрой Полуяновой школьные формы. Особенно Лене к лицу платье с кружевами на подоле и обшлагах, застежками на талии. Красавица. В родителе высокая, статная, волоокая. Володька Прасин без ума от Снегурки заозерной, глаз не отведет. Пока неизвестно, взаимная ли симпатия к дочери Ивана Максимовича.

Итог был неожиданный. Мужья дружно пожаловались Евгении Викторовне, что прежде покорные жены "не хотят спать с ними без белья. Какие костюмы из диганали, их-мых? Всегда без костюмов и белья понимали. Чем малицы и кумыши хуже белья из материи, хуже костюмов? На себе, под собою тепло, мягко. С бабой без диганали и мытья сладко. Бабе с мужиком жарко, их-мых".

- Требуют - выполняйте, - отрезала Евгения Викторовна. - Хватит уподобляться лешакам из дупла.

Они это уразумели: лешаки - плохо. Потянулись в мырлавку промтоваров, оттуда напрямик к мастерице из ингерната: "Сшей, Нюра, кальсоны и рубаху. Ты мастерица на все руки, можешь". Баню стали жаловать, переступив через застарелую водобоязнь, чаще стригли сальные патлы - благотворное влияние. Зауважали прекрасный пол, уже не делили жилище на мужскую и женскую половины.

Еще больше прониклись, когда колхоз помог нуждающимся - выделил продукты первой необходимости. Записали на женсовете и правление отозвалось, деньги ссудило. Война, а им все равно не отказывают. Снова убедились в преимуществе нового строя.

На деревьях расцвечивался и облетал лист, жухли травы, за пасолом по болотине кровяно рдела клюква. Готовясь к отлету, сбивались в стаи пернатые. Во всем дыхание предзимья. В природе, делах и планах последнего года войны - пятого.

В ОБЛАСКЕ

В сентябре увядене неожиданно объявился Куталька. В бесцельных скитаниях вокруг зимовья натолкнулся он на останки "Евгенья", тут же в распадке под лиственницами захоронил их, золотую статуэтку принес в убежище и долгие часы задавался вопросом о том, как жить дальше? В конце концов неукротимая натура повлекла к внукам, что еще грели в опостылевшем беспо-

лезном ему мире. Шаман вернулся в Эмтор-Пугол. Чтобы не расставаться с Юрием и Петей, запретил дочери отдавать их в интернат. Две судьбы — не шутка, Евгения Викторовна из сострадания и по долгу службы снова отправилась за озеро.

Кутальку застала за изготовлением обласка. Ловко орудуя топором и стружком, недавний отшельник гул, тесал, шлифовал — мастерил долбленку из распаренного соснового ствола. На традиционное "штявола" не откликнулся, не поднял головы, словно не существовало ничего кроме этой заготовки.

Между тем Евгения Викторовна обратила внимание на собаку, дозорную кого-то на раскидном кедре. Оттуда, из густоты, ударяясь о сучья, стал падать огрызок хлеба. Следом, поняв, что обнаружен, спустился крениш Юрий, третьеклассник. Шехирева похвалила его, обласкала. Искоса наблюдавший Куталька, махнул рукой: мол, хватит валять дурака, чего уж, и с кедре спустился младший Петя.

Евгения Викторовна с жаром принялась объяснять, что пора в школу. Мальчики вопросительно поглядывали на деда, столь же вопросительно смотрела из чума Айна: как решит? Поклонение елтаку велико и в семье, не вытравить, не пересечешь враг. Его слово — закон для родственников.

У Кутальки длинная дремучая борода, на затылке свисала толстая коса, из дыр малицы виднелось грязное тело. Шаманам мяться тем более грех тяжкий. У Евгении Викторовны мелькнула дерзкая мысль заодно переманить в Большой Ларьяк упряма и его дочь. Словно невзначай, она сообщила о том, как их соплеменники помогают в сборе средств на танковую колонну и авиаэскадрилью "Омский осовнахимовец", как коллективно трудятся и участвуют в общественных мероприятиях. Огородницы, рыбаки, охотники одинаково активны.

В глазах у Аины проклюнулась зависть, искусно запрятанная под приопущенными ресницами. Ей надоела скрытная, лишь для себя самой жизнь. Хотелось быть полезной, "прогрессисткой": посещать ликбез, заниматься в женсовете.

Мало-помалу и отец заинтересовался. Остяки ходят в кино, выступают на сцене, живут кучно, не разбредаясь. Их дети и они тоже набираются мудрости у русских.

Евгения Викторовна, имевшая при себе ножницы и бритву, убедив шамана снять лишнюю растительность (не женщина же, а матур-богатырь), пока он не передумал, отрезала косу, накоротко остригла и побрила. Куталька сразу помолодел. Осмелевшая Айна

предложила ему нижнюю бязевую рубашу и подштанники с шелковыми подвязками на лодыжках, от поручика же сохранившийся полувоенный без погон френч колчаковской давности. Куталька с усмешкой натянул тесноватое исподнее и мундир, треснувший по шву: в молодости зять был много тоньше, суше; литые металлические пуговицы на френче старательно высветлил кусочками ровдуги - оленьей замши, заблестевшие солнышками.

На все преображение ушло трое суток. За это время Евгения Викторовна сблизилась с Айной, вместе с ней готовила пищу в очаге, делилась поварами рецептами и как бы невзначай, мимоходом рассказывала о бригаде огородниц Екатерины Каминной, подмечая в глазах у Айны ясный теплый свет. Испытав тоску по материнству и потерю любимого, гнет диковатого родителя, она не утратила все же лучших душевных устремлений.

Дипломатично Евгения Викторовна подвела к тому, что им семьей лучше перебраться в поселок, обосноваться там напостоянно. Зачем отгораживаться от людей. Нацсовет поможет с жильем, работой - найдется занятие и отцу. Подействовало. Куталька разобрал чум, сгрузил пожитки в нарты, в другие нарты - женские - усадил близких и маленький аргши тронулся.

Было потом пересудов! Сам-де гордец Куталька с рут-ях. Его поступок сильно повлиял на колеблющихся, потянулись они из стойбищ в Большой Ларьяк, вступали в "Ударник второй пятилетки" и "Верте Кос". Из чумов бойчей переселялись в избы. Заразителен не только дурной пример.

Юрия с Петей тотчас определили в интернат на полный государственный кошт. Айна, как и предполагала Шехирева, увлеклась огородничеством. Мастеровитый елтаку плел сети и штопал порванные, изготовлял обласки, шил потяги - собачью и оленью упряжь.

Если просили покамлать, с готовностью брал бубен, цеплял на лицо устрашающе рогающую маску с уродливым посом из бересты, прорезями для глаз и просил у Торума довольства народу кантага-ях, победы над лешаком Гитлером. Отворачивал болезни, ссоры, обман, наветы мужей и жен. Хорошо камлал. Артистично. Самозабвенно. Во многом талантлив.

Ревниво следил за внуками в школе - не хуже ли кого? Сядет в классе на пол у двери и слушает. Однажды учительница обронила, что младший Петя рассеянный на уроках. Куталька схватил его за вихры и так стукнул подбородком о парту, что зубы клацнули. Властный. Оскорбился за честь рода.

Помогал огородницам убирать урожай, чудом с того света

воспринимая картофелины, хвосты моркови, капустные раздатистые кочаны. Вместе со всеми отправился на выставку, приуроченную к "Празднику Борозды", в ту пору традиционную, престижную. Рады были, что называется, себя показать и других посмотреть.

Большеларьякцев заметили, похвалили. Одарили Почетной грамотой. И то: репчатые луковицы с полутора грядок, в последний момент засаженных Евгенией Викторовной, по сто граммов каждая, капустные кочаны по десять килограммов.

Екатерину Камину послали стажироваться в Ханты-Мансийск на опытную селекционную станцию.

Успех в равной мере относился к Евгении Викторовне, столько вложила в огородничество! Едва ли не весь свой притобольский навык, знания, приобретенные в коммуне. А главное собственное рвение вложила.

В райцентр на выставку Шехирева приплыла на неизменном обласке, ставшем ей основным средством передвижения. Семьдесят верст туда, семьдесят обратно - не привыкать. Знай машин веслаши, не разгибая спины. Нечисленно их было таких махов, как в небе звезд, если не больше.

В обласке же услышала долгожданную весть. Встречные ханты сообщили: "Женя, война калас... кончилась". От неожиданности Евгения Викторовна выронила весло и оно, покачиваясь утицей, заскользило по течению. При мысли, что никогда больше не увидит Якова Тимофеевича, и не увидит отца Людмила, лишь письма с кудреватым, как он сам, почерком да фотографии сохранятся на память, стало горько и одновременно радостно: все-таки калас... кончилась лихая година. И она выдюжила в ней, не ступевалась. Ее заметили.

Сколько так качалась в обласке, не знает, только взяв себя в руки, выгребла через протоку к Ларьяку. На берегу, где обычно причаливала долбленку, встретила Веру Коротких, у которой без вести пропали муж и брат. У той еще теплилась надежда: авось отыщутся, у Евгении Викторовны никакой. Поплакав безутешно по-бабьи за себя и всех солдатских вдов, вынесших на плечах непоносимое бремя, промокнули слезы концами платков и отправились каждая по своим надобностям.

Жизнь продолжалась, и надо было править дела дальше.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В июле 46-го, спустя семь лет после призыва в армию, с нехитрыми пожитками в заплечном "сидоре" вернулся в Ларьяк

Сафонов. Суховейные монгольские пустыни, безуспешные про-
сьбы о западном фронте, бросок по тревоге через Большой Хин-
ган, яростные схватки с самураями в Машьжурин, окопные сиде-
ния под проливными дождями, артобстрелы и частые пулемётные
перебранки, хлопки гранат, потери однополчан позади.

Он шел по райцентру с чувством возмужалости и одновре-
менно осиротелости: друзья-сверстники редкие уцелели, и Маши
никогда уже не будет. Прежнее ударило по нервам, а настоящее
озадачивало: с чего начать? В армии там жизнь по командирской
указке. Совсем иное гражданка, сам определяйся как знаешь. Рас-
терянность охватывала.

Первым делом сходить на могилу его улыты-нэ, незабвенной
боевой подружки.

За околицей, на пустыре - незнакомые строения и взлетное
поле. Аэродромик для АНов-стрекозок вплотную приткнулся к
могиле, застил ее.

Сафонов поклонился низко затравянелому приосевшему бу-
горку:

- Здравствуй, Мария Семеновна. Я вернулся. Живой. Даже
не раненый. Теперь берусь за дело. Что смогу, то смогу. И здесь,
знаешь, фронт, предстоят одоления.

Помолчал скорбно, переживая в себе былое, задаваясь мыс-
лями о будущем.

Прежде всего встать на партучет. В райкоме заглянул к
первому секретарю. У Сухинина отметина на черепе справа: осе-
нним колом стесало часть лобной кости, под паросшей пленкой замет-
но пульсировал мозг, как дышал: тяжелое ранение. Не один гос-
питаль сменил Петр Иванович, пока освободился от костылей.
Вначале заведовал отделом социального обеспечения, но нет, дай-
те нагрузку весомей. Дали - кресло первого секретаря. Кадров
нет, выбиты, прорежены, как посева градом. Где сломлено, где
пригнуто. А где и вместе взятое, не из чего выбирать.

Круглый тезка Всесоюзного старосты Михаил Иванович
Калинин скрипит протезом, тоже отведал свинца.

Семен Карпович Сигильетов, кончивший на болоте мятеж-
ного Федьку Прасина, сражен наповал снайпером. Смертельной
колючей осой вопилась пуля и опрокинутый навзничь он, быть
может, меркнувшим сознанием увидел на удивление ситчиковое
осеннее небо, услышал запоздало хлопок выстрела. Был Семен
Карпович русский мальчик-сирота, усыновленный добродетель-
ным хантом, взявший его фамилию. В совершенстве усвоил был
остяков, их привычки и обычаи, язык. Повзрослев, сменил пред-

седателя райисполкома, тогда еще туземного-тузрика, однофамиль-ца, едва не казненного вместе с политесыльными Сидора Федоро-вича.

Он это заметил исполнительного смышленного юношу из-под Тобольска и послал Сафонова секретарем сперва в Колек-Еган, затем в Большой Ларьяк, Семен Карпович еще одна невос-полнимая утрата.

В кабинете у Сухинина застал нынешнего председателя рай-исполкома, освобожденного от фронта по брони. Подобно Шехи-ревой, Самарин всю войну тянул ляжку за троих. Не знал покоя ни днем, ни ночью. Сын крестьянина Николай Ильич обладал практической хваткой, хорошо разбирался в людях. Он - во всем правая рука Петру Ивановичу, во всем помогающий.

- Садись, служба! - приветствовали в голос. - В самый ты аккурат, Лукич. Принимай Охтеурский совет.

- Солдату принять - рассмеяться. Раз - и готово! - откозырял Сафонов. - Невелика торба, сам семь.

- Плохо, что сам себе начальник, сам себе голова, - пожури-ли отечески. Тебе, служба, тридцать, а ни жены, ни детей, ни подворья. С невестами приволье: по несколько первоцветок и вдов на самого завалиющего холостяка. Как везде. Решили с пре-красным полком проблему картофеля, закрыли потребности в ово-цах, молоке, мясе, натерели в зерновых. Вполне сносные климат и почвы. Сейчас задача помер один поселение и оседание коренно-го населения, приобщение к оседлости. Есть специальное Поста-новление правительства. В связи с этим расширяем строительст-во, торговлю. И крышей над головой, и товарам первой необхо-димости обязаны обеспечить перемещенных. Охтеурье не исклю-чение из общего. Магазины, пекарня, школа, больница, почта нужны. Для приложения рук нужна ферма черно-серебристых лисич и одомашненного песка.

Рисковая акция, - засомневался Иван Лукич. - Как это так: жили-были, и вдруг на тебе срывают с места: оселяют и оседают? Истребить вековой уклад легко, восстановить архисложно, почти невозможно. Может, поостеречься?

- Установка сверху, вот бумага из окружкома.

- Установки меняются ветром в поле, а жизнь штука приве-редливая, ее не перелицуешь запросто, без жертв. Втупор не учли фактора психологии, собрали огулом в коммуны и обмишурились капитальнейше. Да, так. Распались коммуны. Всякая принудилон-ка худосочна.

- На ошибках учимся. Лекарство не всегда сладкое, чаще

горькое.

- Здоровому лекарству ни к чему. Что-то не похоже на учебу, если по татаро-монгольски упраздняют стойбища и юрты, - наступал Сафонов. - По бестропьям, на территории, равной нескольким европейским державам, сумеи охвати промысловиков из редких оазисов, только жилы надорвешь.

- Попытка не пытка, а риск из века риск, - морщась от головной боли, часто, с надрывом дыша, Сухинин категоричным жестом прервал дискуссию. - Необходимо освоить дальние рыболовья, вот, служба, и составь кампанию Николаю Ильичу в налаживании труда и быта добытчиков. Не по теории, на деле. На деле - и нужней, и доказательней, на что годен. Время дорого.

Щеку Петра Ивановича постоянно перекашивал нервный тик - результат ранения и контузии. Иван Лукич смущался. Его пощадила война, молодой и сильный, раздался в плечах, посолднел, а Сухини недужен. Залился румянцем, запунцовел.

Хозяин кабинета истолковал это по-своему:

- Солнце в окна, пожалуй, задерну шторы.

Зной действительно глыбный, обвалистый, юг позавидует. В такой лимонад в холодке цедить сквозь зубы глотками, на прочее нет желаний. Но двое в облаках уже меряют взмахами весел излучины-петли. Сутки напролет одно и то же - гребля.

На привалах Самарин повествовал:

- Я, Лукич, старого сельского закала. Мальцом у помещика мантулил на пашне. Землю-то прежний владелец после отмены крепостного права сбавил крестьянам за кабальный выкуп, больше половины урожая забирал. Опротивело. В колчаковщину с отцом патроны в окопы красным переправляли - у контры же их умыкали, рискуя жизнью. За проводников ходили с отрядами, зная в родных местах каждый зауголок, лесок, ручей. Служил в кавалерии. После демобилизации - партийная и советская работа. Как сюда попал? Область Уральская была огромная. Вызвали в Свердловский обком и без лишних речей сюда, в Остяко-Вогульский, как тогда именовали, округ. С тех пор северная глубинка во мне, как корни в земле. Уверен: много больше даст, если отнестись по-сыновьи к ней.

В Охтеурье взяли начальника участка ханта Натускина и поднялись к "вершине" Ваха. На плечах по хлябям и твердым перенесли обласа в речку километров за семь. Наломались изрядно.

Речку преграждали завалы из деревьев.

- Однако куда девать улов? - озадачился Василий Лякин,

знакомый Ивану Лукичу по Эмтор-Пуголу. - За морем телушка полушка, да перевоз накладный. Пропадает добыча.

В самом деле, пропадает. Натускин сметливо обследовал русло речки в сторону Сургута, не нашел здесь баррикад, значит, на завод в Вартовск можно попадать через соседний район, так даже короче.

Подкупала Ивана Лукича применимость хантов изготовлять снасти, ставить чумы, до недавнего времени изустно и печатно порицаемые. А ведь на перепутьях убежища лучше не придумались. В них к месту: чумал, столик, тончайшая черемуховая стружка сарга для утирки лица и рук. Обязательно - хранилища яств прозапас: той же рыбы, грибов, ягод, мяса, хлеба. Хлеб пекут в горячей золе, дав прохватиться жаром костра, соскабливают верхнюю корку и едят. В нем много соды, хлеб сухой, поэтому много пьют. Издавна пристрастились к чаю.

И только Натускин ничему не удивлялся и не восторгался - сохранял бесстрастность. Все это он усвоил для себя с детства, естественное, как дыхание.

Уполномоченные побеседовали о международном положении, проинформировали о задачах района - в текущем году рыбы добыть 27 тысяч центнеров; известили, какие бригады впереди, какие хромают. Лякинская в лучших и Василий откровенно доволен, не стесняясь, погордился:

- Стараемся, их-мых. Однако щучью икру, язевую засолили в тузлуки. Соругу с жиром отварили, шибко вкусная. Мелочи засушили, завялили.

Иван Лукич, памятуя нюансы по сселению и оседанию, предложил Лякину собрать национальную строительную команду.

- Однако рыбалку люблю-уважаю, охоту, их-мых, уважаю, - почесал в затылке Василий. - Данилу Роговского надо туда и сюда. Петрович мужик летный.

На счету у десятника, личности почти легендарной, школы, больницы, жилые и административные здания. Он нарасхват, не поспевает везде, и Сафонов агитировал бывшего погорельца, мотивируя острой послевоенной нуждой.

- Однако другу Новой Марьи помогу, - уступил после недолгих колебаний заозерец. - В долгу перед ульты-нэ, значит, и перед тобой. К ледоставу, пожалуй, буду в Охтеурье, сдержу слово.

Союз скрепили крепким рукопожатием.

Иван Лукич радовался, сиял: плотники - товар редкий, а на рыбалку женщины и подростки годны. Вытянут как-никак плап.

Натускин остался в бригаде, они опять плыли или пробирались материком "из варяг в греки". Николай Ильич сорвался с обрыва, едва не утонул. Прыгнувший следом Сафонов удержал за капюшон дождевика.

В суматохе утонули райисполкомовскую бердану, один обласок унесло водой. В Ларьяке Иван Лукич без промедлений собрался на место работы. Картофелеуборка не за горами, о сене и стройматериалах надо беспокоиться. Тьма неотложностей. Он торопился.

ДНИ ГЛУБИНКИ

Зимой основной вид транспорта по-прежнему - олени и "одиннадцатый номер": лыжи. Как старину, звенели бубенцы коннопочтовых упряжек. На станциях - станках утомившихся каурок меняли, и день и ночь - без разницы скакали дальше, будя округу.

В навигацию со скоростью пешехода телепились колесные, весьма неустойчивые пароходы. Их уравнивали бочкой с песком, в зависимости от крена перекачивали с борта на борт. Пассажиры ютились на палубе под открытым небом. Удобств никаких.

И все же в сравнении с плашкоутами и катеришками пароходы - редкая роскошь. Чаще добирались на случайных okazиях: с авариями, вынужденными почевками. Всего с довеском хватил Сафонов в бесчетных командировках. Плутал, мерз, голодал, простывал, с закамечелой горбушкой дроз у костра. Там, где по заносам отказывались брести олени, добирался до цели на голицах, а то и пешком: без лыж.

Сухинина к тому времени доконало ранение, он уехал в Тюмень, тогда еще "столицу деревень". Его на секретарстве заменил круглый тезка Всесоюзного старосты и вскоре собрал актив, чтобы посвятить в насущные проблемы, обменяться мнениями.

Иван Лукич появился раньше других, обеспокоенный ретивым укрупнением колхозов (тоже установка сверху) - из тридцати упразднили половину. Так недалеко до полной ликвидации в тяготах и болях рожденного.

Десять видов овощей выращивают, полностью обеспечили себя маслом и мясом, излишки продают Томску, Новосибирску. На вырученные деньги приобретают плуги, конные грабли и косилки, корчевальный инвентарь, широко практикуют клеточное звероводство. Землеустроители уточняют границы промысловых участков и пашни.

Строительство повсеместное.

Дружину Ляксина сам Данила Петрович Роговский в при-

мер ставит. С топором, как с неводом и ружьем. Галстуки приобрели, костюмы, пальто, ботинки покупают, приемники, патефоны. Завели приусадебные участки, домашнюю живность. Обосновались в Охтеурье без особой ностальгии по кочевьям.

- Тебе - твое же, служба, - зная его позицию, заметил Калинин переступившему порог Ивану Лукичу. - Кому-то сселение, быть может, и преждевременное, кому-то в самый раз. В целом оно закономерное.

Сафонов угрюмился, оставался непоколебим:

- Всю страну готовы сселить и осесть. Выражение-то какое корявое, не нашли попрличней.

Припадая на перебитую, после операции укоротившуюся ногу (носил ортопедическую обувь), скрипя кожей и металлом протеза, Михаил Иванович вывихнуто расхаживал по кабинету в поповском особняке, беседуя с Сафоновым о целесообразности перемен. Охтеурец возражал. Калинин ему свое, а тот свое. Так ни до чего определенного и не договорились. Пусть жизнь рассудит.

Михаил Иванович пригласил Ивана Лукича на воскресник по селу, и он согласился. Не привык отказываться.

На луга вышел почти весь актив. Сафонов с Самариным-предрика взялись за вилы.

- Где пехота с кавалерией не пропадала!

Оба крупнокостные, крепкие, с надежной мужицкой хваткой. Опережая друг друга, подавали увесистые охапки. По разгоряченным красным лицам струился пот. Разница в возрасте не помеха делу, если дело по душе.

Звено Веры Коротких вызвало их на соревнование: давайте, власть, потягемся! Вызов ларьякских "прогрессисток" приняли. Еще бойчее замелькали вилы, грабли. Плыли и плыли над головами пахнущие йодом охапки копеннины. Вершил зарод сам первый секретарь, метать на протезе несподручно, так принимал навильники, как в морские волны, с головой окунаясь в резунцу с примесью широколистной бархатистой травы, точного названия которой никто здесь не знал. Тельняшка на Калининне - память о его флотской поре обязывала не ударить в грязь лицом. Должность обязывала. Он старался как мог.

День выдался ясный, теплый. Ярко светило солнце. На просторной луговине, куда ни оглянись, разноцветные косынки женщин и девушек, подоткнутые высоко юбки, с лета бронзовые мужские торсы. Гомон, смех, крики. Всем весело, настроение превосходное.

- Одна винзу, семеро на возу, шумят: "Не заваливай!" - с

макушки скирды подначивает своих Вера Коротких, по силе и ловкости не уступающая "власти". Бывшая домработница, известная в округе общественница, хозяйственник и овощевод. Как и Евгению Викторовну, далеко видно и слышно. У вожака местных "прогрессисток" кавказский нос с горбинкой, миндалевидные нездешние глаза. Удлиненный овал лица.

Хороша в порыве вдохновения.

Ей подстать Шура Печикова, под тяжестью кошенины не гнется, не ломится. Вдвигает полкошны на напряженных руках и идет, удерживая равновесие, как циркачка на проволоке. Малейшее отклонение, и навильник неумолимо потянет к земле, тогда собирай запово, поднимай. Нести легче, чем поднять.

Завершили скирду и энергично завели следующую. Все звенья единодушные в стремлении помочь "Красной звезде". Кроме участников совещания и самих вертэкоцев-колхозников полрайцентра на воскреснике, человек, может, двести или больше. Армия!

Дедовски богатырское разудалое всколыхнулось в душах, связало крепко. Смерть на миру красна, труд на миру того краше. Иван Лукич ощутил на себе, ощутили остальные.

Еще день из жизни глубинки. А сколько их неотложных и неожиданных по сути, всегда в чем-то непохожих промелькнуло и предстояло!

Ранней весной Сафонов выручил непредусмотрительных охтеурцев, когда у тех от бескормицы начался массовый падеж стада. Организовал заготовку таловой муки, сбор сена из личных сараев по согласию хозяев. Предпримчивый обнаружил у соседей на лугах забытые стога, договорился с правлением и до снегогалащи тракторами выдернул из-за Оби.

Благодарные охтеурцы готовы были марши ему играть, а он чаще обычного моргал и отмахивался:

- Что вы... Что вы... Зачем?.. Вместе постарались, общий и успех. Один в атаке не солдат. В корень надо смотреть, не допускать голодовок. Общая с поссоветом обязанность. При здешних-то сказочных травостоях - бескормица. Негоже.

КАК РЫЛИ КАНАЛ

На притоке Ваха Сабуне действовало промыслово-охотничье хозяйство. К нему произвольно, без понуканий прибивались ханты. Но хозяйство упразднили, обширная территория Сабун-ПОХа обезлюдела, задичала. Не отлавливалась рыба, резко упала добыча пушнины, пашни задурнели кустарником, затравенели. День

ото дня пробел становился ощутимей.

Зону почившего Сабуи-ПОХа потребовалось освоить заново. И тут Данилы Петровича не миновать. Встретился с ним Сафонов: так, мол, и так, выручай. Десятник собирался на пенсию, и с натугой согласился выбрать строительный починок.

По известной реальности, где плыли, где пробирались на своих двоих. На Сабуи бор, ух ты! Вековой, мачтовый. Кронами задевает облака, что тебе чудо-парк. Самое подходящее ставить в нем центральную усадьбу колхоза.

Взыграло ретивое у Роговского:

- С пенсией погожу год-другой, пока не сделаем поселок.

- А с этим как? - показал Иван Лукич на залом из деревьев в излучине Сабуи. - Наворочало, бомбами не расшибешь. Проезда, стало быть, нет.

Данила Петрович подергал порьжелый прокуренный ус, многозначительно покрутил указательным пальцем с обломанным под основание ногтем.

- Канал надо рыть. Кагалом это посильно. Мобилизуй массы, службы. С лопатами, кирками, еще чем: топорами, тачками, корзинами. Куча мала народу звала.

- Канал говоришь?! А что, идея! Даже очень оригинальная - местный Беломор-канал, - загорелся Сафонов. Обычно сдержанный в проявлении чувств, заприплясывал, прищипывая на остяцкий манер шутило.

Загорелся и десятник. В ту, в общем-то недалнюю пору, призыв имел чрезвычайную зажигаемость. Поспешили оповещенные через районную газету добровольцы. Кто как, кто с чем, но все одинаково с желанием. Для начала протянули во всю будущую длину шнур - двести метров, и, рассредоточившись по фронту, принялись копать, рыть. Грязь вычерпывали ведрами на веревках, как из колодца. Старались в раскатынных до паха сапогах-болотниках, используя бревенчатые плотники.

Сафонов по распоряжению бюро райкома безвыездно налаживал здесь быт, организовывал соревнование "десяток": какая быстрее и больше извлечет грунта. Не ради похвал - ради общей пользы. Оскользались, падали, мокли, пачкались в жиже, вязли, но с завидной пастойчивостью въедались вглубь на всем протяжении канала.

Копали при свете костров, на них же готовили пищу. Специальное звено обеспечивало работающих свежей рыбой.

В честь пуска разрезали ленту-тесьму и погоняемые ударами весел обласа устремились напрямую по хлынувшей воде, минуя

излучину с заломом из деревьев, сбитых в плотную баррикаду. Грянуло дружное "ура", вверх полетели шапки, фуражки, рукавицы.

Так отметили победу.

В новый колхоз, как и в Сабун-ПОХ, охотно жаловали коренные таяжники, следующим образом объясняя преимущества оседлости.

- Белку сдал заготовителю, бабе ситца купил на кофту, себе винки, пороха, дрови. Гость в доме, ему подарки хорошие даешь. Закон предков велит дарить. Око-око-кэр.

Завели лошадей, коров, клеточным звероводством занялись. На раскорчевках в сосняке бойко заколосились зерновые, овощи созревали. На столах появились огурцы, редис, брюква, капуста, а когда-то председатель тузрика Сидор Федорович Сигильетов внушал кантага-ях: "Вредно жевать траву, от травы начнете мычать. Ешьте мясо и рыбу, станете матурами". Потребовались время и настойчивость для перемены в сознании лесного народа.

Но... ее величество Директива свела усилия на нет, слизнула достигнутое.

Из записок Борщева:

"Где-то в верхах посчитали сельское хозяйство на севере необязательным, накладным. Выгодней-де завозить дары земли из теплых краев. Быстренько истребили живность, ликвидировали огородничество и хлебопашество. Остались на долгиелетия воспоминания о них.

Уцелел лишь Вартовский колхоз, позднее реорганизованный в совхоз, поныне действующий. Остальные заказали долго жить. Не стало "Ударника второй пятилетки", а с ним Эмтор-Пугола и Большого Ларьяка, в заповедном сосновом бору с его каналом снова воцарились пустыри и задичалость.

До сих пор не восстановили утраченное. Ждут своего подлинного хозяина-пахаря и животновода здешние немеряные просторы. В годы расцвета, после войны, урожай зерновых составлял десять-двенадцать центнеров с гектара, картофеля собирали от ста до ста пятидесяти (завозить его, овощи, мясо и масло отказались еще в 1940 году, ныне возят всеми видами транспорта: по воде, воздуху, и не успевают навозиться). Общественное стадо достигало 6700 голов. В национальных поселках действовало девять звероферм. С пришествием сюда индустрии вовсе оскудели и промыслы. Не стало зверя, рыбы.

Куда кочевать, к чему приложить руки? Ханты оказались на распутье. От матери природы оторвались, и к нефти не пристали:

трагическое последствие "реформ". Есть и другие, не менее тяжкие, кровоточащие".

Сокрушалась Сафонова с Николаем Ильичем, видя, как рубят под корень достигнутое в трудах праведных, костерили директивщиков из Москвы; прощаясь с дорогим ей прошлым, в которое вложила всю себя без остатка, плакала навзрыд Евгения Викторовна, писала в столицу, протестовала с трибуны.

Проблема усугубилась массовым заселением края: всех и каждого накорми, напои, а просторы по-прежнему нетронуты плугом, полузабыто животноводство. Еще один клад, равный "открытию века", предстоит реализовать.

Нефть - она мимолетное, земля и хлеб нестари и на века. Тюменский север в этом отношении не исключение из правил.

СВАТОВСТВО ПО-ХАНТЫЙСКИ

(еще из записок Борщева)

"Тяготение Володьки Прасиня к Лене Каминной завершилось вполне конкретным финалом - свадьбой. Сватал заозерную Снегурку вернувшийся из трудармии Гаврил Васильевич. Вопрос о браке со стороны невесты решали мать и дядя Семен: Иван Максимович к тому времени скончался, ненадолго пережив родителя. Прежде желание молодых не брали во внимание, юноша и девушка до свадьбы встречались редко, иногда вовсе не знали друг друга. Не принято было назначать свидания и открыто выражать чувства.

Здесь иное. Жених и невеста вместе росли, учились, и по возрасту соответствовали. Володьке - девятнадцать, Лене - около восемнадцати. Оба отвечали основным критериям здоровья и усердия. А с лица не воду пить.

Юность уже сама по себе украшает.

Обряд сватовства совершался так. К дому Каминных жених со сватом подкатили на оленях, прежде послав сумнитых - предупредительный знак, означавший: скоро будем, готовьтесь принять. Жених остался в нартах, а сват, постучав посохом из черемухи, вошел в избу и произнес традиционное:

- Явился спросить человека. Мы хотим дружбу делать.

Екатерина и деверь ответили ему молчанием. Сват невозмутимо продолжал:

- Я буду ходить до тех пор, пока не согласитесь, одну обувь изношу, другую надену, и снова буду ходить. Десять лун, десять солнц. Через воды и снега, ручьи и реки. Живое живет, тянется к живому, чтоб продолжить род на земле.

Не возымело действия.

При втором посещении Гаврил Васильевич опять попытался вызвать Каминных на беседу, но те, словно хлебным мякишем забили рты.

В третий раз жених передал через свата бутылку вина. Угощение приняли. Тотчас Володька передал будущим родственникам подарки и сам переступил порог. Лена в специальном подвенечном наряде встретила суженого на отведенной ей "половине", и они принялись пить чай с общего блюда, передавая из рук в руки. В это время сват и хозяева махали платками - от жениха к невесте, как бы соединяя.

Володька пожил несколько дней у Каминных на правах члена семьи, чтобы показать себя в хозяйстве - на что годен, после чего повез Лену с приданным в новый пятистенник, построенный на государственную ссуду. Приданое невесты в основном одежда, обувь, полога, кухонная утварь.

Мать и дядя, погрузив все это, под руки вывели Лену. Она поклонилась им, попрощалась. Володька сказал: "Пора!", взметнул валик и застоявшиеся олени дружно взяли. Впереди ехали сват и посаженный отец, бывший шаман Куталька, следом - жених, к нарте которого привязали нарту невесты - опять символически соединили. Поселяне пытались задержать аргиш березовыми крюками, и жених для откупа бросал им деньги и мелкие вещи, заранее припасенные.

По пути завернули в пацсовет - зарегистрироваться. Евгения Викторовна вручила молодым удостоверенное печатью свидетельство о браке, поздравила, всплакнув на радости. Аргиш тронулся дальше. В новое обиталище невеста вошла не сразу. Вначале молодой хозяин распахнул двери и произнес условленное:

- Там человек дожидается.

Находившиеся в пятистеннике гости отправились за Леной, пригласили войти. С этого момента она считалась хозяйкой в доме.

Началось празднество. Гости вволю угощались вином, закусывали, хмелея, пели, плясали, хвалились успехами на охоте и рыбалке. Гаврил Васильевич бряцал на неизменном панане-гуслях, доставшихся по наследству от родителей, притопывал в такт ногой в нырике.

Куталька в полном шаманском облачении, тут же, слегка ударяя в бубен, позванивая подвесками на костюме, кружился по избе и с причетом без смысла "око-око-кэр" ведал давние забытые поверья про удачливость и горе в замужестве. У хантов браки тоже всякие бывают.

Айна мило, приятно исполнила "Танец похищенной эви", счастливой с другом и в глухом зимовье, без отчего благословения. У жениха из-за бедности нет калыма, за него не отдали, и он увез девушку тайком. В танец влетелся личный мотив: скорбь по Синицкому. Случайная находка отца поселила в ее душе неизбывную грусть.

Семейная жизнь Прасинных отныне потекла размеренно-спокойно. Володька рыбачил, охотился, подолгу пропадал в тайге; Лена, рачительная попечительница крова, варила бересту для летних чумов, выделывала камус - шкуры с ног оленей, ровдугу - оленью замшу впрок себе и колхозу, заготавливала черемуховую стружку саргу в люльку малышу и для утирки лица и рук, плела коробки вечной прочности из корней кедра-корневатки, мастерила набирки, куженьки, туеса, чуманки, нуждающимся шила кумыши - глухую мужскую одежду мехом наружу, шабуры - распашную одежду из холщевины, малицы, украшала аппликацией кнесы - орнаментировала. Умения не занимать.

Когда мать оформилась на пенсию, заменила ее на огороде. Агитировала "прогрессисток" давить кедровое масло из орехов, сдавать в кооперацию грибы, ягоды, в путьню черпать на пасоле и вялить мелочь.

Участвовала в поселковом женсовете, часто вспоминая новый год в Эмтор-Пуголе, елку в мыризе и себя в роли Снегурки, говорила, что это Маша-ликвидатор сделала ее сознательной.

Ликвидация колхоза расстроила привычный налаженный уклад. Снова стали сами по себе, разбрелись кто куда. До появления геологов и нефтяников - многолюдия, грохота машин, огульных без разбора порубок, загрязнения вод еще было куда.

Поселок пустел, на глазах рассыпался. Интернат пришлось закрыть - некого учить.

Очередная крайность... Не возродилась заново Большой Ларьяк и Эмтор-Пугол, сильнее сильных оказалась ее величество Директива".

РАЗГОВОР НАЕДИНЕ

За работу то хвалили, то порицали - с переменным успехом. План по рыбе не выполняет колхоз, ей в райкоме пригрозят "строгачом", и еще процитируют в назидание: "Что ты спишь, мужичок, уж весна на дворе?". Обрато плывет на обласке, не замечая излучин-поворотов, все думает, как поправить дела. А вода в разливе и чебачье жирует себе по сорам. Улова нет. Но лишь схлынет паводок, она - нан, мобилизует на подмогу стариков и

школьников. Возят в долбленках "живое серебро", посылками таскают к засолке. Им способствуют учителя, огородницы-"прогрессистки". И тогда ее опять хвалят, опять Евгения Викторовна в чести.

Предложили ей возгласить "Ударник второй пятилетки" - стать председателем, она отказалась - устала за войну: первый шалили, зрячий глаз болел и нагнаивался. Врачи сказали: ослепнет, если не сменит занятие. Не хватит ее надолго.

На бюро не поддавалась коллективным уговорам. Тогда наедине попытался убедить Калинин. По старой моряцкой привычке именовавший всех подряд "братишками" и "сестренками", Михаил Иванович и к Шехиревой обращался в той же манере:

- Сестренка, война сгубила многих наших товарищей. Те, кто вернулись с поля брани, сплошь инвалиды, калеки. И они парасхват. А ты, сестренка, организатор божьей милостью, - с опытом, волевая, имеешь подход к людям. Должна понять: от нужды - не от жиру просим.

Шехирев до слез жаль себя и заодно "братишку-сестренку" Калинина, словно бы обиженного на фронтовое увечье. Возможно, на что-то другое, ему лишь одному ведомое, но не согласилась, потому что ноша действительно не по плечу.

А Михаил Иванович все мерил кабинет из угла в угол - по диагонали, садился и вновь расхаживал, скрипя протезом. Исчерпав доводы, решил так:

- Пойдешь заведующей раймагом. Торговля - рычаг важный. Переберешься насовсем в Ларьяк. Но имей ввиду, общественных нагрузок довесим. Будешь партлидером в Рыбкоопе, примешь депутатскую комиссию при исполкоме.

Вдобавок избрали членом родительского комитета в школе у Людмилки. Саша к тому времени поступил в Салехардский зооветтехникум и уехал.

Шесть лет она заведовала магазином, потом - пекарней. По-прежнему тесно соприкасалась с Самариным, жадно усваивала каждый совет.

Однажды Николай Ильич попросил ее освежить память о Маше Петухиной - припылилась с годами. Проводить возле могилы на бугре митинги, приемы в пионеры и комсомол, возлагать по праздникам венки.

Вместе с Евгенией Викторовной пригласил Сигильтову-Тархову. Некогда деятельная Тлянка заметно поблекла, годы и семья сделали свое дело: они с Прохором удочерили двух сирот. И еще сын-первенец. Мария Николаевна успевала лишь по дому.

Обрадовалась тому, что ей поручили ответственное задание. Спросила про портрет Петра - лехса улыты-нэ. - Цел-невридим, - с гордостью ответила Евгения Викторовна. - Поблек, правда, по глянцу - и перед глазами Маша. - Федор Печников отреставрирует. По болезни оставил Ленинградский имени Герцена и теперь здесь, в Ларьяке, обретается при Доме культуры. Недурно рисует. Он сможет и Машу по памяти написать. Сможет, сможет, да! - часто закивала седой шведюрой с пером глухаря в заколке Сигильетова-Тархова. - С Николаем Терешкиным, нашим земляком, составляет букварь ваховских хантов. Способный и в филологии любимец Новой Марьи.

Его и нашли в Доме культуры, где Федя заведовал художественной самодеятельностью. Он аккуратно наклеил поистершийся лист на картон, прорисовал штрихи, и зимне-киевец Петр засветился прежней доброй прищурочкой, за которую и казался хантам из Эмтор-Пугола вождем революции.

Вначале освежил его. Затем принялся колдовать кистью и красками над листом ватмана, временами призадерживаясь, думая, вспоминая. Где-то к вечеру того же дня портрет Машы был готов. Улыты-нэ на нем как живая! - всю душу, всю любовь к своей первой учительнице вложил Федя. На едином дыхании написал образ девушки, отдавшей жизнь за просвещение коренного населения.

Обрадованные женщины принесли портреты в квартиру Шехиревой и всем любопытствующим объясняли, что значили они для Евгении Викторовны, до последнего дня сопутствовавшей своей подруге.

По просьбе Николая Ильича сходили на могилу и Перевалова. Деревянная ограда завалилась, пришла в негодность, пришлось поставить новую, очистить забурьяневший бугорок, сыпнув землицы с братского вместилница мирюгинцев. Дома подступали вплотную к кладбищу в кедровнике, скоро исчезнет могила политссыльных, так хоть таким образом сохранить частичку памяти.

Могилу Машы за околицей, возле аэропорта, обрамили бетоном, новую металлическую ограду покрасили суриком.

Пришли сюда Калинин с Самариным, первый председатель тузрика Сидор Федорович Сигильетов, Шехирева и Мария Николаевна, в полном составе огородницы Веры Коротких, после реформы уже не огородницы, Сафонов, нефтеразведчики.

Геологи высадились в Ларьяке в начале пятидесятых. День-

деньской монтировали буровую неподалеку от райцентра - готовились к штурму недр, вызывая неподдельный интерес у жителей, будоража их воображение. Старший команды в тридцать человек грузный Солодухин, поминутно утирая пот со лба, требовательно появлялся в различных учреждениях. Ему ни в чем не отказывали. Дело-то какое! Землю пробурят, нефть выпустят наружу.

Смонтированная неподалеку вышка заявила о себе громом и грохотом дизелей, от дизелей в райцентре вспыхнули электрические лампочки. Как диво-дивное спешили ларьякцы понаблюдать проходку.

Нефти, увы, не оказалось. Вышку разобрали, погрузили на баржу и отправили в Вартовск, где базировалась экспедиция. Туда часто наведывались еще юные будущие Лауреаты престижной премии Фарман Салманов и Леонид Кабаев, первооткрыватель Самоглора буровой мастер, хант с Томского Васюганья, Григорий Норкин.

Все дышало предвестием иной страды.

...Тем, кто не знал о драме на лесной дороге, рассказали. Все поклонились низко погребальницу Маши, поразмышляли о непростой поре социальных потрясений, когда жили и продолжали жить по указке сверху. Заблуждались. Но все многое делали для улучшения жизни аборигенов. О себе меньше заботились, чем о других. Всецело отдавались делу. Энтузиазм был удивительный. Заслуживает он упоминания.

ЭВАКУАЦИЯ

Эвакуация райцентра началась весной 1962.

Сафонову с двумя инструкторами райкома поручили в связи с этим заготовить и сплавить в Вартовск строевой лес. Леса возле Охтеурья не занимать. Линеечно-прямой, смолево-вызвоневший сам проясился под спил сосняк. С бригадой Лякенина собрали хлысты в сплотку, подготовив к отправке, но в последний момент лопнула чалка и сплотку понесло по стрежи, грозя развалить - тогда труд на смарку.

Вокруг волноплеск, глубина невероятная - стремнина.

Иван Лукич скомандовал решительно: "Таб-бань! Гре-би!" и погрузил шест в воду. Лякеницы с инструкторами дружно последовали его примеру, сбили сплотку к затопленным на корню деревьям, закрепили за верхушки, при этом добавив к "табору" новые связки, и снялись с "якоря".

Маршрут по Ваху прошел относительно благополучно, если не считать заносов на мели, когда, обрывая кожу с ладоней, стал-

кивали "табор" шестами, и досаждающих промозглых почей. На железном листе жгли костер, рыбачили прямо с бревен наплаву. За полторы недели миновали бесчисленные излучины-быстрины.

При выводе каравана в Обь боковой хлесткий ветер круто развернул сплавку поперек течения, готовый порвать и унести. Это в конце-то пути, всех мытарств! На счастье, - парходик "Ненец". Притерся бортом к "табору", сплавщикам бросили с палубы толстый неськовый канат и, черная плицами, спаситель тихоход потянул сплотку к поселку на другой стороне обширного плеса.

Встретили их как каких-нибудь папанщиков с льдины. Дружеские объятия, хлопки по плечам, рукопожатия. Тотчас тракторами принялись буксировать деревинны на стройплощадку. Райкомовцы во главе с первым секретарем взялись за топоры. Взялся и Сафонов. Венец к венцу выводили здание, теснясь пока что всем штатом в хате-временке.

Здесь на перепутьях встретил Иван Лукич старую знакомую - Шехиреву. Евгению Викторовне по инвалидности запретили работать. Она, привыкшая к действию, приуныла, заметно ссутулилась. Попросила Сафонова похлопотать за нее. Иван Лукич похлопотал и землячку определили вахтером-гардеробщицей, ввели в общественные комиссии, закрепили за животноводством. И вот, натянув валенки, резиновые чулки, в свободные часы и дни с приеунчим энтузиазмом убирала навоз, раздавала корма - скотников не хватало. Участвовала в художественной самодеятельности.

Ивану Лукичу пришлось заниматься коренным населением. Ханты уважительно называли его "властью", так и обращались: "Питявола, власть Иван Лукич".

Рядом со старым поселком рос город, мужал, поражая быстротой строительства и размахом. Во всем районе индустрия теснила первоукладное, вековое. Шум и гром, победы, рукоплескания в связи с потоками нефти. Ломалась через колесо экология, рушились прежние национальные устои.

Так начинался новый райцентр на излучине Оби, начиналась новая полоса в жизни всей Югры. Но это уже другая повесть, требующая иных критериев и осмыслений.

В ней будут другие первые-нефтедобытчики и другие власти, имена. Будет свой энтузиазм, вера и безверие. А мы на сей раз поклонимся упокоившимся. Сохраним память о них для живых, потому что живым продолжать историю, творить ее с учетом опыта предшественников на долгие-долгие времена, на взыскательную память потомков.

ШКОЛА ЕЕ ИМЕНИ

РСФСР
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Нижневартовского городского
Совета депутатов трудящихся
Ханты-Мансийского национального округа
Тюменской области

РЕШЕНИЕ

от 30 ноября 1973 года, № 306, г. Нижневартовск.

О присвоении Ларьякской средней школе
имени Марии Петухиной

Рассмотрев предложение городского отдела народного образования, исполкома Ларьякского сельсовета об увековечении памяти учительницы-комсомолки Петухиной Марии Семеновны, погибшей в 1939 году при исполнении своего служебного долга от рук шаманов, исполком городского Совета депутатов трудящихся

РЕШИЛ:

1. Просить исполком окружного Совета депутатов трудящихся о присвоении Ларьякской средней школе в связи с ее сорокалетием имени учительницы-комсомолки Марии Петухиной и именовать ее в дальнейшем Ларьякская общеобразовательная средняя школа имени комсомолки Марии Петухиной.
2. Установить в здании Ларьякской средней школы мемориальную доску памяти Марии Петухиной.
3. Разрешить на средства, заработанные организациями, предприятиями, установить в Ларьякской школе бюст комсомолки Марии Петухиной.

*Председатель исполкома
городского Совета* *И. Салихов*

*Секретарь исполкома
городского Совета* *С. Шехирева*

ХОЗЯЙКА ПОНИЗОВЬЯ

(повесть)

ШКОЛА Е. ИМЕНИ

Велика Югория, от болот Томского Васюганья до Ямальских тундровых моховин; на западе подперла она Урал-пояс, по равнине далеко простерлась на юг. Велика Югория! Крошечными островками рассеялись по ней стоянки ханты и манси, лесных ненцев, кто где, кто как прилепились у воды, чаще малой, укромной. Вода им - средство пропитания, она же - дорога. Промысловики по рыбе и зверю аборигены отменные.

Нефтяная эйфория шестидесятых налетела ураганом, накатила сокрушающим чугуном валом, разворошила, смяла, потоптала, перепутала, лишив коренных жителей исконных угодий и занятий, оставив многих не у дел. Самые бывалые и те растерялись перед напастью "покорителей". Что делать? А кто знает, что, если нет прежних национальных колхозов, коопзверопромхозов, негде промысливать рыбу и зверя. Что делать, чем жить? Негде и не к чему приложить руки, вековую споровку.

К нефти пристали единицы, знаю таких, встречал. Всюду они, эти "единицы", чувствовали себя неуютно, стесненно как-то. Драмой обернулась для них новая судьба - обращение в "покорителей" своего же края. Уже не предания - действительность, протянувшаяся в минувшее, корни мало-помалу отмирают, а новая действительность не рождает светлых образов, несет разрушение и опустошение, повергает души в смятение. И все же легендой представляются истории дня. Соединяя давность с былью, получаю сказы о великих народностях. Выстраиваясь один к одному, они зовут другие, зовут иных персонажей, проявляя их доселе неведомые широкому читателю духовные и материальные связи.

Человеческая судьба - крупинка, но в ней заключено все человечество, боль, горечь, надежда, страдания. Страданий почему-то всегда больше, чем радостей. Жизнь! Жизнь! Вечная, неповторимая, и во многом еще недоисследованная. Удивляюсь ею, скорблю, спешу постигнуть, чтоб не затерялась во времени.

...Разъезд С. строящейся к нефтяному Самотлору стальной магистрали - лишь затерянная в лесах крохотная маковинка в непосредственной близости от месторождения богатыря. Возле исконно хантыйской реки Вах. Впервые оказавшись здесь, отправился к невзрачным бревенчатым избушкам на излучине извилистой, темноводной из-за ельника на том берегу речки по поводу которой местный стихослагатель восклицал:

"Опять похолодали вечера,
Пахнет в лицо река осенней сказкой."

Еще вчера фиалка отцвела,
А жизнь течет без чуда и прикраски.
Резвится город стрелками дорог,
Маящими огнями новостроек.
Лишь только я под звездами продрог
И не жалею о разлуке скорой".

Без чуда ли! Ему, привыкшему к десантам на трассах, палаткам и продувным целеватым баракам, сие не в диковинку: этот приток Ваха, нефтяной богатый Самотлор, их окресты. Я же постучался в избенку на берегу с волнением, осторожно толкнул подавшуюся дверь и очутился в весьма просторном помещении без прихожей, без традиционных русских сеней. Ничем не приметельный парень, сидя на чурбаке-кругляше, латал кирзовый сапог. Глаза его - простодушные, открытые, темней ельника на другом берегу, словно сама таежность поселилась в них. Миляга да и только, расположил с первого взгляда.

- Микуль Прасни, - назвалса неожиданно весело. - Живу вот один как перст. Отец умер, а мать, овдовев, перебралась на центральную усадьбу совхоза. Дел тут никаких, звероферму закрыли с приходом строителей, а она неугомонная. Все бы ей хлопотать, действовать, наводить порядки.

Видно, что на самообслуживании. Голые, непромазанные в пазах стены, небеленые. Кроме стола и грубо сколоченной широкой кровати да сундука у порога обстановки никакой. Шаром покати. На гвозде возле двери висела брезентовка, плексигласовая каска салатного цвета рядом. Сувенир? Микуль, заметив мое недоумение, пояснил, что оформился лесорубом к трассовикам: зверя распугали, радение к промыслу угасло. (Он так и выразился: "радение").

Достал из подполья ружье. В сырости и затхлости оно заржавело. Это у лесовика-то, для которого тайга мать родная!

- Верно, не чинцу, - остался невозмутимым Микуль, - но Изот-сосед нибко нитыханит, дорогу не строит и зверя не промышляет. Как звероферму распотрошили, захандрил он, нибко буйный стал. Пьяный без ума натворит беды. Пьяный человек дурак, не ведает, что творит. Испортился от безделья, к строителям не приспособился и от своих отбилса. Где-то он посередине, а какой середине - не уразумею. Мается. Отдам, пожалуй, одностволку Изоту, а ты приходи завтра к прорабке, сгоням на трассу. На трассе мне однако худо, во мне пятьдесят три килограмма живого веса, не под силу кряжи. Но жить как-то надо, на одежду, обувь, на кое-что другое. Большой тарарам в тайге теперь, душа

у нас, у хантов, у всех сдвинутая куда-то, и сами мы сдвинутые на обочину этой просеки. Не хозяева становий.

Наутро в назначенный час я был у прорабской, где собирались бригады. В людской толчее и мелькании брезентовок едва отыскал Микуля среди лесорубов, по преимуществу рослых. Словно виноватясь, он улыбнулся застенчиво и, как показалось, с тоской посмотрел на плотный, как стена, заречный ельник.

На следующий день к прорабской он не явился вовсе. Пропал.

- Не знаю где, - чертыхнулся на мой вопрос обстоятельный суровый бригадир Молчан, досадливо кивнув на часы, - а дело такое - семеро одного не ждут.

Молчан после армии копил на машину, хотел, по его советенному признанию стать multimиллионером следующим образом. Купив автомобиль, вернется на родину в Новороссийск и займется частным извозом. Его рыженькая юная жена заведомо диктовала: каждый вечер после работы дополнительно принести по червонцу. Южане-приезжане хорошо дают на чай: по таксе и сверх того.

Рыженькую подогревал ее отец-плотник. Мясистый, вяловатый, с несоразмерным комплекции тонким голосом, любивший порассуждать на темы нищеты и богатства. За время трасс и прочих ударных новостроек он скопил что-то тысяч сто, зарплату и "левые" рубли - все переводил на сберкнижку. Скромненько перебивался с супругой на годовые проценты со вкладов. Молодоженов благами не баловал: сами с руками и головами. Хотите жить - умеете вертеться. На чужой каравай рот не разевайте! Так их прижимистый плотник воспитывал.

Однажды, после очередного отказа тестя во взносе на покупку заветной "Лады", Молчан обозвал его фараоном, слегка даже поколотил, что, впрочем, не помешало им сохранить родственный союз и общность устремлений. Но в отличие от папы-два Молчан предпочитал пускать деньги в оборот, капиталами делал капиталы. Предприимчивый, он приторговывал водкой, ссужал деньги в долг под проценты. В общем, еще до перестройки-перекройки, когда о частном предпринимательстве не смели и заикаться вслух, лишь делали к нему первые шагжки, Молчан не терялся.

Так вот вчерашний предприимчивый сержант мотопехотных войск посеял в душе тревогу за Микуля: где он, простодушное дитя Севера? Что с ним? Как бы не отчислили. Такие церемониться не станут, в бригаде каждый человек на виду, получает из общего котла, и батрачить из благородных побуждений даже на

ханта не будет.

Обеспокоенный, отправился напрямик через кладбище, тоже хантыйское, полузаброшенное, - в несколько затравенных могил, осевших, без ограждений, с продырявленными котелками, останками ипой утвари, подустлевшими тряпками, ружьями без прикладом, со сбитыми бойками - отслужили свое. По мнению аборигенов, покойному на том свете требуется самое необходимое из еды, одежды, орудий лова и промысла, даже нарты. Даже иногда забивают в жертву оленя.

В далекой древности приносили с жертву богам детей и стариков, но это столь далекой, что нынешние югорцы и не помнят, не знают. Об этом можно вычитать лишь в книгах да услышать в сказках.

Дверь избежки приперта знакомым чурбаком, служившим хозяину табуретом-сиденьем. Значит, где-то неподалеку Микуль. Где же? Не видно Прасина.

- В кедровнике, однако, - утолил мое нетерпение спозаранку подгулявший Изот, бесцельно слонявшийся с микулевой дареной одностволкой по берегу, именуемом "третьей излучиной". - Скоро однако будет, кедровник близко за речкой.

Ему хотелось поговорить, излить душу. Мне хотелось разыскать Микуля.

В самом деле, он вскоре появился с двумя уместными холстяными кулями, вытряхнул из них на пол полновесные шишки - и тем же манером на обласке за реку.

- А работа? Хоть бы отпросился, - пошутил с улыбкой Микуль. - Шибко урожай на шишку хороший, просека подождет однако.

К вечеру завалил избежку под окна. Высохшие шишки размолот, провеял на ветру от половы-чешуи, ссыпал орехи в те же кули - и в рейс. Сообщение с Тюменью только вертолетное. Микуль договорился с экипажем "Ми", забросил мешки в порожнее гулкое нутро машины, и унес его винтокрылый в град на Туре за тысячу верст от разъезда С. На рынок ли, в кооперацию ли подался Прасин, не ведаю, только пренебрег он дисциплиной, соцсоревнованием и прочими доперестроечными атрибутами коммунистического труда. А бригада на Доске почета, в лидерах, стало быть. Как же так, из-за Прасина терять престиж?! Вначале возмущенные молчановцы хотели уволить Микуля по статье за прогулы, но, смягчившись, простили. Сам вчерашний сержант из Новоросийска вступился: малая-де народность! Дикий человек! Что взять с него? Свои прогуливают не меньше.

Смею возразить, "дикий" превосходно знал литературу, особенно хорошо знал своих национальных авторов. При первой встрече вогнал в краску стыда меня, назвавшегося писателем. Принялся он дотошно пытать, что написал, нельзя ли прочитать. Он читал Шесталова, Тарханова, Рытхэу, Ледков, читал Истомина и Лапцуя, хотел сравнить их творчество с моим. "Моего творчества" тогда еще кот наплакал, я смутился, сотворивший лишь столбовые очерки о тех же "покорителях"-романтиках, победно-браво в брезентовках и резиновых сапогах прорывающихся сквозь ветры и туманы, через пади и буреломы, все сокрушая на своем утвердительно пути, разгоняя медведей и каверзных в своих повадках лисец - утверждая свой знак на всем. Одно слово - воители.

Не понимал еще по молодости, что несет Югре "покорительство", подавшись всеобщей эйфории, подобно многим, восторгался "открытием века", сопутствующим ему вторжению в прежде девственный мир.

Кое-как я вывернулся, замаял для ясности о себе, распротранившись о других писателях-северянах, из которых лично знал Истомина и Лапцуя, особенно близко знал Шесталова, до переезда в Ленинград жившего у нас в Тюмени на улице Республики. Хорошо знал его жену Лилю и детей. Микуль вполне удовлетворялся и этим, с неподдельным интересом вникал в подробности жизни певцов Севера. Все ему было важно и значимо. Так что для меня "дикий человек" с тех пор не был уже диким, скорее наоборот: я сам в чем-то осознавал свою неполноценность перед Микулем. Получил, что называется, урок в прок. Получили впоследствии и молчаповцы, относившиеся к Прасину предупредительно-проично, как это у нас было принято относиться к "инородцам" в недавнюю пору ложной многозначительности.

После недолгих дебатов по поводу самовольной отлучки на торги в Тюмень решили послать Микуля на курсы механизаторов. Он не отказался. Страшновато как-то, непривычно с железом, а все же согласился. Укатил ни много ни мало в Воронеж, как будто в Тюмени или самом стройпоезде невозможно было организовать подобные курсы. В Тюмени у строителей управление, чего бы проще при нем создать учебно-курсовой комбинат. Впрочем, комбинат, возможно, и был, но вот механизаторских курсов для Микуля в ту пору не нашлось.

Худа без добра нет: для Микуля вояж в неведомый доселе Воронеж увеичался отменным событием - женился на бухгалтере Валентине Изосимовой. Русская. Молодайка хоть куда, всем взя-

да - умом, красотой и статью. С золотым покладистым характером. Он сй в первый северный день показал свою родовую округу - охотничьи тропы и станы, кедровник за рекой, священное озеро Выи без дна. В самом деле, сколько мерили - не домерились. Сколько прыгали смельчаки - не допрыгались.

По легенде, в нем прятался от справедливого бога Торума озорник Пыриэ, изощренный на всякие лешачьи проказы. Убегет лешак в подземелье к царю мертвых одному ему известными ходами, лазейками, а в затишье, когда старик на облаке-спит-почивает от божьих праведных докук, лешак возвращается вверх - в мир живых проказить.

Никогда прежде на озере Выи не рыбачили, не купались - грех тяжкий. "Покорители" же распивают на берегу вино, швыряют в воду пустые бутылки, бесцеремонно забрасывают сети, даже пользуются взрывчаткой: столько губят рыбьей молодежи!

Не удержался Микуль, посетовал Валентине на многие людские варварства; он приспособился, притерпелся. Изот - нет. Застрелил из одностволки тракториста, во хмелю снесшего бульдозером погребальницу своего предка на погосте в редком леске. Вознамерился тот снести весь погост вместе с леском, сравнять с землей безжалостным куском наостренного до блеска металла. Вот тут-то и взыграло ретивое у Изота, упокоил механизатора навеки и себе пустил в сердце круглую свинцовую пулю-жакан. Свернулся калачиком в луже собственной крови.

Их рядом с бульдозеристом и закопали в рыжем линьком суглинке, оставив без обелиска и креста, без поминовения добрым словом.

Микуля драма миновала, все же после гибели соседа сильно запасмурнел парень, все думал насупленно о чем-то, силится понять случившееся, звал мать переехать в Нижневартовск, который быстро строился, раздавался в плечах, на глазах, как по маповению, становясь городом. Появились в нем пяти- и девятиэтажки, мощенные плитам и залитые асфальтом улицы и даже проспекты.

Молодожены ждали ребенка, и Валентина, готовясь стать матерью, хотела иной - не подорожно-казарменной - жизни. Тосковала по цивилизации, нормальному быту. Избенка же на берегу осела, покосилась на правый угол, вросла в податливую волглую почву. Веяло от всего крохотного становья нежилью.

Подростком Николай Павлович Нежданов устроился на Урал-

машзавод учеником слесаря. После армии снова вернулся в цех, однако мечты о геологии увели на Магадан в разведочную экспедицию. С Магадана вынужденно переместился к занедужившей сестре в Новосибирск. Там, напротив, через улицу, собирали крупнопанельное здание. Еще недавно выступал фундамент, глядь уже подвели многоэтажное под крышу. За неделю многоквартирный дом, согласитесь, даже при идеальной отлаженности - на удивление.

Попросился к строителям-монтажникам скорее из безотчетного стихийного порыва, чем осмысленно. Впервые услышал немало таинственных, интригующих слова "подряд", "хозрасчет", определившие всю его дальнейшую жизнь, выбор профессии.

Многому вразумил Николая Павловича бригадир Володя Марданов, интересный, увлекающийся парень. Умел заечь словом и делом. К нему тянулись. Уралмашевец же приглянулся Марданову организаторской хваткой - вроде тишком, тишком, а выполнение "пять с плюсом". Оставил его вместо себя на время защиты институтского диплома.

Тут как раз зашумели о нефти Среднего Приобья, о городе Нефтеюганске, закоперщике нефтяного начала в Приобье. О нем даже песни слагали. Володя в бригаду вернулся с дипломом инженера в кармане и твердым решением уехать на Север.

В числе добровольцев и Нежданов. Не стал геологом, так будет обустривать северные просторы. В Нижневартовске, на Самотлоре, создал свою бригаду. К рабочей стезе его добавилась депутатская. Старался поспеть и в непривычной для него роли. Привык все делать основательно, если наскоро, кое-как, то лучше совсем никак.

В городе после вахты он пересел на рейсовый автобус и через пятнадцать минут был уже в общественной приемной на первом этаже горисполкома. Секретарь Галина Кондратьевна заранее поставила графию с водой, придвинула стулья к столу для записавшихся на прием, - чтобы было где сесть, - на видное место положила письма к депутату.

Николай Павлович взял верхнее. Без почтового штемпеля: значит, принес адресат. Надорвал конверт, извлек по школьному вкосу разглаженный листок на котором крупными, почти печатными буквами было начертано: "Я, ханты Матрена Прасина, охотница по рыбе и зверю. Пензионно хочу жить в городе. Сын Микуль с женой Валентиной хотят. Надо квартиру!!!" - тремя восклицаниями усилила.

Она и на прием вошла первой, по-хозяйски уместилась на

стуле. Немного словно, стараясь быть точной, рассказала о себе, о заботах. Была "передовичкой" в колхозе. Колхоз переименовали в совхоз. И в совхозе она осталась "передовичкой". Сын Микуль женился на русской бухгалтерше, потянулся в Нижневартовск. Бухгалтерша Валентина тоже потянулась. Валентина больше и потянулась, сбивает на это Микуля". Матрена, любя обоих, согласна переехать с ними, хотя знает, что будет тосковать по стойбищу. Так пусть депутат не откажет в помощи.

- Постараюсь, - согласно кивнул головой Нежданов, все еще держащий в руке потертое на сгибах письмо. - Завтра же поговорю с председателем горисполкома. Куда сообщить о результатах, по какому адресу?

- Река Вах, третья излучина в понизовье, где подмыло обрыв. Ну, есть поверху сосны!

- Весьма приблизительно. Лучше подошлите на неделю сына, молодому сподручней добраться.

- Ничего, - с некоторой протестующей горделивостью заявила Матрена, застегивая кухлянку костяными самовыточенными пуговицами. Сама приду, я проворная, проворней Микуля на лыжах. А то прискачу на оленках, есть у меня пара ездовых хоров.

- Вот и хорошо, приезжайте. Живу неподалеку, по улице Маршала Жукова. Вечерами почти всегда дома. А если меня вдруг не окажется, примет жена.

Довольная встречей, Матрена направилась к выходу, но от двери вернулась, решила поделиться своей радостью. Внуку у нее есть, сын Микуля. Подрос уже, умеет читать по слогам... Муж ее покойный, Иннокентий Прасин, слыл в понизовье Ваха отменным промысловиком, вместе они за все годы добыли столько пушники, что ею можно одеть пол-Нижневартовска, и еще останется. Хорошо брали муксуна, щекура, а чебаковую мелочь, окунишек не признавали, никогда не брали в зачет. Иннокентий, было, и председательствовал, командовал рыбоучастком - заметный человек. Имел орден.

Наговорилась с хорошим человеком, ушла, осторожно притворив за собой дверь, как испарилась.

Входили еще посетители, объясняли, просили помочь с квартирой, местом в детсад или ясли, с работой. О чем только не просили! Николай Павлович вникал, решал, советовал, выражал мнение, спорил. Завершил прием в восьмом часу. Когда опустела приемная, спохватился, что до сих пор не позвонил домой, набрал номер.

- Как, ты на приеме? - удивилась Надежда Андреевна. - Когда успел?

- Успел. И еще собираюсь на Самотлор.

- В ночь-то! Хоть бы вспомнил об Анюте, истомилась. Да и я не без того... Успеешь насамотлориться.

В самом деле, пока доберется до места, считай, еще пара часов долой ни то ни се. Уж лучше с утра туда - всему свой срок и время. Только сейчас ощутил как сильно устал.

В сквере возле горисполкома призамедлил шаги, любовался заснеженными кедрами. В свете неба они отливали неземным марсианским сиянием. Красота-то какая!.. О, Вартовск! Вартовск! Сколько связано с тобой радостей и огорчений, то вдохновлял, то наводил на размышления, повергал в грусть. Случалось, огорчал. На глазах ты рос, мужал, становясь современным городом.

Дома дочурка Анюта, еще школьница, его позднее солнышко, встретила радостным возгласом: "Па-а-а!", бросилась на шею, обвила ручонками. Может быть, убедил бы жену вернуться потемну на Самотлор, но перед дочуркой спасовал. Притяжение к ней сильное, не однажды выбирался с ней на природу, брал с собой в Москву. Анюта пользуется особой привелегией. В конце концов, его присутствие на стройплощадке сейчас необязательно. Пока что справятся без него: подтащат, подвинут. Главное на стройплощадке - завтра. С рассветом.

- Хорошо, хорошо, Анюточка, никуда не поеду, останусь с тобой. Расскажу сказку. Совсем маленькую сказочку, но поучительную. Я ее в детстве услышал от родителей и запомнил на всю жизнь. Ну, так вот... хотели подружиться кузнечик и улитка. Как ни старались они, все вразлад. Кузнечик стремительный, прямолинейный, рискованный. Не боится пустот и ям на пути. Улитка, наоборот, поровит, где глаже, безопасней. Солнца улитка избегает, ветра сторонится. Все бы ей дремать в тени.

Терпел, терпел кузнечик, топнул сердито ножкой со шпорой, и заявил: "Не получится у нас союза. Уж лучше один буду, зато буду, как захочу". И умчался. Только его и видела улитка. Притча со смыслом, дочка. Все дело в том, улитка ты в жизни или кузнечик, борец или приспособленец - меняешь окраску по обстоятельствам.

Во сне Николаю Павловичу явилась охотница Прасина с луком и стрелами. "Которая стрела точней, депутат?" - спросила тенорком жены. - Та, которую посылает твердая рука с тугой до звона тетивы. Я всю жизнь как стрела...". Действительно, обратилась стрелой и умчалась наперегонки с ветром. Ни стрелы, ни

Матрены. Остался лук, на луке стрела. Пустил ее Нежданов, полетела стрела - есть еще сила. Но есть ли твердость? Сила и твердость не одно и то же. К силе присовокупить твердость - и будет точность.

Проснулся внезапно, будто от стука в окно. Уже чуть брезжит на востоке. Оконные стекла в диковинных, словно начертанных резцом, узорах инея. Видать, морозно. Каково ребятам там на площадке? Пора их смешить. Он поднялся с постели и без промедлений круто отправился на автостанцию.

3

Во дворе дома Ашота каталась на коньках. Такие выделявала пируэты, что невольно залюбовался. Увидев отца, она рванулась навстречу, выбив лезвиями стальное крошево льда.

- Па-а-а! У нас тетя в шкурах! - поспешила сообщить.

- Какая тетя? В каких шкурах? - не понял вначале Николай Павлович и, лишь открыв дверь, услышав глуховато-плавный голос, догадался: Матрена.

- Здравствуй, депутат, - повернулась к нему охотница, в прихожей беседовавшая с Надеждой Андреевной. Она только что с мороза, потирала озябшие руки. Лицо полыхало румянцем. - Я, депутат, насчет квартиры. Микуль с Валентиной торопят.

- Раю еще. Не могу так быстро размотать клубочек в шитку, как в сказке про курочку рябу. Непростой. И в такую даль сумятилась. Надеюсь, не на своих двоих?

- Именно на них, депутат. Зачем маять олешек, если есть лыжи. Ноги пока что резвые, не пожалуюсь.

- И сколько тебе лет, Матрена? - невольно полюбопытствовал Нежданов.

- О, я родилась, еще когда поднимали флаг в Ларьяке и создавали коммуны. Мой будущий муж тогда рыбачил на Вахе. Старше меня Иннокентий и раньше ушел в мир теней.

- Вот что, Матрена, коли торопят сын с невесткой и ты приехала, оставайся почевать. Не пуцуй в почь на какую-то третью излучину, заплутаешь, замерзнешь. Не дело это - в одиночку через снега и стужу. Устала, поди?

- Ни за что не устала, депутат, всю жизнь резвая, - заершилась охотница. - Спроси: на Вахе Прасну все знают.

- Хорошо, хорошо, верю. Только все равно оставайся. Завтра вместе наведаемся к мэру. Сама все обкажешь ему, а я поддержку.

- Справка есть на Микуля от стройорганизации, - показала

измятую бумажку, в которой значилось, что Микуль Иннокентьевич Прасин добросовестный тракторист. Механизм содержит в порядке. Занимается самообразованием - выписывает журналы и газеты. Имеет домашнюю библиотечку.

Характеризующий Микуля Молчан, видимо, считал это обстоятельство существенным для представителя малой народности. И Матрена так считала. Дважды упомянула, что читает сын "Россию", "Советскую Россию" и "Правду", хочет Микуль на Самолор в управление транспорта. К нефтяникам. Жена бухгалтерша хочет. По бухгалтерии шибко башковитая, начисляет зарплату строителям.

- Благие пожелания да сбудутся, но вы раздевайтесь. Надя, - обратился он к жене, - сготовь поест и чайку гостям покруче. С продрога в самый раз.

- Чай - это можно. Пельмени люблю. - Скинув кухлянку, Матрена осталась в свитере и брюках, схваченных у щиколоток тесемками. Свитер из яркой цветастой пряжи, с национальным орнаментом. На ногах оленьи кеды, мягкие, ненадежные в ходьбе. Хороша Матрена, в тепле еще больше румяная. Не подумаешь, что ей много лет. Не старуха.

По-своейски прошла на кухню. Там у нее с Надеждой Андреевной завязался разговор о смысле жизни, о таинствах хантейских и русских кушаний. Было им, русской и ханты, двум северянкам, просто, легко... Прихлебывали женщины чай вприкуску с рафинадом, угощались пельменями, муксуном, принесенным гостем, может быть, из последних запасов, и не замечали времени.

Спортивно подтянутая статья у охотницы: всю жизнь Матрена в движении, на воздухе, откуда завести полноте и дряблости? Невольно Николай Павлович представил ее в родной стихии - тайге. Не треснет под ногами сучок, не дрогнет задетая локтем ветка, лишь чуть слышно шуршит, оседая под лыжами, наст. Брызнула на кедр испуганная белка, затаилась в вершине. Но зоркий глаз Матрены находит ее. Щелчок выстрела - и зверек валится к ногам. Матрена поднимает добычу, встряхивает, оценивая мех, и приторачивает белку к поясу... Повелительница Среднеобья. Мало их таких осталось, ох, мало! Сломались. Истаяли.

Эта выстояла... Удивительна и неожиданна судьба. Неделю назад даже не подозревал о существовании Прасиной, и вот, пожалуйста, у него в доме, тянет параспев начатый перед этим монолог:

- Тайну велику огласил Ойка, когда в главном селе Ваха подняли красный флаг над сельсоветом и создали коммуну. Власть

шамана кончилась, и Ойка спик. Священное место Тай-Так, куда приносили дары духам и посреднику богов шаману, утратило свою недоступность. Прежде не смели вступать в пещеру под берегом. Ойка собрал там оружие, разную одежду, посуду, другие предметы. А зачем? Одному человеку в жизни мало надо, значит, собрал для людей. Наподобие музея пещера. Ойка уверял, что в ней хоронился от царских догоняльчиков храбрый-храбрый, справедливый-справедливый пенец Ваули Пиеттомин. Будто бежал он с арестантского этапа, добрался пешком в Югру, и тайга скрыла героя. Остались ни с чем догоняльчики с ружьями. Давно это было. Ойка слышал от родителя-шамана, а тот от своего. Еще уверял Ойка, что Ваули стал богом, посланным небесами на грешную землю. Тот, кто касался его следов, кто держал в руках лук, стрелы и конь с его насечкой-тамгой в пещере, становился фартовым, сопутствовали ему одни удачи. Иногда Ойка показывал оружие и личные вещи Пиеттомина, а его ли они - кто ведает на самом деле? Верили, что его, трогали благоговейно руками, гладили, кланялись Торуму и добрым духам. Кланялись и клялись жить правильно, не враждовать и не быть жадными. Жадность, считали, главный из всех пороков.

Спокоен, размерен голос Матрены. Прервется - и снова ручейком про были-небылицы. Так ветер бормочет в космах хвои, задает загадки. Ау-у-у... О-о-о... Завороженно внимает охотница Анюта, подперев кулачком пухлый подбородок, внимают супруги Неждановы.

- Тосковал однако Пиеттомин, томился по моховинам Трехречья... С крутизны обрыва пытался увидеть тундру, уловить ее запахи. Столь сильно было желание, что обернулся чайкой-халем и на упругих, стремительных крыльях помчался над лесами. До сих пор кружит и криком оповещает в небе, что родимая сторонка всего дороже. Тайга хороша, и ханты приветливы, но тундра неповторимей... Кому тундра, кому тайга. Хуже всего, когда все равно, какая сторонка, чья природа, лишь бы удобней самому.

Машинально Николай Павлович подцепил вилкой дольку муксуна, отливающего на срезе розовым.

- Но все же что за музей в пещере? Интересно знать.

- Тиш-ша, - Матрена свела голос до шелеста травы, упрединительно сузила глаза, и лицо сделалось плоским, похожим на маску - без выражения. - Не для всех. Много плохих людей на Вахе. Им разорить Тай-Так в пустяковину, походя осквернят. Тебе, депутат, покажу. И кладбище наше родовое в Глухаринном бору

покажу. Без сопровождаителя не найдешь.

4

Дзинь-бом, дзинь-бом, боом, - сыплет с веток капель, прожигает, истачивает снег. Нозревает, оседает он. Дзинь-бом, дзинь, дзинь, - строчит тесовой музыкой с крыши.

"В давние-давние времена жили на Сам-тлоре добрые, мирные люди, промысляли белку и соболя, росмаху и лося. В согласии жили. Но вот прогневался на них злой болотный дух Яи-Вон-Сам за то, что видят они солнце и чувствуют ветры, а болотный дух томится в пучине среди увядших растений. Напустил гнилого дурмана и уморил всех. Уцелела на Сам-тлоре одна-единственная женщина Сильга, красоты неписанной. Указало ей путь солнце. Отправилась Сильга по световым бликам и пришла на Вах, поселилась здесь в цветущих черемухах. Спустилось к ней в черемухи солнце-бог в женском обличе, полюбилось с Сильгой, и родились сын и дочь, и еще сын и дочь. Явились от них светлые с темнишкой в очах да волосах люди - ваховские ханты. Душой чистые, незамутненные, как родниковая вода. Сбанивали их, доверчивых, хлад и мор преследовали. Тьма воцарялась, менялись власти, но ханты сносли все. Новых северян снести трудней, перед ними бессильны даже боги".

Дзинь-бом, дзинь-бом, бом, боом...

Матрена не сразу сообразила, где она и что с ней, проснувшись, лежала тихо, чтобы не разбудить хозяев. Дзинь-бом, дзинь, - это срывается из крана вода, померещилась весенняя капель.

Прежде шаман их рода проповедовал недоверие к чужим, она с детства затвердила его внушения с ударами бубна и заклинаниями. Ойка всегда грозил, устрашал духами, хотел держать людей в трепете, а тут она ночует у депутата, ей с сыном и невесткой обещают квартиру в городе у Сам-тлора, возле главной реки Югры - Оби. У Нежданова хорошая жена, варит вкусные супы, стряпает вкусные пельмени. Искусница-вязальщица по макраме. В квартире на стене лес с оленями, пол из деревянной гладкой плитки, паркетом называемой, цветной телевизор ящик со стеклом, в котором бегают живые картинки.

Она с семьей будет жить, наверное, в такой же, с оленями на стенах. Не все покорители плохие. Нежданов не плохой.

Матрена смотрит в темноту, чутким ухом ловит дыхание Аюты, размышляет. Сильно изменилась жизнь в Югре, ее не оставишь. Нет и в помине Ойки, легенду-сказку отца досказывают русские пришельцы, досказывал ханты с Томекогю Васюганья бу-

ровой мастер Григорий Иванович Норкин. Он открыл Сам-тлор, рассекретил клады Ян-Вон-Сама. Еще шестнадцать его запасников указал людям. Григория Ивановича однако мало замечали, награждали больше русских, татар, башкир, сверх меры славили южного человека с длинным, как река, именем. Григорий Иванович, наверное, обижался на пенсии в Тюмени, много пил и скоро упокоился на погребальнице за городом. Ему на могилу воткнул какую-то деревяшку с портретом и звездой на верхушке. Зачем это ханты с Васюганья? Мается душа Григория без надмогильного домика для даров и бесед с живыми.

Не называли Норкина Героем, многих называли, а его нет. тоже плохо. Обижался Григорий, гасил обиду водкой.

Жаль ей Норкина, справный, основательный был, толково рыбачил с Иннокентием, толково служил в армии. Безошибочно протыкал железной иглой с долотом на конце Старуху-Землю - делал ей больно, и в отместку потерял себя из-за бродяжничества, спился в большом городе Тюмени. Эх-ма. На то ли совершали революцию, вешали красную тряпку над сельсоветом и создавали коммуны, чтобы лесным и тундровым людям стало худо, чтоб спивались они, теряли себя. Что-то напутали, недосмотрели революционеры и их последователи.

Норкин заслуживал книг и живых говорящих картинок-кино, заслуживал Героя, но уже сейчас кто знает его среди своих и чужих, ближних и дальних? Не помнят в Васюганье мастера железной иглы с долотом на конце, забыли свои и чужие. Васюганье! Васюганье! Есть там селькупы с голубыми глазами, есть свои музыканты и рукодельницы не хуже Надежды Андреевны, есть рыбные озера эмторы. Чего не хватало Григорию? Чего не хватало другим васюганцам и югорцам, ныне наказанным забвением земляков? Жить надо ради своей Земли и упокаиваться вечно в ней, с чистой совестью.

Земля все чувствует, понимает. Заблудших наказывает жестоко.

Ян-Ван-Сам, когда его сильно ударил по хребтине железной мутовкой Григорий Иванович, со злости плюнул черной горючей жидкостью и испустил дух лил. Дух этот - газ, что сгорает без пользы на факелах или является в квартиры голубым пламенем. Наверх по скважинам устремляется черная горючая жидкость. Ей радуются пришельцы больше, чем солнцу в небе, всей красоте Югры, Васюганья. Найдя новые клады Ян-Ван-Сама, пляшут и плачут от радости, мажут друг друга по лицам нефтью, шлют телеграфные знаки в Москву и Тюмень, сообщают всему миру. А

хантам нефть вроде ни к чему, ни к чему газ. Лишились они воды и земли, тишины и размерности. Всего заповедного.

Хотела вслух запеть о том, что по небу летают железные птицы, по воде плавают железные лодки. Среди пришельцев - новых северян есть все же друзья - совестливые лехсы, такие, как Нежданов и его жена. Эти иные, не захватчики и надругатели.

Вспомнила, что не дома, и не запела. Пососала пустую холодную трубку, встала. Вскоре поднялись и хозяева, Анюта. Позавтракали, и Матрена с Николаем Павловичем отправились в горисполком.

- Пусть напишет заявление, - попросил председатель, выслушав Нежданова. - Документы присовокупит, какие положено: сколько и где работали, чем и когда поощрялись, если, конечно, поощрялись. Соответственно мать и сын. Чтобы у меня были основания перед исполкомом на квартиру.

"Председатель прав, - рассудила про себя Матрена, - ханты тоже бывают всякие, есть которые питыханят, лодырничают. Пьяные дерутся. Ей с Микулем не стыдно перед председателем и депутатом".

- Но я худо пишу, - достала трубочку Матрена, стукнула ею о торец стола, словно вытряхивая пепел. - Микуль составит.

- Пусть так, невелика разница, - согласился мэр. - Напишет заявление и соберет документы. Квартиру выделим по возможности в районе новостроек.

Матрена восприняла все это с достоинством человека, близкого к природе, живущего в согласии с ней, поднялась со стула, посчитав разговор законченным. Встал и Нежданов. Вышли вместе.

- На Вах с Самотлора ходят машины за бетоном, у нас там растворный узел, подбросят, - сказал Николай Павлович. - Зачем понапрасную маять ноги.

И то ли судьбы соизволение - знакомый татрист приглашающим жестом распахнул дверку кабины. Помчал с ветерком. Сам-тлор! Сам-тлор!.. От берега до берега не окинешь взглядом, водились в нем пудовые шуки, караси с рукавицу. Вон там за полосой сосенок в бурю волны метали лодочку-калдашку, перехлестывали через борта. Бывало девчонкой Матрена плыла через буруны завихрения и вольно, на весь окрест напевала:

"Бушует озеро, ой-ей,
испуганные гагары прячутся от шторма, ой-ей,
а я Матрена Прасина, с древней реки Вах,

не боюсь бури, плыву себе, ой-ей!
Хорошо, когда есть большая вода озера,
на воде эмтора ветер, и лодочка-калдапка
несет в лучшую жизнь.

Посни и радуешься ты".

Новые люди назвали озеро Мертвым. Назвав, постарались сделать таким, и не только Сам-тлор, другие эмторы, реки и пасолы. Сам-тлор даже пытались осушить, рыли специальные канавы. Озеро не поддалось, а только обмелело, сузилось в окаеме.

Испятанные нефтью или вовсе залитые ею, почернелые клюквенники, истерзанные машинами и топором, пожарами гривы-холмы... Кровоточит израненная Земля-Старуха, стоном стонет, вопиет о спасении. В глазах у Старухи тоска и скорбь, непереносимое страдание. Усохла будто, скукожилась она, утратила мощь и удалство. Гибнет Югория, остаются от нее лишь легенды, и те забываются вместе с отходящими в мир теней осясками.

Матреша помнила эти места безлюдными. Они с отцом выбиравались на Сам-тлор за голубикой и морошкой, справляли слопцы на глухарей и куропаток, доверчиво-любопытных птиц ловили и силками. А однажды отец завалил косолапого и устроил всем сам-тлорцам праздник Медвежьей Головы. Красивое, увлекательное зрелище. Кто изображал зверя и птицу, кто обращался к Голове на помпальном столике, словно к усопшему родителю. Медведь - это предок, явившийся в гости.

Его нельзя обидеть. Надо угостить хорошо, спеть и сплясать ему. Показать во всем уважение. Где то время? Нет и отца, оба с Иннокентием в Глухаринном бору. Прости, Земля-Старуха, не уберегла тебя. Виновата...

Дорога твердая, из плит, нескончаема по болотам и гривам, как река притоки, пускает в стороны к буровым, дожимным насосным станциям и кустам скважин отростки. Бетонкой зовется. Колеса на ней подкакивают, как на камне, сильно трясет в кабине, - непривычно ей. И хозяин Сам-тлора не шаман Ойка, а депутат Нежданов. Этот без заклинаний и бубна владеет большой силой. К нему обращаются многие, видела на приеме в исполкоме. Его слушается председатель города. Нежданов строит на Сам-тлоре диковинные сооружения с бочками для нефти, сияющими, как бумаги на столе председателя города.

При шамане Ойке знали про верховного владыку Торума, про духов тайги и воды, о нефти не знали. Теперь о ней среди хантов слышаны от мала до велика, любой мальчишка растолкует про буровиков, как они сокрушают царства Ян-Вон-Сама.

Повзрослев, уходят к добыткам "черного золота". Вот и Микуля поманило, не хочет оставаться на третьей излучине. О, времена! Времена! Портится народ кантага-ях, рассыпается, - вздохнула охотница, пригорюнилась на мгновение, да не привыкла долго унывать.

С интересом присматривалась к площадке, где штангами взметнулись столбы для электричества, "Татры" сыпали песок, в песок били сваи, похожие на тупо очиненные карандаши. Нежданов, невысокий, плотный, чернотой волос и глаз, смуглостью лица смахивающий на ханта, по-хозяйски вторгался в толчею машин и людей, никому не давал спуска.

Матрена обратила внимание на усатого паренька, сколачивающего дощатую опалубку для бетона. Лицо покчалось знакомым. Где-то видела.

- Ты кто? - спросила напрямую.

- Юмин, - ответил паренек, тоже внимательно всматриваясь.

- Ханты Владимир Юмин с Малой Оби, из деревни Ванзеват.

- Слышала от Иннокентия про тамошний колхоз "Победа". Богатый, миллионный - авторитетно заметила Матрена, раскуривая трубку-носогрейку. Затянулась глубоко дымом. Колечки пустила.

- Был миллионным, да сплыл, - Володя повертел в руках молоток, прислонился к стене опалубки, посасывая ус. - Стали присылать председателей со стороны, им дела нет до колхоза и колхозников. Ханты, что постарше, без дисциплины и строгости пьянствуют - в стрелевой лов и охотничий сезон одинаково. Пьяные гробят технику, снасти, браконьерствуют. За бутылку готовы отдать всю добычу. Не ихняя ведь, колхозная. Как везде, как и в русских артелях. Молодежь уезжает, рассеивается. Деревня неперспективная. Дворов сто семьдесят из пятисот осталось. У меня мать пожаловалась на руководство, ей же дороже обошлось. Перемен никаких. Как было, так и осталось, если не хуже.

- Плохо, что никаких, - огорчилась Матрена.

- Мой отец одно время председательствовал, - все еще играя молотком, изредка вгоняя с одного замаха гвозди, живо отозвался Володя. - Участник трех войн. Умер от рап в 68-м. Нас в семье осталось восемь. Все братья и сестры сейчас при деле. Я выучился на монтажника-бетонщика. Бери больше - кидай дальше... Круглое кати, плоское тащи на загорбке... Как получилось? Сестра, детский врач, получила трехкомнатную квартиру в Нижневартовске, пригласила к себе. Приехал, стал искать работу. Вижу

- вывеска: молодежно-комсомольское управление. Еще с каким-то

ударным обозначением. Раз комсомольско-молодежное, значит, думаю, парней и девчат много, интересно. Завернул в отдел кадров. Приняли без звука. И вот на Самотлоре. Все бы ничего, да скучаю по матери и деревне. Места у нас живописные, живописней сам-тлорских. Что тебе северная Швейцария. Зверья и дичи пока, как электрических столбов и свай, хватает. Но обстоятельства выше моих симпатий.

- Верно, верно, - закивала согласно Матрена, оправляя кухлянку, из врезного бокового кармашка достала неизменную пососгрейку. - Выше. Сын Миккуль с невесткой тоже порываются в Нижневартовск, так накажу им беречь хоть здесь наше заповедное. Вся надежда на вас, молодых. Да плохая надежда. В каменных коробках какие ханты? Безликие, пустые, глупые.

Она вдруг почувствовала себя постаревшей: нет уж прежней прыти. Наверное, не надо ей в город, зачахнет среди стен и коридоров. И зачем ей ждать попутку на Вах, если до реки напрямик подать рукой. Встала на подволоки и ушла в стойбище, прислушиваясь к себе: как руки-ноги, сердце? Не дребезжат ли? Нет, сердце и все остальное в порядке. А все же томит что-то. Может, остаться ей на Вахе? Пусть другие едут в город, ей нельзя далеко от Иннокентия и отца, Земли-Старухи, скоро самой "переезжать" в Глухариный бор на родовое погребальное-хальмер.

По преданию, прародительница Сильга упокоилась там же рядом с шаманом Ойкой. Упокоились все, кого не заломал без вести медведь-шайтан или не поглотила бесследно вода. Матрена, блюда обычай, приносит мужу и отцу на могилы дары, чтобы не обижались. И матери приносит. Ей будут приносить сын с невесткой. Будут ли?

Хотела запеть про то, как трагически спинул, преследуемый милиционерами старейшина рода, как давно поднимали флаг над сельсоветом в Ларьяке и Корликах, творили всякие глупости, а она все не устает жить. Но не запела, расхотелось отчего-то. Утратилась легкость в мыслях, неясная, непривычная тяжесть давила.

По пути завернула Матрена на кладбище, молча постояла у могил. В морозной хрусткой тишине срывалась, текла с ветвей невесомо-струйная, как пряжа на пяльцах у некусной вязальщицы Надежды Андреевны, кухта. Дятел-желна бил по стволу крепким носом: тук-тук, и к ногам сеялись желтовато-коричневые трухлявинки, порошили снег, делая его крапчатым.

Матрена стянула оцепенение, распрямилась. Живым жить, помня об усопших, что незримо обступили ее. Отчего такие мыс-

ли? Или наступил предел и пора собираться к Кынь-Лунгу? Нет, не то, от встреч в городе и на Сам-тлоре иначе осознала свою собственную жизнь в Югре и жизнь сородичей. Прежде чего-то недоставало в думах, теперь же вся Югория перед глазами, как на ладони, ее опасные перемены.

Она в ответе за происходящее, потому что самая старая женщина Ваха, хозяйка его понизовья.

К стойбищу попала через крутизну обрыва, падающего к реке. Уже не стойбище это, вовсе оттеснил, сделал пасынком несколько покосившихся бревенчатых избушек поселок железнодорожников. Обидно за ваховцев, ставших чужими на своей Земле, квартирантами. Веками обживались, привыкали - и вдруг пасть. И куда от нее укрыться, обступает со всех сторон, сплющивает, подминает. Матрена издавна любила крутосклоны - за то, что с них можно срываться птицей, лететь... Полетела. У-уух!..

Микуль ждал возле дома, из-под козырька ладони следя за матерью. В отличие от Юмина почти белокур, худощав, курнос. В мать подборист. Он взял Матрену за руку и повел в тепло, держа под мышкой ее лыжи.

- Устала однако, отдохни.

- Немного притомилась, сынок. Совсем немного.

На стойбище спускалась ночь. В избах и поселке строителей вспыхивало электричество, на этот раз почему-то не обрадовавшее Прасину.

5

Перед большой весенней оттепелью погода счудила: ударил снежный крутой заряд, лишивший видимости. Вихрь бил в глаза, больно слепил, пронизывал насквозь одежду, сгibal сосенки возле стройплощадки, вообще сдвигал и перемещал все посильное его разудалому своеволию.

Но вот поулегся, погода выдалась на загляденье. И время перед выходными есть свободное, можно будет всей бригадой поупражняться в волейбол. Тут же, неподалеку, соорудили спортплощадку - целый стадион, можно сказать. Но вдруг явилась хмурая охотница, нет в ней прежней живости и доверительности. Так это непохоже на хозяйку Ваха, что Николай Павлович затревожился:

- Что стряслось?
- Микуль сбежал, - пожаловалась охотница.
- Как сбежал? - не понял Николай Павлович. - От жены, что ли? Развод по хантыйски?

- Не-ет, не то, - поспешно замахала Матрена. - Ни по-хантейски, ни по-каковским. На глухарей поманило, начальник транспорта ругается, грозит уволить за прогулы. Спасай Микуля, депутат.

- Ты погоди, давай по порядку: на каких глухарей? Зачем они ему?

- Микуль же из леса и от реки, привык слушать весной ток. А дисциплину забыл, транспортное управление - не совхоз, в совхозе все свои, там можно прогуливать, в управлении накажут. Верни, депутат, Микуля.

- Следует вразумить парня. После футбольного матча отправимся, пожалуй, на третью излучину. Как квартира?

- Квартира хорошая, спасибо, депутат. И работа у Микуля хорошая - капитан на бульдозере. Денег зарабатывает много. Плохо, что "зауросил".

- С этим разберемся, дело поправимое.

На перекладных добрались с Прасинной до реки. Дальше, спрямляя маршрут, малозаметными тропами отправились пешком. На излучине под обрывом, где вода темна и стремительна - стойбище. Матрена потянула на себя дверь одного из бревенчатых сооружений, дверь легко поддалась. Не заперта. Внутри та же деревянная самодельная кровать, стол у окна - тоже самодельный. Больше ничего, пустота. Даже сундука у порога нет, видимо перекочевал вместе с супругами в город. Без мебели изба казалась просторной.

Зато стены украшены косачиными и глухаринными хвостами, чучелами птиц.

Микуль на чурбаке у стола ловко метал в рот кедровые орехи и смотрел в окно на крутизну обрыва и заречный ельник. Припухлые губы Микуля в шелухе. Вполне примешь за Ваню из Смоленска или Калуги.

Николай Павлович не стал упрекать, тактично повел разговор издали о житье-бытье, погоде. Микуль без слов достал из-под кровати меченую ржавчиной одностволку, вернувшуюся к нему после гибели Изота.

- Дарю, депутат. Мне ружье ни к чему: давно не стреляю, отвык. Так что бери даром, - протянул "ижевку".

- Не стрелок, - отказался Нежданов. - Чего ты, Ерофей-Воробей, забрался сюда. Мать переполошил, меня сдернул в тьму-таракань.

- А-а, - хитровато улыбнулся Микуль, - понимаю. А я думаю, чего это депутат пожаловал? За работу опасается мать, я и

сам опасаясь. А на ток все же схожу. Просит душа, должен сходить. Давай вместе, депутат, сходим. Один раз услышишь - не позабудешь до смерти. Заодно покажем тебе музей в пещере, кладбище.

- Не знаю. Если только обыденкой, - поколебался Николай Павлович. - Время - деньги.

- Хорошо! - как по команде обрадовались оба Прасины - мать и сын. - К вечеру загычут мошники, в самый раз и поспеем.

Углубились в ельник, такой плотный, что в иных местах пробирались на четвереньках. Неожиданно перед ними встал обрыв берега. Не мешкая Прасин-младший развел нависшие корни-вища деревьев, перед ними разверзлась пещера Ойки. Микуль зажег фонарь и осветил.

В центре обиталища пучил глаза деревянный, с толстыми губами, идол. Стены увешаны оружием бог весть каких давностей. Были тут луки на вбитых в земляные стены вешалах, копья с костяными и металлическими наконечниками, кремневые и шомпольные ружья, скребки, ножи, теса, чумашки с узорами, слопцы, кулемки - уникальное в своем роде собрание.

Что еще удивило: череп мамонта. На луках и стрелах, на древках копий резное изображение мамонта: знак - тамга, свидетельствующий о древности рода. О своем тотеме - травоядном животном, вымершем в пору ледников, пропахавших всю Западную Сибирь вплоть до Алтая. Находили, знать, останки гигантов после оледенения, не однажды, знать, находили. Увековечили таким образом.

6

К кладбищу добирались болотом, полосой препятствия отгородившим хальмер от людских вторжений. Дятел-желна кричал "кви-а, кви-а", резко, протестующе как сучья ломал: мол, потревожили не ко времени, и неровным скачущим летом переменялся над рябым березняком и унылым ползучим чапижником.

С чувством нетерпения выбирается Николай Павлович из болота, и его со всех сторон объемлет медвяно-золотистое, призрачное. Льется крепчайший настой озона, серы, скипидара, еще чего-то хмелящего, удивительно взбадривающего. Покой удивительный. Вон векша прыгнула и замерла в развилке, наблюдает с любопытством. Синицы мелькнули. Дятел-желна опять пообижался в отдалении.

Извечно-величавое, первозданное вокруг, каким было и столетия назад, - естественный заповедник. И все это заставляло

Николая Павловича робеть и пастораживаться. Вон кладбище на сосняковой речине. Бугры могил с дарами. А эти усыпальницы и вовсе ухоженные, богатые. Расшитые затейливым национальным орнаментом оленьи кисы, малицы, мужские тканевые рубахи на них, новенький самострел, связки капканов, борцовские и охотничьи пояса. Матрена замерла в немом поклоне, и Нежданов понял: ее муж и родители похоронены. Их погребалища.

Дары от охотницы. Бесспорно, почитает усопших. Дай бы Бог так почитать русским, а то ведь забыли, что рано-поздно сами лягут во сыру землю и им будет соответственное внимание детей и внуков. Обвалятся ограды, забурьянеют усыпальницы. Так во многих случаях и есть. Рассеялись юные кто куда и забыли о последнем приюте породивших их.

У опушки бора петляла тихая, в оторочке черемух, протока. Там, в укроме, развели костер, поужинали коченым муксуном и жареными рябчиками, запили еду чаем с душицей. Вечер опустелся невесомо, исподволь сея всюду крапчато-рябые, как болотный березняк, сумерки. Солнце прощально позолотило согорники.

- Пора, - Матрена потушила костер и повела их с Микулем в бор. Вдруг справа, невысоко над головой, раздалось негромкое гортанное "так! так!". Пауза и снова: "так! так!". Уверенней, чаще, сливаясь в трель "тэ-ке, тэ-ке-трр...", которая тут же образовалась в нежно-муаровое "чч-чу-вия, чч-чу-вия... тэ-ке-тэ-ке...". В неприятельных шипяще-свистящих наголосах такие силища и удаль дух захватывает.

- Хозяин, - прошептала Матрена. - Самый главный юромка. Объявляет ток.

И точно: затэкали, заскиркали мошники, наперебой изошряются. Нежным стонущим квохтаньем поддакивают снизу копалухи. К ним на землю с шумом-хлопаньем падают кавалеры, выдвывают возле залхватские фортели, широченым веером распускают хвосты. Галантно раскланиваются: мол, вот каковы! Выбейте! И только главарь терпеливо правит роль дирижера, не вступает в заигрыванья - выше этого. Одно слово: хозяин.

На фоне заката отчетлив.

Под деревом его низким грудным стенанием зовет-манит курица "коок, коок" - и не может дозваться. Зеленошей визирь в перьевой справе важнецки вышагивает на толстом отлоге суку, выгордив и без того кругую бугристую грудь, наструнив шею. На фоне зари, как вычеканенный резцом, обозначен до перышка. С пестринами по брюху. А борода под клювом, ну, что за борода!

Боярская. Охмелевший от весны и тока, ничего не сторожится.

Глухариным игрищам здесь никогда не мешали, и главарь беспечен. Клокочет, как кастаньетами бьет, точенье устраивает ласковенькое, будто направляет ножичек. Да с напором, с напором! В тесном горловом пространстве звуки сшибаются, опережают друг друга.

Плоскоспинная, рыжевато-бурая курица принимается выбирать букашек под ногами, или же, обиженная равнодушием хозяина, делает вид, что выбирает, томит неподдающегося мошника стенанием. Не выдержал "дирижер", сорвался с величавой высоты, где терпеливо правил службу, упал рядом. Из разволнованной груди вместо обычного заключительного аккорда исторглось обрывчатое несвязное - сорвал поту. Досадливо хлопнул крыльями, мол, загулялись, пора честь знать. Довольно.

Ток стихал.

Тьма запечатала пространство, стерла золотисто-медвяное. Оттоковавшие мошники и подружки-копалухи устраивались на ночлег тут же, в бору, кто среди могил, кто на деревьях.

7

- Вечный круг жизни. Из Земли пришли, в Землю грянем, только не в одно время, - глубокомысленно и, как показалось Николаю Павловичу, обреченно вздохнула Матрена. - Грянем, а жизнь останется. Тем и хороша, что останется навсегда. Жаль, Иннокентий с родителями не дожили, не узнали про перемены... И жаль, и не жаль: меньше огорчений... Не увидели, как разрушили Югорию... Уже хорошо, может, сразились бы насмерть с покорителями края? Кто ведает... Крутые были мужики...

В это время в сорогнике прокричали спросонья журавли, словно в хрустальные склянки ударили.

- Это мне, - неестественно звонко вымолвила Матрена. - Слышу! - Приставив рупором ко рту ладони, закурлыккала, вызвав ответный клич с болота.

- Айда, мать, - тронул Матрену за плечо Микуль. - Чего при госте.

- Но ведь зовут. Сдавливают душу тоской и одиночеством. Сгину без вас, Микуль, и с вами в городе не могу. Не мое там. Останусь на третьей излучине.

- Навещать будем. Оставайся.

- Навещайте.

Благополучно за разговором миновали болото и ельник у обрыва.

В избе у Нежданова состоялся разговор с Микулем. Николай Павлович обстоятельно объяснил Прасину-младшему, что такое дисциплина на производстве и как отразится его отсутствие в управлении. Простое машины, невыполненными работами, задержкой заказчика и штрафными санкциями управлению - лишит премии многих, породит конфликтную ситуацию. Вот чем аукнется коллективу его Глухариний бор.

Убедительно объяснил.

Микуль не проронил ни слова, но утром собрался с Николаем Павловичем в путь. Матрена долго смотрела им вслед. Было в ее позе такое, что у Николая Павловича больно защемило сердце: последний раз видит. Предчувствие не обмануло: вскоре охотница умерла. Ее похоронили рядом с мужем и родителями, с шаманом Ойкой и прародительницей рода Сильгой. Отныне они неразлучны в Глухарином бору, на кладбище, именуемом хальмером.

А поезда по магистрали спешат, спешат, и невдомек им, что развалили чьи-то судьбы напополам и, не срастив их, отбросили прочь на обочину.

Судьба охотницы - одна из таких.

Леха и Лех

Каких только индивидов не встретишь на трассе. Иной словно нарочно выберет время и место, чтобы появиться и проявиться на ней, отыграть свою роль. Порой мимолетно, припесло и унесло попутным ветерком до очередной пристани. За таких как-то больно, стыдно... Но даже и среди мимолетних, кратковременных встречаются натуры самобытные, и, смотришь, иной поколесил, побродяжил и вернулся обратно, незаметно привязался к трассе. Стала она его судьбой.

Однажды появились на звеносборке стройпоезда две колоритные личности, постоянно сопутствующие друг другу. Леха - крупней, значительней; Лех - рыжеватый, щетинистый еж. Жиденькая шевелюра торчмя и куцая бородка, будто из медной проволоки. Брови и те скрасна, игольчатые. Шагали дружки-приятели неторопоко, важно, как может шагать только русский человек по исконно русской земле.

Севсибовцы-строители северной сибирской магистрали - "платались", что называется, на звеносборке по полсуток каждую смену, независимо от погоды и выходных. Выматывались. Леха и Лех явились как нельзя кстати - оба завязтые шутники. Такое звернут, что покатывались с хохоту. Леха тот еще сдержанней, а что до рыжего, хлебом не корми - дай побалагурить, словно поджигает его что внутри. И строителям разрядка от напряжения.

- Столкнулись вчера экскаватор с краном, - начнет. - У экскаватора сотрясение ковша, у крана стрела вира-майна дает и не может остановиться. ЧП...

- Ха-ха-ха...

- Хо-хо-хо...

Веселится путевская братия.

- Вот так-то, - Лех доволен произведенным эффектом. - Я однажды пришел на прием к врачу и говорю:

- Доктор, я ем-ем и не просто ем, а ем-ем. А то сижу-сiju и не просто сижу, а сижу-сiju. Что делать?

- Ну а он что?

- Иди, - говорит, и не просто иди, а иди-иди... из кабинета, дядя.

Снова смех.

Лех уже намеревается развить очередную байку про "доброжелательность" россияи, которые рассуждают: "Иван сидел? Сидел! Федор сидел? Сидел! Давай Мишку посадим, этот еще не сидел", но перекур окончен, бригадир Молчан командует:

- Кончай почевать!

Вываливают из вагончика в сумрак ночи, оживленные, развеселившиеся от недавних баск про российское единство по части зависти к ближнему и общей расхлябанности, беспечности. Конечно же, пьянства, которое возводят едва ли не в похвалу. Смех через слезы тоже помогает. Леха с Лехом стропили-цепляли трогами пачки шпал и рельсы на звеносборочный штабель подавали краном, готовые звенья ставили на ролики, чтобы угнать в резерв. Или шли.

Все умели, везде заметные.

Малорослый, с острыми выступами во всех сочленениях, Лех смахивал еще на гриб незнакомой породы: выглянул только что на божий свет и задается: мол, каков я, поглядите! Над Лехой он хотя и подтрунивал, следовал за ним всюду, как за поводырем, Леха трассовик бывалый, с Абакан-Тайшета. Рыжего к нему прибило на севере, когда плотничали в поселке. Неупывающий Еж быстро заморозил огрубевшего в бесконечных скитаниях, до суровости серьезного Леху.

Наблюдая повседневно более чем беспечного папарника, Леха начал склоняться к мысли, что жизнь скорее занимательна, чем сложна, и что усложняют ее сами люди, наворачивая вокруг главного, существенного кучу пустяков. Что сам он, Леха, как сучок в ствол дерева, врос в работу и не озаботился до сих пор жениться.

Впрочем, когда-то в молодости он попробовал это сделать, заключил брачный союз с хохлушкой из Красноярска, но уж слишком требовательной оказалась чернявая, хлопот не оберешься с ней, и, мотивировав разрыв извечным "не сошлись характерами", Леха обернул топор тряпкой, как всякий берегущий свой инструмент мастер, и покинул чернявую, квартиру ее и пышную перину. С тех пор не помышлял уже о семье: обжегшись на молоке, дуют, как известно, на воду. Мораль проста. Все откладывал на неопределенные сроки, ждал чего-то и прождал до тридцати шести. Очерствел ко всему, что не касалось работы. Заскоруздел. Исправно с расчета и аванса опорожнял бутылку "Столичной". Запьянев, бесцельно слонялся по поселку, досаждал встречным и поперечным нелыными разговорами, напевал что-то невразумительное, скандалил. А назавтра безропотно впрягался в работу, никогда не перемогаясь с похмелья.

Одним топором и жил. Тут он спец отменный и на редкость упорный. Готов "чертоломить" и в воскресенья, даже бесплатно. Денег у Лехи не считали, а тратить куда? В отпуска не ездит:

один. Одежда и та несменная - на работу и в праздник та же. В чем ходил, в том и спал.

Лех, невзирая на физическое превосходство Лехи, для начала обозвал его "кержаком" и деловито осведомился:

- Деньгу, стало быть, копите? На сберкнижку вносите или, по старинке, в чулок ховаете? В чулок не советую, ограбят. Сберкнижка к тому же с процентами. Глядь, через десяток лет - мультимиллионер, как наш Молчан-бригадир.

Леха никак не прореагировал на дерзость Ежа, и уязвленный безразличием Лех начал "садить" в упор безропотного коллегу по топору:

- В каком году до нашей эры брился? В кино ходишь? Книжки читаешь? Не читаешь! Да-а, темная твоя головушка, умрешь, не зная, зачем жил. А между тем есть Черное море и на берегу его шелестят, перезваниваются листвою платаны. Цикады трезвоют. Выйдешь из ялтинского дегустационного зальчика - ха-ра-шо! - поет душа, радуется. И прибой внизу, под берегом, в тон ей плещет волнами-накатами. Но что может сравниться с парадом морячков на Севастопольском рейде!..

Ничего такого не изведал Леха и подивился многознайству рыжего, именно это и спасло Ежа от выволочки. Но важен момент, Лех выиграл его и тем покорила неподступного Леху.

Протяжно, сострадательно взирал Леха на шустрого новичка, до откровения неумело и безалаберно вгоняющего топор в сырое свилеватое бревно, и после некоторых умозаключений изрек:

- Ты - Тарарушка!

- Что за поклеп? Какой такой Тарарушка? - оцетинился рыжий.

Невозмутимый Леха помедлил минут пять, помахал блистающим зеркально топором и, будто не для Лехи, а так, вообще, пояснил:

- Был у нас на Абакан-Тайшете паренек нездоровый на язык. Пользы на грош, только балаболить горазд. Тарара да тарара, заликает: жена-де у него в Москве - циркачка, подарила в день рождения заграничный галстук с пальмой, обезьянами, ну и, само собой, красотками на морском пляже... Короче, завирался. Вывели все же на чистую воду, гуртоправом из ближнего колхоза оказался.

- При чем здесь я? - взнялся Лех и для реабилитации тут же выложил биографию: беспризорник, скитался по детдомам Поволжья. Речица несла на себе суда различных водоизмещений и

назначений. Сигналы их, полновзвучные, протяжные, повисали над берегами. И опять не совладал с собой - бежал из детдома, с пересадками-перебежками спустился до Астрахани. Где-то на перепутьях услышал о полном тепле и света Черноморье и взял курс туда. Устроился юнгой на каботажное судно. В Одессе же познакомился с юной морячкой Феней, помощницей кока с нефтяного танкера.

Черное море было ее морем. На его просторах, под его баюканье взрослела. И больше всего на свете любила разноцветье воды, такой же переменчивой, непостоянной, как она сама. Лех ей про Поволжье, а Феня хоть бы что, похихатывает:

- Куда Поволжье до моей самой сней в мире прелести!

Разбидевшийся Лех поклялся никогда больше не водиться с настырной девчонкой, но впервые твердость изменила ему, снова и снова ждал встречи. Феня снисходительно посмеивалась:

- Куда денешься от меня?

- И денусь! - взыграл Лех, уволился с каботажного и подался было обратно в Поволжье, но по дороге примкнул к добровольцам, отправляющимся на Севсиб - северную магистраль. Оказался возле Ваха.

- Если так, то не Тарарунка, - согласился Леха, - но чем докажешь, что не врешь про море?

Лех расстегнул рубаху на груди, показал тельняшку.

- Память Черноморья!

Окончательно поверил Леха и с тех пор еще больше потянулся к веселому, беспашанному новичку.

Леху ничего не стоило исчезнуть дня на три из бригады. Потом оказывалось, что он заинтересовался лесорубством или укладкой рельсов.

Все ему прощалось за общительность и умение рассказывать - талант несомненный. Всюду Леха встречали дружески, благодушно. Когда лесорубство или другое занятие прискучивало рыжему, он возвращался к плотникам и невозмутимо спрашивал:

- Где моя секира?

И Леха подавал ему сохраненное орудие труда, журуя за непостоянство. К удивлению многих, Леха прекратил традиционные выпивки, иначе Лех жестоко пронизировал над ним при всем общем присутствии.

- Смотрите! - показывал на Леху. - Алкогольный индивидум. Изобрел дикарское удовольствие времени, когда еще люди ютились в пещерах и одевались в звериные шкуры. Зашибает по три сотни в месяц, а выходного костюма не имеет. Женщин не почи-

тает. Кержак кержаком.

Леха багровел, пыхтел, едва не набрасываясь на Леха с кулаками. А Еж урезонивал:

- Не кипятись, дядя, тендер дойдет. А тебе еще жить да наследников множить. Бобылем, что ли, собираешься покинуть мир?

Лех четко излагал свою философию, бил в наиболее уязвимое. Иногда они о чем-то секретничали, и безучастная физиономия Лехи при этом розоведа, оживлялась.

- Глюкозу вливает рыжий, - перемнивались плотники, однако не могли не заметить благотворной перемены в Лехе и смолкали. Леха повеселел, приличней стал одеваться, и, что самое любопытное, в нем проснулся юмор: шутил, остроловил, подобно Леху. Влияние явное.

На звездосборку оба явились во всеоружии. Перед пуском первого поезда до Нижневартовска плотников бросили на помощь путейцам. Раскисная земля захватывала по колени ноги, и сверху слякоть, пронизывающий ветер - дрожь прошибает. Кончат сборку, пролета и, пока раскладывают вносе рельсы, шпалы, идут погреться в вагончик. Случилось, разморенные теплом, уснули, никакими силами не вызволишь наружу в бешеную непогоду.

Тут распахивается дверь, и в белесом завихрении кружки врывается разъяренный крановщик:

- Вас сколько можно ждать?! Я не железный закаляться в кабине!

Не слышат... Спят утомленные. Еще больше взвинтился крановщик:

- Мне что, выключу механизм и буду полеживать, тариф идет! А вот вы, сдельщики, что запоете при полчке?

Не проняло. Устали, измотались люди, не до денег им.

Попробовал Молчан расшевелить, но и на воззвание старинного заворчали, заотнекивались.

Тогда, как по тревоге, приподнялся с пола Лех и спросил друга:

- Где сейчас Тарарушка? С какой якиается таркачкой?

- В "Метрополе" танцует канкан, - не растерялся понаторевший Леха.

И пошло-поехало... Зашевелились, задвигались рассолодевшие путицы. Лех с Лехом добавили "огоньку". Особенно последний - об удивительных приключениях на суше и море. Рассказывал его, как ни странно, верили скептические трасовики:

- Эх-ка, куда тебя заносило. Ну и парень. Ну и жоха.

Крановщик застыл у двери с разинутым ртом, пока ему не посоветовали:

- Прихлопни форточку.

В исповедах Леха шумела, бухала о берег вольная морская стихия. Ее такты, казалось, совпадали с нахлестами непогоды о качкие стены вагончика. Дребезжание жестянки на крыше создавало иллюзию перезвона корабельных склянок, а стреляющие в оконце градины - плескание солоноватых брызг на обкатанный прибором галечник. Острым винным запахом дурманили платаны, и в ступающей дымке убегали от надвинувшегося шторма под прикрытием бухт суда.

Глаза его возбужденно блестели, голос наливался сочностью и вибрировал.

Кто знает, куда бы увело импровизатора, если бы хладнокровный Леха не тронул Ежа за плечо. Знака было достаточно, чтобы тот осекся и последовал за Лехой в темноту. За ним гуртом повалили остальные, перебрасываясь:

- Ай да парника! Вот ублажил, позабавил! Как бы и в самом деле позагорали, понежились на юге. А про медуз как завернул - "раскрывшийся в атмосфере зонтик без ручки!"

"У Паустовского перенял, - вслух решил Молчан. - Краски моря, платаны, рыбачки под мальчишку, вроде Фени, всякое прочее у Константина Георгиевича..."

Но бригадир ошибался: Паустовского Лех не читал. Упрекая друга в необразованности, сам он к учебе, однако, не стремился, но обладал повышенной восприимчивостью. Из виденного-слышанного усваивал столько, что другому на это потребовалось бы специальное изучение.

В ту сумятную надолго запомнившуюся ночь зашли около километра звеньев, поставив таким образом рекорд. Увлечлись настолько, что не заметили новой смены - с неохотой уступили ей место.

Вот что значит воодушевление!

Кроме дара новострователя был у Леха дар слушателя - то, что питало его материалом для собственных изложений. Память у него отменная. Он помнил наизусть даты рождения и смерти царей, императоров, полководцев древности, их деяния, почерпнутые то с книжкой, то с журнальной страницей. Знал названия стертых с земли городов, всякого рода зверей, птиц, рыб, растительности Африки и населяющих ее народов. Легче перечислить то, чего не знал Лех... Мог рассказать о критической массе ядра урана, проблемах кибернетики, компьютеризации и освоения кос-

моса. Даже среди бывалых трассовиков Лех слыл уникальным.

Неожиданно он затосковал, захандрил, и это было столь несвойственно ему, что встревожились о здоровье Ежа. В первую очередь Леха. Впрочем, этот кое о чем догадывался.

Минула злочая, глухая зима, мартовское залихватское солнце раскислило снега, половодьем рассинелись дали. Лех в глубокой задумчивости смотрел в южную сторону, где выстреливала мириадами соленых брызг, накатывала на берег волна, пела на разные лады. Там была Феня. А главное, Лех каждой клеточкой обострившегося воображения чувствовал, что танкер сейчас готовится к очередным транзитным рейсам через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море, и Феня в полном поварском облачении орудует на камбузе тихохода, и лицо пунцово-красно от разгоревшейся плиты электроплиты. По соседству швартуется его каботажное, капитан Арам Исакович весело покрикивает в мегафон...

И Лех уволился. Огорченный Леха по такому случаю выпил крепко, выпил и задумался. Наверное, он размышлял о нецелесообразности встреч и расставаний. Когда же Лех собрал неказистый свой багаж, грустивший абориген трасс взял его сундучок, и пошагали они к парому. Апрельская подсохшая после снеготалицы дорога хорошо прощупывалась ногами, сама вперед подталкивала. Необъятное, цвета лазури небо, разноголосое птичье щебетание провожали Леха.

С переправы Леха вернулся как-будто успокоенный, с надеждой какой-то. "Может, сам готовите смазать лыжи?" - предположили путейцы. Но нет, Леха не помышлял об увольнении. Наверное, пообещал вернуться Лех? Да разве ж оторвешь его теперь от каботажного и строптивой Фени...

Минуло месяца два. В самый разгар лета, межень, когда вдосталь напитавшись земными соками хлеба, травы - все растительное вызревало в буйном стремлении продлить племя, Лехе вручили телеграмму: "Отдаем швартовы! Курс - трасса Лех. Феня". Радости адресата не было предела, он показывал всем телеграмму и приговаривал:

- Ай да Лех! Ай да рыжий! Уважил скорбящего.

Протекло еще недели две, вестей никаких, и Леха снова приуныл: "Или струсил чего? Или переназначили?". Но однажды на дороге, что от переправы к поселку, показались двое. В одном из них тотчас узнали Леха. Его спутница - девушка в матросской форменке и пастбашней флотской тельняшке, со взбитыми на голове кудряшками.

Путейцы без труда догадались, что это Феня. Лех ввел ее в

круг обступивших:

- Моя жена.

А Феня бойко подтвердила:

- Так оно и есть.

Веселая подобралась пара.

В поселковой столовой вскоре появилась новая повариха, а когда Леха вместе с другими плотниками перебросили за Сургут и потребовался там котлопункт, Феня возглавила его - не разлучилась с мужем.

Котлопункт - главное и единственное представительство общины на отвошанном лесном "пяточке". В моменты кормежек самое бойкое на участке место.

С неумело подведенными бровками, с закатанными по локоть рукавами, Феня походила на обосновавшегося в наспех сколоченном домике ежовца. Звенел ее задорный голосок.

Но самое примечательное, конечно, - с корабельным уклоном меню: щи по-флотски, макароны по-флотски и котлеты... Ешь не наешься!

Онускалась ночь. Обирав посуду, Феня переключалась в семейные сферы. Хозяйство у молодоженом немудрящее. Быстро справившись с делами, они выбирались под окна домика-временки, и начинался дуэт. Феня играла на гитаре, а Лех пел. Самозабвенно, сердцем. Феня подтягивала про "шаланды полные кефали", которые в "Одессу Костя приводил", про морячку Сою. К дуэту присоединялись Леха и все остальное мужское население из трех палаток. Слушала самодеятельный тайга, слушала ночь...

Километрах в трех от будущего разъезда прижилась леспрохозовская заимка Сурья. Туда навевывались за провизией и мало-помалу установили с обитателями ее контакт. Для закрепления его решили организовать для леспрохозовцев концерт. Идею подал Лех, остальные поддержали, посчитав нужным разнообразить программу стихами, сценкой из "Двенадцати стульев" - Остап Бендер и мадам Грицацуева, история их печальной взымонесовместимости. На роль Остапа выдвинули Леху, амплуа Грицацовой долгое время оставалось вакантным, ибо Феня по габаритам не соответствовала персонажу Ильфа и Петрова, а других женщин на участке не имелось. Оставался сурьянский резерв.

Поиски привели на лесопилку, где подавала бревна рамцику здоровенная Анисья Рыкованова. Даже крепкотелый Леха проигрывал рядом с ней в пропорциях.

Растолковали Анисье ее актерскую миссию, обрядили в платье под стать моде тех времен, и после трудных, но безуспеш-

ных ренетидий пошли на риск. Анисья настолько усердно топталась за Лехой по сцене, сшибала и расшибала самодельный реквизит, что Леха застыл и выразил с укоризной:

- Хватит придуриться, Анисья, обсудим серьезно: я - холостяк, и ты одинокая, чего играть в догонялки?

Онемевшая от изумления Рыкованова захлопала растерянно бесесоватыми ресницами, ее шпичное лицо от растерянности вытянулось, нижняя челюсть отвисла.

- Не одинокая я, с дитем. Девятый год катит Ванятке.

- Дите не в счет, прокормим. Я насчет мужика, такое ведь пронадаст добро.

- Мужика, верно, нет.

- Вот и я о том же.

Неискушенные зрители, полагая, что так полагается по тексту, оглунительно восторгались естественности объяснения. Когда же дошел до них истинный смысл диалога, в зальчике примитивного леспромхозовского клубика поднялся такой невообразимо-восторженный рев, что стены зашатались, готовые рухнуть.

Финалом всего стало соединение Лехи, Анисьи и ее девятилетнего отрока в семью. И это не без содействия Леха, тот проговорился, что сцену из романа и Анисью на роль Грицадуевой намеренно уготовил в жертву Лехиному аскетизму по женской части.

Операция удалась вполне.

Фене на кухню и в самодеятельность добавилась помощница. Что касается вокала, то у Анисьи выявился почти мужской бас, вполне соответствующий комплекции. Если подключалась к хору Лехина супруга, голос ее перекрывал все остальные, был слышен на занжке. Сурьинцы напряженно слушали и судачили:

- Возгудает Анисья, значит, счастливая! С горя не больно повозгудаеть.

Между тем на дружеском совете четверо заединщиков решили строить себе дом. Заготовили бревен, досок и вскоре встал на разъезде теремок в старорусском стиле - с резными оконцами, на коньке крыши взмахнувший крыльями деревянный петушок, друзьям помогли другие плотники, дело решилось споро. И внутри теремка узорчато, ладно - звено к звену, шов к шву. Доказали, что не перевелись еще на Руси плотники-искусники.

Необычно смотрелся теремок среди однотипных поселковых строений, веселил глаз. После работы выберутся хозяева на завалинку и под догорающим солнцем затынут:

Есть ли выюжное счастье,

Во Сибири лесной?

Наше счастье - причастье

К магистрали стальной.

В глухоманные дебри

И сургутскую даль

Полетят, словно ветры,

Молодцы-поезда...

Жизнь трассовая крута в изломах, неожиданна. Валшли как-то побратимы сухостойну для растопки, она и переломилась на несколько кусков,шибани.Леха. Потребовалось срочное медицинское вмешательство, а до ближайшей больницы верст семьдесят и притом водой. Леха доставил пострадавшего по назначению на лодке. Удалось эскулапам выходить Ежа. Из больницы к неопи-суемой радости ожидающейея троицы вернулся рыжий в добром здравии. Так и живут они в мире и согласии, подпирая друг друга плечами, выручая в большом и малом. И нет для них ничего дороже дружбы, порожденной дорогой, которую строили на века.

Поющий глухарь

Вечер был на изломе.

Отблески зари еще гуляли на зеленоватом склоне, как на стекле, мало-помалу уступая место ровной отпотелой сумеречности, понизу сливавшейся в глыбу.

Натыкаясь на деревья, цепляясь за ветки разлапистых елей, Новицкий упрямо продвигался к токовищу, которое он обнаружил минувшей весной, но так и не смог побывать на "охоте". То времени, то фотоматериалов не оказывалось, то еще какая докука мешала. Впрочем, химикаты, куда ни шло. Время! Вот в чем больше всего нуждался. Он вел еще клуб "Зоркий объектив", штамповал снимки для столичных и зарубежных изданий. Не миновал различного уровня фотовернисажей. Так увлекся "левачеством", что неоднократно получал нагоняй от редактора многотиражки, где работал.

После публикаций в "Комсомолке" и победных призов в Болгарии и Польше редактор круто переменял отношение к нему, с поткой подобострастия произносил при появлении Новицкого: "Мастер...", даже привставал со стула, всем видом выражая почитительность.

От поклонниц не было отбоя.

Чего греха таить, Новицкий любил похвалы, они побуждали его выискивать в каталогах-проспектах новые адреса для посылов - расширять зону влияния. По его же собственному признанию, он лез всюду, находил в металломе драгоценности. При съемках столь же неумолимо выбирал оригинальные ракурсы, темы, разнообразил технологию печати. В Обске редкая газета выходила без его снимков.

Обладая отменной восприимчивостью, старался взять лучшее, обогатить свои природные наклонности, учился где только мог. Художественный снимок - его конек, в конечном счете принесший ему известность, это от Зайцева, которого в тайне презирал, как явно презирал многих, считая себя "над ними". Без скидок на изъяны принимал лишь природу. В ней все ладно. Какой сосна родилась, такая и хороша. В людях Новицкий старался найти порок, дававший ему право на исключительность. С изъяном, значит, слабее его. Серость, слабость не входили в распорядок самого Новицкого.

Изъян он в конце концов находил, ибо безгрешных людей нет, и не без оснований считал себя психологом. В нем с детства жила потребность виикать в чужое, была своя манера виикнове-

ния: то нахалисто-агрессивная, с наскоку, а то - вкрадчиво-пристальная, когда намеренно опроцался до рубахи-парня.

И это "быть над другими", и ровниесе вокруг поклонницы, через которых, якобы "постигал апатомню красоты", его пенетовая работоспособность, жажда славы, повадки крадущегося к жертве зверя, готового сделать единственно необходимый решающий бросок - все это сочеталось и естественно уживалось в нем, не претя таланту. Быть может, даже усиливая его.

Прыжки были разные. Но все вели наверх, поднимая Новицкого на пьедестал, в ту особенность, какую принято называть Именем. Известность прибывала, уверенность взбухала соответственно, прыжки становились точней, беспромашней.

Художественный снимок, заимствованный у Зайцева, и призрастил Новицкого к природе, обязал гостевать на лесных грибах и у озер, всюду, где царил только вечный со своими законами мир покоя.

Мимолетным щелчком затвора запечатлевал то, что потом тиражировали, и на разные лады повторяли, многие редакции, с комментариями и без, давая понять, что Имя не нуждается в пояснениях. Снимком сказано все. И всякий раз томительное тепло охватывало Новицкого, укрупняло его в самом себе.

"Кто я? - думал он в такие минуты. - Сын прачки из Старого поселка, быть может, зачатый в ненасть на крестьянском подворье?! Кто я теперь? Новицкий! Уникум! Хотел и обрел. Не изобретен в науках, наделен другим даром. Не Джек Лондон и Максим Горький шли к университетам, они к ним. Я вроде них, выходцев из народа. Кто знает, как еще покорю мир и насколько? Большинство довольствуется средним достатком, тем, что отпустила судьба-планида. Мне надо гораздо больше: вдвое-втрое. Многократно. Я - вонтель несчетных сражений, приобретатель дармовых трофеев - наклонись и бери от щедрот зевак-простофиль. От природы величальной".

Зайцев не стал корифеем лишь потому, что не стремился к этому; разменял божий дар на газетную повседневку. Рядом с удачными фотозарисовками помещал скороспелые, на злобу дня, "улыбки", когда понуждают "Будь веселым!", и персонаж подчиняется, если даже ему совсем не весело. Привычка перерождается в штами, штами в бесталанность. Постепенно Зайцев перестал отличать сталь от шлака, исхалтурился и потерпел жизненное фиаско. Его покинула жена Натэлла с дочкой.

Помня о бедности матери в Старом поселке, подобно Зайцеву, живущей как попало, по воле обстоятельств, Новицкий тянул-

ся к дисциплине. Без нее — крах, прозябание. Это он уверовал твердо.

После краха Зайцева мог торжествовать: один в тропиках! Победитель! Но, странное дело, по-прежнему завидовал Зайцеву, поверженному на обе лопатки. Было в фотокоре городке газет что-то такое, чего не доставало Новицкому при всех его плюсах. Чего именно, Мастер не мог уразуметь и томился этим, воспринимая невольную загадку оскорбленным самому себе — психологу со стажем, для которого нет душевных тайн.

Зайцев с его явными минусами, человек без будущего, оставался все тем же неостигимым. В отличие от Новицкого никогда не скрыничал, не жаловался на судьбу и не искал славы. Если и пускался в "левачество", то неохотно, ослучая к случая, довольствуясь "Сиянием Севера". Словно нарочно козырял безразличием к тому, что для Новицкого давно составляло смысл его поведения.

"Чудак!" — пронизывал про себя Новицкий. — Не научился жить. Теряет походку и не оборачивается на потерянное. Что это — от истерзанной годами застоя русской натуры? Я слишком рано понял, что каждый для себя. Звезды неба лишь потому звезды, что не гнушаются отражать чужой свет. И с чужим отраженным светом они все равно звезды. Свет, даже отраженный, уже свет, и неизвестно, где он становится своим, истинным. Поди разберись. Талант зачастую тоже отраженный свет других, принимаемый за неподдельную истину".

Ведух он мало распространялся об этом, оставаясь на расстоянии, закрытым. Няным не бывал — остерегался самоисповедений, не курил. Одевался опрятно, со вкусом — современно. В военкомате ему самотеком "накачивались" звания. И он знал, что форма капитана будет к лицу.

Ему дали четырехкомнатную квартиру, взрелосевший сын твердил в голос: "Искать и искать, нана, само не найдется", частенько пускался с отцом в путешествия и даже пробовал снимать, писать заметки в газеты, обращая на себя внимание фамилией: сын того самого Новицкого! Как говорится, с кем поведешься, сын добавлял к престижу Новицкого-старшего выгодный балл по статье "семьянин". Подразумевалось, "хороший".

В гараже лоснилась черными бортами "Волга". Новицкий приобрел еще "иномарку". Часто совершал экскурсии за границу, и никто не мог заподозрить в Новицком страх потерять все это единым махом. Зайцеву нечего было терять, нечего и бояться. Мушкетер остерегается. И вот точку, где чувствовал себя в отно-

сительной безопасности, Новицкий усмотрел в природе.

Все больше его тянуло в уединенность ельника. Березники раздражали светлинной и обиженностью, а ельник за рекой Шаманкой магнитил сдержанностью, приносил успокоение и слитность с дремучей царственностью, в которой трудно выявить затерявшегося странника.

Но устоявшейся в нем привычке, Новицкий считал всех людей именно странниками, их путь от рождения до погоста не столь уж долог, и надо успеть взять свое, проявиться.

В ельнике не докучали чужие лица, голоса, взгляды... В нем вечность и монастырское благолешие, изначально рожденные великому, большому, каковым казался этот размахнувшийся в необозримости массив. В березниках далеко видно, там на миру как на смотру для всех, ему же хотелось побыть с самим собой и бесстрастной природой. Этого требовал и талант, угнетенный суетой города. Талант же требовал осмысления. Для чего живет? Вроде, ясней ясного, для чего, так ли, но есть Зайцев, которого не может понять, и, следовательно, не может снотна взять его непонятое в свой багаж. По слову, поступку, жесту, чувству не может разгадать тайну своего антипода. Новицкий усваивал и чувства, учился любить, ненавидеть, презирать и отвергать, учился нежности, застенчивости, настырности. На разные ситуации и проявления разные.

Больше всего ему доставало зайцевого бескорыстия, жизни за просто так, без погони за лидерством. У таланта свои законы, он не может довольствоваться лишь собственным пайком, иначе усохнет, оскудеет, как речка без ручьев. Талант гнал его в путешествия - познать новое, гнал на природу, заставлял менять обстановку и менять действия в зависимости от ситуации, меняться самому. Вся жизнь подчинять одной цели.

Его "Насмурный день" широко афишировали, местный поэт даже сочинил сонет, превознося на все лады завалившуюся изгородь, конешку сена поблизости, волгло-дымчатое с провесями туч пространство и козу на веревке, захлестнутой о кольцо. Сонет назвал "Грусть". Он вызвал у Новицкого при прочтении новое желание превзойти себя самого.

Очередной шедевр не давался, и Новицкий в тоске коротал дни, накапливая нестремимую неприязнь к им уже сделанному.

Ему, как Ван-Гогу или доктору Фаусту, подавай невозможное, чрезвычайное, если не больше. Он равнялся на великое. Может, несяк? Может, мало светлины березняков у Шаманки и вековечности ельника. Он заболел идеей непостижимого, как за-

болевает маньяк перед трагическим поступком. И это при его-то холодном рассудке? Он метался, скорбил, гневался. Он уже был не он, утративший внутреннее равновесие, в котором каждому нюансу свое пронумерованное место. Отринуться от самого себя, истолочься в пыль, развеяться по ветру! Довольно стремлений к вершинам! Жизнь бессмысленна, потому что вечна. В вечности нет предела, и значит, нет смысла - все одно мрак могилы. Для Зайцева, Нателлы, его самого. Нет бессмертных. Все стали прахом: вожди, художники, работяги.

Жизнь драматична, потому что коротка в одном человеке. Сильна множественностью.

С Зайцевым учились в одной школе, дружили. Вторжение нефти, Новый город никак не отозвались на однокласснике, воспринял, как должное, паломничество в здешнюю глушь и оторванность от больших дорог. Паломничество так паломничество, пусть так. Есть работа, и ладно. Не будет этой, обретет другую. Может пилить дрова, цедить серу в лесничестве, грузить мешки с цементом. Добудет на хлеб насыщенный.

Новицкому нефть дала Имя, ибо он хотел этого и лишь ждал случая, чтоб проявиться в обстановке. Благодаря многотиражке вышел на "люди". Его увидели, оценили. А дальше? Куда дальше и зачем? Для новой славы в родном Отечестве? Шедевр не давался, а дежурных "улыбок" не хотел...

В томительных скитаниях по лесу выправился в конце концов на ток за Шаманкой, колдовским поясом делившей светлицу и сумрачность, белоствольное и замшелое-лишайное, вековечно-осадистое, закоренелое. В ельнике, на первый взгляд неприступном, тропки, поляны с отрухляевшими остовами пней, валежниками, словно нарочно уготованными для обремененного думами. Сдесь первозданное. Для творчества. Во всяком случае, так казалось Новицкому. Если и бывают озарения, то лишь в природе.

Ему все мнилось, что кто-то незримый покушается на его успех, когтит мертвой хваткой. Кто-то незримый рядом поднытывается Новицким, вспухает, растет, засты дыхание и свет. И этого "кто-то" можно обезвредить лишь новым шедевром. О, как он ненавидел возможного соперника! Боялся и презирал.

Сбивши в кровь ноги, утомившись, опустился на валежину, как на лобное место, и затаился. Тишина. Ни хвоинка не упадет, не всплакнет птаха. Обволакивает, плотно, как одеялом, одевает сырость - спутница всех лесных трупоб.

Вдруг совсем близко: тэке-трр... Новицкий тотчас привскочил, взвел спуск затвора и принял упруго-выжидательную

позу. Вот оно долгожданное: то, к чему шел, чем томился! Он запечатлел поющего глухаря. Двурогий месяц на зеленоватом стекле зари, зубцы леса и царь-птица... Под песню, прыжками, ринулся вперед, едва не споткнулся о пень-трухлявину. Его больно хлестнуло заросевшей, кладбищенски холодной веткой по лицу, едва не вырвало из рук фотоаппарат. С трудом удержал равновесие. Прислонился к похилившейся елине, часто дыша...

И вдруг он увидел ЕГО - поющего глухаря на вершине дерева. Прорисованный отчетливо на фоне неба, с напряженной вытянутой шеей, напряженным туловищем, мошник. Голова приподнята вверх, крылья полураспушены. Даже борода под клювом заметна.

В нем уносные песни и этой месячной ночью с ее застойной свежестью. Небеса сопротивляются ночи. Им помогает заря и князь-месяц тонкими стеклянными лучами высветливает надмирье.

Мошник один на всем току, шальной какой-то, славит восторженно осень и эту ночь с игрой цветов и красок, всеми переливами: тэке-тэке-ттр... На зеленоватом стекле он... Пел, потому что не мог не петь, как Новицкий не мог не снимать. Свыше его сил не томиться предчувствием очередного шедевра.

Снова поймал птицу в объектив, щелкнул затвором. Дубли не помешают. Одновременно пришло облегчение, радовался, торжествовал... Будет шедевр! Жить надо, как на стометровке, без пауз - не терять формы, себя основного не терять... Как не теряет этот ельник с его движением соков, отмиранием и нарождением... Зайцев отмирает... Плохо, что не навесил после предательства Натэллы, не посочувствовал. У подножия решета беспрестанно, как труху, просеивают неудачников. Просеяли и одноклассника... Слабак... Хилых он не признает. Хилые у подножия.

Он, как этот глухарь, должен спеть свою песню, не растрачиваться на милосердие. Милосердие расслабляет, он не девка-сиделка... Боец... Все готовы перегрызть друг друга, ему завидуют. Готовы подсидеть. Верить только себе да природе. Выстоит... Кому что заповедано...

Глухарь исчез, сомкнулись створы зари, лишь месяцок молитвенно крошил церковную призрачность.

...А наутро Новицкому предложили уволиться. Редактору надоели его частые отлучки, его метания и непонятности. Он предпочел Зайцева с его солдатской исполнительностью и дежурными фотографиями-"улыбками". Многотиражке Зайцев нужнее.

Как сложится дальнейшая судьба Новицкого, не знаем. Время ему судья.

Оглавление

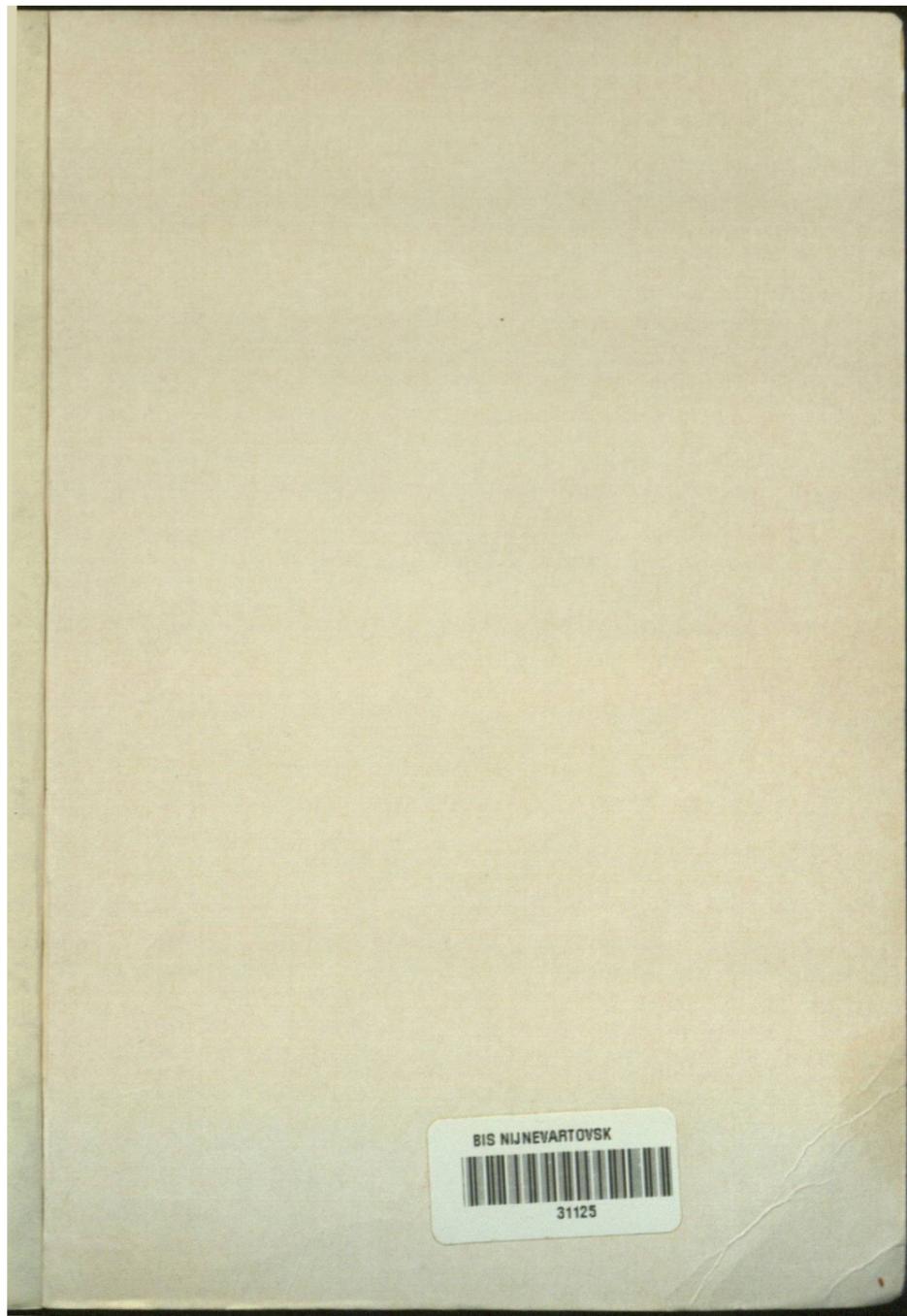
Получилась интересная книга. Э.Просецкий	3
Ханты не вымрут! А. Кауртаев	4
Начиналось это в Ларьяке	5
ПОД СЕВЕРНЫМ НЕБОМ	7
Звезда Анныга. Сказ	8
Посох-символ. Сказ	13
Наказ Торума. Сказ	20
Последняя радуга. Сказ	25
Трубка мира. Сказ	28
Учился Урусел доброте Сказ	30
Чаша для наставницы. Сказ	33
Пескаль Альвали пьрики. Сказ	36
Легенда Светлого озера. Легенда	39
Подарок Бату-хана. Легенда	42
Нюрюлькин хлеб. Сказ	45
Как богиня Добра сеяла тайгу. Сказ	48
Ценой жизни. Легенда	50
Добрый бубен. Сказ	53
Поэты и ветер. Сказ	58
И во мраке видеть вечное. Сказ	63
Два Никиты. Сказ	68
Олененок малый. Сказ	75
Жены Пуси-младшего и железная машина (по мотивам газетных хроник)	77
Узнать про Голландию. Рассказ	82
Чего не сумел Вавля. Сказание	92
ЖИЗНЬ ЖИВЫХ	109
Мятеж (из повести)	110
В одной связке	143
Уроки ликбеза. Повесть	145
Хозяйка понизовья. Повесть	277
Леха и Лех. Рассказ	302
Поющий глухарь. Повелла	312

С. Смирнов
Издательство
УО
.....
.....
.....

Нюролькин хлеб

**Николай Павлович Смирнов
Рисунок на обложке Е. Смирновой**

Сдано в набор 24.04.96 г. Подписано в печать 01.08.96 г.
Формат 60x44-1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура "Kudriashov". Тираж 1500 экз. Заказ № R-40/53
Издательство "Приобье" Нижневартовского района.

BIS NINEVARTOVSK

31125

